

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА
И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
СЛАВЯН
И
ВОСТОЧНЫХ
РОМАНЦЕВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА
И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
СЛАВЯН
И
ВОСТОЧНЫХ
РОМАНЦЕВ

МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1976

В книге освещаются проблемы этнической истории славян и восточных романцев в Центральной и Юго-Восточной Европе. Особое внимание уделено вопросам методологии и историографии. Отличительной чертой сборника является соединение работ специалистов разных отраслей науки — историков, археологов и лингвистов.

Редакционная коллегия:

В. В. ИВАНОВ,
В. Д. КОРОЛЮК (ответственный редактор),
Г. Г. ЛИТАВРИН, Е. П. НАУМОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

В 1970 г. в составе Института славяноведения и балканистики АН СССР был создан сектор древней истории и средних веков. В соответствии с реорганизацией Института славяноведения в Институте славяноведения и балканистики значительно увеличился территориально объем исследований медиевистов Института, который включает теперь проблематику по двум регионам — Центральной и Юго-Восточной Европе. Вместе с тем изменились и задачи ведущихся исследований, а также хронологические рамки. К исследованиям феодальной эпохи прибавился и широкий круг проблем, связанных с изучением (прежде всего, в плане методологии, источниковедения и историографии) славянского этногенеза, формирования ранне-средневековых народностей Центральной и Юго-Восточной Европы, этнической истории славянских и других балканских народов¹.

Для координации исследований в этой области и обеспечения комплексной разработки всего обширного круга теоретических вопросов в 1972 г. в Институте была создана межсекторская группа, в состав которой вошли некоторые сотрудники сектора древней истории и средних веков, а также лингвистических секторов Института. Группа ставит своей целью разработку вопросов методологии и методики исследований проблематики славянского этногенеза, выяснение характера исторического механизма образования нового этноса, организацию источниковедческих исследований, связанных с древнейшей историей славян, передвижением славянских племен на Балканы и в Дунайскую котловину, древними племенными связями западных и восточных славян, образованием славянских народностей и других народов в Центральной и Юго-Восточной Европе. Этой проблематике были посвящены доклады В. Д. Королюка, В. В. Иванова, Л. А. Гиндина, Э. А. Рикмана, публикуемые ниже (в первоначальном варианте два первых доклада были напечатаны в журнале «Советское славяноведение», 1973, № 3 и 4).

Вместе с тем, в связи с разработкой данной тематики сотрудники сектора принимали участие в сессиях Научного совета по комплексному изучению проблемы славяно-волошских связей

¹ См. подготовленные сектором сборники: «Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья (Киевская Русь и ее славянские соседи)». М., 1972; Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973.

и происхождения молдавской народности, созданного в 1970 г. при Академии наук Молдавской ССР. Ряд докладов, сделанных по различным вопросам истории славяно-волошских связей и истории владов, был опубликован: в 1971 г. отдельной брошюрой была издана работа В. Д. Корольюка «Волохи и славяне русской летописи», а в 1972 г. в сборнике «Юго-Восточная Европа в средние века» (т. I. Кишинев) были помещены доклады Г. Г. Литаврина «Влахи византийских источников X—XIII вв.», В. Д. Корольюка «О так называемой «контактной» зоне в Юго-Восточной и Центральной Европе периода раннего средневековья». На сессии Научного совета, проведенной в ноябре 1973 г. в Кишиневе, были заслушаны доклады Н. Н. Грацианской и В. Д. Корольюка «Проблема этногенеза моравских владов в современной чехословацкой историографии», публикуемый ниже, и доклад Е. П. Наумова «Волошская проблема в современной югославской историографии (средневековые влады западной части Балканского полуострова)»².

К названным работам примыкают также и другие опубликованные по данной тематике исследования. В их числе следует назвать статьи В. Д. Корольюка «Волохи и славяне «Повести временных лет»» («Советское славяноведение», 1971, № 4), «К вопросу о месте известий о волохах в «Повести временных лет» (там же, 1972, № 1), «Славяне, влады, римляне и римские пастухи венгерского «Анонима» (сб. «Юго-Восточная Европа в средние века», I. Кишинев, 1972), доклад Ю. В. Бромлея и В. Д. Корольюка «Славяне и волохи в Великом переселении народов» (сб. «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма». Кишинев, 1973), статьи В. Д. Корольюка «Контактная зона в Юго-Восточной и Центральной Европе эпохи раннего средневековья и проблемы ее этнической истории» («Советское славяноведение», 1974, № 1); «Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бессинтезного региона в Восточной и Центральной Европе» (Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975) и др.

В данной связи следует назвать также выпущенную в 1974 г. монографию В. В. Иванова и В. Н. Топорова «Исследования в области славянских древностей (лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов)».

Говоря о работе межсекторской группы, названной выше, необходимо отметить то обстоятельство, что в настоящее время группа включает только специалистов — историков и лингвистов. Сектор древней истории и средних веков должен пополнить состав сотрудников, прежде всего, историков-античников и археологов. Предполагается привлечь также к участию в работах сектора (и группы) и археологов, этнографов, фольклористов, установить

контакты со специалистами из Института археологии АН СССР, Института этнографии АН СССР, Института русского языка АН СССР, Института истории и Отдела этнографии АН Молдавской ССР и других научных учреждений АН СССР, АН БССР, АН УССР. Имеется в виду также и установление деловых научных контактов со специалистами по славянскому этногенезу в Польше, Чехословакии, Болгарии, Югославии и других странах.

Настоящий сборник, подготовленный сектором древней истории и средних веков и межсекторской группой, является только началом серьезных исследований по проблемам славянского этногенеза, переселения славян в Дунайскую равнину, в областях Балкан и на территории Одро-Лабского междуречья, а также образования восточных, южных и западных славянских народностей и формирования народностей Юго-Восточной Европы (восточные романцы, венгры, албанцы). Сборник включает работы, посвященные тем аспектам широкой проблематики этногенеза и этнической истории, которые в настоящее время в связи с состоянием ее разработки возбуждают особый интерес и вместе с тем определенные споры и расхождения оценок. Речь идет о подведении итогов и определении перспектив исследований в данной области, о важнейших вопросах методологии (на материале языка, археологических материалов, этнической терминологии).

Вслед за этим сборником сектором и группой были собраны материалы (статьи, сообщения и обзоры) для другого сборника по вопросам этногенеза и этнической истории восточных романцев. В ближайшем будущем в программе сектора и группы имеется подготовка следующих сборников: «Этимология названий славянских племен и перемещение славян в V—VIII вв.», «Этническое славянское самосознание (по письменным источникам до XIII в.)», «Этническое самосознание народностей в Центральной и Юго-Восточной Европе», «Полесье. Лингвистика, этнография, фольклор, топонимика».

Издание серии таких сборников (видимо, один раз в два года) сектора и групп тем самым даст возможность Институту установить связи и прочные контакты с научными центрами за рубежом.

Привлекая силы археологов, лингвистов, этнографов, историков, сотрудников различных институтов в государствах Центральной и Юго-Восточной Европы, сектор и группа смогут вскоре осуществить издание двух комплексных сборников: «Проблема этногенеза славян в современной историографии» и «Проблемы формирования народностей Центральной и Юго-Восточной Европы в современной историографии». Первый комплексный сборник намечается сдать в 1980 г., второй — в 1982—1983 гг. Оба сборника будут отправной точкой, прочной основой для больших, серьезных исследований этногенеза и глоттогенеза славян и сопредельных народов.

В. Д. Корольюк, Е. П. Наумов

² Резюме этих докладов опубликованы в сборнике «Историографические аспекты славяно-волошских связей». Кишинев, 1973.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ, ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

К ИССЛЕДОВАНИЯМ В ОБЛАСТИ ЭТНОГЕНЕЗА СЛАВЯН И ВОСТОЧНЫХ РОМАНЦЕВ

В. Д. Королук

Проблема этногенеза славян отнюдь не является новой для нашей отечественной науки. Она особенно энергично и многопланово разрабатывалась советскими исследователями в конце 30 — 40-х годов. Ею занимались такие видные историки, филологи, этнографы и археологи, как А. Д. Удадьцов, Н. С. Державин, С. П. Толстов, М. И. Артамонов, Б. А. Рыбаков, П. Н. Третьяков и др.¹ Правда, работы их охватывали главным образом восточнославянский ареал². Происхождение западных славян как самостоятельное и важное направление работы практически не привлекало внимания наших исследователей. Не разрабатывались самостоятельно и вопросы этногенеза восточных романцев. Несколько лучше обстояло дело только в области южнославянской проблематики. В связи с резко ошутимым оживлением интереса к истории Византии именно с конца 30-х годов стали довольно систематически изучаться вопросы славянских переселений на Балканы и славяно-византийских отношений³.

Два обстоятельства, хотя принципиально и совершенно разного значения, определили в те годы особую заинтересованность этногенетической проблематикой нашей науки. Советские историки, археологи, лингвисты и этнографы вели свои исследования

в условиях непримиримой конфронтации с расистской идеологией гитлеровской Германии, отрицавшей какие-либо способности славянских народов к самостоятельному политическому, экономическому и культурному развитию. Трактовке славян как низшей расы надо было противопоставить свою, научную трактовку, чуждую какого-либо расового высокомерия и расовых предрассудков. Конфронтация с расистской идеологией придавала работам советских ученых высокое гражданственное звучание, пафос гуманности, пафос подлинно человеческой защиты прав всех народов, больших и малых.

В то же время интерес к этногенетической проблематике обуславливался, правда, только кажущимся, но все же достаточно прочно закрепившимся в широких кругах нашей научной общественности, убеждением, что теоретические основы этногенетических исследований вполне обеспечены так называемым новым учением о языке акад. Н. Я. Марра. Само собой разумеется, что работы, опирающиеся на единую теоретическую модель, исходящие из методологических принципов одной и той же так называемой яфетической теории, было сравнительно легче планировать и координировать.

В дальнейшем, однако, именно это обстоятельство, т. е. безраздельное господство в этногенетических исследованиях яфетической методологии, сыграло крайне отрицательную роль в судьбе отечественной историографии, посвященной вопросам славянского этногенеза. Как только в начале 50-х годов в результате широкой дискуссии по вопросам языкознания вскрылись определенные пороки учения о языке акад. Н. Я. Марра, оказавшие тормозящее воздействие на развитие наших лингвистических исследований — важнейшего компонента этногенетических исследований, пачался бросающийся в глаза отход от проблематики славянского этногенеза в нашей науке. Предлагавшиеся ранее концепции происхождения славянского или славянских этносов были признаны теоретически несостоятельными⁴. В течение довольно длительного времени не предпринималось сколько-нибудь серьезных попыток заменить старые схемы новыми. Особенно остро ощущался отход от проблематики славянского этногенеза в среде археологов, до того активно участвовавших в его разработке.

Перелом наступил только в конце 50—60-х годах. Но прежде чем коснуться этого перелома, следовало бы подвести некоторые итоги этногенетических исследований конца 30—40-х годов.

Несмотря на несомненную неудачу тогдашних теоретических и конкретно-исторических построений в области этногенетических процессов, особенно в области славянского этногенеза, в нашей науке тех лет было сформулировано несколько важных позитивных принципов, сохраняющих свое определяющее значение и се-

¹ Здесь нет необходимости давать подробную библиографическую справку о работах 30—40-х годов. Соответствующие библиографические указания содержатся в книге «Советское славяноведение. Литература о зарубежных славянских странах на русском языке (1918—1960)». М., 1963; см. также: Королук В. Д., Толстой Н. И., Хренов И. А., Шептунов И. М., Шерлашова С. А. Советское славяноведение. Краткий обзор литературы. 1945—1963. М., 1963.

² См., например: Этногенез восточных славян, т. I. Материалы и исследования по археологии СССР (далее — МИА), т. 6. М.—Л., 1941.

³ Детальный обзор литературы по этой проблематике см.: Удадьцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, с. 44—61, 70—79.

⁴ Против вульгаризации марксизма в археологии. М., 1953.

годня. Из принципов этих в первую очередь следует назвать следующие.

1. Признание, что этногенетические исследования по самому своему существу требуют организации комплексной разработки проблематики силами историков, археологов, антропологов, лингвистов и этнографов, что эта проблематика не может считаться исключительной областью какой-либо одной из общественных наук.

2. Научное обоснование того факта, что изучаемые в настоящее время древние этнические процессы, в том числе и процесс славянского этногенеза, не являются процессами биологическими, что в древности нет расово-однородных этносов, что все известные в науке этносы прошли длительный путь развития, характеризующийся сложными явлениями этнического смешения, языкового скрещивания и культурного взаимодействия.

3. Из этого вывода следует, в свою очередь, вывод, что этнические процессы следует рассматривать как социально-экономически обусловленные, трактовать их как процессы общественные, т. е. исторические в полном смысле слова.

4. Признавая доминантой исторического развития усиливающиеся по мере приближения к современности процессы культурного сближения человечества, нет оснований рассматривать этногенетические явления как явления прямолинейные, однонаправленные, ибо параллельно с явлениями этнической и языковой интеграции постоянно происходили противоположные им процессы этнической и языковой дифференциации на основе специфики социально-экономического развития этносов и их сложных взаимоотношений.

Как уже говорилось, резкое снижение активности в области этногенетических исследований было явлением временным. Уже с конца 50 — начала 60-х годов и особенно с середины 60-х годов эти исследования были возобновлены вновь в достаточно солидных масштабах. Правда, как и ранее, предметом монографического изучения оставался главным образом восточнославянский ареал, а наибольшую активность проявляли археологи. Стали появляться крупные исследования, из которых здесь следует назвать в первую очередь работы П. Н. Третьякова⁵, В. В. Седова⁶, И. И. Ляпушкина⁷. К проблематике восточнославянского этногенеза обратились также лингвисты⁸ и антропологи⁹.

⁵ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966; *он же*. У истоков древнерусской народности. Л., 1970.

⁶ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.

⁷ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. Л., 1968.

⁸ См., например: Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962; *он же*. Некоторые проблемы славянского этно- и глоттогенеза.— «Вопросы языкознания», 1967, № 3; Б. В. Горнунг. Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963, и др.

⁹ Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969; см. также: Алексеева Т. И. Антропологические материалы по этногенезу вос-

Здесь нет необходимости подробно характеризовать литературу последних лет. В задачи автора не входит попытка дать, хотя бы и в обобщенном виде, библиографическую справку о состоянии отечественных исследований в области славянского этногенеза в настоящее время. Для целей этой статьи достаточно подчеркнуть сам факт активизации этногенетических исследований, указать на развернувшуюся, хотя и далеко не законченную еще в нашей науке, дискуссию по вопросам этнической принадлежности зарубинецкой и черняховской археологических культур, их места в этногенезе славян Восточной Европы. Существенно расширились и советские исследования, посвященные передвижениям славян на Балканах и славяно-византийским отношениям¹⁰. Важно также, что в разработке этих вопросов теперь участвуют не только историки и филологи, как прежде, но и большая группа археологов. Речь идет об исследованиях Г. Б. Федорова¹¹ и его молдавских учеников¹². В результате этих исследований значительно продвинулось вперед изучение так называемой Балкано-Дунайской культуры, по общему убеждению, чрезвычайно важной для правильного понимания этнических процессов, закончившихся формированием болгарской народности, и, как полагают некоторые исследователи¹³, не менее существенной для изучения проблемы происхождения восточно-романских народностей. Не случайно эта культура в болгарской литературе именуется культурой Первого Болгарского царства, а в румынской — культурой Дриду. Сопоставление ее с так называемой салтовско-маяцкой культурой, тесно связанной с хазарским каганатом¹⁴, как будто бы действительно позволяет в настоящий момент, хотя бы частично, ставить вопросы ее этнической характеристики.

точных славян.— «Советская археология» (далее — СА), 1964, № 3; Великанова М. С. К антропологии средневековых славян Прутско-Днестровского междуречья.— «Советская этнография» (далее — СЭ), 1964, № 6 и др.

¹⁰ Обзор их см.: Удальцова З. В. Указ. соч., с. 165—194.

¹¹ Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э. М., 1960.

¹² Кратко некоторые итоги этих исследований подведены в работе: Федоров Г. Б. Древние славяне в Прутско-Днестровском междуречье. М., 1969; *он же*. Итоги и задачи изучения древнеславянской культуры Юго-Запада СССР.— «Краткие сообщения Института археологии АН СССР» (далее — КСИА) 1965, № 105. Библиографический материал собран в брошюре: Бейли-кчи В. С. Библиография по археологии Молдавии (1941—1966). Кишинев, 1967.

¹³ Из молдавских исследователей здесь прежде всего следовало бы назвать И. Г. Хынку. (К вопросу о соотношении восточно-славянской и Балкано-Дунайской культур лесостепной полосы Молдавии.— «Труды Государственного Историко-краеведческого музея МССР», вып. II. Кишинев, 1969). Не вполне ясным остается вопрос о хронологических рамках Балкано-Дунайской культуры. Обычно она датируется VIII — началом XI в. И. Г. Хынку видит, однако, возможность в рамках Молдавии относить ее упадок к XIV в.

¹⁴ Подробнее о салтовско-маяцкой культуре см.: Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967.

В области лингвистики наиболее продвинутыми в настоящий момент, по-видимому, следует признать исследования гидронимии, в первую очередь, гидронимов верхнего Поднепровья и Поднестровья¹⁵. Важные результаты дало при этом сопоставление славянских и балтийских гидронимов и топонимов. В предшествующий период внимание привлекали прежде всего славяно-иранские сопоставления. Эти работы наших лингвистов позволили значительно более четко и определенно трактовать проблематику так называемой балто-славянской языковой общности, уже давно привлекавшую внимание лингвистической науки как в нашей стране, так и за рубежом. «Общий балто-славянский фонд» оказалось возможным рассматривать как историческое, стоящее в ряду сложных этногенетических процессов, явление¹⁶.

Итак, в настоящее время есть основания говорить не только о простом оживлении интереса в нашей науке к этногенетическим исследованиям, но и довольно явственных конкретных результатах, достигнутых на протяжении последних десяти—пятнадцати лет.

Пытаясь оценить эти результаты в целом, не вдаваясь в детали, даже чрезвычайно существенные, важно, как кажется, подчеркнуть следующие моменты:

1. Совершенно очевидно расширение ареала археологических исследований, выход за пределы сугубо восточнославянской этногенетической проблематики в сторону частично западнославянской, но особенно южнославянской и восточнороманской¹⁷.

2. Резкое, оказывающее подчас очень сильное воздействие на итоги работы археологов, усиление лингвистических исследований, особенно в области изучения гидронимии и топонимики.

3. Становящееся все более заметным участие антропологов в разработке отдельных конкретных проблем происхождения славян, причем, не только восточных, но частично южных и даже западных, а также и восточных романцев. В

4. Накопление большого нового фактического материала, главным образом при изучении зарубинецкой и черняховской, а попутно пшеворской и других культур, побудившее к пересмотру старых этногенетических схем и вызвавшее, пусть и не завершённые,

¹⁵ Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья. М., 1962; Трубачев О. Н. Название рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968; ср. Петров В. П. Этногенез славян. Джерела, етапи розвитку, проблематика. Київ, 1972, с. 55—108.

¹⁶ Топоров В. Н. К вопросу о топонимических соответствиях на балтийских территориях и к западу от Вислы. — «Baltoslavica», 1966, № 1/2; Иванов В. В., Топоров В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1958; Петров В. П. Указ. соч., с. 105—108.

¹⁷ О расширении ареала археологических исследований свидетельствует и появление такого рода изданий, как книги: Кузаренко Ю. В. Археология Польши. М., 1969; Федоров Г. Б. и Полевой Л. Л. Археология Румынии. М., 1973.

но плодотворные дискуссии в археологической науке, дискуссии, поставившие на повестку дня важные проблемы теоретического порядка, в частности о соотношении этноса и региона распространения археологической культуры.

5. Бесспорно продолжающееся преобладание в этногенетической проблематике археологов, стремление именно за археологией оставить решающее слово в вопросах этногенеза вообще, славян и даже восточных романцев, в особенности.

Последнее замечание несколько, разумеется, не умаляет значения лингвистических или антропологических исследований. Но даже если признать, что лингвистам и антропологам в истекшие десятилетия — пятнадцать лет удалось достигнуть, как кажется, наиболее прочных научных результатов, приходится констатировать все же тот факт, что только археологами в эти годы были предприняты попытки дать крупные обобщающие исследования, в то время как языковеды ограничивались лишь попутным, беглым изложением своих взглядов на проблемы славянского этногенеза¹⁸, а наши антропологи, лишь недавно обратившиеся к общеславянской этногенетической проблематике, естественно, и не могли еще выступить с трудами такого порядка. Положение это не было, конечно, результатом случайного стечения обстоятельств. Оно, думается, объясняется двумя основными причинами: интенсивным развитием археологических работ, приведшим к необычайному расширению именно археологической источниковедческой базы исследований (обстоятельство это нашло яркое отражение в огромной публикаторской деятельности наших археологов; здесь, пожалуй, достаточно указать только на такое монументальное издание, как «Археология СССР. Свод археологических источников», осуществляемое по инициативе и под общей редакцией Б. А. Рыбакова), и твердым убеждением, причем не только археологов, что именно археологические источники прежде всего способны обеспечить успех изучения этногенетических процессов.

Такое убеждение неоднократно и недвусмысленно высказывалось нашими ведущими археологами, исходящими из постулата о соответствии этноса и археологической культуры¹⁹, что не мешало, правда, таким дальновидным исследователям, как П. Н. Третьяков, прямо формулировать тезис о неразработанности теоретической базы этногенетических исследований в области археологии²⁰. Более того, в среде археологов неоднократно раздавались голоса, призывающие к пересмотру установившегося взгляда на археологическую культуру как безусловный показатель некой бывшей

¹⁸ Ф. П. Филин. Образование языка...; ср. Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961 и др.

¹⁹ Третьяков П. Н. Итоги археологического изучения восточно-славянских племен. — В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961; Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 3.

²⁰ Третьяков П. Н. Этногенетический процесс в археологии. — СА, 1962, № 4.

этнической общности, рекомендовавших осторожность в этнической интерпретации данных археологии²¹.

Фактом, однако, остается, по признанию самих археологов, то, что все они «исходят из этого допущения (о соответствии этноса археологической культуре.— В. К.) в своей практической работе, даже те, кто выступал или выступает против такого утверждения»²².

Непрочность этой либо формулируемой теоретически посылки, либо только практически применяемой в работе стала вскрываться, однако, сразу же и с полной очевидностью, когда исследователи, стоящие на одинаковых методологических позициях, перешли к конкретной разработке проблем происхождения восточных славян. Одна и та же археологическая культура — зарубинецкая — с помощью принципиально не отличающихся друг от друга методов ее этнической интерпретации стала признаваться одними исследователями славянской (П. Н. Третьяков), другими — принадлежащей балтам (В. В. Седов). Показательно при этом, что отсутствие, во всяком случае на данном этапе изучения этногенетических процессов, разработанной на собственно археологическом материале системы критериев этнической дешифровки археологических культур, привело к резкому усилению в археологических исследованиях аргументации, основанной на данных лингвистики. При этом, если судить по противоречивости результатов, эти данные подбирались подчас довольно субъективно, без достаточного учета того реального значения, которое придавали им сами языковеды.

Слабость основной теоретической посылки (т. е. соответствие этносам археологической культуры) не могла не повлиять и на ход дискуссии об этнической принадлежности черняховской культуры. Отнюдь не случайно в настоящее время вырисовывается компромиссный подход к решению этого вопроса в нашей археологической литературе. Таким компромиссом, бесспорно, является находящая себе все большее число сторонников трактовка ее как полиэтнической²³. И дело здесь совсем не в самом тезисе о полиэтничности, который представляется приемлемым. Этот тезис является скорее результатом общ исторических соображений, чем усовершенствования методики этнической дешифровки археологических источников.

Не случайно и постановка вопроса о славянских элементах в черняховской культуре, по данным археологии, при признании

отсутствия ее генетических связей со славянской культурой VI — VII вв. основывается прежде всего на соображениях общ исторического порядка и фрагментарных сведениях письменных памятников (Певтингеровы таблицы)²⁴. То же самое приходится констатировать и при оценке попытки этнического переосмысления археологами таких культур, как лужицкая, поморская, пшеворская и т. д. Подчеркивание здесь этих обстоятельств не означает, конечно, что археологи не должны обращаться к данным письменных источников или пытаться совместить выводы своих конкретных исследований с общей картиной исторического развития изучаемого региона. Как раз наоборот — иначе они перестали бы быть историками. Дело, следовательно, не в методологии археологической науки как науки исторической, а в методике этногенетических исследований, осуществляющихся на археологических материалах. Аргюи можно, конечно, утверждать, что каждому этносу, живущему компактно на четко очерченной территории, должна соответствовать определенная материальная культура, признаваемая этносом своей собственной, поскольку она соответствует условиям его хозяйственной жизни. Компактно расселившийся этнос имел свою материальную культуру, которую изучают археологи. Иное дело найти признаки принципиального различия материальных культур различных этносов, живущих в аналогичных природных условиях и имеющих одинаковый тип хозяйства. Именно здесь возникают осложнения, побуждающие археологов ставить вопрос о необходимости выделения в материальной археологической культуре элементов, так сказать, этнопоказательных, детерминирующих ее этническую обособленность²⁵. Между тем, именно надежной методикой вскрытия этнических детерминативов в материальной культуре археология в настоящее время не располагает. Вполне понятно поэтому, почему подчас принимаемые за такие детерминативы форма и характер жилища, поселения, обряд погребения и другие часто при тщательном рассмотрении оказываются явлениями, определяемыми географической средой, типом хозяйства или широко распространенной формой идеологических, религиозных воззрений. Можно даже указать на примеры, когда в зависимости от типа хозяйства (земледелие, пастушество, например) одному этносу соответствует не один, а два (или более) типа материальной культуры.

²¹ Монгайт А. Л. Археологические культуры и этнические общности. «Народы Азии и Африки», 1967, № 1; Каменецкий И. С. Археологическая культура, ее определение и интерпретация. — СА, 1970, № 2; Клейн А. С. Проблема определения археологической культуры. Там же.

²² И. С. Каменецкий. Указ. соч., с. 35.

²³ Рикман Э. А. Население Днестровско-Прутского междуречья в первых столетиях н. э. — КСИА, 1969, № 119; он же. О фракийском элементе в черняховской культуре Днестровско-Дунайского междуречья. — КСИА, 1971, № 121.

²⁴ Рикман Э. А., Рафалович И. А. К вопросу о соотношении черняховской и раннеславянской культур в Днестровско-Дунайском междуречье. — КСИА, 1965, № 105, с. 46; ср.: Кротошкин В. В. Клады римских монет на территории СССР. — «Свод археологических источников» (далее — САИ), Г4-4, 1961, с. 31, 32. Ср. Ранне-средневековые восточнославянские древности. Л., 1974 (предисловие П. Н. Третьякова), с. 4—7.

²⁵ См., например: Побаль Л. Д. Славянские древности Белоруссии. Минск, 1971, с. 140—143 и др. Бідзля В. І. Історія культури Закарпаття на рубежі нашої ери. Київ, 1971, с. 177.

Так возникает вопрос о принципиальной правомерности суждений об этносе на основе данных сохранившейся от него материальной культуры. Этот вопрос в нашей литературе не нов. Тезис о соответствии этноса и археологической культуры был решительно атакован еще в конце 50 — начале 60-х годов лингвистами, подчеркивавшими, что язык не тождествен культуре и что нельзя отождествлять археологическую культуру с древними этническими единицами²⁶. Решительных противников этот основополагающий тезис археологов-этногенетиков встретил, как уже говорилось, и в среде самих археологов²⁷.

При таком положении и при наличии диаметрально противоположных суждений о ходе этнических процессов у исследователей, оперирующих одним и тем же материалом источников, едва ли вызовут удивление горькие признания археолога И. И. Ляпушкина: «Некоторые исследователи, — пишет он, — предпочитают определять принадлежность славянам тех или иных памятников без проверки связи их с достоверными славянскими памятниками, а исходя лишь из того положения, что в более позднее время на данной территории обитали славяне. А, проще говоря, делается это «на глазок», по интуиции. Беда такого подхода состоит не только в том, что мы затрачиваем силы, средства, а также теряем время — что, конечно, имеет свое значение, — сколько в том, что частые изменения во взглядах на историю славянского мира, которые имеют место при таком подходе, создают весьма недоброжелательный настрой к нашей науке, особенно, когда эти повороты совершаются с молниеносной быстротой под углом в 180°, без какого-либо заметного к тому повода»²⁸.

Сам И. И. Ляпушкин видит выход из создавшегося положения в обращении к ретроспективному методу, чтобы, отталкиваясь от достоверных славянских древностей X—XIII вв., постепенно углубляться в прошлое²⁹.

Ретроспективный метод не вызывает и не может, конечно, сам по себе вызвать возражений. Однако ретроспекция, построенная исключительно на археологическом материале, таит в себе, как кажется, неминуемую неточность и неполноту выводов. Главным при этом являются два следующих соображения:

²⁶ Филин Ф. П. Образование языка..., с. 72.

²⁷ Обзор мнений по этому вопросу см.: Артамонов М. И. Археологическая культура и этнос. — В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С возражениями против тезиса о совпадении этноса и археологической культуры выступает польский исследователь В. Генсель (*Hensel W. Archaeologia i prahistoria. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk*, 1971, s. 465—492); Петров В. П. Указ. соч., с. 114—116. Не имея возможности здесь дать сколько-нибудь полный обзор зарубежной литературы вопроса, сошлемся только на детальный анализ проблем соответствия археологической культуры этносу в работе западногерманского археолога Р. Венскуса (*Wenskus R. Stammenbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen Gentes. Köln-Graz*, 1961).

²⁸ Ляпушкин И. И. Указ. соч., с. 27.

²⁹ Там же, с. 26.

1. Нет оснований полагать, что все последовательно сменявшиеся друг друга на какой-либо определенной территории археологические культуры уже открыты и выявлены, наоборот, есть все основания думать (и это подтверждает прогресс археологических исследований), что полностью достичь такого выявления, быть может, и не удастся и что построенная на имеющемся материале нисходящая цепь археологических культур, выделенных к тому же не всегда по единому признаку или по ряду вполне сопоставимых признаков, будет отнюдь не идеальной.

2. Материальная культура некоторых этносов, во всяком случае, этносов, практиковавших отгонное пастушеское скотоводство в качестве основного типа хозяйства при вспомогательном характере земледелия, судя по этнографическим данным³⁰, такова, что рассчитывать на обнаружение значительных следов ее в археологических раскопках, в сущности, не приходится.

Сложность положения усугубляется трудностью, рискованностью и при всех условиях неразработанностью принципов сопоставления данных археологии и лингвистики, не говоря уже о данных антропологии. В самом деле, как сопоставить лишённые твердых хронологических показателей данные языка (что не исключает возможности датировать отдельные языковые явления по материалам смежных дисциплин) с более или менее хронологически (или даже только стратиграфически) определенными данными материальной культуры? Одним из главных камней преткновения, кстати сказать, здесь оказывается имеющее принципиальный характер положение лингвистики о языке-основе, в данном случае, о праславянском языке — основе праславянской языковой общности. Лингвисты, оперируя этим понятием, часто подчеркивают, что нет возможности локализовать его в пространстве и времени³¹. При таком положении можно понять, конечно, затруднения археологов, но едва ли можно оправдать попытку практически отбросить это понятие, отказаться от него в своих исследованиях, ссылаясь на факт исторического развития языка, как это делает В. П. Петров³².

Очевидно, дело все же не в мифичности понятия праславянской языковой общности, а в явном несовершенстве методики комплексных этногенетических исследований, основанных преимущественно на археологических источниках, как, в свою очередь, несовершенстве аналогичных исследований, исходящих главным образом из данных языка. Ведь не более результативным оказалось для решения этногенетических проблем и сопоставление данных археологии и антропологии, антропологии и лингвистики, что побудило некоторых археологов выступить с предложением заменить понятие этногенеза понятием глоттогенеза, считать ре-

³⁰ См., например: Карпатский сборник. М., 1972.

³¹ Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, с. 12, 13.

³² Петров В. П. Указ. соч., с. 114, 115.

шающим не этнические, а только глоттогенетические процессы³³. На первый взгляд такая подмена понятий — процессов может показаться даже вполне оправданной. В качестве доказательства ее правомерности можно было бы сослаться и на процесс романизации, сопровождавшийся распространением латыни как общеразговорного языка в Римской империи, на тюркизацию албанцев Азербайджана в результате исламизации и сельджукского завоевания, наконец, на несомненно сохраняющиеся черты местного фракийского и иллирийского субстратов в антропологическом типе южнославянских народов³⁴.

В пользу такой подмены свидетельствует как будто бы и принятое в этнографии правило, гласящее, что в то время, как изменение физического типа этноса требует процесса этнической метизации, усвоение культуры и языка может происходить и без скрещивания этносов. Язык и культура могут распространяться независимо от антропологических типов, но антропологические типы никогда не распространяются без культуры и языка³⁵.

Вопрос этот, однако, при более внимательном рассмотрении оказывается более сложным. Современные этнические процессы, действительно, свидетельствуют в пользу возможности усвоения этносом языка и культуры другого этноса, однако, в условиях их тесных политических, экономических и культурных связей, при полном культурном преобладании одного из этносов. Такое культурное преобладание при политическом и социальном подавлении подчиненных этносов, несомненно, было в Римской империи. Романизация здесь была прежде всего выгодна господствующим классам или слоям покоренных народов, обеспечивая им определенный социальный аванс. Миллионная армия, находящаяся в тесном контакте со снабжавшим ее всем необходимым местным населением, тоже была могучим рычагом романизации. Смена религии и связанных с нею обычаев, политическое и социальное подавление определило деэтнизацию албанцев. Существенно иначе складывались обстоятельства на Балканах, где не было культурного преобладания славян, а массовое заселение ими полуострова достаточно хорошо доказывается письменными источниками. Показательно при этом, что не вся территория, первоначально освоенная славянами, подверглась славянизации. В Пелопоннесе, например, в конце концов возобладал процесс эллинизации³⁶.

³³ «Український історичний журнал», 1958, № 6.

³⁴ Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К изучению роли переселения народов в формировании новых этнических общностей. — СЭ, 1967, № 2.

³⁵ Дебец Г. Д., Левин М. Г., Трофимова Т. А. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза. — СЭ, 1952, № 1.

³⁶ Милетич А., Агур Д. Д. Дако-романите и тяхната славянска письменност. — В кн.: За народни умотворения, наука и книжнина, кн. IX. София, 1893, с. 16; Тълкова-Заимова В. По някои въпроси за етнически промени на Балканите през VI—VII в. — В кн.: Известия на Института за история, т. 12. София, 1963. Направление этнических процессов в Пелопоннесе легко увязывается с характером и масштабами зависимости его от Константинополя.

Следовательно, задача состоит не в подмене или замене одного понятия-процесса другим, а в том, чтобы, признавая как значение процессов этногенеза, так и процессов глоттогенеза, стремиться выявить конкретную обусловленность, исторический механизм происходящих этнических сдвигов.

При сложившемся положении в археологии и лингвистике, учитывая крайнюю скудность и, порою, неясность, неопределенность показаний письменных источников, отражающих к тому же только конечные стадии славянского этногенеза, нет ничего удивительного, что возобновились старые споры автохтонистов и миграционистов, на что уже обращалось внимание в нашей литературе³⁷. Сознание (и, думается, обоснованное), что абсолютизация как автохтонной, так и миграционной теории должна неизбежно привести к ошибочной трактовке этногенетической проблематики, невозможность не учитывать роли этнического субстрата и одновременно понимание того факта, что имеющаяся совокупность данных воспрещает игнорирование миграционных явлений, побудили В. П. Петрова, одного из последних исследователей-археологов, выступивших с обобщающим трудом по проблемам славянского этногенеза, к попытке наметить такую линию научного поиска, которая устранила бы необходимость обращения к обеим этим теориям. По его мнению, «вместо того, чтобы говорить об экспансии... и переселении, надо говорить о культурно-типологических изменениях в географических контактах, изменениях форм и границ в консолидации населения... Географическим контактам соответствуют культурные, связям культурно-географического порядка — этноязычные, хотя, разумеется, речь идет не о взаимозависимости и тем более об отождествлении»³⁸.

Положение, как это не трудно заметить, достаточно туманное, и так или иначе означающее возвращение на позицию автохтонизма. Иного и трудно ожидать, если, с одной стороны, признается, что этническая принадлежность населения определяется языком, а с другой — постулируется, что решающими в конце концов являются безгласные археологические источники³⁹.

Как уже говорилось, в задачи пишущего эти строки не входит сопоставление всей литературы вопроса. В настоящей связи важно только отметить основные, определяющие состояние исследований, моменты в разработке проблематики этногенеза славян и восточных романцев. Поэтому, завершая этот по необходимости краткий и очень обобщенный обзор отечественных этногенетических исследований, достаточно будет подчеркнуть три следующих, как кажется, самых существенных обстоятельства:

(Bon A. Le problème slave dans la Péloponèse à la lumière de l'archéologie. «Byzantion», XX. Bruxelles, 1950, p. 19).

³⁷ Петров В. П. Указ. соч., с. 6—10, 134—137 и др.

³⁸ Там же, с. 135.

³⁹ Там же, с. 10

1. Серьезное, более чем значительное расширение археологической источниковедческой базы само по себе не привело еще к достижению надежных результатов в области этногенеза славян.

2. Общее для всех специалистов по вопросам славянского этногенеза стремление к комплексности исследований при безусловной правильности самого постулата о необходимости комплексности оказалось все же больше пожеланием, чем реальным достижением, ибо осталась нерешенной проблема методики археологических и лингвистических, лингвистических и антропологических, археологических и даже исторических (т. е. основанных на письменных источниках) сопоставлений, использовались порою субъективные критерии для исследований такого рода.

3. Для крупных обобщающих работ показательна эмпиричность поиска, пусть и сопровождающаяся, как правило, высоким профессиональным мастерством в той или иной научной области при очень слабом внимании к разработке теоретических основ этногенетических исследований, остававшихся, как правило, старыми: автохтонизм либо миграционизм, этногенез либо глоттогенез, археологическая культура как этническая общность и т. д., в связи с чем теоретически традиционный характер имели и вспыхивавшие вокруг того или иного вопроса научные дискуссии.

Из сказанного не следует, что разработка теоретических проблем этнических процессов полностью отсутствовала в нашей отечественной науке вообще. Однако происходила она отнюдь не в рамках археологии или языкознания. Разработкой теоретических вопросов этногенеза занимались наши этнографы. Здесь имеется в виду большая дискуссия, проходившая в 1967—1975 гг. среди этнографов и получившая широкое освещение на страницах журнала «Советская этнография»⁴⁰. Несмотря на то, что многое в ходе этой дискуссии можно считать уже достаточно хорошо выясненным⁴¹, ее нельзя признать окончательно завершенной, о чем свидетельствуют появляющиеся в печати новые материалы⁴².

Вполне понятно, что участники дискуссии, формулируя свои взгляды, опирались отнюдь не только и не столько на материалы прошлых эпох, сколько широко использовали прежде всего наблюдения над современными этническими процессами. Это, од-

нако, не мешает использовать результаты дискуссии для разработки проблематики и организации исследования этногенетических процессов в отдаленном прошлом. Задача состоит в том, чтобы выделить из обширного материала дискуссии те основные положения, которые бесспорно могут быть применены к изучению палеоэтнических явлений.

Каковы же эти положения? Для удобства изложения ниже они формулируются в виде нескольких тезисов, которые попутно в случае необходимости комментируются, исходя из задач изучения этногенеза славян и восточных романцев.

1. Антропологические и этнические категории, как правило, не совпадают — положение, как легко заметить из сказанного выше, не новое в нашей науке.

2. Этнос является устойчивой, исторически сложившейся общностью людей, характеризующейся такими признаками-свойствами, как общность территории, языка, экономических связей, культурного уклада и этнического самосознания, выражающегося, прежде всего, в сознании действительной или мнимой общности происхождения.

3. Эти признаки-свойства в своей совокупности образуют устойчивую структуру, позволяющую этносу, исторически развиваясь, в зависимости от социально-экономических, в первую очередь, и политических условий, сохраниться в течение длительных периодов, переходя из одной исторической эпохи в другую, включая даже смену формаций.

4. Такие, казалось бы, обязательные свойства-признаки этноса, как общность языка, территории, экономических связей и культурного уклада, нельзя абсолютизировать; потеря одного из этих свойств-признаков не влечет за собой исчезновения этноса. Положение это требует, по-видимому, существенных оговорок применительно к эпохе господства родового строя, когда такие понятия, как племя⁴³, язык и племенная территория и даже племенное имя составляли одно неразрывное единое целое, так что потеря одного из них автоматически влекла за собой исчезновение остальных свойств-признаков. Ситуация существенно изменилась на стадии разложения первобытно-общинного строя, в период формирования союзов племен, а затем больших военно-политических объединений и особенно в эпоху Великого переселения народов, когда дисперсность поселений этноса, этническая чересполосица могла и не быть препятствием к сохранению этносом своей отдельности⁴⁴.

⁴⁰ СЭ, 1967, № 2, 4; 1968, № 1, 4; 1969, № 2, 5, 6; 1970, № 1, 3, 6; 1971, № 6; 1972, № 3, 5. Показательно, что эта дискуссия отразилась и на страницах журнала «Природа». При ее характеристике ниже учитывается и большая дискуссия по проблематике народности и нации, организованная журналом «Вопросы истории» в 1966—1968 гг.

⁴¹ Итоговой статьей, суммирующей основные результаты дискуссии 1967—1978 гг., можно считать работу: Бромлей Ю. В. К характеристике понятия этнос. — В кн.: Расы и народы, т. I. М., 1971.

⁴² Из последних выступлений следует назвать: Чистов К. В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры. — СЭ, 1972, № 3; Бромлей Ю. В. Еще раз о соотношении этнической и экономической общности. — СЭ, 1972, № 5; он же. Опыт типологизации этнических общностей. — СЭ, 1972, № 5.

⁴³ Род, в силу присущей ему экзогамности, предполагающий неизбежное биологическое и культурное смешение, не может, по-видимому, рассматриваться в качестве самостоятельной этнической единицы. Подробнее об этом см.: Бромлей Ю. В. Опыт типологизации..., с. 64.

⁴⁴ Показательно, что именно таким чересполосным или, фигурально говоря, в «шахматном порядке» представлял себе расселение этносов в Центральной и Восточной Европе в первой половине I тысячелетия н. э. некоторые польские археологи (Hensel W. Op. cit.).

5. Однако сохранение этноса при условии потери им одного из своих свойств-признаков возможно только в том случае, если они в совокупности существовали у него в недавнем историческом прошлом и не исчезли из этнического самосознания.

6. Поэтому решающим условием существования этноса является сохранение им этнического самосознания, выделяющего и противопоставляющего данный этнос соседним, самосознания, особенно остро проявляющегося в условиях непосредственного соседства, а тем более конфронтации с другими этносами. Положение чрезвычайно важное для понимания причин и механизма ассимиляции одним этносом других, например, славянами романизированных или эллинизированных фракийцев, этническое самосознание которых в условиях Римской империи безусловно должно было деградировать, так же как и для выяснения причин устойчивости тех или иных этнических единиц даже в очень сложных социальных и политических условиях (примером могут служить, вероятно, восточные романцы эпохи раннего средневековья). Принимая этот тезис, следует, как кажется, все же оговориться в том смысле, что для периода распада родового строя, эпохи военной демократии и для периода раннеклассовых обществ такие свойства-признаки этноса, как язык и этническое самосознание, остаются еще нерасчлененными — явление, по-видимому, хорошо понимаемое лингвистами. Недаром еще А. Мейе сформулировал тезис, что эпохе так называемого славянского языкового единства соответствовало население, говорившее на одном языке-основе, осознававшее свое единство⁴⁵. Эта нерасчлененность языка — этнического самосознания определялась тем, что именно язык являлся (да и теперь является) основным средством наследственной, в том числе этнической информации, абсолютно необходимой для сохранения этносом своей отдельности. Нарушение механизма этой вертикальной, диахронной наследственной информации, даже сегодня, когда она отступает на задний план перед информацией горизонтальной, синхронной, может вести и ведет к потере отдельными частями этноса этнического самосознания⁴⁶.

7. Обязательное для этноса наличие сознания единства своего происхождения определяет в свою очередь иерархичность этнического самосознания по восходящей линии. Для современных славянских народов эта иерархичность может быть проиллюстрирована на схеме: русский — восточный славянин — славянин, для эпохи Киевской Руси: вятич — русский — славянин и т. д. Значение иерархичности этнического самосознания для процессов славянского этногенеза, образования славянских народностей еще предстоит исследовать, хотя роль его в межславянских контактах не вызывает сомнений. Для этнического развития восточ-

ных романцев тоже могла играть существенную роль иерархия: влах (волох) — римлянин, безотносительно к тому, насколько сама по себе фактически (т. е. исторически) оправдана эта иерархия.

8. Важнейшим свойством этноса является эндогамия — заключение браков внутри этноса, обеспечивающая непрерывность диахронного наследственного пути передачи этнических традиций. Подчеркивая значение этого фактора, нельзя не учитывать, однако, что в абсолютизированном виде он показателен лишь для, так сказать, социально угнетенных этносов — этнических изолятов, или, быть может, очень древних племенных этнических единиц. Как правило (и этнографические параллели это очень хорошо показывают), тенденция к эндогамии как доминанта развития сочетается с тенденцией к расширению и увеличению этнической территории и ассимиляции соседних этносов⁴⁷. Думается, что и для понимания палеоэтногенетических процессов эта оговорка имеет существенное значение.

9. Каждому этносу соответствует обычно определенная материальная и духовная культура, осознаваемая этносом полностью или частично, как своя родная, что не исключает подвижности, постоянной обновляемости этой культуры, заимствований из другой этнической среды. «Чистой» этнической традиции еще никогда никому не удавалось вывить. Особой подвижностью обладает именно материальная культура, в которой все же можно выделить более консервативные (например, пища или женские украшения)⁴⁸ и менее консервативные элементы, к тому же жестко детерминированные развитием производительных сил, географической средой, типом хозяйства (орудия труда, жилища и т. д.) Последнее обстоятельство может привести к существенной разнице в материальной культуре этноса, расселившегося в зонах с совершенно отличными ландшафтно-географическими условиями (например, степь и горная местность). Этот тезис имеет особенно важное значение для окончательного завершения спора об этнопоказательности археологических культур.

10. Этносу свойственно стремление конституироваться социально, позже — политически в рамках единой территории: условия социальной или политической самостоятельности благоприятствуют нормальному прогрессивному развитию этноса, на что, кстати говоря, уже обращалось внимание в нашей литературе применительно к периоду формирования народностей. Показательно при этом и отчетливо проявляющееся в Центральной и Восточной Европе совпадение границ расселения народностей с политическими границами формирующейся на их основе раннефеодальной

⁴⁵ А. Мейе. Указ. соч., с. 5, 6.

⁴⁶ С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — В кн.: Расы и народы, т. II. М., 1972.

⁴⁷ На это обстоятельство автору приходилось уже указывать в рецензии на первый том ежегодника «Расы и народы» (СЭ, 1971, № 6).

⁴⁸ Археологи согласно подчеркивают традиционность лепной домашней керамики (Бидзиль В. И. Указ. соч., с. 177; см. также: Рикман Э. А. Рафалович И. А. Указ. соч., с. 53).

государственности⁴⁹. Нет сомнения, что это стремление к социальному, а затем и территориально-политическому конституированию было свойственно и этносам на более ранних стадиях развития, что не мешало им в период разложения родового строя развивать активную территориальную экспансию.

11. С последним тезисом тесно связано и разделение этнических общностей на две большие категории: этнос в узком смысле слова — исторически сложившаяся совокупность людей, обладающих стабильными особенностями культуры и языковой общностью и сознанием своей этнической обособленности (в нашей этнографической литературе этому понятию соответствует обычно термин этникос), и этнос в широком его понимании — этносоциальный организм, предполагающий сочетание собственно этнических свойств с определенными социальными структурами. К этносоциальным организмам или, по терминологии наших этнографов, *эсо* относятся такие этнические общности, как племя, народность, нация. Характер этносоциального организма определяется принадлежностью к той или иной формации, племя — народность — нация образуют восходящий генетическо-таксономический ряд для этносоциальных организмов. Этнос в узком смысле слова (современное понятие национальность) может переходить из одной формации в другую⁵⁰.

Само собой разумеется, что сказанное не охватывает всего содержания дискуссии, происходившей в нашей этнографической науке, тем более, что, как указывалось выше, дискуссия среди этнографов еще не закончена. Важно, однако, другое. Дискуссия подняла много новых теоретических вопросов, связанных с этническими процессами, и важных не только для современности, но и, думается, для решения многих узловых явлений этногенеза народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Она позволяет продолжить исследования в области славянского этногенеза на новом, значительно продвинутом вперед теоретическом уровне.

Это не значит, конечно, что достигнутый теоретический уровень можно признать во всех отношениях достаточным. Вне дискуссии осталось еще много проблем, чрезвычайно существенных для палеоэтнографии. Многие вопросы были затронуты только попутно, без их глубокой разработки.

Не пытаясь охарактеризовать всю ту проблематику, которая так или иначе осталась неразработанной, что потребовало бы самостоятельного исследования, необходимо указать все же на некоторые моменты, имеющие прямое отношение к теме настоящей статьи. Следует заранее подчеркнуть при этом, что при такой оговорке

формулируемые ниже замечания ни в коей мере нельзя считать исчерпывающими. Замечания эти таковы:

1. К сожалению, до сих пор не было предпринято попыток моделирования исторического механизма основных исторических процессов, таких, как, допустим, процессы ассимиляции или дифференциации этносов, передачи наследственной этнической информации, развития этносов в условиях потери ими своей территории и материальной культуры, возрождения этнического самосознания после длительного периода существования этноса в угнетенном, выражаясь языком биологов, состоянии. Такого рода моделирование, без сомнения, во многом помогло бы при дешифровке древних этнических процессов. Оно позволило бы и поставить очень сложный и неясный вопрос о возможностях регенерации этносов, условиях, благоприятных для этнической регенерации, если таковые возможности мыслимы реально, разумеется.

2. В генетическом ряду племя — народность — нация дополнительного изучения и, возможно, членения требует стадия, отделяющая народность от племени. Главное здесь, как кажется, заключается в том, чтобы четко представить себе принципиальные этносоциальные отличия союзов кровнородственных племен на стадии господства или расцвета родового строя и союзов племен, тоже сознающих единство своего происхождения, но находящихся на стадии распада родового общества. Неизученной остается и этносоциальная структура крупных военно-политических объединений, выходящих за пределы союзов племен, осознающих свое родство, эпохи военной демократии. Здесь лучше изучены только военно-политические объединения кочевников.

3. Важной задачей остается выделение этнопоказательных элементов в материальной культуре с учетом, конечно, ее особой подвижности, с учетом того, что во времени эти показатели сами могут радикально изменяться, обновляться, заменяться другими. Для развития археологических исследований в области этногенеза сейчас это проблема первостепенного значения.

4. В четком определении нуждается такое понятие, как этническая традиция, наследственная информация. Известно, что она изменяется и обновляется во времени, но не изучены ее истоки, в какой мере она в своем происхождении связана с производственной деятельностью, тотемическими мифами, возрастными инициациями, культом предков древнего человечества, каковы направления, каковы основные этапы ее развития на стадиях, предшествующих формированию современных народностей и наций.

5. Слабо изученной остается роль духовной культуры и искусства в развитии этнических процессов. Если охранительная и консолидирующая роль национальной культуры для этноса и этносоциального организма очевидна, если на значение ее в процессе взаимообогащения этносов уже указывалось в этнографической литературе, то сложнее обстоит дело с народной культурой и

⁴⁹ Подробнее об этом см.: *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь (вступительная глава). М., 1964. Здесь же имеется литература по этому вопросу.

⁵⁰ *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973, с. 35—47.

искусством. Обычно довольно ясно представляется опять же их охранительная роль. Однако признать народную культуру и искусство явлением, замкнутым в себе, чуждым внешних воздействий, не позволяют многие конкретные наблюдения над ее развитием. Достаточно, пожалуй, указать на церковную скульптуру эпохи готики и барокко, лежащую в основе польской народной скульптуры XIX—XX вв.⁵¹ или на русскую народную иконопись XVII—XIX вв., через древнерусское и византийское искусство живописи восходящую к эллинистической традиции⁵². Такие примеры легко умножить⁵³. Они определенно свидетельствуют в пользу того, что и народная культура и искусство являются своеобразным механизмом духовного взаимообогащения этносов. Особого внимания заслуживает тенденция народной культуры к выработке локальных особенностей, вариантов, а в некоторых случаях (например, в Карпатском ареале) ее способности выйти за пределы этноса, формируя широкий межэтнический культурный круг. Изучение всех этих особенностей облегчит в дальнейшем правильное понимание роли духовной культуры, искусства в этнических процессах древности.

Сказанного достаточно, чтобы представить характер дискуссионных проблем, которые возникают при изучении палеоэтнических проблем. При этом нельзя не учитывать и того, что в полном и точном смысле слова источниковедческой базой специалисты по этногенезу нередко не располагают, что в данном случае комплексное изучение предполагает не столько прямое сопоставление данных лингвистики, археологии, антропологии и письменных памятников, сколько сопоставление полученных в результате их изучения реконструкций. Задачей и итогом анализа должны быть не собственно лингвистические, археологические и другие разработки, а исследования палеоэтнические, комплексные по существу проблематики⁵⁴.

Между тем, именно сопоставление данных имеющихся источников, методика такого сопоставления, как указывалось выше, вызывает наибольшие трудности. Здесь можно было бы ограни-

читься одной, но очень красноречивой иллюстрацией. Реконструкция, как она рисуется на базе изучения языка-основы, достаточно сложно социально и культурно организованного праславянского общества в настоящее время оказывается несовместимой с теми представлениями об относительной примитивности социальной организации славян в эпоху Великого переселения народов, которые господствуют в нашей исторической науке. Сопоставлению в данном случае должен, очевидно, предшествовать проведенный заново анализ данных языка, но прежде всего археологии и особенно сохранившихся письменных источников⁵⁵. Но это задача, к которой предстоит подготавливаться постепенно, памятуя также о том, что сопоставление основанной на лингвистических данных реконструкции с картой археологических культур может дать, во всяком случае первоначально, только альтернативные результаты. В качестве гипотетических праславянских окажется возможным считать не одну культуру, а группу археологических древностей.

Для будущего наших этногенетических исследований в связи со сказанным выше очень большую роль должна сыграть организация равномерно, по возможности синхронно развивающихся разработок во всех возможных направлениях — археологическом, историческом, лингвистическом, этнографическом, даже историко-географическом и историко-социологическом. Только максимальное приближение к теоретически возможным синхронным исследовательским усилиям способно обеспечить действительную комплексность этногенетических исследований, даже если эти исследования будут иметь регионально и хронологически или тематически ограниченный характер.

Сейчас в рамках Института славяноведения и балканистики наиболее продвинутыми и результативными в области славянского этногенеза, бесспорно, являются работы наших лингвистов. Речь идет не только об исследованиях, посвященных, в частности, проблематике балто-славянского языкового единства, гидронимии верхнего Поднепровья и Поднестровья⁵⁶. Интересны по своим предварительным, пусть далеко и не бесспорным еще результатам, опыты комплексного изучения лексики, топонимии и археологии Полесья. Принципиально важной является и постановка задач лингвогеографических исследований на диалектном уровне для решения проблематики этногенеза славян и древних славянских

⁵¹ Grabowski J. Sztuka ludowa. Formy i regiony w Polsce. Warszawa, 1967; Piwocki K. O historycznej genezie polskiej sztuki ludowej. Wrocław, 1953.

⁵² Королюк В. Д. Русская крестьянская иконопись (традиция и развитие). — «Etudes balcaniques». Sofia, 1971, N 3.

⁵³ Даже необычайно яркая связь гуцульской керамической росписи с народным фольклором не исключает ее генетической связи с профессиональным гончарством Коломы XVIII в., а впоследствии воздействия на нее иконописи, книжной и журнальной графики и т. д. (Гоберман Д. Росписи гуцульских гончаров. Л., 1972, с. 22, 30, 31; ср. Воронов В. С. О крестьянском искусстве. М., 1972).

⁵⁴ Некоторый и в определенной мере интересный опыт постановки такого рода комплексных исследований (с участием археологов и этнографов) имеют лингвисты Института славяноведения и балканистики АН СССР («Полесье (лингвистика, археология, топонимика)». М., 1967; Лексика Полесья. М., 1968). Принципиальное значение имеет статья: Толстой Н. И. О лингвистическом изучении Полесья. — В кн.: Полесье..., с. 5—17.

⁵⁵ Королюк В. Д. Вместо городов у них болота и леса... (К вопросу об уровне славянской культуры в V—VI вв.). — «Вопросы истории», 1973, № 12, с. 197—199.

⁵⁶ См. указанные выше работы В. В. Иванова, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева; см. также: Топоров В. Н. Очерк истории изучения балто-славянских языковых отношений. — В кн.: Ученые записки Института славяноведения, т. XVII. М., 1957; он же. Из истории изучения древнейших балто-славянских языковых отношений. — Там же, т. XXIII. М., 1962.

миграций⁵⁷. Изучение гидронимии и топонимии естественно было бы продолжить, расширяя ареал исследований на юг и юго-запад, чтобы постепенно охватить фракийский и, может быть, иллирийский этнический массивы. Важно было бы организовать на должном уровне начатое уже изучение лексических соответствий, в том числе диалектных, в широком географическом ареале.

Должны быть продолжены во вновь организованной группе в Институте славяноведения и балканистики и наши исследования в области индоевропеистики, давшие уже интересные и значительные результаты для изучения ранних этапов славянского этногенеза⁵⁸. Но одновременно должны быть предприняты все меры к тому, чтобы ускорить выравнивание уровней исследований во всех других научных направлениях.

Принимая участие в изучении некоторых как теоретических, методических, так и конкретно-исторических вопросов восточнославянского и западнославянского этногенеза, представляется все же наиболее перспективным при организации комплексных исследований в группе сосредоточиться на проблематике славянских переселений на Балканы и формирования южного славянства и восточных романцев. Наличие всех видов источников — исторических, археологических, лингвистических, антропологических и этнографических, включая данные фольклора, именно в данном случае обеспечивает оптимальные условия для комплексности, не говоря уже о том, что в случае удачи этих исследований будет найдена еще одна твердая опора для развития исследований ретроспективного порядка, разработки методики сопоставления разных типов источников.

Уже первые опыты работы над письменными источниками, относящимися к только что сформулированной проблематике, показали необходимость их тщательного и скрупулезного исследования с учетом внутренней логики памятника. Прежде всего выяснилась многозначность упоминаемых в источниках этнонимов и возможность применения к одному этносу различной по происхождению этнонимической номенклатуры⁵⁹. Многозначность этнонимов для рассматриваемого периода характерна, как показывают недавно опубликованные исследования покойного А. П. Ковалевского, посвященные сообщениям о славянах

аль-Масуди⁶⁰, и для восточных источников. Многозначным здесь оказывается этноним славяне (сакалибы). Следует учитывать далее, что не только топонимы, но и этнонимы имеют тенденцию отрыва от породивших их этносов, перехода к другим этносам⁶¹, а многозначность этнонимов не менее показательна и для источников античной эпохи⁶².

Планирование источниковедческих исследований над письменными памятниками предполагает в ряде случаев организацию их новых переводов на русский язык взамен широко используемых археологами устаревших. В настоящее время заканчивается работа над новым и первым на русском языке полным переводом сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей» (Г. Г. Литаврин); начато его научное комментирование. Издание источников будет осуществляться сектором древней истории и средних веков и группой в сотрудничестве с Институтом истории СССР, приступившим к подготовке корпуса древних источников по истории Восточной Европы.

Особенно важной представляется организация новых переводов и научного комментирования латинских и греческих источников, относящихся к истории формирования восточных романцев. Сильное отставание нашей науки по разработке проблем образования восточнороманских народностей в большей мере объясняется слабой исследованностью именно совокупности письменных источников о влахах-волохах, дисперсно расселившихся на обширных территориях Балкан и Карпато-Дунайских земель.

Критический анализ письменных источников призван, естественно, помочь комплексной разработке вопросов происхождения южных славян и восточных романцев. В плане археологическом и этнографическом в настоящее время первоочередной задачей следует считать разработку вопросов о роли античного наследия для социально-экономического, культурного и этнического развития раннесредневековых народностей в Юго-Восточной Европе. Ближайшей целью является полное, по возможности, выяснение этнической характеристики так называемой Балкано-Дунайской культуры, точное определение роли фракийского этнического компонента в процессе формирования древнеболгарской славянской народности и возможности участия в образовании Балкано-Дунайской культуры оседлого восточнороманского элемента.

Если сопоставление данных письменных памятников и археологических материалов позволяет уже сейчас более или менее уверенно судить о славянском земледельческом и тюркоязычном коче-

⁵⁷ Подробнее об этом см.: Толстой Н. И. Об изучении полесской лексики. — В кн.: Лексика Полесья; ср.: В. В. Мартынов. Проблема славянского этногенеза и методы лингвогеографического изучения Припятского Полесья. — «Советское славяноведение», 1965, № 4.

⁵⁸ См., например: Иванов В. В. О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков. М., 1957.

⁵⁹ Королюк В. Д. Волохи и славяне «Повести временных лет». — «Советское славяноведение», 1971, № 4; см. также статьи Г. Г. Литаврина о византийских источниках, относящихся к влахам X—XIII вв., и В. Д. Королюка о волохских этнонимах в хронике венгерского Анонима (Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972).

⁶⁰ Ковалевский А. П. Славяне и их соседи в первой половине X в., по данным аль-Масуди. В кн.: Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973, с. 62—80.

⁶¹ Подробнее см.: Никонов В. А. Этнонимия. — В кн.: Этнонимы. М., 1970.

⁶² См., например, анализ показаний Страбона о Карпато-Дунайском регионе: Видзиль В. И. Указ. соч., с. 164—172.

вом элементе в этой культуре, то с дако-фракийским этническим элементом обстоятельства складываются значительно сложнее. Он оказывается практически пока неуловимым в археологических памятниках, хотя и отчетливо выступает в современном и близком к современности этнографическом и антропологическом материале, наблюдается при изучении производственных навыков сложившейся славянской болгарской раннефеодальной народности, ее традиций в области строительной культуры и т. д.⁶³, улавливается в данных ономастики и фольклора⁶⁴.

Здесь возможны два решения: либо археологический материал еще просто недостаточен и необходима интенсификация археологических раскопок, либо процессы романизации и эллинизации в рамках Римской империи привели к столь сильной деэтнизации местного земледельческого населения, что оно полностью лишилось осознаваемой этнически своей материальной культуры, а бурные события Великого переселения народов столь сильно подорвали материальные основы его существования, что в условиях упадка позднеримского ремесла и деградации хозяйственной жизни, дако-фракийский земледельческий элемент вынужден был пользоваться однотипной со славянами, не столь развитой материальной культурой.

При условии продолжения соответствующих антропологических, этнографических и фольклорных (быть может, путем картографирования показательных фольклорных серий) работ участие лингвистов в изучении этой проблематики, анализ дако-фракийского языкового наследства в болгарском и восточнороманском языках, сравнение в болгарском языке масштабов этого наследства с наследством греческим и римским тоже способно существенно продвинуть вперед решение вопроса. Одновременно анализ грамматического строя и лексики восточнороманских языков, славянских элементов в них должен помочь в уточнении географии этнического континуитета восточнороманских народностей в Карпато-Дунайском регионе и на Балканах. Вместе с тем, новый шаг будет сделан и в изучении предполагаемого волошско-славянского социально-экономического и этнического синтеза, в условиях которого завершилось становление у волохов феодальных отношений, образование государственности и формирование народностей. Нельзя не учитывать при этом, что хорошо изученный пастушеско-земледельческий тип волошского хозяйства⁶⁵ не оставляет как

будто бы больших возможностей для археологических исследований. Приблизительно такое же положение у археологических исследований в ареале Северных Карпат. Следы указаний о наличии пастушества у славян в Карпатах сохранились в сочинениях античных авторов (К. Тацит, Иордан, Прокопий из Кесарии — I — VI вв. н. э.) и в известиях восточных географов (IX в.). Реконструкции фактов пастушества в древности являются главным образом задачей исследований историков-этнографов.

*

Намеченная выше, пока, разумеется, еще только в предварительном порядке, подлежащая уточнению проблематика группы по изучению этногенеза и этнической истории народов Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы будет в дальнейшем, естественно, расширяться за счет западной части Балканского полуострова и центральноевропейского ареала. Но уже и сейчас она представляется более чем широкой для столь немногочисленной исследовательской ячейки, как наша группа. Тем большее значение должны будут иметь для нее хорошо налаженные научные контакты, деловое сотрудничество с другими научными центрами в нашей стране и за рубежом. Регулярное издание, (один раз в два года) сборника исследований группы должно способствовать развитию контактов и сотрудничества, а достаточно широкая проблематика сборников обеспечит участие в них специалистов разных профилей, советских и зарубежных.

⁶³ Литаверин Г. Г. Темпове и специфика на социально-икономическото развитие на средновековна България в сравнение с Византия от края VII до края XII в. — «Исторически преглед», 1970, № 6.

⁶⁴ Частично касался этих вопросов еще Дашкевич Н. П. Славяно-русский Троян и римский император Траян. — В кн.: *Scritta borysthenica*. Сборник в честь Ю. А. Кулаковского. Киев, 1911; см. также: *Державин Н. С.* Сборник статей и исследований в области славянской филологии. М.-Л., 1941, с. 7—51.

⁶⁵ Подробнее см.: *Милетич Л. Л.*, *Агур Д.* Указ. соч.; *Gyoni M.* La transhumance des Vlaques balcaniques au Moyen Age. — «Byzantinoslavica», (Pra-

ha), V, XII. 1951; «Симпозијум о средњовековном катуну». Сарајево, 1963; *Dragomir S. Vlahii din nordul peninsulei Balcanice in evul mediu*. Bucuresti, 1959; большой обзор литературы содержится в статье: *Donat J.* Pastoritul romanesc si problemele sale. — «Studii, revista de istorie». Bucuresti, 1966, N 2.

ЯЗЫК КАК ИСТОЧНИК ПРИ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И ПРОБЛЕМАТИКА СЛАВЯНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

В. В. Иванов

Изучение праславянского (и соответственно общеиндоевропейского) языка с точки зрения его роли для воссоздания ранней истории и славян (и в целом народов, говоривших на диалектах общеиндоевропейского языка) составляет существенную часть традиционного славяноведения (и изучения индоевропейских древностей) в том виде, в каком эта наука сложилась уже к началу нашего века. Позднее изучение славянских древностей в трудах Нидерле, Мошинского и других классиков этой науки в большой мере основывалось на языковых данных (как и известный компендиум Шрадера и Неринга по индоевропейским древностям). Недавние суммарные характеристики праславянской культуры в основном опираются на лингвистические реконструкции. Но для дальнейшего развития совместных исследований лингвистов, историков, археологов, антропологов, этнографов и фольклористов в этой области представляется необходимым тщательное обсуждение возможностей, предоставляющихся каждой из этих научных дисциплин. В настоящей статье рассматриваются те стороны проблематики славянских древностей и этногенеза славян, которые непосредственно связаны с лингвистикой.

1. Прежде всего следует подчеркнуть, что на основании только языковых данных можно сделать выводы, относящиеся исключительно к носителям определенных языков. Изучение праславянского языка позволяет прийти к некоторым заключениям о характере того общества, в котором на нем говорили, но соотнесение этих выводов с данными других дисциплин, где отождествление объектов науки с языковыми фактами может быть достигнуто лишь косвенным образом, нельзя осуществить внутренними средствами самой лингвистики. Но справедливо и обратное: каковы бы ни были гипотезы, касающиеся, например, древних балтийских племен и славян, соотношение между их языками может быть выявлено только с помощью сравнительно-исторической грамматики¹.

В этом состоит смысл утверждения, которое в свое время было отчетливо сформулировано А. Мейе, а по отношению к индоевропейскому было особенно подчеркнуто Н. С. Трубецким²: понятие

¹ Ср. Иванов В. В., Топоров В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1958 (см. также в сб.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961).

² Трубецкой Н. С. Мысли об индоевропейской проблеме. — «Вопросы языкознания», 1958, № 1.

«общеиндоевропейского» или «общеславянского» языка является прежде всего лингвистическим и может быть определено по чисто языковым критериям. Для адекватного понимания проблематики славяноведения указанное положение имеет исключительное значение: эта наука занимается исследованием разных аспектов истории и культуры всех тех народов, которые и в прошлом и в настоящее время являются носителями языковых традиций, возводимых, в конечном счете, к общеславянскому языку. Но в таком случае языковой аспект славянских древностей является основным; расширенные же понимания других аспектов могут рассматриваться как производные от этого основного.

2. Признание узко языкового характера лингвистических выводов с неизбежностью приводит к постановке вопроса о том, как осуществлять совмещение их с заключениями, полученными представителями смежных наук. В простейших случаях возможно взаимное наложение материалов; так, данные о технической терминологии ремесел, например ткацкого, гончарного, кузнечного, можно соотнести с фактами истории материальной культуры. Однако и в этом относительно более легком случае лингвистические выводы в большей степени подкрепляются выводами общей типологии развития соответствующих ремесел, чем конкретными археологическими подробностями, так как соответствующие детали, например касающиеся отличий разных типов керамики, не удастся связать с лексическими фактами: термины, подобные праслав. **gъnъсь*, могли обозначать разные виды глиняных сосудов и горшков. Тем не менее результаты исследования указанного термина представляются существенными для смежных наук, так как связь этого праславянского слова с лат. *fornix* 'свод, арка', удостоверяемая данными истории материальной культуры у славян (гончарный горн, крытый сводом из горшков — в Польше, аналогичные факты — в Словении и т. п.) позволяет установить сходство праславянской и древней итальянской гончарной терминологии³, что важно для подтверждения ранних контактов носителей соответствующих диалектов⁴. Но особый интерес исследование ремеслен-

³ См. детальное обоснование этого важного соответствия в кн.: Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, с. 197—200.

⁴ Другие данные, говорящие в пользу наличия таких контактов, суммированы в публикации: Трубачев О. Н. Несколько древних латино-славянских параллелей. — В кн.: Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков (12—14 декабря). Предварительные материалы. М., 1972, стр. 82—84, где, однако, следует иметь в виду, что славянские соответствия лат. *bigae* 'двойная упряжка' должны оцениваться как архаизм в свете явно родственного хет. *da-ḫuga* 'двугодовалый' (ср. о его связи с б'гае: Иванов В. В. О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков. — «Вопросы славянского языкознания». М., 1957, вып. 2, с. 27); см. о других общих латино-славянских архаизмах: Топоров В. Н. Славянские комментарии к некоторым латинским архаизмам. — В кн.: Этимология. 1972. М., 1974; *оп. же.* О двух праславянских терминах из области древнего права. — В кн.: Структурно-типологические исследования

ной терминологии может представить в тех случаях, когда, как это обычно для ключевых терминов соответствующих древних эпох, они обозначали не только определенные аспекты технической деятельности, но в то же время относились и к обширному кругу социальных функций, совмещенных с этой последней. Так, праслав. **kovaľь* и родственные обозначения 'кузнеца' ⁵ в отдельных славянских языках (в частности, в украинском) сохранялись и в качестве обозначения особого мифологического персонажа. Реконструкция соответствующего общеславянского мифа и особой социальной группы кузнецов, имевших не только технические, но и ритуальные функции, подтверждается семантикой соответствующих славянских слов (в.-луж. *kuzło* 'колдовство' и т. п.), типологическими данными о роли кузнецов в культурах определенного типа и рядом индоевропейских параллелей ⁶, в частности этимологической связью корня праслав. *kov-* и индоиранского *kav-i-*, для которого восстанавливается значение 'шаманствующий' (откуда в дэвовском авестийском 'вождь'⁷). На этом примере можно видеть, что надежность семантической реконструкции удостоверяется наличием определенной исторической закономерности, справедливой для разных культур и касающейся не одного изолированного их аспекта (технического), а целого пучка функций (технической — ремесленной, связанной с ней социальной и религиозной). В качестве другого подобного примера можно указать на реконструкцию древних значений праслав. **obъ-tjo* 'общий' (ст. сл. {ОБЫЦЬ 'κοινός', серб.-хорв. *obъu*, **ob(ъ)-lъ* (чеш. *oblý* 'круглый')⁸, откуда восстанавливается древнее обозначение круглого поселения, что соответствует и археологическим данным ⁹, и типологии раннеславянской социальной структуры, имеющей существенные черты сходства с организацией тех коллективов, для которых обычны поселения круглой формы.

3. Наиболее убедительные результаты при наложении друг на друга выводов лингвистических исследований ранней истории

в области грамматики славянских языков. М., 1973, с. 133—139. В том же плане существенны и такие синтаксические сближения, как ослав. **a ѿ* и лат. *atque*, ослав. **atje* и лат. *etiam* и т. п. (см.: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974, вып. 1, с. 91 и др.)

⁵ Трубачев О. Н. Ремесленная терминология..., с. 334 и сл. Ср. также о лужицких отражениях ослав. **kov-alъ* и **kov-arъ* (Sorbscher Sprachatlas, 4, Terminologie des ländlichen Gewerks. Bautzen, 1972, S. 120, 121, карта № 41). См. подробнее о соответствующем украинском мифе о Божьем Ковале в статье В. В. Иванова и В. Н. Топорова в настоящем сборнике.

⁶ См.: Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, с. 158—162.

⁷ Герценберг Л. Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л., 1972, с. 31.

⁸ О соотношении суффиксов в этих словах см.: Иванов В. В. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, с. 208 (там же литература вопроса).

⁹ Hensel W. Kształtowanie się osadnictwa słowiańskiego. — In: Slavia Antiqua, t. II. Poznań, 1949—1950, s. 6.

славян и гипотез, выдвинутых в смежных науках, изучающих те же периоды, могут быть достигнуты в тех случаях, когда удастся соотносить не отдельные факты, а целые комплексы выводов, относящихся к определенным типам культур. Так, восстанавливаемое для балтийского и славянского использование производных от индоевропейского корня **uel-* > **vel-* в качестве названия 'скотьего бога' (друс. *Velesъ* в договорах русских с греками, позднейшее Волось и т. п.) или бога загробного мира (лит. *vėles* 'призраки мертвых') согласуется с реконструкцией общеиндоевропейского представления о загробном мире как пастбище. Это подтверждается, с одной стороны, соответствующими данными хеттских, древних индоиранских и древнегреческих текстов ¹⁰, с другой стороны, употреблением обозначения 'пастуха' по отношению к богам в тех же языковых и культурных традициях, отражающих скотоводческий тип общеиндоевропейской культуры ¹¹. Характер этой культуры удостоверяется и значительным числом взаимосвязанных лексических реконструкций, относящихся не только к скотоводству, но и к его продуктам (в частности, шерсти) и к их использованию. Той же значимостью скотоводческих терминов объясняется и их переносное употребление в ритуальных контекстах типа 'пасты' по отношению к слову или клятве, например, слов. *roti*, *kohjže ne paseť* (во Фрейзингенских отрывках), что находит соответствие и в других индоевропейских языках (в частности, тохарском и хеттском), где глаголы, родственные праслав. **pasti*, выступают в аналогичных контекстах ¹².

4. Основным преимуществом указанных лексических реконструкций является то, что они имеют дело с достаточно широким кругом значений соответствующих терминов, которые соотносимы одновременно с несколькими аспектами древнеславянской и общеиндоевропейской культуры. Поскольку целью диахронической типологии является выявление некоторых импликаций (типа «если для материальной культуры данного общества реконструируется роль развитого скотоводства, то проекция скотоводческих отношений обнаруживается и в сфере религии»), ключевые слова данной области, совмещающие несколько соответствующих значений, позволяют проверить надежность соответствующих ре-

¹⁰ Thieme P. Studien zur Indogermanischen Wortkunde und Religionsgeschichte. Berlin, 1952, S. 46 u. f.; Otten H. Hethitische Totenrituale. Berlin, 1958, S. 139—140; Vieyra M. Ciel et enfers hittites (à propos d'un ouvrage récent). — «Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale», 1965, vol. 59, N 3, p. 128; Puhvel J. 'Meadow of the Otherworld' in Indo-European tradition. — In: Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, Bd. 83. Göttingen, 1969; Ivanov V. V., Toporov V. N. A comparative analysis of the group of the Baltic mythological terms from the root **vel-*. — «Baltistica» (Vilnius), 1973, VIII (2).

¹¹ См. подробнее: Иванов В. В. Социальная организация индоевропейских племен по лингвистическим данным. — «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 1.

¹² Топоров В. Н. Slovenica. — В кн.: «Вопросы славянского языкознания», вып. 4. М., 1958, с. 92, 93; Иванов В. В. К этимологии русского *пасты*. В кн.: Сб. статей по языкознанию памяти М. В. Сергиевского. М., 1961, с. 111—119.

конструкций. Восстанавливаемый тип культуры (как материальной, так и духовной) предполагает несколько разнородных следствий. Если лексические реконструкции, каждая из которых осуществляется порознь, все в целом соответствуют единому типу культуры, то это позволяет считать надежным восстановление всего культурного типа и вместе с тем дает дополнительные критерии для проверки реконструкции значений отдельных слов. Сказанное можно пояснить на примере, относящемся к изучению распространения колесных повозок и колес у индоевропейских племен. Как давно предположил выдающийся археолог Чайлд, диффузия колесных повозок, запряженных на наиболее раннем этапе быками, а позднее конями, могла совпадать с путями миграции ранних индоевропейских племен в пору их разделения¹³. Этот вывод археолога совпадает с лингвистическими данными, которые подтверждают наличие соответствующей терминологии во всех древних индоевропейских языках. Вместе с тем индоевропейские диалекты в этом отношении достаточно сильно отличаются друг от друга. Показательно наличие разных диалектных названий для колеса и колесницы, одно из которых есть в балтийских языках (лит. *rātas* 'колесо', мн. ч. *rātai* 'повозка, колесница'), как и в германских, кельтских, италийских, и indo-иранских, а другое (стсл. КОЛО 'колесо', КОЛѦ 'повозка') объединяет славянские и с восточноиндоевропейскими (греческим, индоиранским) и некоторыми западноиндоевропейскими (среди них с теми же германскими) языками, а также фригийским и тохарским.

В хеттском языке название 'колеса' (в частности, как обрядового символа и судебного знака наказания) *hurki*, совпадающее с тохарским названием колеса, по-видимому родственно, с одной стороны, германским терминем типа др.-исл. *varg-tré*, др.-англ. *warhtreo* 'дерево преступника'¹⁴, с другой стороны, рус. *ворожить*, рус. диал. (волог.) *ворожейка* 'флюгарка, состоящая из длинного, вкопанного в землю шеста, на вершине которого прикреплен палочка горизонтально, на конце последней привязан пучок кудели'¹⁵. Можно думать, что в этом случае, как и в целом ряде других¹⁶, славянские языки сохраняют (хотя и в переосмысленном

и видоизмененном виде) такие архаизмы индоевропейской обрядовой терминологии, которые в других диалектах прослеживаются с трудом. Можно думать, что речь идет о том названии колеса как обрядового образа солнца на вершине мирового дерева, которое хорошо еще сохраняется в обычаях отдельных славянских народов вплоть до начала XX в.¹⁷ (но обычно в описаниях этих обрядов использовалось общеславянское название колеса, этимологически отличное от хеттского).

Реконструкция культуры, располагающей колесными повозками, предполагает ряд условий, необходимых для их изготовления, в частности наличие развитой металлургии бронзы¹⁸ и использование соответствующих видов деревьев, в частности, горных пород¹⁹. В свете этих импликаций и давних многочислен-

¹⁷ Макаренко И. К. Пречиста в Москалівці.—«Живая старина», 1867, XVI, вып. 1; ср. о купальских обрядах, в которых на шест может надеваться либо колесо, либо пуч сена (ср. пучок кудели на ворожейке): Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, с. 221.

¹⁸ Этот тезис был развит в ряде работ Чайлда, в частности, в его статье: Childe V. G. The diffusion of wheeled vehicles.— In: Ethnographisch-Archäologische Forschungen, Bd. II. Berlin, 1954.

¹⁹ Piggot S. The beginnings of the wheeled transport.—«Scientific American», 1968, vol. 219, N 1, с. 85, 86; он же. The earliest wheeled vehicles and the Caucasian evidence.—«Proceedings of the Prehistoric Society» (London), 1959, vol. 34, с. 266—318.

Из новейших работ о колесницах на Древнем Востоке ср. в особенности Littauer M. A. and Crowell J. H. Terracotta models as evidence for vehicles with tilts in the Ancient Near East.—«Proceedings of the Prehistoric Society», 1974, v. 40, p. 20—37. Отмеченное в последней работе (p. 28) использование колесниц с крытым верхом для жилья может быть подтверждено не только надписью Идрими из Алахла, но и еще более ранним употреблением написания *GISGIGIR MA.AD.NA.NU* 'спальная повозка' в древнехеттских анналах Хаттусили I (КВо X 2 I 11, Верзо III 13, КВо X 1 Vs. 14). Этот термин, как и археологические данные, подобные крытым повозкам из Лчашена и бронзовым и терракотовым моделям таких повозок из различных мест Древнего Востока, подтверждают давнюю идею Хертеля, основанную на анализе др.-инд. *vīmāna* как обозначения мифологического «дома на колесах»: «Представление о дворцах, которые были одновременно колесницами, не может быть просто плодом воображения... Если, однако, арийские князья кочевников при их появлении в Индии имели такие жилые повозки, которые были всем снаряжены (*āramkṛta*), то это могло быть прообразом для повозок богов, которые одновременно были и жилищными повозками. Тогда мифология сохранила такую черту быта, для которой прообраз существовал в человеческом прошлом, позднее забытом» (Hertel J. Die awest. Herrschafts- und Siegesfeier.—«Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften», 1931, Bd. XLI, N VI, S. 166). Подобные повозки позднее были обнаружены, с одной стороны, в позднейших индийских свидетельствах (Waldschmidt E. Geschichte des indischen Altertums.— In: Geschichte Asiens. München, 1950, S. 103), с другой стороны, в известных данных о скифских кочевых домах — повозках: Hauschild R. Das Selbstlob (Atmastuti) des somaberauschten Gottes Agni.— In: Asiatika, Leipzig, 1954, S. 259—278, где предложена реконструкция вед. *vandhu* — 'плетенье из прутьев', согласующаяся с кузовом, плетеным из прутьев, в колесницах из Лчашена (Мнацаканян А. О. Раскопки курганов на побережье озера Севан в 1956 году. СА, 1957, № 2; Есаян С. А. Оружие и военное дело древней Армении, Ереван, 1966, с. 139—140; ср. «Археологические памятники»

¹³ Childe V. G. Prehistoric migrations in Europe. Oslo, 1950. Ср. также: Иванов В. В. Новая литература о диалектном членении общиндоевропейского языка.—«Вопросы языкознания», 1956, № 2.

¹⁴ См. об этом, в частности, в связи с этимологией хет. *hurki*; (Jacoby M. Wargus, vargr 'Verbrecher', 'Wolf'. Eine Sprach- und rechtsgeschichtliche Untersuchung.— In: Acta Universitatis Upsaliensis, «Studia Germanistica Upsaliensia», Bd. 12. Uppsala, 1974).

¹⁵ Словарь русских народных говоров, вып. 5. Л., 1970, с. 109.

¹⁶ Ср., в частности, об ослав. * *vygъbъ* 'веревка, община' в работе: Топоров В. Н. О двух праславянских терминах..., с. 119 и сл.; о славянских терминах, связанных с мировым деревом; см.: Топоров В. Н. О брахмане. К истокам концепции.— В кн.: Проблемы истории языков и культуры народов Индии.— Сборник статей памяти В. С. Воробьева-Десятовского. М., 1974, с. 24. Во всех указанных случаях, как и по отношению к русск. диал. *ворожейка*, речь идет о сохранении специального обозначения обрядового предмета.

ных находок наших археологов на Кавказе очерчивается достаточно ограниченный ареал возможного очага диффузии колесных повозок, охватывающий Закавказье и прилегающие области Древнего Ближнего Востока. Для общиндоевропейского восстанавливаются как упомянутые термины, обозначающие колесо и колесную повозку (ср. также ослав. *vozь с соответствиями в германском, греческом, индо-иранском), так и названия ее частей (русс. осель и т. д.), а также название коня (в славянском замененное другим и, возможно, отраженное только косвенно — в заимствованном названии осла — стсл. OSELN, ср. родственное арм. ес 'осел' < *ekno- 'конь' ²⁰ при важной типологической параллели: шумерск. ANSU.KUR.RA 'горный осел', в позднейших клинописных текстах используемое как обозначение 'коня') и бронзы, а также ряд обозначений тех деревьев, из которых могли изготавливаться колесницы, и термины, обозначающие отдельные части упряжки (дышло, ярмо — стсл. ИГО, слов. оје и т. п.). Поэтому реконструируемая индоевропейская культура скорее всего должна быть приурочена к области, находившейся в пределах раннего очага колесных повозок. Давно установленный факт постепенного движения западноазиатских форм колесных повозок через Северное Причерноморье в Центральную Европу ²¹ подтверждается новейшими археологическими открытиями в Венгрии ²², в свете которых делается вывод о том, что культура, характеризовавшаяся паличием изделий из бронзы (и меди) и колесных повозок, из Передней Азии в конце III тысячелетия до н. э. проникла в долину Дуная. Западноазиатский тип упряжки начиная с XV в. до н. э. распространяется в евразийских степях ²³. Указанные процессы хронологически и пространственно могут быть соотношены с миграцией индоевропейских племен, часть которых, включавшая и носителей того диалекта, из которого позднее развился праславянский, переселилась из Западной Азии в Северное Причерноморье и далее двигалась на запад ²⁴.

ки Армении. 4. Наскальные изображения, вып. 1. Ереван, 1970, с. 22—24, рис. 223).

²⁰ Watkins C. Language of gods and language of men; remarks on some Indo-European metalinguistic traditions. — In: Myth and law among the Indo-Europeans. Studies in Indo-European comparative mythology. Berkeley-Los Angeles-London, 1970, с. 7.

²¹ Кларк Дж. Г. Доисторическая Европа. Экономический очерк. М., 1953, с. 301, 302.

²² Bóna I. Clay models of bronze age wagons and wheels in the middle Danube basin. — In: Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, t. XII. Budapest, 1964; ср. Калли Н. Новая находка модели повозки эпохи энеолита из окрестности Будапешта. СА, 1976, № 2, с. 106—116.

²³ Смирнов К. Ф. Археологические данные о всадниках Поволжско-Уральских степей. — СА, 1961, № 1; Sulimirski T. Prehistoric Russia. An outline. London, 1970, p. 275.

²⁴ Применительно к праславянам указанный процесс обрисован в статье: Golqb Z. «Kentum» elements in Slavic. — «Lingua poznaniensis», XVI. Warszawa-Poznań, 1972, s. 76 и сл. Ср. также: Gimbutas M. The Slavs. An Outline. London, 1970.

Общиндоевропейские истоки можно предположить и для целого комплекса ритуалов, связанных с культом коня. На этом пути открываются широкие возможности для сопоставления археологических свидетельств с данными ранних письменных источников. Восточнославянские захоронения коня, обнаруженные в Киеве и Чернигове ²⁵ и обоснованно сопоставляемые со свидетельствами захоронения коня в срубе в былине о Михайле Потопе и в летописи ²⁶, имеют разительные параллели как у балтийских племен ²⁷, так и у индо-иранцев ²⁸ и финно-угорских народов, испытавших иранское влияние ²⁹. Иранское влияние можно было бы предположить и по отношению к славянскому обряду, так как аналогичный осетинский ритуал, сохранившийся до XX в., восходит к скифскому ³⁰. Но если это влияние и имело место, оно лишь способствовало упрочению той традиции, которая у балтийских племен и иранцев восходит к общиндоевропейскому времени. Возможно, что наиболее древние археологические свидетельства этого обряда в Поволжье ³¹ отражают обычаи одной из групп индоевропейцев, мигрировавших через приволжские степи. Давно уже сделанное предположение о том, что конь сопутствует воинским погребениям правителей или князей ³², соответствует аналогичной интерпретации захоронений в повозках на Кавказе ³³ и в Анатолии ³⁴, где они также (хотя бы отчасти) связываются с индоевропейским этническим слоем.

²⁵ Блифельд Д. И. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX—X вв. — СА, 1954, XX, с. 148—156; Каргер М. К. Древний Киев, I. М.—Л., 1958, с. 187, 200.

²⁶ Воронин Н. Н. Погребение коня в срубе в 1149 г. — КСИА, 1971, № 125, с. 23—26.

²⁷ Кулискаускас Р. К. Погребение с конем у древних литовцев. — СА, 1953, XVII.

²⁸ Калоев Б. А. Обряд посвящения коня у осетин. — В кн.: «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. 8. М., 1970, с. 35, 36.

²⁹ Дубыкин А. Ф. Малышевский могильник. — «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», 1949, вып. XXV, с. 131.

³⁰ Ср. о культе лошади у иранских племен: Литвинский Б. А. Кангюско-сарматский фарн. Душанбе, 1968, с. 28—35; о возможной роли индо-иранских племен в распространении коневодства в Северном Причерноморье см.: Кузьмина Е. Е. Навершие со всадниками из Дагестана. — СА, 1973, № 2, с. 187 и сл.

³¹ Смирнов К. Ф. О погребениях с конями и труположением в Поволжье. — СА, 1957, XXVII, с. 209 и сл.; он же. Быковские курганы. — «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее — МИА), 1960, № 78, с. 240; ср. Алиев И. Рец. на кн.: Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. — «Вестник древней истории», 1973, № 3, с. 177.

³² Воронин Н. Н. Указ. соч., с. 24, примеч. 14.

³³ Массон В. М. Древние гробницы вождей на Кавказе (некоторые аспекты социологической интерпретации). — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 108, 109.

³⁴ Mellaart J. The Chalcolithic and Early Bronze Ages in the Near East and Anatolia. Berlin, 1966, p. 155; Mellink M. J. Excavations at Karataş, Semayük and Elmali, Lycia, 1972. — «American Journal of Archaeology», 1973, vol. 77, N 3, p. 300.

Представляется возможным, что обычай нарядки коней в маски, отраженный в житии Даниила Галицкого (см. Ипатьевскую летопись под 1252 г.), имеет общее происхождение с теми масками коней-грифонов в пазырыкских курганах, которые сопоставляются с представлениями о «небесных конях», распространившимися в Восточной Азии, благодаря позднейшим миграциям индоевропейцев — на восток³⁵. С той же символикой коня как птицы, подтверждаемой разными индоевропейскими культурными и языковыми традициями, связан и обычай украшать крыши домов двумя коньками (или двумя изображениями птиц), причем в германском ареале устойчиво сохраняется соотношение этих двух коньков с двумя «конскими» именами дуальных вождей (Nen-gest и Horsa), функции которых разъясняются из реконструированной для общиндоевропейской дуальной социальной организации³⁶. В восточнославянских, в том числе и в новгородских обрядах принесения коня в жертву при закладке дома³⁷ можно видеть подтверждение того, что в символах на крыше и в их названиях отражена особая обрядовая роль головы коня, доказываемая и фольклорными материалами. На славянской почве достаточно хорошо засвидетельствован и культ двух мифологических близнецких существ, связанных с конями, который позднее отразился в христианизированных образах двух святых — коневодов Флора

³⁵ Pulleyblank E. G. Chinese and Indo-Europeans. — «Journal of the Royal Asiatic Society», 1966, pt. 1—2; Иванов В. В. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva* 'конь'. — В кн.: «Проблемы истории языков и культуры народов Индии». М., 1974, с. 138, примеч. 181. В том же отношении существенный интерес представляет китайское мифологическое представление о Большой Медведице как «колеснице, указывающей на юг» (Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1965, с. 12, 122 (и рис. 16), 360, примеч. 68), ср. аналогичное представление у хеттов (*ḫurkiuš* 'колеса' Большой Медведицы; Иванов В. В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка. — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1975, т. XXXIV, 5, с. 404, примеч. 40), фригийцев (*ḫilḫurṭin ḫrḫon tō ḫrḫon*), балтийских народов (лит. *Didieji Grižutė Ratai*, лат. *greizie ratī*). Это совпадение может быть присоединено к другим ранее указывавшимся сближениям, позволяющим аргументировать западноазиатское (вероятно, индоевропейское) происхождение древнекитайской колесницы: Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М., 1976, с. 275—279.

³⁶ Ward D. The Divine Twins. Berkeley and Los Angeles, 1968; Иванов В. В. Отражение индоевропейской терминологии близнецного культа в балтийских языках. — В кн.: Балто-славянский сборник. М., 1972; ср.: он же. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva* 'конь'. — В кн.: Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974, стр. 136.

³⁷ Милонова В. Г. Языческое жертвоприношение в Новгороде. — СА. 1967, № 1. Существенный интерес представляет сопоставление со сходными южнославянскими и другими балканскими обрядами (*Vrabie G. Baladă populară română. București, 1966, p. 69 и сл.; Eliade M. Comentarii la legenda Meșterului Manole. București, 1943*), достаточно древний характер которых подтверждается свидетельствами византийских авторов (см. сводку данных и сравнительно-этнографический анализ в работе: Зеленин Д. К. Тотемы-дерева в сказаниях и обрядах европейских народов. М.-Л., 1937, с. 10—12).

и Лавра³⁸. Функция соответствующих близнецких божеств, сходных с древнеиндийскими ашвинами (от др.-инд. *aśva* < **ek̑ro* 'конь'), восстанавливается благодаря реконструкции социальной структуры, где каждое из таких божеств соотносено с одним из дуальных предводителей и с одним из рядов символической двоичной классификации³⁹. Таким образом, исследование проблематики индоевропейских и праславянских обозначений повозки и упряжи связывается как с другими аспектами изучения истории славянской материальной культуры, так и с реконструкцией основных характеристик духовной культуры и социальной организации. Реконструкция каждого из отдельных звеньев в этой цепочке взаимосвязанных явлений могла бы остаться спорной, но наличие определенных отношений импликации между ними доказывает вероятность всей системы в целом.

5. На основании проведенных в последние десятилетия исследований в области лингвистической реконструкции индоевропейских и праславянских древностей достигнуты существенные результаты, которые должны постоянно учитываться и представлять смежных дисциплин, занимающихся восстановлением дописменной истории славян.

Реконструирован набор природных реалий, позволяющих дать достаточно точную экологическую характеристику той природной среды, к которой относились названия животных и растений в праславянском и общиндоевропейском. Для историка славянских древностей первостепенное значение имеет вывод автора новейшей монографии об индоевропейских названиях деревьев, согласно которой праславянский лучше всех других групп индоевропейских языков сохранил индоевропейскую систему обозначения деревьев⁴⁰. Из этого следует, что «носители общеславянского языка в общеславянский период жили в экологической зоне (в частности, определяемой по древесной флоре), сходной или тождественной соответствующей зоне общиндоевропейского, а после общеславянского периода носители различных славянских диалектов в существенной степени продолжали жить в подобной области»⁴¹.

С точки зрения отмеченной выше существенной особенности лексических реконструкций, которые благодаря многозначности значений основных терминов могут относиться одновременно к нескольким аспектам культуры, следует подчеркнуть, что в прасла-

³⁸ Н. Малицкий. Древнерусские культуры сельскохозяйственных свя-
тых по памятникам искусства. — «Известия Академии истории материальной культуры», 1932, т. 11, вып. 10, с. 21—26.

³⁹ Относительно славян соответствующие выводы были намечены еще в 1941 г. А. М. Золотаревым, см.: Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964; ср. рецензию: Иванов В. В. Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний. — СА, 1968, № 4. Ср. также сходный вывод: Gasparini E. L'orizzonte culturale del «mit». — «Ricerche slavistiche», 1962, X, p. 3—21.

⁴⁰ Friedrich P. Proto-Indo-European Trees. Chicago, 1970, p. 166.

⁴¹ Ibid., p. 167.

вянский период достаточно хорошо сохраняются многообразные семантические внутритекстовые связи, позволяющие восстановить культовую роль отдельных деревьев. В частности, славянские и балтийские языки и фольклорные традиции на этих языках свидетельствуют о непосредственном продолжении тех общиндоевропейских представлений, которые связывались с дубом и с дубовой рощей на горе как святилищем бога грозы (праслав. *Регунь*, лит. *Perkūnas*, ср. лат. *quercus* < *perk^w — 'дуб')⁴². Такие засвидетельствованные в раннеславянских письменных источниках формулы, как *Перунов дуб* на горе (грамота 1302 г. галицкого князя Льва Даниловича, определяющая границы владений епископа Перемышльского), приурочены к той самой области (прикарпатской), древнее название которой в ряде западных индоевропейских диалектов образовано от общиндоевропейского имени бога-громовержца, ассоциировавшегося с дубом, ср. сохраненную у античных авторов кельтскую форму древнего названия Карпат *Ἀρκύνια* (ἄρκυ) *Hercynia* (*silva*) при др. в. нем. *Virgunnia*, *Firgunnea* (Рудные горы), ср. в. нем. *Virgunt* (Судеты)⁴³, соответствующее лит. *Perkūnija* (первоначальное значение 'священная дубовая роща на возвышенности, посвященная богу-громовержцу').

Некоторые существенные архаизмы сохранены и в таких праславянских названиях животных, как термин, обозначающий лосося (водившегося не только в реках бассейна Балтийского и Северного морей, но и в реках Кавказа и азиатских водных бассейнах), древность которого подтвердилась, благодаря обнаружению соответствия не только в балтийском и германском, но и на крайнем востоке индоевропейского ареала — в тохарском (с развитием значений 'лосось' > 'рыба', связанным с миграцией тохар из водных бассейнов, где водились лососевые). Однако при непрерывности традиционных названий деревьев, легко объясняемой гипотезой о расселении из Северного Причерноморья (а еще ранее — Кавказа, древесная флора которого близка к северо-причерноморской), в отношении названий животных обнаруживаются некоторые существенные изменения, которые можно было бы объяснить исходя из гипотезы о переселении древних индоевропейских племен с юга на север (соответственно с юго-востока на северо-запад); ср. сохранение только в южных индоевропейских языках названий таких животных, как 'лев' (арм. *luj*, др. инд. *simha* с иранскими соответствиями).

Предложенная в последнее время гипотеза, согласно которой при миграции на запад носителей диалектов общиндоевропей-

⁴² Иванов В. В. и Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей, с. 14 и сл.

⁴³ Ср. Иванов В. В., Топоров В. Н. Карпаты в связи с проблемами расселения древних индоевропейских племен. — В кн.: Симпозиум по карпатскому языкознанию. Тезисы докладов. М., 1973. Ср. замечания о Карпатах в связи с этногенезом славян: Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. — Вопросы языкознания, 1974, № 6, с. 49 и сл.

ского языка из первоначальной территории, находившейся в Западной (или Центральной) Азии, часть диалектов (в том числе и тот диалект, из которого развился праславянский) образовала вторичное единство в Северном Причерноморье⁴⁴, может найти подтверждение в таких лексических фактах, как название 'моря', общее для западных индоевропейских языков (гот. *marei*, др. ирл. *muir*, лат. *mare*), балтийских (лит. *mārės*) и славянского (**morje*)⁴⁵, при наличии других терминов в остальных индоевропейских языках (хет. *arawa* — 'море', др. инд. *sal-ila* 'море' < *'соленое' и т. п.). Существенными в той же связи представляются и такие обозначения времен года, как 'осень', общие для славянских (стел. *ЮСЕНЬ*, рус. *осень*, чеш. *jezeň*), балтийских (прусс. *assanis*), германских (гот. *asans* 'время уборки урожая') языков, но являющееся не общей их инновацией⁴⁶, а архаизмом, подтвержденным хет. *zenī* 'в конце лета' ('осенью'; *zen* < **sen* — сезон, включающий 8-й месяц; хет. форма локатива *zenī* тождественна др. прус. *осени*, с.-хорв. *jeseni*).

6. Первоначальная западноазиатская территория реконструируемой общиндоевропейской культуры находилась достаточно близко к древнейшим центрам ближневосточных городских цивилизаций, что доказывается как приведенными выше аргументами, касающимися распространения колесных повозок, так и фактами, подобными открытому В. М. Иллич-Свитычем пласту семитских заимствований в общиндоевропейском. Этому географическому приурочению соответствует высокий уровень и технического ее развития, и соответствующих социальных установлений. Для общества этой эпохи устанавливается общественная дифференциация. В частности, необходимо подчеркнуть общиндоевропейский характер таких терминов, как др. прус. *ЛЮДИНЬ* 'свободный человек', находящего наиболее точные соответствия в балтийском и германском⁴⁷. Восстанавливаемое на основании лит. *liāudis*

⁴⁴ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Проблема определения первоначальной территории обитания и путем миграции носителей диалектов общиндоевропейского языка. — В кн.: Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Предварительные материалы. М., 1972, с. 23. О культуре Европы до миграции индоевропейцев с востока ср.: Gimbutas M. Cult, myth, and images of Old Europe, 7000—9000 B. C. London, 1973; Goodenough W. Evolution of pastoralism and Indo-European origins. — In: Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia, 1970.

⁴⁵ Более раннее значение отражено в скифском (осет. *mal* 'глубокая стоячая вода'; Абазов В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. II. Л., 1973, с. 69), армянском (*mayr* 'болото'), хетт. *ma(r)* *mara* 'болото' 'топь' (с редупликацией, ср. Poetto M. Due note lessicali etee. — «Paideia», 1973, 28, p. 177, 178).

⁴⁶ Вопреки проф. X. Стангу (*Stang Chr. S. Lexikalische Sonderüberstimungen zwischen dem Slawischen, Baltischen und Germanischen*. Oslo, 1972, S. 74).

⁴⁷ Ср.: *Stang Chr. S. Op. cit.*, S. 32 и 74. Исключительный интерес представляет отражение в лит. *arvas* другого индоевропейского прилагательного со значением 'свободный', древность которого удостоверяется хет. *arawa* — 'свободный' (ср. в связи с прус. *arwis* Топоров В. П. Прусский язык. Сло-

и родственного латыш. ļaudis (в диалектах 'свои люди', ср. рус. *свои люди*) значение 'свободный земледелец', 'принадлежащий к своей замкнутой социальной группе' подтверждается явственно земледельческим характером архаических римских ритуалов типа Liberalia и слов других индоевропейских языков, родственных лат. liber 'свободный' от *leudh- 'расти'⁴⁸. Противоположный латинский термин servi 'раб' происходит из *resu — servi 'скотовод-пастух', что доказывается этимологическим отождествлением лат. servare pecus 'сторожить скот' и авест. (spā) pasuš.haungu- 'пес, сторожащий (мелкий рогатый) скот', ср. предполагаемую некоторыми исследователями связь с этим корнем этнонима *сербы*⁴⁹. Таким образом, противопоставление 'свободный' — 'несвободный', 'раб' возводится по лингвистическим данным к противопоставлению 'свой, земледелец' — 'чужой, скотовод' (к семантике последнего противопоставления можно привести многочисленные параллели из той же «Авесты»). В случае, если пол. pasierb 'пасынок' связано с тем же корнем⁵⁰, в семантическом развитии этой группы слов можно видеть частичную параллель и к соотношению между стсл. РЯБѢ, РЯБОТЯ, гот. arbairþs, арм. arbaneak 'слуга, помощник' и греч. ὀρφανός 'сирота', которое (как и близкие по значению слова западных индоевропейских языков) правдоподобно объясняются изменением ранних имущественных отношений.

Наличие терминов, относящихся к 'богатству', 'воровству' (стсл. ТАЙТИ, соответствующее хет. tai-), 'нищете' (ср. праслав. *ne-bogъ, *u-bogъ, архаизм которого подтверждается недавним обнаружением сходного по семантической структуре хет. a-šiu — ant- 'нищий', где šiu < *dieu- 'бог'), подтверждает картину существенной экономической дифференциации общества. Древ-

варь. А — D. M., 1975, с. 112), лик. aḡawa (в том числе в контексте, где, как и в подобных хеттских текстах, речь идет об освобождении, ср.: Laroche E. La stèle trilingue récemment découverte au Létôn de Xanthos; le texte lycien. — Académie des inscriptions et belles — lettres. Comptes rendus des séances de l'année 1974. Janvier — mars. Paris, 1974, p. 117 (строки 12 и 21), 123 — с очень спорными этимологическими соображениями).

⁴⁸ См. анализ семантического развития слов этой группы: Benveniste E. Le vocabulaire des institutions indo-européennes. I. Economie, parenté, société. Paris, 1969, p. 321—325, там же о лат. liberi 'дети'.

⁴⁹ Grégoire A. L'origine et le nom des croates et des serbes. — «Byzantion», 1944—1945, 17; Moszyński K. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław — Kraków, 1957, s. 147 и далее (там же ср. объяснение этнонима *хорват*, обычно признаваемого иранизмом, из скифской формы того же слова, но ср. иное объяснение; Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы..., с. 61).

Представляется вероятным сближение с индоевропейской основой *seru, *soru, восстановленной на основании хеттской и кельтских форм: Watkins C. Hittite šaru, Old Irish serb, Welsh herw. — «Indo-European Studies II». Cambridge, Mass. 1975, p. 322, 321 (сам Уоткинс отвергает сопоставление с лат. servi, см. p. 327, но не дает никаких обоснований) в значении 'добыча'.

⁵⁰ Ср. о разных этимологических объяснениях: Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959, с. 53, 54.

ность соответствующих социальных терминов удостоверяется такими точными сближениями, как стсл. НИЩЬ 'πτωχός' (рус. *нищий*, с.-хорв. *nišit* 'бедный') и др. инд. *nīṣṭya-* 'находящийся вовне = вне касты, чужой', где суффикс *tjo- имеет общиндоевропейское значение, связанное с определением положения «по координатам не в материальном пространстве, а в социальном поле общества»⁵¹.

К числу несомненных архаизмов праславянской социальной терминологии относится ряд деталей системы терминов родства, в частности разграничение кузенов по отцу и по матери⁵², что соответствует данным о кросскузенном браке, вытекающем из дуально-эзогамной организации общиндоевропейского общества, предполагаемой Бенвенистом и вслед за ним рядом других исследователей⁵³. Ценность этого вывода состоит в том, что он согласуется с данными о наличии черт дуальной организации, сказывающихся в двоичной символической классификации в праславянском⁵⁴.

Относительная простота соответствующих структур в праславянской культуре не всегда может рассматриваться как архаизм. Теоретически можно считать, что с возможностями упрощения более сложных систем, унаследованных от общиндоевропейского. Одним из факторов, способствующих такому упрощению, могло быть удаление от тех ближневосточных культурных центров, близ которых локализуется общиндоевропейская территория. Но необходимо отметить, что целый ряд черт общиндоевропейских поэтических текстов, реконструированных в работах последних лет, достаточно хорошо отразился и в славянских традициях⁵⁵. В частности, тема прославления боевой славы (слав. slav- < *kle/ou-) предводителя дружины, восстановленная в качестве основной для индоевропейского прототипа древних индо-иранских, древнегреческих и древнегерманских фольклорных текстов⁵⁶, достаточно хорошо отражена и в общеславянской ономастике, и в

⁵¹ E. Benveniste. Hittite et indo-européen. Paris, 1962, p. 104.

⁵² Ср. к истории изучения и типологии древнерусской системы: Крюков М. В. Система родства китайцев (эволюция и закономерности). М., 1972, с. 55, 56.

⁵³ См.: Л. Г. Герценберг. Указ. соч., с. 67—72; там же новейшая литература, к которой следует теперь присоединить книгу: Gates H. P. The kinship terminology of Homeric Greek. — International Journal of American linguistics, 1971, vol. 37, Supplement, N 4, p. 45 и далее (там же об отличии балто-славянской терминологии от других диалектов).

⁵⁴ Золотарев А. М. Указ. соч.; E. Gasparini. Op. cit.; Иванов В. В. и Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие системы. М., 1965.

⁵⁵ См. о метрике: Watkins C. Indo-European metrics and archaic Irish verse. — «Celtica», 1962, vol. VI; Церетели Г. В. Метр и ритм в поэме Пуставели и вопросы сравнительной версификации. — В кн.: Контекст. 1973. Литературно-теоретические исследования. М., 1974, с. 131—139.

⁵⁶ Schmitt R. Dichtung und Dichtersprache der indogermanischen Zeit. Wiesbaden, 1967.

соответствующих фрагментах текстов, которые можно восстановить для праславянского периода ⁵⁷.

7. Для смежных исторических дисциплин исключительное значение имеет то, что славянское языкознание, как и сравнительно-историческая грамматика индоевропейских языков, уделяют все большее внимание временному и пространственному приурочению тех процессов, которые устанавливаются на основе собственно языковых соотношений. Благодаря используемым в настоящее время способам определения относительной хронологии диахроническая лингвистика с достаточной четкостью разграничивает разные эпохи развития праславянского, начиная с той древнейшей эпохи, когда он практически неотличим от прабалтийского (в настоящее время он считается многими исследователями поздним этапом его эволюции) вплоть до выделения отдельных диалектов в пределах еще реально единого общеславянского ⁵⁸. Характер развития таких поздних заимствований общеславянской эпохи, как имя императора Карла Великого (771—814 гг. н. э.), дающее архаические фонетические рефлексy и словообразовательные производные (рус. *королевич*, пол. *królewic*, с.-хорв. *kráľevič* — производное на *-itje- от основы на -ji- из основы на *-jŭ- ⁵⁹) позволяет считать, что еще в этот период общеславянский язык был еще реальностью ⁶⁰, хотя географическое и историческое расчленение общеславянской области уже началось с V — VI вв. н. э., благодаря движению южных славян на Балканы. Если языковые процессы этой эпохи поддаются соотнесению с археологическими данными, подтверждающими единство материальной культуры славян в VI — VII вв. н. э. ⁶¹, то значительно более сложным остается вопрос о соотнесении более ранних этапов эволюции праславянского языка с конкретными археологическими данными.

⁵⁷ Иванов В. В., Топоров В. Н. К реконструкции праславянского текста. — В кн.: Славянское языкознание. М., 1963, с. 134.

⁵⁸ Birnbaum H. Zur Problematik der zeitlichen Abgrenzung des Urslawischen. — «Zeitschrift für slavische Philologie», 1970, Bd. XXXV, H. 1; *idem*. Problems of typological and genetic linguistics viewed in generative framework. The Hague — Paris, 1970; *idem*. Common Slavic. Progress and Problems in its Reconstruction. Ann Arbor, 1975.

⁵⁹ Meie A. Общеславянский язык. М., 1951, с. 295, § 418.

⁶⁰ Селищев А. М. Славянское языкознание, т. I. М., 1941, с. 15. Но ср. Lunt H. G. Old Church Slavonic *kraljъ? In: «Orbis Scriptus Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag». München, 1966.

⁶¹ Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дніпром і Прип'яттю. Київ, 1972; см. там же о выделении двух основных типов раннеславянской культуры. Диалектные различия в пределах позднего общеславянского языка (знакеты которых для проблемы этногенеза особенно подчеркивает О. Н. Трубачев) суммированы в кн.: Furdal A. Rozpad języka prasłowiańskiego w świetle rozwoju głosowego. Wrocław, 1961; H. Birnbaum. The dialects of Common Slavic. — В кн.: Ancient Indo-European dialects. Berkeley—Los Angeles, 1966. Обзор данных о прародине славян см.: Birnbaum H. The original homeland of the Slavs and the problem of early Slavic linguistic contacts. — «The Journal of Indo-European Studies», 1973, v. I, N 4.

Существенно продвинувшиеся в последние годы исследования гидронимики верхнего и правобережного Поднепровья и Повислья очень ценны для определения тех этнических слоев, которые на этих территориях могли предшествовать праславянам, но их значение особенно велико именно по отношению к наиболее древним эпохам ввиду исключительной архаичности названий рек (прежде всего, крупных). Для периодов же, непосредственно предшествовавших появлению письменных памятников, гидродинамика дает сравнительно мало. Так, выделение венетского пласта гидронимов в Северной Польше и иллирийского в Южной Польше ⁶² еще не может служить достаточным аргументом для описания пути славянских миграций, так как пережиточное сохранение названий рек на протяжении исключительно больших временных интервалов делает гидронимику инструментом более мощным, чем тонкие методы, которые были бы нужны по отношению к хронологически менее удаленному периоду.

Напротив, интересных результатов по отношению к поздним периодам можно ждать от изучения этнонимов, на что в последнее время не раз обращали внимание и историки ⁶³ и лингвисты ⁶⁴. Особенно интересной представляется проблема возможности выводов о направлении миграций, которые можно сделать на основании совпадения этнонимов в разных ареалах. Так, из наличия этнонима *Kryvitsani* на Пелопоннесе при *Κρυϊττῶν* в Мессении, *Crivitz* в Мекленбурге, др. рус. *Кривичи* (*Κριϋιττῆροι* у Константина Багрянородного) делается вывод о миграции соответствующих славянских этнических образований с востока на юг ⁶⁵. Существенным в таких случаях для характеристики праславянской культуры может оказаться и исследование внутренней формы подобных этнонимов. Если верно допущение, что приведенный этноним образован от имени родоначальника племени **Krīv* ⁶⁶, то на основании обычного для слов этого этимологического гнезда значения 'левый' здесь можно было бы видеть след мифа о герое типа греческого Лая — отца Эдипа (ср. греч. *λαίος* 'левый'; родственно рус. *левый*) и иранского Йимы и др.-исл. *Ymir*, которые (как и типоло-

⁶² Milewski T. Nazwy z obszaru Polski podejrzone o pochodzenie wenetyjskie lub iliryjskie. — In: *Slavia Antiqua*, XI, Poznań, 1964, s. 37—86.

⁶³ Корольков В. Д. К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев. — «Советское славяноведение», 1973, № 3, с. 89, 90.

⁶⁴ Трубачев О. Н. Славянские этнонимы...; Топоров В. Н. Заметки по балтийской этнонимии. — В кн.: III Всесоюзная конференция по балтийскому языкознанию 25—27 сентября 1975 г. Тезисы докладов. Вильнюс, 1975, с. 147—150. Ср. Maher J. P. The ethymology of Common Slavic *Slovene 'Slavs'. — «The Journal of Indo-European Studies», 1974, vol. 2, N 2, 143—156.

⁶⁵ Трубачев О. Н. Славянские этнонимы..., с. 62, 66, ср. с. 55, 56; Miklosich F. Die Bildung der slavischen Personen- und Ortsnamen. Heidelberg, 1927, S. 270—271.

⁶⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1967, с. 375.

Ср. подробнее о группе слов, связанных с этим названием, в статье В. В. Иванова и В. Н. Топорова в настоящем сборнике.

гически им соответствующие герои других мифологических традиций) характеризуются соотносительностью с левой рукой и соответствующим рядом двоичной символической классификации⁶⁷.

Исключительный интерес представляет и исследование возможных истоков некоторых древнеславянских географических обозначений, от которых образованы этнонимы: так, тип *romog'ane (в отличие от кельт. romāni), ср. название Померании и т. п., можно было бы сравнить по структуре с типом шугн. Rōmēr (рун. Rōmīr), разъясняемого на основании сближений с гр. ῥωμο-δῶρος 'получивший участок при разделе земли', др.-англ. mearc 'граница, район, межа' (хотя возведение к иранск. *rāga — mārga⁶⁸ сделало бы это структурное сближение славянского и иранского обозначений сомнительным).

8. Основные этапы развития праславянского языка лежат между концом общеславянской общности в I тысячелетии н. э. и предполагаемой миграцией западных индоевропейских племен из Азии в Северное Причерноморье (или на Балканы), начавшейся вскоре после разделения индоевропейских диалектов около III тысячелетия до н. э. Для наиболее ранних этапов этого развития реальной оказывается не столько конкретная локализация праславян, сколько определение места праславянского и прабалтийского среди других близких индоевропейских диалектов. В частности, исключительный интерес представляет выявление некоторых социальных терминов, общих только для германского, балтийского и славянского и позволяющих предполагать лексическую инновацию в таких важнейших для общеиндоевропейской лексики области, как терминология дара и обмена. К таким терминам относятся стсл. ДРОУГЪ, выступающий, как и соответствующие балтийские и германские термины⁶⁹, в качестве замены термина взаимности типа др. инд. agi, хет. agaš, ср. хет. agaš agan 'друг друга'; стсл. ДЪЛАЪ, ДЪЛАТИ⁷⁰; ср. также характерные соответствия между стсл. ГОСТЬ и др. исл. gestr 'гость' (в том числе о боге), лат. hostis; стсл. ГОСПОДЪ: лат. hospes и т. д. Для определения места праславянского в кругу родственных диалектов много дает выявляемая в последнее время специфика грамматической и акцентологической системы балтийских и славянских языков, сохранивших целый ряд архаизмов, утраченных в древнегреческом, армянском и индо-иранских языках, где морфология глагола подверглась

существенной перестройке. Поэтому объединение этих языков в восточноиндоевропейскую группу вместе с балто-славянским⁷¹ только на основании немногих фонологических критериев (таких, как развитие заднеязычных и связанного с ним изменения в определенных позициях) оказывается несостоятельным. Благодаря этому грамматические исследования последнего времени подтверждают возможность отнесения балтийских и славянских языков к западноиндоевропейской (по терминологии Мейе и Порцига) или «древнеевропейской» (по терминологии Крае) группе индоевропейских диалектов, что давно уже стало вероятным, благодаря исследованию их лексики⁷². Однако оба эти термина едва ли можно считать удачными, если учесть, что они относятся к периоду совместного обитания носителей этих диалектов в Северном Причерноморье. Последняя локализация, согласующаяся и с приведенной выше характеристикой славянских названий деревьев по отношению к индоевропейским, позволяет думать, что передвижение носителей прабалтийского на север из этой области, вызвавшее существенные изменения в отношениях между балтийскими и славянскими языками, не может датироваться достаточно древним временем. К более поздней эпохе, связываемой с появлением носителей восточноиранских языков в Северном Причерноморье, относятся те лексические связи праславянского с иранским (в частности, в религиозной терминологии), которые всего отчетливее выявляются по мере привлечения новых данных иранских языков⁷³. Совместное изучение указанных ранних эпох в истории праславян оказывается возможным прежде всего на основе лингвистических данных, остающихся поэтому центральными для всей проблематики славянского этногенеза.

⁶⁷ См. об этом подробно: Иванов В. В. Об одном типе архаичных знаков искусства и пиктографии. — В кн.: Ранние формы искусства. М., 1972.

⁶⁸ Ср. Абаев В. И. Рец. на кн.: Герценберг Л. Г. Морфологическая структура корня. — Вопросы языкознания, 1974, № 2, с. 132.

⁶⁹ Ср. Stang Chr. S. Op. cit., с. 73. Подробно см. Иванов В. В. Происхождение семантического поля славянских слов, обозначающих дар и обмен. В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975, с. 50—78, особенно с. 76 (о диалектных связях внутри индоевропейского ареала).

⁷⁰ Ibid., S. 17, 70 (со ссылкой на анализ данной группы слов у Н. С. Трубецкого).

⁷¹ См.: Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964.

⁷² Ср. выводы последней книги Станга: Stang Chr. S. Op. cit. Ср. выше о славянском и латинском.

⁷³ Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений. — В кн.: Этимология. 1965. М., 1967; Топоров В. Н. Из наблюдений над этимологией слов мифологического характера. — В кн.: Этимология. 1967. М., 1969; Иванов В. В. Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии. — Труды по знаковым системам. (Тарту) IV, 1969.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДРЕВНЕГО БАЛКАНСКОГО СУБСТРАТА И АДСТРАТА

Л. А. Гиндин

Настоящая работа ¹распадается на три неравные части. В первой, самой краткой, высказывается несколько теоретических положений. Краткость этой части обусловлена, главным образом, поставленными задачами, которые в данном случае мыслятся весьма прагматическими, и поэтому углубление в теорию здесь не представляется целесообразным ². Во втором разделе показываются основные тенденции в изучении субстратного языкового наследия типа догреческого, усилившиеся в последнее десятилетие. Наконец, в третьей, самой обширной части мы более пространно остановимся на изучении фракийских языковых реликтов и попытаемся подвести некоторые итоги, полученные нами в этой области.

I. Перейдя к изложению теоретического раздела, можно отметить два, по всей видимости, бесспорных положения. Во-первых, феномен лингвистического субстрата, адстрата и, соответственно, суперстрата — одно из явлений, наиболее тесно связанных с этногенетическими процессами, поскольку субстратно-суперстратные языковые отношения всегда сопряжены с двуязычием и возникают в результате субстратно-суперстратных этнических взаимодействий. В этом смысле данная тема теснейшим образом включается в проблематику этногенеза тех народов, которые складывались в исторические отрезки, прямо не отраженные в письменных источниках. Во-вторых, трудно найти в Европе другой географический район, где бы проблемы субстрата были столь же актуальны и столь же осложнены, как в языковой и этнической истории Балканского п-ова. Частично характеристике этого обстоятельства посвящена упоминавшаяся выше наша статья «Проблемы античной балканистики»; там же о предмете античной лингвистической балканистики, методе исследования и этно-языковых ареалах в догреческий и паратреческий период.

Между прочим, неизбежное при субстратно-суперстратных отношениях двуязычие нашло отражение у греческих историков.

¹ Публикуемая статья представляет собой почти неизменный вариант доклада, прочитанного в марте 1972 г. в группе этногенеза в Институте славяноведения и балканистики АН СССР; именно жанром устного сообщения вызвана скупость библиографических примечаний.

² В совокупности проблематика, связанная с изучением субстратных языков Балкан, рассматривается в ряде других наших работ, см., в частности: Гиндин Л. А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967, *оп. же.* Проблемы античной балканистики. Лингвистический аспект. Вопросы языкознания (далее — ВЯ), 1973, № 1 и т. д.

Так, Фукидид четко свидетельствует (IV, 109), что несколько городов на п-ове Атос были населены смешанными племенами варваров, говорящими на двух языках, т. е. «по-варварски и по-гречески»: αἱ οἰκοῦνται ξυμμιχτοῖς, ἑθνεσι βαρβάρων διγλωσσῶν, букв. «племенами двуязычных варваров». Большую часть их составляли пеласги, принадлежащие к тирсенам, когда-то населявшие Лемнос и Афины, а также бизальты, крестоны и эдоны. Здесь пеласги упомянуты вместе с тремя определенно фракийскими племенами, что в известной мере иллюстрирует нашу мысль о генетической принадлежности «пеласгского» догреческого слоя к фракийскому этническому комплексу, о чем ниже сказано подробнее.

Однако продолжим наши общие рассуждения о субстрате. В плане азбучных истин известная триада терминов — субстрат, адстрат, суперстрат — вряд ли нуждается в дополнительных дефинициях. Впрочем, одно положение следует подчеркнуть. Из указанных самым емким и общим содержанием обладает понятие адстрата; этот термин в максимально возможной степени конкретен и более всего отражает механизм и специфику языковых контактов, предполагая длительное сосуществование этносов и языков. В значительной мере феномен субстрата оказывается частным проявлением адстратных взаимодействий.

Тем не менее в материале все обстоит значительно сложнее, во всяком случае на Балканском п-ове, где, как принято считать, наблюдаются классические формы субстрата (например, догреческий, дославянский и пр.).

Прежде всего в именах нарицательных, доступных наблюдению, трудно отличить обычное заимствование из соседних языков от субстратного проникновения. Затем, в отличие от анатолийской, индоарийской ономастики Передней Азии, ономастики севера России и т. д., в балканском ареале, где туземные языки догреческого и дославянского периодов сохранились лишь в виде ономастических реликтов, мы сталкиваемся с труднейшим казусом, когда апеллативная субстратная лексика, наряду с прочими ярусами обычного языка, величина искомая, ср. сходную картину при реконструкции скифского языка ³.

С другой стороны, топонимический ландшафт и ономастический континуум в целом представляет собой плоскость проекции разновременных и лингво-этнически разнохарактерных фактов; причем это наблюдается на любых хронологических срезах, начиная с древнейших греческих фиксаций. Это неукоснительно требует диахронической стратификации предполагаемых субстратных элементов в качестве необходимой процедуры оперирования с подобными фактами. Лингвистическая ситуация здесь совершенно противоположна археологической, откуда заимствовано понятие страта, если, разумеется, раскопки велись квалифицированно.

³ Ниже речь везде будет идти о балканском ареале.

Необходимо специально отметить, что в послевоенные годы существенно сместились акценты субстратных разысканий. Пафос исследований этой проблематики в настоящее время заключается именно в конкретном познании самих реликтовых субстратных языков (фракийского, иллирийского, македонского и т. д.) и в проверке предложенных ретроспективных реконструкций, базирующихся на закономерных отклонениях от ортодоксальной сравнительно-исторической фонетики и в минимальном размахе морфологии языка суперстрата. Указанный методологический прием прилеп и несомненно в состоянии приносить в будущем немалые результаты, однако не столь достоверные и обширные, чтобы реальная ценность субстратных лингвистических фактов стала величиной, могущей удовлетворить все чрезвычайно многочисленные случаи апелляции к языковому субстрату в работах, касающихся современных и древних языков Балканского шова и шире Средиземноморья.

Нет смысла останавливаться на таких нонсенсах, как обращение к фракийскому субстрату в поисках так называемой «утери» инфинитива в албанском. Позволим себе привести другой пример, трактовка которого в настоящее время стала хрестоматийной, несмотря на имеющиеся возражения. В современной балканистике почти общепринято, что балканский языковый союз всей совокупностью своих специфических черт обязан влиянию древнего балканского субстрата. Не говоря уже о том, что балканский субстрат никогда не был гомогенным, можно указать на гносеологические ресурсы, тающиеся в исследованиях балканских языков с точки зрения их тесного межъязыкового контактирования и естественной при этом затрудненности общения, наблюдаемой в данном районе с древнейших времен. Следует заметить, что Сандфельд, впервые выделивший специфические особенности современных балканских языков ни о каком субстрате не помышлял, а имел в виду обычную лингвистическую интерференцию в условиях долговременных и постоянных межъязыковых контактов. О том же думали Мейс, Скок, Белич и Младенов, не признававшие даже термина «балканский языковый союз». Судя по отчету Заимова, этот вопрос вновь дискутировался на II Международном конгрессе по балканистике в Афинах⁴. В частности, недавно Розенцвейг как раз в плане теории языковых контактов вновь рассмотрел проблему замены инфинитивных конструкций финитными⁵.

В этом весьма щепетильном месте мне хотелось бы быть правильно понятым. Мы отнюдь не склонны умалять значение субстратных воздействий на современные балканские языки. Но важ-

но настоятельно указать на необходимую и разумную осторожность при обращении к субстрату и на обязательное понимание всей специфичности воздействия субстрата на язык-восприимчик. В этой связи заслуживает внимания мысль, высказанная С. Б. Бернштейном 30 лет назад на особой сессии, посвященной проблемам субстрата⁶, что падение склопення в болгарском, предполагая влияние субстрата, не обуславливает тем не менее обязательное отсутствие падежной системы в поглощаемом языке, т. е. во фракийском.

Указанное обстоятельство, а также то, что языковые, этнические и археологические ареалы, как правило, механически не накладываются друг на друга, порождает необходимость, осуществляя комплексный подход к проблемам субстрата и его влияния на этногенез и пр., вести исследования лингво-этнических и других культурно-исторических явлений до определенного момента независимо в рамках каждой из отдельных научных дисциплин (лингвистики, археологии, истории, искусства, этнографии и т. д.), компетенции которых подлежат изучение каждого данного явления или группы явлений.

Этому способствует, кроме того, и совершенно различная ценность факта в перечисленных областях знания, получаемого столь же различающейся суммой рабочих приемов. Здесь уместно напомнить знаменитую работу Хейли и Блегена относительно догреческого субстрата, опубликованную в 1928 г., состоящую, по сути, из двух самостоятельных работ, лингвистической и археологической, и объединяемых лишь картой и выводами⁷.

II. Начало догреческим и, как бы сказали теперь, парагреческим студиям, отвечающим требованиям науки, было положено Паулем Кречмером в его и по сию пору непревзойденном труде «Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache», вышедшем в 1896 г., т. е. 80 лет назад. При этом Кречмер привлекал конкретные работы своих предшественников, таких как К. Паули, Г. Майер, В. Томашек. Всякий, кто хорошо знаком с этой во всех отношениях превосходной книгой, мог обратить внимание, что она почти целиком в своей конкретной части посвящена проблемам адстрата, т. е. взаимодействию с соседними языковыми ареалами: балканским, включающим фрако-фригийский, иллирийский, македонский и пр., и малоазийским с лидийским, лидийским, карийским и т. д.; только восемь страниц он счел нужным уделить XI предпоследней главе «Догреческий народ Эллады». Хотелось бы обратить особое внимание на указанное обстоятельство.

⁶ Доклады и сообщения Института языкознания, IX. М., 1956, с. 130—134; см. доклад: Абаев В. И. О языковом субстрате. Там же, с. 57—69.

⁷ The Coming of the Greeks: I. Haley J. B. The Geographical Distribution of Pre-Greek Place-Names; II. Blegen C. W. The Geographical Distribution of Prehistoric Remains in Greece. — «American Journal of Archaeology», 1928, XXXII, 2, p. 141 ff.

⁴ Балканско езикознание, 1973, XVI, 1, стр. 86, сл.

⁵ Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты. Л., 1972, с. 58 сл.; ср.: Иванов В. В. К типологическому и сравнительно-историческому исследованию инфинитива в балканских и других индоевропейских языках. — В кн.: Симпозиум по грамматической типологии современных балканских языков (15—16 января 1974 г.). Предварительные материалы. М., 1973, с. 8, сл.

ство, так как в нем в полной мере отразилось целесообразное соотношение объемов, которые должны, по нашему убеждению, занимать проблемы субстрата и адстрата в изучении истории языка, во всяком случае греческого.

В течение долгой научной деятельности (Кречмер умер 9 марта 1956 г.) он много занимался выявлением и стратификацией догреческих слоев, видоизменял и модернизировал свою протоиндоевропейскую теорию происхождения догреческого «пеласгского» слоя, впервые высказанную им в 1925 г., придя в конце концов к мысли о двух гетерогенных слоях догреческого субстрата: 1) анатолийский (восточносредиземноморский), неиндоевропейский, занесенный в континентальную Грецию, Крит и прочие острова делегами или карийцами, родственными хеттскому и далее кавказским языкам; 2) дунайский, протоиндоевропейский или рето-тирренский (рето-пеласгский) ⁸.

С прогрессом наших знаний, особенно в послевоенные годы, менялась общая характеристика этих слоев. Они оказались по лингво-этническому материалу в массе своей индоевропейскими, но конфигурация и соотношение слоев были определены совершенно точно, данные же конкретного порядка и сейчас не потеряли своего позитивного значения. Правомерно в связи с таким положением вещей задуматься, в чем же причина столь поразительного научного проникновения? Думается, это обусловлено достаточно очевидным моментом: Кречмер и соизмеримые с ним ученые конца XIX — начала XX в. не факты приводили в соответствие с созданными теориями, а, наоборот, свои концепции создавали в зависимости от лингвистической и экстралингвистической ценности фактов. К тому же Кречмер не терял перспективы ареально близких югу Балканского ш-ова языков, всегда оставаясь на почве внешнего языкового сравнения.

Иное дело Вл. Георгиев. Будучи учеником Кречмера — одного из пионеров применения ареальной методики в индоевропеистике и классической филологии, Георгиев в период, когда странственная лингвистика уже получила богатые результаты в исследовании древних языков, поступил, скорее, как истинный младограмматик, синтезируя в словарном составе греческого языка все случаи отклонения от греческой исторической фонетики и реконструируя особый индоевропейский язык — остаток самостоятельной ветви индоевропейских языков в качестве гомогенного субстрата греческого языка. В своей исследовательской практике он исходил именно из главного младограмматического постулата о безысключительности действия фонетических законов. Я не буду подробно останавливаться на теории Георгиева, поскольку его работы у нас известны больше, чем труды Кречмера, замечу лишь, что если сам Георгиев время от времени говорил о возмож-

ном родстве «пеласгского» с фракийским и/или (?) с хеттским, то его последователи Мерлингген, Хаас, Ван Виндекенс и особенно Карнуа довели его идеи о совершенно независимом индоевропейском языке догреческого субстрата до больших крайностей. Ср. малодостоверные гипотезы Ван Виндекенса о двух диалектах пеласгского языка и Мерлинггена о догреческом малоазийском *nd*-языке и догреч. *ψ*-языке (последнее вслед за Хаасом).

Впрочем, работы Георгиева, особенно первые две, необычайно смелые и увлекательные ⁹, его неиссякаемая энергия в защите своей гипотезы, огромная изобретательность и эрудиция привлекли внимание многих индоевропеистов не только к догреческим проблемам, но и к субстратным языкам Балканского ш-ова в целом.

Необходимо отметить, что стараниями Мейе, положившего в основу своего учения о словах «средиземноморского» происхождения также гипотезу Кречмера ¹⁰, еще раньше возник противоположный постулат о едином доиндоевропейском или «средиземноморском» субстрате в Эгеиде, которого и сейчас строго придерживается Шантрэн во всех своих работах и некоторые другие ученые, например, Хестер ¹¹.

Весьма интенсивное развитие гипотезы Георгиева, осуществляемое в первые полтора послевоенных десятилетия, к настоящему времени почти совершенно приостановилось. Это было вызвано целым рядом причин ¹², среди которых одно из главных мест занимает схоластика и умозрительность методических приемов этимологического анализа, практикуемых приверженцами указанной гипотезы. Факт в высшей степени знаменательный и понятный в свете высказанных замечаний — Фриск и Шантрэн в своих этимологических словарях полностью игнорируют результаты «пеласгских» штудий для греческой этимологии, Шантрэн даже не находит нужным цитировать Георгиева и его последователей в этимологических эксцерциях. Любопытно также, что большинство «узких» специалистов по древнегреческому и

⁸ См.: Georgiev V. Die Träger der kretisch-mykenischen Kultur, ihre Herkunft und ihre Sprache, I. Urgriechen und Urillyrier (Thrako-illyrier). — В кн.: Годешник..., XXXIII, София, 1936; *idem*. Vorgriechische Sprachwissenschaft, I—II. Sofia, 1941—1945.

¹⁰ Meillet A. De quelques emprunts probables en grec et en latin. — «Mémoires de la société de linguistique de Paris», 1903—1909, XV, p. 161 ss.

¹¹ См. Hester D. A. «Pelagian» — a new indo-european language? — «Lingua», 1965, 13, 4, p. 335—384, а также см. полемику в связи с этой статьей между Хестером и Георгиевым-Мерлингенем: «Lingua», 1966, 16, 3; 1967, 18, 2. См. также недавно появившийся фундаментальный труд Э. Фурне, который ввел в научный оборот много нового материала (Furnée E. Die wichtigsten konsonantischen Erscheinungen des Vorgriechischen. The Hague — Paris, 1972).

¹² См. о них, например, в рецензии Ноймана на известную книгу Мерлинггена Neumann G. Рец. на кн.: Merlingen W. Das «Vorgriechische» und die sprachwissenschaftlich-vorhistorischen Grundlagen. — «Gnomon», 1955, 27, s. 370 ff.

⁸ См. обобщающую работу: Kretschmer P. Die vorgriechischen Sprach- und Volksschichten. — «Glotta», 1940, 28; 1943, 30.

анатолийским языкам не сочло возможным признать ни «пеласгскую» теорию, ни практику ее представителей¹³.

Однако отсюда не следует, что сама мысль о индоевропейском характере догреческого субстрата не заслуживает внимания, с некоторыми теоретическими и практическими уточнениями она несомненно должна быть принята¹⁴, и что невозможна ретроспективная реконструкция поглощенного языка как по сохранившимся инородным лексическим элементам в языке-восприемнике, так и по отдельным неорганическим фонетическим и морфологическим явлениям в системе последнего. Более того, сформулированные Георгиевым фонетические закономерности «пеласгского» языка, такие, как передвижение согласных, сатемизация палатальных и пр., представляются реально обоснованными, опирающимися на ряд достоверных этимологий и общих рассуждений ареального и типологического свойства. Совпадение этих закономерностей с чертами исторической фонетики фракийского языка побудило нас поддержать тезис о близком родстве «пеласгского» языка с фракийским¹⁵.

Между тем, пока шла и в какой-то мере идет дискуссия вокруг гипотезы Георгиева, в области греческой этимологии продолжалась кропотливая работа по объяснению темных имен нарицательных и собственных как тривиальных заимствований из ареально близких языков древнейших цивилизаций Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока — в первую очередь хетто-лувийских и семитских.

В работах Боссерта, Лароша, Пизани, Кропассера, Хойбека, Гусмани, Ноймана, Иванова и некоторых других было с полной очевидностью установлено, что значительное число слов, считаемых догреческими (включенных, например, в списки Дебруннера), заимствовано греками у хетто-лувийцев уже в исторический

¹³ Исчерпывающий библиографический список рецензий и отдельных высказываний по поводу данной теории см. в упомянутой работе Хестера.

¹⁴ Например, в противоположность Георгиеву следует указать на гетерогенность индоевропейского догреческого субстрата и на его промежуточное положение между греческим суперстратом и более древним догреческим неиндоевропейским субсубстратом.

¹⁵ Гиндин Л. А. К проблеме генетической принадлежности «пеласгского» догреческого слоя. — ВЯ, 1971, № 1 и другие работы.

Предпринятые нами дальнейшие разыскания по установлению и этимологической интерпретации фрако-анатолийских лексических тождеств (Гиндин Л. А. Некоторые ареальные характеристики хеттского. II (К балкано-хетто-лувийским изоглоссам в преданатолийский период). — В кн.: Этимология, 1972. М., 1974; он же. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. (Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). М., 1974. Автореф. докт. дис. и другие работы) заставляют пересмотреть нашу прежнюю стратификационную схему лингво-этнических слоев на юге Балканского п-ва и островах Эгейского моря (Гиндин Л. А. Язык древнейшего населения..., с. 169 сл.) и предложить следующую последовательность: 1) доиндоевропейский («эгейский»); 2) индоевропейский «пеласго»-фракийский; 3) индоевропейский анатолийский; 4) греческий.

период в течение II тысячелетия или у семитов¹⁶. Среди этих заимствований (главным образом из хеттского или через его посредство) оказалось, по крайней мере, 15 слов, ранее рассматриваемых в качестве «пеласгских» — количество далеко не малое, если учесть, что по нашим подсчетам только 23 лексемы в обширных списках Георгиева и Ван Виндекенса совпадают.

Может быть предложен следующий перечень догреческих («пеласгских») лексем, для которых возможность заимствования из хетто-лувийских языков устанавливается с почти не вызывающей сомнения уверенностью.

θύρσος 'тирс': лув. пер. *tuwarsa* (Боссерт, Ларош, Нойманн и др.);

ἄφενος 'богатство': анат. **hapina*, хетт. *ḥappinant* то же (Семереньи, Хойбек, О. Массон);

λήχιδος 'флакон для масла, благовоний': хетт. *lahḫu-* 'сосуд, кружка' (Георгиев);

κῆτις 'сосуд, урна, лин. Б и А *ka-ti*: лув. пер. *gati-* 'каменная чаша', хетт. *gazzi-* 'сосуд' (Нойманн).

Все четыре слова предполагают при проникновении хеттских слов в греческий посредство догреческого («пеласгского») языка, о чем свидетельствует наличие передвижения согласных в греческих лексемах¹⁷.

θεράπων 'спутник, товарищ', 'слуга', θεράπῃ 'служанка', ср. лин. Б *te-ra-pi-ke*: хетт. *tarpanalli-* 'замена' (Ван-Брок);

τύραννος 'тиран, повелитель': лув. пер. *tarwana-* 'giudice, giusto, legitimo', позже 'tiranno', этр. *turan* — эпитет Венеры, видимо, первоначально 'госпожа' (Хойбек, Пизани);

λαβύρινθος 'лабиринт', первоначально, возможно, 'сооружение из камня (здание) или в камне (шахта) с множеством коридоров и различных помещений (гrotто, пещер)', лит. Б *da-pu₂-ri-to-jo*: лид. λάβρος 'топор', лик. Б *laβra*, вероятно, 'каменная плита', лув. *lawar* 'ломать' (Гиндин и др.);

πύργος 'башня на городской стене', 'крепость': хетт. *parku-* 'высокий', м.-аз. ономастика с основой Парḫ-, Пērḫ- и пр., лув. пер. этникон *pargawana-* (Хойбек, Гиндин);

βύρσα 'шкура, кожа': хетт. *kurša-* 'кожа, шкура, руно, щит', из хеттского же староасс. *kursannum-* 'меха, кожаный сосуд для жидкостей' (Гусмани, Иванов).

Все перечисленные греческие слова рассматривались ранее как субстратные, эвентуально «пеласгские».

В этой группе догреческих слов вскрывается ряд заимствований из семитских языков. Например, даже такая представлявшаяся столь удачной «пеласгская» этимология, как ἀσάμινθος 'ванна' <

¹⁶ Относительно семитских заимствований в греческий см. новые обобщающие работы: *Masson E. Recherches sur les plus anciens emprunts semitiques en Grec*. Paris, 1967; *Hammerdinger B. De la méconnaissance de quelques étymologies grecques*. — «Glotta», 1970, XLVIII, 1—2.

¹⁷ Гиндин Л. А. Язык древнейшего населения..., с. 167 сл.

<и.-е. *ak' m- 'камень' оказалась, по последним данным, семитским заимствованием, ср. акк. *nemsētu* 'плавательный' бассейн, угарит. (Nuzi) *namsītu* (подробнее см. *Szemerényi O.* — «Gnomon» 43, 1971, S. 657; ср. *Hammerdinger B.* — «Glotta» XLVIII, 1—2, 1970, S. 59); точно так же *kaśās* 'попона', 'чепрак' проникло из семитских, ср. сем. *ksy* 'покрывать', акк. *kasū* и пр. (Е. Массон и др.).

Список хеттских заимствований может быть продолжен за счет прочих квазидогреческих слов, для которых «пеласгское» происхождение не постулировалось.

κίστη 'ящик или корзина' (лат. *cista*): хетт. *kistu-* то же (Пизани);

κόπελλον 'чаша, кубок' хетт. *ḫuppar* 'чаша, миска' (Пизани); *δέπας* 'чаша, кубок', лин. Б *di-ra*, возможно, \approx лат. *lepesta* то же: хетт. *tarišana-* 'вид сосуда' (Пизани, Иванов и др.); *λάγυνος* 'бутылка, флакон' (\triangleright лат. *lagona*): хетт. *lahanni-* то же (Пизани);

κόμβραχος 'острие шлема, шишак': хетт. *kurpaḫi-* 'вид шапки' (Семереньи);

ὄβρυζα 'проба на огонь золота' (\triangleright лат. *obrussa*): хетт. *ḫupruḫi-* 'вид какого-то сосуда' (Бенвенист и др.);

κόανος 'лазурит, синяя глазурь, темно-синяя эмаль', лин. Б *ku-wa-no* 'стекло синего цвета', ср. гом. *καωνόπις* 'синеглазая': хетт. *kiwanpa-* 'медь'; 'медно-синий'; 'драгоценный камень', лув. кл. *kiwanzi-* 'медь', возможно, шумер. KÙ. AN 'металлы (цвета?) неба' ('железо?') и т. д. (Фридрих, Ноймани, Ларош, Иванов и др.);

χαλκός 'медь, бронза', лин. Б *ka-ko*, ср. *ka-ke-u* 'кузнец': хетт. (< протохатт.) *ḫaralki-* 'железо' (Фриск с ссылкой на Пизани, Иванов);

σόλος 'железный метательный диск'; хетт. *sul(a)i-* 'свинец' (Ларош);

νίτρον 'сода, щелок': хетт. *nitri-*, евр. *neter*, араб. *naṭrūn* — все, видимо, из египц. *ntr(j)* 'сода' (Фриск с литератур.);

ἐλέφας 'слон; слоновая кость', лин. Б *e-re-pa*: хетт. *lahpa-* 'слоновая кость' (Ларош, Иванов);

πάρδαλις 'пантера': хетт. *paršana-* то же (Гусмани);

λείριον 'белая лилия': хетт. *alil* (Бенвенист);

σίσαμον 'кукикутное семя'; лин. Б *sa-sa-ma* (pl.): хетт. *giššam(m)am(m)a-* 'вид орехового дерева, маслина?' — оба из семитских, ср. акк. *šamtašamti*, угарит. *ššmn* (Иванов, Э. Массон);

ἀμάρα 'канал, канава, ров', *Ἀμάρονδος* — название канала на Эвбее, пилос. лин. Б *a-ma-ru-ta* (дат.), *a-ma-ru-ta-o* (род.) и пр.: хетт. *amijar(a)-* 'канал' — оба из египетского *mr* 'канал' (Ноймани, Фридрих, Иванов).

В связи с двумя последними лексемами следует подчеркнуть, что поскольку многие из приведенных хеттских слов не имеют индоевропейской этимологии и представляют собой заимствования

из хурритского или семитских, то правомерно предположить как для хеттского, так и для греческого возможность хотя бы в части соответствий независимого восприятия из какого-то общего источника, в том числе из неиндоевропейского средиземноморского гетерогенного адстратно-субстратного слоя.

ix̥ṣar (гом.) 'кровь богов': хетт. *ešḫar, išḫar* 'кровь' (Кречмер, Иванов в контексте других весьма ярких примеров воздействия анатолийской культурной традиции вплоть до поэтики и метрики¹⁸).

Сходное состояние можно наблюдать и в исследованиях дославянской субстратной лексики, в частности фракийской, для болгарского и других южнославянских языков. Нам уже приходилось подробно писать о мнимых фракизмах *руфя, карпа, ватра*¹⁹, см. также мысли Заимова на этот счет в упомянутом обзоре Афинского балканистического конгресса.

Весьма заманчивой в настоящее время представляется идея, что ю.-слав. *devizma* 'Verbascum' при регулярном *devizna* возникло под влиянием дак. *diésema* 'Verbascum (plumoides L.)', которому в немецком соответствует 'Himmelsbrand, Marienkerze, Fackelkraut и пр.', в болгарском — 'свещилка, богородична свещ' и т. д. Однако вероятность и этой гипотезы существенно снижается наличием южнославянских дублетов типа с.-хорв. *pjesna* : *pjesma, bjelizna* : *близма* и др., ср. болг. *белизна* : *белизма*.

Таким образом, фундаментальной проблемой греческой этимологии оказывается, как и в любом другом языке, не проблема субстрата, хотя она, разумеется, имеет значение в разумных пределах, наряду с методикой реконструкции некоторых фонетических и морфологических черт по отклонениям от ортодоксальной исторической фонетики, но исследования лексики, не поддающейся интерпретации на почве исконно греческой этимологии, под углом зрения возможных заимствований из ареально близких языков, особенно восточносредиземноморских, включая ближневосточные. В любом случае такой подход ставит изучение этимологически затемненной лексики и других ярусов языка на почву реально засвидетельствованных фактов. В то время как по справедливым словам Шантрэна в предисловии к своему этимологическому словарю, «гипотеза об эгейском языке часто рискует быть

¹⁸ Здесь и выше при ссылках на Иванова имеется в виду доклад В. В. Иванова «Древнейшие культурные и языковые связи южнобалканского и малоазийских ареалов (Доклады и сообщения советской делегации, III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы, Бухарест, 4—10 сентября 1974 г. М., 1974; ротапринт), выходные данные почти всех работ других упоминавшихся выше ученых можно найти в книге: *Gusmani D. Il lessico ittito. Napoli, 1968, p. 84 ss.*; критический разбор ряда предполагаемых заимствований из хеттского в греческий см. в кн. *Neumann G. Untersuchungen zum Weiterleben hethitischen und luwischen Sprachgutes in hellenistischer und römischer Zeit. Weisbaden, 1961, S. 18 ff.*

¹⁹ *Гиндин Л. А. Проблемы античной балканистики, с. 66, сл.*

только распиской в незнании»²⁰. Подобную же мысль высказал Ларош еще в 1955 г. на одном из заседаний Парижского лингвистического общества²¹.

Именно поиски в направлении ареальных исследований, т. е. в рамках адстратных отношений, привели нас постепенно к мысли об идентичности и.-е. догреческого «пеласгского» слоя с фракийским, что заставило в свою очередь более пристально заняться изучением фракийских языковых реликтов.

III. Отсутствие ресурсов внутренней реконструкции постоянно возвращало исследователей фракийского языка, даже таких авторитетных, каким был В. Томашек, в *circulus vitiosus* корневой этимологии, хотя и в этой манере было немало достоверных результатов, позволивших в общих чертах наметить фракийскую историческую фонетику. Чтобы позитивным образом продвинуть изучение фракийских ономастических остатков в сторону более конкретной реконструкции фракийского языка: уточнение фонетических характеристик, выявление некоторых элементов морфологии, ареальные связи с этногенетической подоплекой — необходимо было пойти по пути внешнего сравнения, стремясь в рамках пространственно-лингвистической методики выявить целые пласты региональных межъязыковых изоглосс²².

Таким полем для внешнего сравнения по ряду причин, из которых самыми существенными нужно признать наличие множества идентичных фрако- (и шире, балкано-) малоазийских лексем и относительную синхронность их греко-римских передач, когда многие тождественные или сопоставимые имена собственные засвидетельствованы одним и тем же древним автором, были взяты хетто-лувийские языки обоих периодов, чья ранняя письменная фиксация ономастической и апеллативной лексики давала дополнительные преимущества и этимологические критерии достоверности. Указанная синхронность или разрыв во времени в любом случае на тысячу лет меньший, чем при письменном отражении, например балтийских фактов, сохранение сопоставляемых лингвистических массивов в единой и непрерывной, главным образом греческой языковой традиции, с дальнейшим прослеживанием определенного пласта полнолексемных совпадений в хетто-лу-

²⁰ *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. *Histoires des mots*. I. Paris, 1968, p. IX.

²¹ *Laroche E.* Mots grecs d'origine anatolienne. — BSL, 1955, 51, 1, p. XXXIV.

²² Ареальный подход к этимологическим исследованиям реликтовых языков Балкан (фракийский и в меньшей степени иллирийский) уже осуществлен в конфронтации *in corpore* ономастического материала этих языков с балтийским материалом, см.: *Duridanov I.* Thrakisch-dakische Studien. I. Die thrakisch- und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen. Sofia, 1969; *Топоров В. Н.* Несколько иллирийско-балтийских параллелей из области тонономастики. — В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, с. 52, сл.; *он же*. К фракийско-балтийским языковым параллелям. — В кн.: Балканское языкознание. М., 1973, с. 30, сл.

вийских текстах (методика, в известной мере отработанная нами на догреческо-анатолийском материале)— все это сулило надежность результатов в достаточно удовлетворяющей степени. Заманчивые возможности получить в итоге этимологического изучения фрако-анатолийских языковых сходжений древнейший из доступных исследованию слой фракийской ономастики служат другим важнейшим стимулом к постановке данной проблемы. Хронологической точкой отсчета здесь является факт засвидетельствования хетто-лувийских имен собственных в клинописных памятниках Анатолии начиная с XIX в. до н. э. (каппадокийские таблички староассирийских колоний).

Поскольку интерпретация ономастического континуума в условиях утери апеллативного слоя по сути является дешифровкой текста на неизвестном языке, то она по необходимости должна покоиться на двух методологически обусловленных процедурах, во-первых, на комбинаторном анализе и, во-вторых, на сплошном этимологическом обследовании в аспекте одного из ареально близких языков.

Такое сплошное этимологическое обследование фракийских реликтов (без особого выделения дакийского) в аспекте возможных древнейших ареальных связей с хетто-лувийскими языками с достаточной, хотя и неравномерной степенью истинности выявило сравнительно большой пласт фрако-хетто-лувийских изоглосс, прослеживаемых не только на уровне греко-римских передач, но и в хетто-лувийских фактах ранне- и позднеанатолийского периода. При этом лишь соблюдение обоих указанных условий служит обязательной методологической предпосылкой дальнейшего более глубокого изучения каждого отдельного сходжения.

Следует подчеркнуть еще один момент. Даже предварительные итоги этимологического изучения фракийского ономастикона в характеризованной манере сразу же привели к мысли о более органической и глубокой природе исследуемых сходжений, нежели ординарное объяснение этого факта широкой греческой или, наоборот, малоазийской колонизацией Балкан, или, наконец, этническими передвижениями с Балкан в Анатолию в поздне- и послехеттский период.

С выполнением необходимых методических процедур нами уже рассмотрены в IV главе диссертационной монографии²³ приблизительно треть, а именно 16 подобных изоглосс, из имеющихся в наличии и могущих быть исследованными в той же манере. Практически количество изученных в этом разделе фракийских лексико-ономастических единиц значительно превышает указанное

²³ См. Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). М., 1973 (в печати); соответственно см. автореферат докторской диссертации того же названия (М., 1974 (ротапринт), с. 9—23).

число, так как включает все сохранившиеся реализации данных основ.

Пласт фрако-хетто-лувийских соответствий неоднороден как в генетическом, так и в хронологическом отношении, что можно было предвидеть, основываясь на известных фактах культурно-исторического порядка (традиционные тысячелетние взаимосвязи территории Древней Фракии и Анатолии, вскрываемые археологическими и аптичными письменными памятниками). Поразительным оказалось другое: подавляющее количество фрако-хетто-лувийских тождеств (приблизительно 12 : 4 из числа рассмотренных) имеет или допускает (последних намного меньше) хорошие индоевропейские этимологии, и это при массе неиндоевропейских слов во всех разрядах лексического состава хетто-лувийских языков. Подобное положение вещей открывает реальные условия для предположения относительно потенциальной возможности контактов фракийского с хетто-лувийскими языками преданатолийского периода в ареале, сопричастном балканскому лингвистическому пространству с северо-востока.

Среди этимологически проанализированных изоглосс имеются текстуральные — в реконструкции, разумеется, — совпадения типа клише между ономастическим композитом и отрезком литературного текста. В качестве примера уместно привести фракийские топонимические варианты *Κοῦς-καὶρι* — кастель в области Марцианополя (Proc. ae. IV, 11 — Hauray 148, 25) и *Κοῦς-καίρι* — кастель в Родопах (Proc. ae. IV, 11 — Hauray 145, 22) из туземной праформы **kou-s-kou(i)r-i*, полностью налагаемой на глоссу Гесихия *κῆς-ἱερὺς Καβείρων, ὁ καθαίρων φοῦεα* смысловой костяк которой *κῆς-ἱερὺς Καβείρων* позволяет адекватную формальную реконструкцию: **kou(ā)s kou(e)ir-ōn*; во фракийском, как и догреческом, *ou* спорадически переходит в *ai*, интервокальное *u* в *b*. Необходимо отметить, что в данном минимальном отрезке литературного текста, кажется, уникальном в греческой письменной традиции, и соответственно во фракийском топонимическом композите, наблюдается либо тавтологическое повторение тождественных основ, характерное для языкового мышления на мифологическом уровне, ср. бог *Σαβάζιος* (с синонимом *Σάβος*) — его жрецы, согласно схолии к «Осам» Аристофана, *σάβοι*; *Βάχχος* — его жрецы *βάχχοι* и пр., либо сближение омофонных комплексов по известному принципу семантико-анаграмматического сближения названия жреца и теонима. Как известно, глоссовое *κῆς* (<**kōfḥs*) давно идентифицировано с лид. *kaveś* = др.-инд. *kavīh* 'жрец, мудрец, поэт'; и.-е. **kou-* '(про)видеть, слышать, замечать' (прочие параллели с расширителями *-s-* и *-d-* см. в словаре Покорного под корнем **keu-:skeu-*²⁴). Относительно имени

²⁴ Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I. Bern — München, 1959, S. 587 f.

догреческих хтонических парных божеств $K\acute{\alpha}\beta\epsilon\iota\rho\omicron\iota : K\acute{\alpha}\beta\iota\rho\omicron\iota$ ²⁵ и в семантическом, и в узкоэтимологическом плане наши сведения менее определены, если не сказать совсем неопределенны. Скудость наших знаний обусловлена прежде всего строго соблюдавшейся тайной мистерий. Даже о государственных, позднее ежегодных в Афинах Элевсинских мистериях мы располагаем самыми отрывочными свидетельствами. Разглашение тайны каралось немедленным убийством или в лучшем случае изгнанием, как это случилось с Эсхилом, которого один папек на Элевсинские мистерии в какой-то из своих трагедий обрек на смерть на чужбине. Из того немногого, что известно, здесь уместно выделить следующее. Греки заимствовали культ Кабиров у пеласгов, выходцев с о. Самофракия (Hdt. II, 51), чем удостоверяется догреческое происхождение данных божеств (см. выше о родстве «пеласгского» с фракийским). Подобно большинству оргиастических мистерий Кабировские таинства связаны были с комплексом обрядов плодородия, так как, согласно тому же параграфу Геродота, самофракийские пеласги научили эллинов изображать Гермеса, в одной из первоначальных функций бога скота, с прямо стоящим фаллосом, в связи с чем «пеласги рассказывали какое-то священное предание, которое в этих-то самофракийских мистериях открывалось» ($\text{o}\acute{\iota} \delta\epsilon \text{Πελασγοὶ ἰρὸν τινα λόγον περὶ αὐτοῦ ἔλεξαν, τὰ ἐν τοῖσι ἐν Σαμοθρίῃ καὶ μυστηρίοισι δεδῆλωται}$). Данный архаический атрибут магической силы Гермеса нашел отражение в фаллическом культе классического периода в его честь, на что указывает воздвижение герм-столпов, символизирующих фаллос ²⁶.

Именно связь с обрядом плодородия обусловила распространение Кабировских мистерий по всей западной Малой Азии, Эгейским островам и Фракии с древнейших времен. Опираясь главным образом на ареальные данные распространения культа Кабиров с центром на о. Самофракия, Дечев с полным основанием включил Кабиров во фракийский пантеон. Далее Кабиры, согласно некоторым источникам, были детьми бога огня и кузнечного дела, великого художника Гефеста (щит Ахилла и пр.) и более всего почитались, кроме Самофракии, на о. Лемносе — основном местопребывании Гефеста.

Последние данные реально-семантического свойства позволяют высказать гипотезу о генетической близости приведенной выше реконструкции $K\acute{\alpha}\beta(\epsilon)\iota\rho\omicron\iota < *k\omicron\upsilon\eta(e)\acute{\iota}r\text{-}\acute{o}\iota$ с индоевропейскими лексемами, продолжающими, согласно Покорному, и.-е. $*k\bar{a}y\text{-}$, $k\bar{a}c\text{-}$ 'hauen, schlagen', ср. лат. *cūdo*, *ēre* 'ударять, бить и пр.',

²⁵ В греческих надписях встречаются обе формы с $\epsilon\iota$ и с ι в срединном слоге; согласно Etymologicum Gudianum, грамматики²Алексион и Филоксен писали $K\acute{\alpha}\beta\epsilon\iota\rho\omicron\iota$ поэтому, возможно, эти формы соседствовали с самой древности (подробнее см.: Hemberg B. Die Kabiren. Uppsala, 1950, S. 318).

²⁶ См.: Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion, I. München, S. 505 f.

др.-в.-нем. *houwan* 'рубить и пр.' и т. д.²⁷ Среди продолжений данного корня в плане интересующей нас реконструкции как с формальной, так и с семантической точки зрения наибольшее значение имеет славянский материал, в котором опорный глагол **kovati* претерпел позднюю тематизацию основы в совокупности с семантической инновацией, выразившейся в том, что в славянских языках глагол, восходящий к и.-е. **kāu-*, приобрел чисто техническое значение из сферы кузнечного производства — 'ковать', с полной утерей прочих, более первоначальных значений 'бить, ударять вообще'. Nomen agentis праславянское региональное **kov-ar*, восстанавливаемое по чеш. *kovář* 'кузнец', с вторично производными на его основе, имеющими отвлеченные значения, ст.-слав. **КОВАРНЪ**, русск.-цслав. *коварьный* 'мудрый, благоразумный, искусный', 'хитрый, лукавый'²⁸, почти полностью совпадает по форме с догреч.-фрак. параллельным образованием **koṽ-ir(oī)* — обозначение детей бога-кузнеца, ср. еще м.-аз. лик. ЛИ *Kawari*, кар. *Κεῶρος* и т. д. В свете сказанного можно заключить, что из двух альтернативных этимологических объяснений отрезка текста *κῶης [-ιερῆς] Καβείρων* (см. выше) мы склонны выбрать второе и видеть в названии богов и жреца омофонно-семантическую филиацию рефлексов генетически различных корней — и.-е. **(s)keu-* : *koṽ-* ' (про)видеть', 'слышать', 'замечать' и **kāu-* и пр. 'бить, ударять', ср. сходные семантические потенции ряда слов, восходящих к этим различным корням (например, др.-русс. *кудесь* 'чары', 'колдовство', ст.-слав. **ЧУДО**, -**ССС** 'чудо' ≈ греч. *κῶδος* 'слава, честь', букв. 'то, о чем слышат', наряду с чеш. *kuzlo* 'колдовская сила', в.-луж. *kuzlo* 'колдовство, чары' и пр.), недавно специально рассмотренные В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым, с предположением глубинной и более непосредственной связи между греч. *κῶης* = лид. *kaveś* = др.-инд. *kavih* и славянскими производными от праслав. **koṽ-*, в том числе **kovati*, обозначающими кузнечное искусство и искусство вообще, в частности магическое²⁹.

В плане важнейшей задачи реконструкции конкретных фракийских апеллативных лексем и соответственно открывающихся возможностей для стратиграфии и расслоения топонимического и шире ономастического континуума значительный и относительно недостаточно использованный резерв представляют грече-

²⁷ Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, S. 535; Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. neubearb. Aufl. von Hofmann J. B. I. Heidelberg, 1938, S. 301 («nicht **koṽ-*»).

²⁸ Подробнейшим образом праслав. **kovati* и все семейство слов, группирующихся вокруг него, рассмотрены в кн.: Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, с. 334, сл., 343, сл.

²⁹ Иванов В. В., Топоров В. Н. Этимологическое исследование семантически ограниченных групп лексики в связи с проблемой реконструкции праславянских текстов. — В кн.: VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 155, сл.; они же. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, с. 158, сл.

ские и римские надписи с территории Древней Фракии и Дакии (приблизительно границы современной Болгарии и Румынии). Оба указанных направления исследований субстратных фракийских реликтов хорошо иллюстрируются анализом, в частности этимологическим, двух прекрасно сохранившихся votивных надписей под рельефами, изображающими фракийского конного бога Хэроса, обнаруженных в Галате (район Варны). В уточненном чтении Г. Михайлова эти надписи имеют следующий вид: (№ 283) 'Αρτεμίδωρος καὶ Πολέμαρχος // οἱ Θεοῦ Περκω 'Ηρωὶ ἐπ' ἑλκω «Артемидор и Полемарх (сыновья) Теоксена Перкосу (либо, точнее, Перкусу) Хэросу внемлющему» (II—I вв. до н. э.) и (№ 283 bis) 'Ηρωὶ Περκῶνει // Μένανδρος Ἀμύντωρος «Хэросу Перкону Менандр (сын) Амюнтора (приносит в дар)» (I в. до н. э.—I в. н. э.)³⁰. Не имея возможности войти во все подробности анализа приведенных надписей (это сделано нами в другом месте³¹) укажем, здесь лишь некоторые существенные в данном случае детали.

'Ηρως и пр.—название фракийского конного бога, одного из самых распространенных во Фракии, вслед за В. Н. Топоровым³² может быть сопоставлено с кашп. *Perua* — главным божеством г. Канеса, хетт.-лув. теонимом *Perwa* : *Pirwa*, чей культ был связан с почитанием лошади (ср. изображения *Perwa*, стоящим на коне; печати). Последнее чрезвычайно часто встречается как теофорное личное имя и в качестве теофорной антропонимической основы; на апеллативном уровне: *pirwa-*, *peru-*, *peruna-/piruna-* 'скала'. Цепь рассуждений более культурно-исторического порядка, нежели лингвистических, высказанных Топоровым, (атрибут громовержца для *Perwa/Pirwa* реконструируется по рельефу в галерее Язылык, где главный бог стоит на скале; идентификация начала фракийских и хетто-лувийских лексем в случае их общего происхождения обусловлена судьбой *p-* «во фригийско-армянских диалектах» и т. д.) поразительным образом замыкается в эпитетах фрак. бога Хэроса — Περκῶνις и Περκῶς из данных греческих надписей. Первый эпитет — фрак. туземное **Perkūn-* отождествлен нами в качестве самостоятельного образования с балт. богом грома **Perkūn-*, содержащимся в лит. *Perkūnas*, лтш. *Pērkons* и т. д.; второй — фрак. туземное **Perku-* — с лат. *quercus* 'дуб' и т. д., восходящим к и.-е. **perk^u-* от и.-е. **per-* 'ударять, поражать'³³, в свою очередь тот же и.-е. глагольный

³⁰ Mihailov G. Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae, I. Serdicae, 1970, p. 273.

³¹ См. также указанную диссертацию автора (с. 153—165); соответственно автореферат (с. 14—16).

³² Топоров В. Н. К древним балкано-балтийским связям в области языка и культуры. — В кн.: I Симпозиум по балканскому языкознанию. Античная балканистика. Предварительные материалы. М., 1972, с. 33, сл.

³³ Данная идентификация, предложенная впервые в упомянутой выше нашей диссертационной работе (с. 155, соответственно автореферат, с. 14 сл.)

корень посредством суффикса *-un-o- : -u-o- реализуется в упомянутых хеттских ономастических и апеллативных лексемах.

Сюда же древнее название Фракии Πέρκη [χόρα] (и.-е. *perk^uā) идентичное кельт. глоссовому érxos и топониму *Hercunia Silva* (и.-е. *perk^u o-).

Кроме упомянутых лексем от основы *Perk^u-, к исконно фракийскому слою относятся два топонима, восходящие к данному и.-е. корню, но без гуттурального расширителя: Φέρουννα (туземн. *Pherūn-) < *Perūn = вост.-слав. *Перынь* и Πέρινθος < *Perunto- = др.-инд. *párvata* 'гора' < и.-е. *peru-n-t-, ср. приведенное выше хетт. *peruna-*, либо < *Perun(th)- = слав. *Perunъ*. Все прочие образования: топонимические (болг. *Перин Планина*, *Перуна Дубрава* и т. д.) и мифологические (болг. макед. *Пеперуна*, *Преперуна* и т. д.), связанные с культом бога-громовержца, — возникли в результате славянизации Балкан, по крайней мере, на 5—6 веков позже фракийских названий. При этом следует подчеркнуть, что с точки зрения лингвистической речь здесь может идти только о самостоятельной конкретной славянской прайформе *Perun*, а не о следах балто-славянского имени бога грома *Per(k)un*.

Истоки богатства топонимических и даже культовых реликтов слав. *Perunъ* в пределах Балкан по сравнению с другими территориями славянского мира необходимо, по всей вероятности, искать в совмещении принесенного на Балканы славянского божества с туземным фракийским культом Хэроса, в реконструкции бога-громовержца, самого почитаемого из фракийских богов предславянского периода. Кстати, святилища Хэроса, как и Перуна, обычно располагались на возвышенностях близ студеных источников, в пещерах или на скалах с нишами ³⁴.

В балканском ареале на фоне топонимических реликтов слав. *Perunъ* выделяется единственное географическое название от основы на гуттуральный, приведенное И. Ивановым в форме *Перкуниста* ³⁵ с ссылкой на Дм. Шеппинга ³⁶, который в свою очередь опирался на М. Касторского ³⁷, указавшего местное название *Perkunisti* — село на р. Яловиц в Валахии. В случае правильности записи, *Perkunista/Perkunisti* может оказаться прямым пережитком исконно фракийского топонима, состоящего из тео-

включена В. Н. Топоровым в более широкий контекст — мифологический (мотив Громовержца, поражающего соперника) и ареальный (Балканы — связующее звено между Прибалтикой и Анатолией), см.: *Топоров В. Н.* К вопросу о древнебалканских связях в области языка и мифологии. — В кн.: Доклады и сообщения советской делегации. III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы. М., 1974, с. 14; ср. *Иванов В. В.*, *Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей, с. 105.

³⁴ Михайлов Г. Траките, София, 1972, с. 237, сл.

³⁵ Иванов И. Культ Перуна у южных славян. — «Известия отделения русского языка и словесности Академии наук», 1903, VIII, 4, с. 158.

³⁶ Шеппинг Дм. Мифы славянского язычества. М., 1849, с. 117.

³⁷ Касторский М. Начертания славянской мифологии. СПб., 1841, с. 71.

нимной основы **Perkūn-*, оформленной продуктивным в фракийском языке суффиксом *-st-* с предшествующим *i*, ср. фрак. топонимы Βραϋστα, *Orudista* и т. д.

Изложенное, помимо всего, допускает с полным основанием восстановить фракийский апеллатив **perku-* 'дуб', — лат. *quercus* = кельт. глоссовое 'ερκος, ср. лат. передачу *Hercu-nia Silva*.

В процессе анализа фрако-хетто-лувийского сопоставительного материала неожиданно открылась возможность изучения другого специфического пласта изоглосс балкано-малоазиатского ареала, а именно — фрако-тройянских (гомеровских) тождеств, в подавляющем большинстве отличающихся от коллекции фрако-хетто-лувийских фактов как хронологически, так и генетически прежде всего своей компактностью и определенностью, предполагая с полной очевидностью направление этимологической траектории исследуемых лексем с Балкан в северо-западный угол Малой Азии (гомеровская Трояда с близлежащими территориями).

В свое время Страбон, блестящий интерпретатор Гомера, с присущей ему ученой сухостью отметил в своей «Географии» (XIII, 1, 24) в связи со стихами Илиады (II, 835 сл.), где упомянута διὰ Ἀρίσβα, что πολλὰ δ' ἑμωνοῖαι Θραξὶ καὶ Τρωδὶν «ведь множество одноименных названий у фракийцев и троянцев», и привел в качестве примера во Фракии этноним Σχαιοί, гидроним Σχαιός, топоним Σχαιὸν τεῖχος — в Трое знаменитые Σχαιαὶ πόλαι; во Фракии этноним Ἐάνθιοι — в Трое гидроним Ἐάνθοος; во Фракии гидроним Ἀρίσβος — в Трое топоним Ἀρίσβη; во Фракии имя царя Ῥῆσος — в Трое гидроним Ῥῆσος.

Этот вывод самого крупного из дошедших географических трудов древности заслуживает самого пристального внимания, так как Страбон в части книги, относящейся к Эгеиде, по сути являющейся развернутым и скрупулезным комментарием к Гомеру, опирался на многовековую традицию в толковании гомеровской географии, в частности на Деметрия Скепсийского, Гегесианакса (Трояда и Эолида), а также на Аполлодора и Артемидора.

Разумеется, список соответствий Страбона в настоящее время может быть значительно расширен. В данной статье ограничимся по необходимости очень кратким анализом одного отрезка текста Илиады, весьма знаменательного в смысле фракийско-тройянских тождеств. Поиски подобных омонимов привели нас к началу XII песни Илиады, где поэт в замечательно энергичных стихах повествует о разрушении ахейской оборонительной стены, уравнивающему в поэтико-этическом плане неизбежно предстоящую гибель Трон, о чем заранее известно большинству главных действующих лиц поэмы. В этом отрывке Феб Аполлон направил в одно место устья всех рек, берущих начало на Иде, как то: Ῥῆσος, Ἐπτάπορος, Κάρησος, Ῥοδῖος, Γρήνικος, Αἰσῆπος, Σκάμανδρος и Σιμόεις (стх. 20—22). Приведенный список производит впечатление

лапидарной географической справки — такова уж особенность эпического стиля, где высоко трагическое слито с обыденными подробностями. В связи с этим своевременно напомнить мнение Страбона (XI, 6, 3; ср. I, 2, 35) о том, что в смысле достоверности Гомер, Гесиод и трагические поэты предпочтительнее Геродота, Ктесия и Гелланика, которые в угоду читателю сознательно (или бессознательно. — Л. Г.) смешивают миф и подлинную историю. Этимологическая обработка данного гидронимического списка с достаточной степенью вероятности показала, что из 8 гидронимов только 2 — *Κάρητος* и *Σιφύης* не находят объяснения на фракийской или — шире — балканской почве; при этом *Ῥῆσος*, *Ἐπτάπορος* и *Αἰσῆτος* имеют совершенно безукоризненные фракийские этимологии — и все это при отсутствии каких-либо сходных образований в ономастической и апеллативной лексике Анатолии. Небезынтересно отметить, что рассмотренный список целиком повторен Гесиодом в Теогонии (стх. 337—345) с пропуском *Κάρητος* и где *Ῥῆσος* вместе с *Μαίανδρος* помещен в один ряд с названиями больших потоков Балканского п-ова, среди которых два — *Στρυμόν* и *Ἰούτρος* — являются крупнейшими реками Фракии.

В заключение несколько слов о возможностях координации результатов ареально-лингвистического анализа и данных археологии в пределах интересующих нас ареалов, т. е. с территории Восточных Балкан и северо-западного угла Малой Азии. Оба пласта изоглосс — частично фрако-хетто-лувийские и полностью фрако-малоазийские, в данном случае фрако-тройанские (гомеровские), поразительным образом укладываются в контекст традиционных культурно-исторических связей между указанными областями. Эти связи археологически особенно четко прослеживаются начиная с последней трети IV тысячелетия.

Интенсивно проводимые в послевоенные годы на территории Болгарии раскопки многослойных поселений, компактно расположенных на юго-востоке континентальной части Балканского п-ова: Эзеро — строительные горизонты 1—9, по последним данным, 1—13, Михалич и т. д. (ранний бронзовый век, тип Каранова VII, III тысячелетие до н. э.); Новозагорское поселение, Юнаците, Разкопаница и т. д. (средний и поздний бронзовый век, II тысячелетие до н. э.) — не только установили непрерывность культурной традиции в этом районе исторической Фракии, но и показали теснейшие взаимоотношения юго-востока Балкан с северо-западной Анатолией и в первую очередь с Троядой. Во всяком случае, для раннебронзового века (Троя I—IV, 3000—2000 гг.) результаты идентификации, стратиграфии и датировки археологических фактов делают утверждение об определенном единстве данных ареалов трудно поддающимся сомнению (В. Чайлд, Г. Георгиев, Н. Я. Мерперт, ср. А. Гётце, Дж. Мелларт, Й. Виснер и т. д.). При этом выделяется один, по нашему мнению, чрезвычайно важный момент. Если некоторые локаль-

ные черты раннебронзового века Болгарии и других балканских областей (формы сосудов, шнуровой орнамент, боевые топоры, тип захоронений) связывают его с центрально-европейскими и восточно-европейскими культурами и прежде всего с районами Подунавья и Северного Причерноморья (Н. Я. Мерперт, Е. Н. Черных), то в археологическом плане территория Трои геср. северо-западной Малой Азии на протяжении всех культурных слоев выглядит достаточно обособленно по отношению к прочим территориям Анатолии, заселенным приблизительно с последней четверти III — начала II тысячелетия до н. э. хетто-лувийскими племенами (А. Гётце, ср. Дж. Мелларт). Последнее наблюдение было четко сформулировано К. Блегеном в его замечательной книге «Trois and the Trojans» (New York, 1963, с. 37): «Во всяком случае, насколько мне известно, ни одного хеттского импорта не было обнаружено ни в одном из стратификационных слоев Трои и, соответственно, характерные троянские предметы не были обнаружены в основных хеттских центрах».

Что же касается фрако-хетто-лувийских изоглосс, проецируемых в ареале, сопричастном Балканскому п-ову с северо-востока, то хронологически³⁸ соответствующая этому изоглоссному пласту археологическая ситуация в данном географическом районе весьма расплывчата, поскольку археология этой эпохи дает преимущественно лишенную расчлененного этно-лингвистического подтекста картину связей и миграций материальных культур. Однако и этих суммарных фактов достаточно, чтобы укрепиться в правильности избранного направления в попытках этнического и пространственного обоснования указанного разряда изоглосс, тем более, что археологи обычно помещают область распространения лувийцев и хеттов в преданатолийский период к северо-востоку от Балканского п-ова в Причерноморских степях, либо в восточных областях Балкан, либо, наконец, прокладывают пути движения лувийцев в Анатолию через восточные районы континентальной части Балканского п-ова (Дж. Мелларт, П. Бош-Гимпер, М. Гимбутас и др.).

³⁸ Нижней хронологической границей является время первых свидетельств о хетто-лувийцах в Анатолии — отражение хеттских имен в каппадокийских табличках, датируемых XIX в. до н. э.

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКИХ И БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ

РАННИЙ ПЕРИОД СЛАВЯНСКОГО ЭТНОГЕНЕЗА

В. В. Седов

Первая известная нам попытка ответить на вопросы: откуда, как и когда появились славяне на исторической территории, восходит к началу XII в. Общую картину состояния славянского мира в раннем средневековье нарисовал древнерусский летописец — автор «Повести временных лет». Исходя из библейского предания, согласно которому родиной всего человечества была Передняя Азия, летописец пишет о вавилонском столпотворении, разделении человечества на 72 народа и расселении их в разных направлениях. «От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словенескъ... По мнозехъ же времянех сели суть словени по Дунаеву, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от техъ словен разидоша по земле и прозвашася имени своими, где седше на котом месте»¹.

Таким образом, родиной славян, по летописцу, были области Среднего и Нижнего Подунавья. Скорее всего такая локализация славянской прародины обусловлена библейской легендой — путь от Вавилона в Среднюю и Восточную Европу шел через Балканский полуостров и Подунавье². Поводом для расселения славян из бассейна Дуная на широких пространствах Средней и Восточной Европы, по летописцу, было нападение на них волохов.

Сообщение древнерусской летописи о расселении славян с Дуная стало основой так называемой дунайской (или балкан-

¹ Повесть временных лет, ч. I. М.—Л., 1950, с. 11.

² Высказано предположение, что летописные строки о расселении славян с Дуная основаны не на преданиях, а появились в начале XII в. в связи с конфликтом Руси с Византией из-за дунайских земель, имевшем место на рубеже XI—XII вв. *Алешковский М. Х.* О происхождении летописной легенды о дунайской прародине славян. — В кн.: Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1966 г. Л., 1967, с. 5—7.

ской) теории происхождения славян. Последняя была очень популярна в сочинениях средневековых авторов — польских и чешских хронистов XIII—XV вв. Подобной точки зрения придерживались большинство русских историков XIX — начала XX вв. Несостоятельность дунайской теории славянского этногенеза была показана знаменитым чешским славистом Л. Нидерле³. Однако она иногда встречается и в некоторых современных работах.

К эпохе средневековья восходит также сарматская теория происхождения славян. Впервые она зафиксирована Баварской хроникой XIII в., а позднее господствует во многих западноевропейских сочинениях XIV—XVIII вв. Согласно этой теории, предки славян опять-таки из Передней Азии расселялись вдоль западночерноморского побережья на север и осели на юге Восточной Европы. Античным авторам славяне были известны под этнонимами скифы, сарматы, аланы, роксоланы. Отождествление славян с различными этническими группами, названными античными авторами, характерно для средневековья. В сочинениях западноевропейских историков той эпохи можно встретить утверждение, что славяне прежде назывались кельтами. Среди южнославянских книжников было распространено мнение, что славяне и готы были одним и тем же племенем. Довольно часто славяне отождествлялись с фракийцами, даками, гетами и иллирийцами. Ныне все эти издания имеют чисто историографический интерес⁴.

Научные изыскания по проблеме славянского этногенеза начинаются с 30-х годов XIX в., когда вышла в свет книга известного исследователя славянских древностей П. И. Шафарика⁵. Свои выводы этот исследователь попытался обосновать анализом сведений древних авторов о венедах (Тацит, Плиний и Птолемей) и этногеографических данных Иордана. По представлениям П. И. Шафарика, славяне искони заселяли обширные пространства Средней Европы, а впервые славянский язык зазвучал к северозападу и северо-востоку от Карпат. Прикарпатская теория происхождения славян была весьма популярна в XIX столетии.

XIX в. характеризуется успехами в индоевропеистике и развитием сравнительно-исторического языкознания. Уже в 30-х годах Ф. Бопп показал, что славянские языки принадлежат к индоевропейской языковой семье, куда входят также индо-

³ Niderle L. Slované starožitnosti, I, s. 1. Praha, 1902—1904, s. 5—17. Б. А. Рыбаков считает, что фраза «По множеству же времьнех седи суть словени по Дунаеву...» должна быть переставлена в другое место летописного текста, туда, где описываются миграции кочевых орд на Балканы. И, следовательно, речь идет здесь не о размещении славянской прародины на Дунае, а о заселении славянами Балканского полуострова в V—VI вв. н. э. (Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 219—247).

⁴ Средневековые теории происхождения славян собраны в книге: Первольф И. Славянская взаимность древнейших времен до XVIII в. СПб., 1874.

⁵ Šafarik P. Slované starožitnosti. Praha, 1837; Шафарик П. И. Славянские древности, т. I. М., 1837.

иранские, греческий, армянский, кельтский, итальянские, германские, балтские, иллирийский, фракийские и другие, в том числе ныне исчезнувшие⁶. Некогда существовал единый индоевропейский язык, в результате распада которого и образовались отдельные языки.

Сравнительно-историческое языкознание определило различную степень родства и близости между языками индоевропейской семьи. Так, установлено было, что славянский язык наиболее близок к балтским и германским языкам, на основании чего высказаны предположения о существовании в древности балто-славянского языка и индоевропейской группы, в которую входили предки славян, балтов и германцев. В XIX и в начале XX в. были выявлены и изучались следы ирано-славянских языковых контактов и поставлены вопросы о возможности славяно-кельтских, славяно-иллирийских и славяно-фракийских контактных отношений. Таким образом, устанавливалось, что древние славяне и их территория находились, где-то между балтами, германцами и иранцами. Очень вероятно также соседство славян с кельтами, фракийцами и иллирийцами. В результате была предложена схема размещения индоевропейских племен в древности⁷. Однако локализация этой схемы на географической карте встретила неразрешимые трудности.

С конца XIX в. для определения места расселения ранних славян стали привлекаться данные топонимики. В самом начале XX в. появилось интересное исследование А. Л. Погодина, в котором дается очерк истории древних славян по данным античных и раннесредневековых авторов и предпринята попытка очертить раннюю славянскую территорию при помощи анализа водных названий⁸. Исследователь утверждает, что ранние славяне занимали современную Польшу, Подолию и Волынь, где обнаруживается много старых славянских гидронимов.

Анализом гидронимики в связи с определением славянской прародины много занимался Я. Розвадовский. Его выводы менялись. В первых работах древние славянские земли были определены в пространстве между Неманом и Днепром, а в последних — от Вислы до Днепра⁹.

В 1908 г. польский ботаник Ю. Ростафинский предпринял попытку определить древнюю территорию славян на основе флори-

⁶ Bopp F. *Vergleichende Grammatik des Sanskrit*. Berlin, 1833.

⁷ Hirt H. *Die Indogermanen. Ihre Verbreitung, ihre Urheimat und ihre Kultur*. Strassburg, 1903.

⁸ Погодин А. Л. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901.

⁹ Rozwadowski J. *Ze studjów nad nazwami rzek słowiańskich*. Lwów, 1910; *idem*. Kilka uwag do przedhistorycznych stosunków Europy wschodniej na podstawie nazw wód. — «Rocznik slawistyczny», VI, 1914; *idem*. Remarques critiques sur la patrie, dite primitive, des peuples slaves. — In: *Conference des historiens des états de l'Europe orientale et du monde slave*, II. Warszawa, 1928; *idem*. *Studia nad nazwami wód słowiańskich*. Kraków, 1948.

стической лексики ¹⁰. Как известно, название бука не является исконно славянским, а названия граба, тиса и плюща славянские. Отсюда делается вывод, что славянская прародина находилась вне ареала бука, но в пределах распространения растений со славянскими названиями. Такой областью, по мнению Ю. Роставинского, были Припятское Полесье и Верхнее Поднепровье. Несмотря на то, что ботаническая аргументация славянской прародины была встречена критически ¹¹, ей суждено было в течение нескольких десятилетий играть важную роль в определении ареала ранних славян.

В первой трети XX в. различными исследователями было создано несколько гипотез по проблеме славянского этногенеза. Наиболее крупной работой в области славянского этногенеза этого периода являются исследования Л. Нидерле, в которых были обобщены достижения различных наук — истории, лингвистики, этнографии, антропологии и археологии ¹². Согласно Л. Нидерле, общиндоевропейский язык распался на отдельные языки в начале II тысячелетия до н. э. Наряду с другими индоевропейскими языками сначала существовал балто-славянский язык, из которого в I тысячелетии до н. э. (а возможно, и раньше) образовался праславянский. Территория формирования праславян, отмечал исследователь, пока не может быть определена. Вместе с тем, он считал, что невры, будины и скифы-пахари Геродота были славянами. Весьма осторожно определяет Л. Нидерле ареал славян в начале н. э. На востоке, по его мнению, он достигал верховьев Днепра и отдельных районов Подонья, на севере — Нарева и левых притоков Припяти, на западе — Эльбы. Западную границу славян, замечает исследователь, может быть, придется переместить к Висле, если не будет доказана славянская принадлежность полей погребений лужицко-силезского типа. Труды Л. Нидерле долго оставались вершиной науки о происхождении и ранней истории славян.

В русской литературе оригинальные теории славянского этногенеза были разработаны А. А. Шахматовым и А. И. Соболевским. Согласно представлениям первого исследователя ¹³, в отдаленной древности восточные индоевропейцы жили в бассейне Балтийского моря. Отсюда часть их (предки индо-иранцев и фракийцев) переселились в более южные области Евразии. В юго-восточной Прибалтике остались балто-славяне, из которых

¹⁰ *Rostafiński. J.* O pierwotnych siedzibach i gospodarstwie słowian w przedhistorycznych czasach. Kraków, 1908.

¹¹ *Brückner A.* Zur Geschichte der Buchenbenennung. — «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen», XLVI, 1914, S. 193—197.

¹² *Niederle L.* Slovanské starožitnosti; *idem.* Manuel de l'antiquité slave, t. I. Paris, 1923; *idem.* Rukovět slovanské archeologie. Praha, 1931; *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956.

¹³ *Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915; *он же.* Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916.

в I тысячелетии образовались балты и славяне. Для своих построений А. А. Шахматов использовал и топонимику, и фитонику. Однако главным было якобы существовавшие в древности непосредственные контакты славян с кельтами и финнами. По представлениям А. А. Шахматова, славяне первоначально жили в низовьях Западной Двины и Немана. Их восточными соседями были балты, соседями славян были также германцы, кельты и финны. Во II в. н. э., — когда германцы ушли из Повисленья, славяне продвинулись в области современной Польши, а оттуда позднее расселились в те области Европы, где они известны по средневековым источникам. Построения А. А. Шахматова не были приняты исследователями ¹⁴.

На основе изучения индоевропейских языков и восточноевропейской топонимики А. И. Соболевский полагал, что славянские языки образовались посредством слияния двух языков — один из них относился к балтской ветви, второй — к иранской. Исследователь считал, что многие из древнеславянских племен были ославяненными скифами ¹⁵.

В 20-х годах и позднее большую популярность имело исследование М. Фасмера, в котором отстаивалась припятско-волынская прародина славян ¹⁶. Помимо данных сравнительно-исторического языкознания и ботанических доводов, исследователь использовал гидронимику. Произведенный им анализ водных названий Средней Европы выявил древние ареалы кельтов, германцев, иллирийцев и фракийцев, после чего славянам здесь не осталось места. Поэтому славянскую прародину М. Фасмер локализовал в бассейнах Припяти и Среднего Днепра, где им были выявлены десятки архаичным славянских гидронимов. В этом регионе из балто-славянской общности около 400 г. до н. э. и выделился славянский язык.

20—30-е годы характеризуются бурным развитием славистики в Польше. Большинство польских исследователей отстаивало западное происхождение славян, утверждая, что их прародина находилась в междуречье Вислы и Одера. Мысль о западном происхождении славян зародилась еще в конце XVIII в., но до 20-х годов XX в. она не имела солидной аргументации. Теперь славянским этногенезом занялись польские и отчасти чешские ар-

¹⁴ Бузук П. А. Взгляды академика А. А. Шахматова на доисторические судьбы славянства. — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук» (далее «Известия ОРЯС»), XXIII, 1921, с. 150—179; Ильинский Г. А. Проблема праславянской прародины в научном освещении А. А. Шахматова. — «Известия ОРЯС», XXV, 1922 с. 419—436.

¹⁵ Соболевский А. И. Русско-скифские этюды. — «Известия ОРЯС», XXVI, 1921, с. 1—44; XXVII, 1922, с. 252—332.

Критика гипотезы А. И. Соболевского дана в статье: Погодин А. Л. Теория акад. А. И. Соболевского о двойном происхождении славянского племени. — In: Slavica, IX. Praha, 1930/1931.

¹⁶ Vasmer M. Die Urheimat der Slawen. — In: Der ostdeutsche Volksboden. Breslau, 1926, S. 118—143.

хеологи, которые пытались показать генетическую преемственность археологических культур в междуречье Вислы и Одера, начиная с лужицкой культуры. В этом отношении особенно много сделал польский археолог Ю. Костшевский¹⁷. Эту позицию активно поддерживал и видный польский антрополог Я. Чекановский, использовавший для этногенетических построений данные антропологии, топонимики, ботаники и других наук¹⁸.

Наиболее основательно вопросы славянского этно- и глоттогенеза были рассмотрены крупнейшим польским славистом Т. Лер-Сплавинским¹⁹. В основе построений — материалы языкознания, гидронимики, археологии и антропологии. Суть теории заключается в следующем. До 2000 г. до н. э. Северо-Восточная Европа (вплоть до Силезии и Померании) была заселена финно-уграми, оставившими культуру гребенчатой керамики. Около 2000 г. из Центральной Европы в восточном направлении расселяются носители культуры шнуровой керамики. На востоке они достигают Среднего Поволжья и Северного Кавказа. Это была одна из групп индоевропейцев. В результате взаимодействия индоевропейцев с финно-уграми на территории между Одером и Окой формируются балто-славяне (или прабалты). Лужицкая культура относится исследователем к индоевропейцам — венетам. Расселение последних в междуречье Вислы и Одера (1500—1300 гг. до н. э.) привело к отделению части прабалтов, что было первым шагом к образованию славян. Окончательно славяне сложились к середине I тысячелетия до н. э. после миграции носителей поморской культуры из Нижнего Повисленья в южном направлении. Результатом этого было формирование в Висло-Одерском междуречье пшеворской и оксывской культур, которые Т. Лер-Сплавинским считаются раннеславянскими.

Построения Т. Лер-Сплавинского привлекательны комплексным решением славянской этногенетической проблематики. Некоторые положения в теории этого исследователя подверглись критике²⁰, а отдельные археологические и топонимические выводы ныне уже устарели. Тем не менее исследование Т. Лер-Сплавинского остается существенным вкладом в изучение проблемы славянского этногенеза.

В последнее время в польской науке, наряду с гипотезой происхождения славян в Висло-Одерском междуречье, распространились иные взгляды. В частности, по мнению А. Гардавского, основой славянства были племена тшинецкой культуры (эпоха

¹⁷ *Kostrzewski J. Prasłowiańszczyzna.* — In: *Biblioteka Słowiańska*, ser. 4, N 2. Warszawa, 1935; *idem. Prasłowiańszczyzna. Zarys dziejów i kultury prasłowian.* Poznań, 1946; *idem. Wielkopolska w pradziejach.* Warszawa — Wrocław, 1955.

¹⁸ *Czekanowski J. Wstęp do historii słowian.* Lwów, 1927 (второе расширенное издание — Poznań, 1957).

¹⁹ *Lehr-Spławiński T. O pochodzeniu i praojczyźnie słowian.* Poznań, 1946.

²⁰ *Ułaszyn H. Praojczyzna słowian.* Łódź, 1959; *Филин Ф. П. Образование языка восточных славян.* М. — Л., 1962, с. 34—45.

бронзы) бассейна верхней Вислы и Среднего Поднепровья²¹.

Развитие исследований по славянскому этногенезу в нашей стране некоторое время сдерживалось распространением марристских представлений. К тому же многие области Восточной Европы до недавней поры в археологическом отношении были слабо изучены. В частности, неисследованными оставались верхнеднепровские и отчасти среднеднепровские древности I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э., имеющие важное значение для решения славянского этногенеза.

В 50-х годах попытки изложения ранней истории славян по данным археологии предпринимались М. И. Артамоновым и П. Н. Третьяковым²². Согласно представлениям первого исследователя, раннеславянскими на западе были лужицкая, поморская и пшеворская культуры. Кроме того, славяне с глубокой древности распространялись также на восток вплоть до Поднепровья. Здесь славянам принадлежали скифские лесостепные культуры. Невры, гелоны и будины, по М. И. Артамонову, были славянами.

П. Н. Третьяков считал протославянскими племена шнуровой культуры, расселившиеся во II тысячелетии до н. э. на территории от Эльбы до среднего Днепра. В I тысячелетии до н. э. славянам принадлежали лужицкая, поморская, скифские лесостепные, верхнеднепровская и юхновская культуры. Позднее славянскими были пшеворская, зарубинецкая, черняховская и более северо-восточные культуры, вплоть до городища Березняки на Волге.

По мере накопления археологических материалов эти этногенетические схемы были коренным образом пересмотрены. Пыне П. Н. Третьяков относится к проблеме происхождения славян осторожно. С одной стороны, исследователь, по-видимому, разделяет мысль А. Гардавского о племенах тшинецкой культуры как основе славянства, с другой стороны, считает возможным начинать историю славян только с рубежа н. э. — от пшеворской и зарубинецкой культур²³.

В лингвистическом плане наибольший интерес представляют работы советских исследователей С. Б. Бернштейна и Ф. П. Филина²⁴. Как и многие современные лингвисты, они отрицают

гипотезу о существовании в древности балто-славянского языка. Исследователи полагают, что предки балтов и предки славян находились в длительном контакте между собой, не сливаясь в единое (в языковом отношении) целое. Начало формирования общеславянского языка относится к I тысячелетию до н. э. Ф. П. Филин много внимания уделил анализу славянской лексики и на его основе показал, что славянская прародина находилась вдали от моря, в лесной, равнинной полосе, изобиловавшей болотами и озерами. Однако подобный ландшафт весьма распространен во многих областях Центральной и Восточной Европы. Для определения конкретного ареала праславян Ф. П. Филин привлекает флористические и фаунистические аргументы. Отмечается также славянский характер ряда названий рек Поднепровья. В результате ранняя славянская территория (около рубежа нашей эры) определяется между Западным Бугом и Средним Днепром. При этом, как отмечает исследователь, ее восточная и северная границы остаются весьма неопределенными.

*

Проблема происхождения славян может быть разрешена только при сотрудничестве разных наук — лингвистики, топонимики, археологии, антропологии, истории, этнографии и эпиграфики. Каждой из этих наук свойственны свои методы исследования, перед каждой из них стоят свои задачи. Так, средствами языкознания должен решаться вопрос о происхождении славянской языковой общности, т. е. вопрос глоттогенетический, являющийся существенной частью этногенетического процесса.

На первых порах развития индоевропеистики исследователи полагали, что образование отдельных языков является результатом простой эволюции диалектов индоевропейского языка вследствие отрыва или изоляции их носителей от основного ствола. Однако позднее установлено, что распад индоевропейской общности был весьма сложным процессом. Скорее всего, ни одна из известных лингвистике ветвей не образовалась непосредственно из диалектов индоевропейского языка. В древности индоевропейских языков и диалектов было значительно больше, чем фиксирует современная наука. Распад индоевропейского языка не был однократным процессом, а прошел через ряд этапов и длился тысячелетия. Между древними индоевропейскими диалектами и современными языковыми группами имели место промежуточные этнические образования, а в отдельных случаях, вероятно, и серия промежуточных групп.

Первый период распада индоевропейской общности связан с отделением анатолийских и индоиранских языков. Древнейшие письменные памятники свидетельствуют, что хеттский и индоиранские языки выделились из индоевропейского, по крайней мере, уже в III тысячелетии до н. э. К раннему времени относится

²¹ Gardawski A. Zagadnienie ciągłości osadniczej, kulturowej i etnicznej w międzyrzeczcu Odry-Dniepru od II okresu epoki brązu do VI/VII w.n.e. — In: I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej, I. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968, s. 215—240.

²² Артамонов М. И. Происхождение славян. М., 1950. Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953.

²³ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М. — Л., 1966, с. 190—220; он же. Некоторые итоги изучения восточнославянских древностей. — Краткие сообщения Института археологии (далее КСИА), вып. 118, 1969, с. 20—29.

²⁴ Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961; Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М. — Л., 1962.

также оформление армянского, греческого и фракийского языков. Зато языки племен Средней Европы оформились как самостоятельные сравнительно поздно²⁵.

Представляют интерес наблюдения и выводы Г. Крае по древнейшей истории индоевропейцев в Европе²⁶. Лексические и топонимические изыскания привели этого исследователя к выводу, что в то время, когда анатолийские, индо-иранские, армянский и греческий языки уже отделились от остальных индоевропейских и развивались как самостоятельные, полностью сформировавшиеся языки, итальянский, кельтский, германский, славянский, балтский и иллирийский языки еще не существовали. «Западноевропейские языки Северной и Средней Европы во II тысячелетии до н. э., — отмечает Г. Крае, — в своем развитии были достаточно близки друг другу, составляя хотя и слабо связанную, но еще единообразную и находящуюся в постоянных контактах группу, которую можно назвать «древнеевропейской». Из нее со временем вышли и развились отдельные языки: германский и кельтский, итальянский и венетский, иллирийский, балтский и на окраине славянский языки»²⁷. Древнеевропейцы выработали общую терминологию в области сельского хозяйства, социальных отношений и религии. Древнеевропейские гидронимы, согласно Г. Крае, распространены от Скандинавии до материковой Италии и от Британских островов до Восточной Прибалтики. На этой территории наиболее древними представляются области севернее Альп.

Независимо от Г. Крае О. Н. Трубачев в результате анализа славянской лексики гончарного, кузнечного, текстильного и деревообрабатывающего ремесел пришел к почти аналогичному выводу. В тот период, когда складывалась эта терминология, носители раннеславянских диалектов или их предки находились в тесном контакте с предками германцев и италиков, т. е. с индоевропейцами Центральной Европы. Центральноевропейский культурно-исторический ареал, который занимали протогерманцы, протоиталики и протославяне, локализуется исследователем в бассейнах верхнего и среднего Дуная, верхней Эльбы, Одера и Вислы, а также в Северной Италии²⁸.

В. И. Абаев выявил целый ряд североирано-европейских языковых сходжений и отметил параллели в области мифологии, свидетельствующие о контакте древних иранцев Юго-Восточной Европы с нерасчлененными европейскими племенами. Древнеевро-

пейская языковая общность, куда входили будущие славяне, германцы, кельты и италики (по В. И. Абаеву, и тохары), подчеркивает в этой связи исследователь, является исторической реальностью²⁹. В. П. Шмид обнаружил шесть водных названий древнеевропейского типа в верхнеднепровском бассейне и высказал предположение, что древнеевропейско-иранский контакт имел место во II тысячелетии до н. э. в южной части Верхнего Поднепровья, где имеются и иранские гидронимы³⁰.

Славянский язык принадлежит к числу молодых в системе индоевропейских. Исходя из лингвистических данных, образование праславянского языка определяется серединой I тысячелетия до н. э.³¹

Сравнительно-историческое языкознание устанавливает, что в тот период, когда праславянский язык уже выделился из индоевропейского и развивался самостоятельно, славяне имели языковые контакты с балтами, германцами, иранцами и, возможно, также с кельтами и фракийцами. Однако нельзя утверждать, что все контакты эти были равноценными и одновременными.

Наиболее существенными были балто-славянские взаимосвязи. Из всех индоевропейских языков славянский наиболее близок к балтскому. Поэтому было высказано предположение о существовании в древности балто-славянского языка, в результате распада которого и образовались самостоятельные балтский и славянский языки. Дискуссия по балто-славянским языковым отношениям, имевшая место в связи с IV Международным съездом славистов, показала, что сходство между балтскими и славянскими языками и наличие балто-славянских изоглосс могут быть объяснены и длительным контактом славян с балтами (балто-славянская общность)³². При этом необходимо подчеркнуть, что балто-славянская общность охватывала не все балтские племена, а только славян и западных балтов (предков прусов, галиндов и ятвягов), что существенно для определения праславянской территории.

В последнее время удалось обнаружить достаточное число надежных примеров славяно-германского лексического взаимо-

²⁵ Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.

³⁰ Schmid Wolfgang. P. Alteuropa und der Osten im Spiegel der Sprachgeschichte. Innsbruck, 1966.

³¹ М. Фасмер и Т. Лер-Сплавинский определяли начало праславянского языка серединой I тысячелетия до н. э. По мнению Ф. П. Филина, первый этап развития праславянского языка приходится на I тысячелетие до н. э. Некоторые исследователи относят образование языка славян ко второй половине I тысячелетия до н. э. (Trager G. L. and Smith H. L. A Chronology of Indo-Hittite.)

Согласно данным современной германистики, прагерманский язык существовал до середины I тысячелетия до н. э. Выделение праиталийского языка относится к рубежу II и I тысячелетий до н. э. Специалисты по летто-литовским языкам допускают функционирование общепалтского языка во II тысячелетии до н. э.

³² Славянская филология, т. I, М., 1958.

²⁵ Trager G. L. and Smith H. L. A Chronology of Indo-Hittite. — Studies in Linguistics, vol. 8, N 3. Norman, Okla., 1950.

²⁶ Krahe H. Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954; *idem*. Die Struktur der alteuropäischen Hydronomie. — In: Akademie der Wissenschaft und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Wiesbaden, 1962, N 5; *idem*. Unsere ältesten Flußnamen. Wiesbaden, 1964.

²⁷ Krahe H. Germanische Sprachwissenschaft. I. Einleitung und Lautlehre. Berlin, 1960, S. 13.

²⁸ Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.

проникновения, относимого к середине I тысячелетия до н. э. О языковых контактах праславян с прагерманцами в это время свидетельствуют не только данные лексики (славизмы в прагерманском языке), но и иные языковые материалы³³. Отсюда можно утверждать, что славяне в древнейший период жили где-то по соседству с западными балтами и германцами.

Исследователи, размещавшие славянскую прародину в Среднем Поднепровье или Припятском Полесье, подчеркивали большое число славяно-иранских языковых сходжений. Однако новейшие изыскания показывают, что те лексические материалы, которые прежде рассматривались как продукт взаимодействия праславян с иранцами, в действительности отражают лишь восточнославяно-иранские или западнославяно-иранские контакты, а последние ни в коем случае нельзя отождествлять с древнейшими славяно-иранскими³⁴. Нет бесспорных свидетельств ранних славяно-иранских контактов и в других материалах лингвистики³⁵. Очевидно, нужно полагать, что в первый период развития праславянского языка славяне жили где-то в стороне от иранского мира.

В пользу такого решения вопроса говорят и материалы эпиграфики. Исследование ранних эпиграфических памятников Северного Причерноморья, произведенное Л. Згустой, показало, что среди тысяч имен, упомянутых в этих надписях, нет ни одного славянского происхождения³⁶. По-видимому, вплоть до III в. н. э. славяне жили где-то в стороне от Северного Причерноморья.

Для определения места формирования славян очень немного может дать анализ праславянской лексики. Привлечение зооботанической терминологии кажется бесперспективным. Смены географических зон, миграции животных и растений, малочисленность и эпохальные изменения флористических и фаунистических терминов делают всякие этногенетические выводы, основанные на анализе этой лексики, малодоказательными. Из зоотерминологии для определения прародины славян важны, пожалуй, только названия проходных рыб — лосося и угря. Поскольку последние названия являются общеславянскими, можно утверждать, что славянский регион древнейшей поры находился в пределах оби-

³³ Мартынов В. В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963; Типология и взаимодействие славянских и германских языков. Минск, 1969.

³⁴ Грубацев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений. — В кн.: Этимология. 1965. М., 1967, с. 3—81.

³⁵ Некоторые исследователи высказывали предположение, что изменения в праславянском *s* в *ch* после *i*, *u*, *r*, *k* пред гласными произошли при воздействии иранских языков. Однако при отсутствии каких-либо иных фактов о раннем славяно-иранском контакте эти новообразования в праславянском могут быть объяснены иными мотивами, не зависящими от процессов, протекавших в индо-иранских языках.

³⁶ Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzeckküste. Die Verhältnisse, namentlich das Verhältnis, der Skythen und Sarmaten im Lichte der Namenforschung. Praha, 1955.

тания этих рыб, т. е. в бассейнах рек, впадающих в Балтийское море.

Для локализации прародины славян некоторый интерес представляют наблюдения В. М. Иллич-Свитыча, обнаружившего в лексике южнославянских языков элементы «горного ландшафта»³⁷. Следовательно, предки южнославянских народов перед расселением на Балканском полуострове пересекли Карпаты, а это значит, что более ранняя славянская территория находилась где-то к северу от Карпат.

Для изучения глотто- и этногенеза славян перспективны внутрилингвистические методы исследования. Фонологическая система того или иного языка обычно перестраивается под воздействием субстрата. При этом, чем дальше фонологическая система от первоначальной, тем дальше удалены ее носители от прародины. Отсюда вывод о максимальной близости современных диалектов, распространенных на территории прародины, к общему языку той или иной системы.

Согласно наблюдениям В. В. Мартынова, занимавшегося реконструкцией элементов фонологической системы праславянского языка, наиболее последовательно праславянские фонологические черты выявляются в великопольских говорах. В юго-восточном направлении от ареала последних праславянские особенности в современных славянских диалектах заметно ослабевают, а в южном (в Подунавье и на Балканском полуострове) пропадают вовсе³⁸. Лексика обычно дает обратную картину — периферийные (по отношению к прародине) области расселения славян, как правило, сохраняют архаичную лексику, в то время как коренной территории свойственны лексические новообразования. В южнославянских и восточнославянских диалектах (в том числе и в Припятском Полесье) имеются архаичные лексические микроструктуры. Наиболее древние районы славянства на этом основании намечаются в регионе современных польских диалектов.

Праславянский язык эволюционировал неравномерно. На смену спокойному развитию языка приходило время бурных изменений, что, по-видимому, обусловлено степенью взаимодействия славян с соседними этническими группами. Поэтому для реконструкции славянского этногенеза весьма важной является периодизация праславянского языка. В его развитии Ф. П. Филин выделяет три крупных этапа³⁹.

На раннем этапе (до конца I тысячелетия до н. э.) формировались основы общеславянской языковой системы. Это — период,

³⁷ Иллич-Свитыч В. М. Лексический комментарий к карпатской миграции славян (географический ландшафт). — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1960, № 3, с. 222—232.

³⁸ Мартынов В. В. Проблема славянского этногенеза и методы лингвогеографического изучения Припятского Полесья. — «Советское славяноведение», 1965, № 4, с. 73—77.

³⁹ Филин Ф. П. Образование языка восточных славян, с. 99—110.

когда славянский язык начал развиваться самостоятельно и спокойно и постепенно выработал свою систему, отличную от других индоевропейских языковых систем.

Средний этап развития праславянского языка датируется от конца I тысячелетия до н. э. до III—V вв. н. э. В этот период происходят серьезные изменения в фонетике языка славян (палатализация согласных, устранение некоторых дифтогов, изменения в сочетаниях согласных, отпадение согласных в конце слова), эволюционируется его грамматический строй. В это время развивается диалектная дифференциация славянского языка. По всей вероятности, эти существенные изменения в развитии праславянского языка обусловлены взаимодействием славян с другими этноязыковыми группами. Иначе их объяснить невозможно.

Поздний этап истории праславянского языка (V—VII вв.) совпадает с началом широкого расселения славян. Языковое единство славян в этот период продолжало существовать, но появились условия для зарождения в разных местах славянского ареала отдельных языков, что привело в конечном итоге к разделению единого языка на несколько славянских языков.

В изучении славянского этногенеза перспективной является ономастика. Попытки использования топонимики для локализации славянской прародины, как уже отмечалось, предпринимались давно. Однако утверждения, встречаемые как в прежних исследованиях, так иногда и поныне, что область первоначального жительства славян являются районы наибольшего сосредоточения славянской гидронимики, должны быть решительно отвергнуты. В действительности наблюдается обратная картина — области сосредоточения гидронимии определенной языковой принадлежности оказываются районами миграции соответствующих этнических групп. Праславянское население в первый период своей истории, следует полагать, пользовалось прежними (индоевропейскими и древнеевропейскими) названиями вод. Бесспорно, что формирование языка славян не сопровождалось переименованием гидронимов. Следовательно, славянскую прародину древнейшей поры нужно искать в ареале древнеевропейской гидронимики. Только в процессе освоения новых территорий славяне стали давать рекам и озерам собственно славянские названия.

Вполне очевидно, что чем древнее славянские гидронимы, тем более древнюю территорию славян они обрисовывают. Однако стратегия славянской гидронимии пока не поддается изучению. Удастся выделить лишь отдельные водные названия, которые с известной долей вероятности можно относить к праславянскому периоду⁴⁰. Но эти гидронимы могли образоваться в разные этапы праславянской истории, в том числе и в самое позднее время. Сле-

⁴⁰ Никонов В. А. Межславянские топонимические черты Украины. — В кн.: Питання ономастики. Київ, 1965, с. 51—54; Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, с. 270—273.

довательно, распространение древних славянских гидронимов отражает уже не славянскую прародину, т. е. ареал формирования славян, а область их расселения к третьей четверти I тысячелетия н. э.

Интересна попытка Т. Лер-Сплавинского дифференцировать область между Одером и Средним Днепром на основе гидронимики на две зоны — зону первичной гидронимии (бассейны Одера и Вислы) и зону с производными словообразовательными формами по отношению к первичным (Среднее Поднепровье)⁴¹. К такому же выводу, но на основе структурно-словообразовательного анализа старославянских водных названий, склоняется и польский топонимист С. Роспонд⁴². Если это так, то междуречье Вислы и Одера оказывается более древней славянской землей.

Топонимике принадлежит также значительная роль в исследовании направлений и путей славянского расселения как в раннее время, так и в эпоху средневековья. Исследователи давно обратили внимание на то, что систематическая повторяемость водных названий в определенном направлении отражает путь расселения племен и народностей. Некоторые наблюдения о деталях восточнославянского расселения в Поднепровье сделаны еще П. Л. Маштаковым⁴³. Недавно болгарскому исследователю Й. Заимову на основе топонимики удалось нарисовать обстоятельную картину славянского заселения восточной части Балканского полуострова, осуществляемого из северокарпатских областей⁴⁴.

В разрешении проблемы происхождения славян много можно было бы ожидать от палеоантропологии, если бы у славян в I тысячелетии до н. э. и позднее вплоть до последних веков I тысячелетия н. э. не господствовал обряд сожжения умерших. Полное отсутствие краниологических материалов по ранней истории славянства делает антропологию вспомогательной наукой в изучении славянского этногенеза.

Для исследования самого раннего этапа славянской истории этнографии предстоит систематизировать и должным образом обработать обильный этнографический материал, собранный исследователями XIX и XX вв. К изучению проблемы славянского этногенеза этнографы, по-видимому, активно смогут подключиться после составления региональных и общеславянских атласов.

⁴¹ Lehr-Splawinski T. Rozmieszczenie geograficzne prasłowiańskich nazw wodnych. — In: Rocznik slawistyczny, t. XXI, cz. 1, Wrocław—Kraków, 1960, s. 5—22.

⁴² Rospond S. Prasłowianie w świetle onomastyki. — In: I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej, I. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968, s. 109—170.

⁴³ Маштаков П. Л. Десна. Пг., 1918; Седов В. В. Из истории восточнославянского расселения. — «Краткие сообщения Института археологии АН СССР» (далее — КСИА), 1965, вып. 104, с. 3—11.

⁴⁴ Заимов Й. Заселване на българските славяни на Балканския полуостров. София, 1967.

Ныне вопросы этногенеза славян нельзя решать без учета данных археологии. Лингвистические выводы по этногенезу обычно не имеют конкретно-исторического смысла, а археология является наукой исторической. Языком пользуется вполне определенная группа людей, которые являются творцами материальной культуры. Последняя не существует в отрыве от этноса. Конечно, имеются элементы культуры, которые зависят от географической среды или социальных условий жизни, но и они часто приобретают некоторое своеобразие под воздействием этноса их носителей.

Археологические культуры, если они выделены на основе достаточных фактов, как правило, этничны. Впрочем, известны и многоэтнические культуры, что вполне понятно, ибо в древней истории человечества неоднократно имели место миграции и взаимопроникновения одной или нескольких этнических групп на территории других. Однако исследователи почти всегда могут определить, этнична или многоэтнична та или иная археологическая культура, и выявить племенные компоненты многоэтнических культур. Исследователи, отрицающие связь археологической культуры с этносом, обычно оперируют статическими примерами.

Обоснованием славянской принадлежности той или иной археологической культуры не может быть то, что она находится в пределах предполагаемой прародины славян, устанавливаемой исследователями других наук. Так как среди языковедов распространены самые различные мнения относительно локализации ранних славян, то таким образом, можно «обосновать» славянскую принадлежность самых разных как в территориальном, так и в хронологическом отношении культур. Однако при этом имеет место явное нарушение методологии собственной науки. Археолог должен прежде всего попытаться обосновать славянство той или иной культуры на собственных материалах и только потом сопоставить свои результаты с данными других наук.

Непременным условием для заключения о единстве этноса должна быть генетическая преемственность при смене одной археологической культуры другой. Если такая преемственность не обнаруживается, то неизбежен вывод о смене одного этноса другим или о наложении одной этноязыковой единицы на другую. Поэтому ведущая роль в исследовании этногенеза принадлежит ретроспективному методу исследования, заключающемуся в поэтапном прослеживании истоков различных элементов культур.

В настоящее время наиболее ранние достоверно славянские древности относятся к середине I тысячелетия н. э. Поиски генетических корней этих древностей встречают трудности. Хронологически им предшествует эпоха «великого переселения народов», когда, как свидетельствуют древние авторы, в результате миграций и диффузий различных племен в Европе имели место значительные территориальные смещения разноэтнического населения. Значит, археологические культуры этой эпохи, по-видимому, и те, которые имеют непосредственное отношение к славянскому

этногенезу, являются совокупностью элементов материальной культуры этнически смешанного населения. А если это так, то ожидать генетической преемственности славянских древностей V—VII вв. с более ранними археологическими культурами не следует. Приходится ограничиться отдельными связующими элементами между ними.

Ниже излагается начальная история славян в основном по данным археологии. Предлагаемая теория славянского этногенеза в отдельных местах гипотетична, но ее привлекательность заключается в том, что она не обнаруживает каких-либо существенных противоречий с данными современной науки.

В первой половине I тысячелетия до н. э. в срединной Европе складывается следующая этническая картина (рис. 1). Северовосточные области этого региона занимали балты, которым принадлежали побережье Балтийского моря от Западного Повисленья до устья Даугавы, а также бассейны Немана, Западной Двины и Верхнее Поднепровье. К началу железного века балтская языковая общность уже не существовала, поэтому балтские племена представлены многими археологическими культурами. На востоке это — днепро-двинская, верхнеокская, юхновская, милорадская культуры и культура штрихованной керамики, а в более западных районах — культура восточнопрусских курганов⁴⁵. На западе окраинной балтской была поморская культура, в VII—VI вв. до н. э. (вельковейский этап), занимавшая сравнительно небольшую территорию на нижней Висле и западнее до Одера.

Балтская принадлежность поморской культуры VII—VI вв. до н. э. определяется и археологией и гидропимикой. Еще в 20—30-х годах XX в. польские археологи Ю. Костшевский и Т. Вага, сопоставляя поморские древности с культурой восточнопрусских курганов, балтская атрибуция которой вне сомнения, считали их двумя группами единой археологической культуры⁴⁶. Действительно, сходство памятников Польского Поморья с культурой восточно-прусских курганов значительно. Общими для них являются устройство каменных ящиков для захоронений, многие типы глиняной посуды (круглодонные горшки и миски, грушевидные сосуды, усеченноконические миски и другие), некоторые украшения и орудия труда. Другим важным аргументом в пользу этнической культуры поморской и восточнопрусских курганов является то, что в их основе лежит единая культура бронзового века. А ныне представляется бесспорным, что поморская культура

⁴⁵ Engel G. und La Baume W. Kulturen und Völker der Frühzeit im Preußenlande. Königsberg, 1937; Gimbutas M. The Balts. London, 1963; Трепьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М. — Л., 1966; Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.

⁴⁶ Kostrzewski J. Kultura przedhistoryczna województwa pomorskiego. — In: Pamiętnik Instytutu Bałtyckiego. Seria Balticum, 1. Toruń, 1929; idem. Dwa centarzystwa kultury pomorskiej. — «Wiadomości archeologiczne», 1934, XIII, s. 43—102; Waga T. Pomorze w czasach przedhistorycznych. Toruń, 1934.

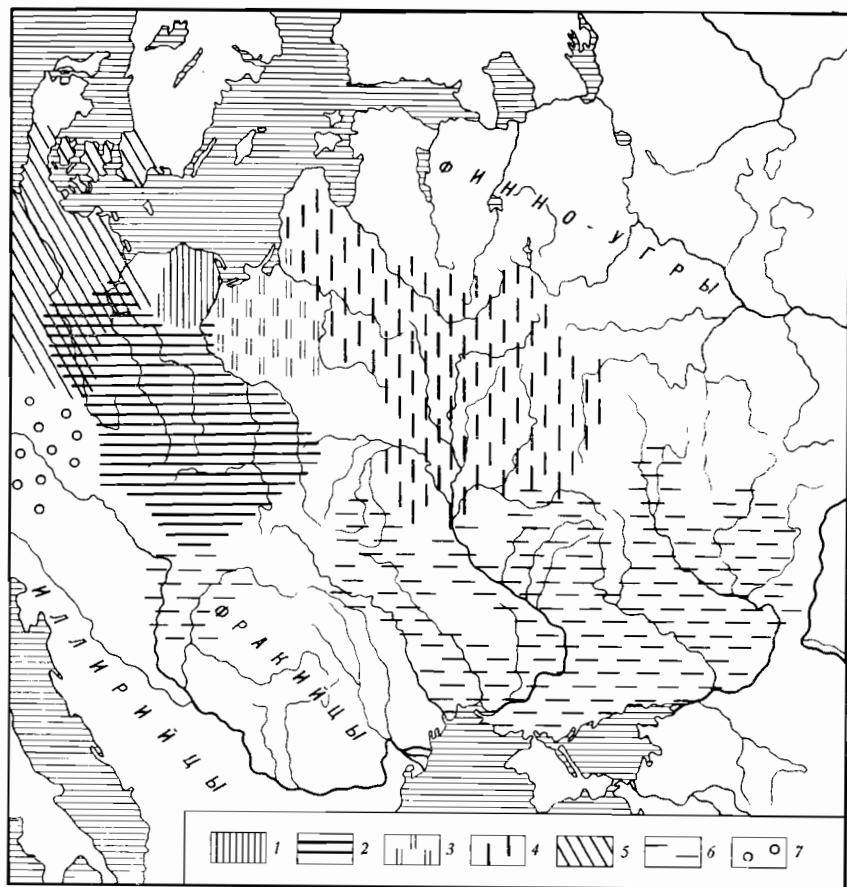

Рис. 1. Средняя Европа в первой половине I тысячелетия до н. э.

1 — поморская культура (окаинный диалект балтов); 2 — лужицкая культура (один из древнеевропейских диалектов); 3 — культура восточнопрусских курганов (западные балты); 4 — культуры штрихованной керамики, днепро-днестрская, верхнеокская, южновосточная и милоградская (восточные и днепровские балты); 5 — ясторфская культура (германцы); 6 — скифские культуры (иранцы); 7 — кельтская культура

сложилась на Кашубской возвышенности в основном в процессе эволюции предшествующей ей культуры местного населения ⁴⁷.

Поморская культура целиком формировалась в ареале балт-

⁴⁷ В польской литературе ныне распространено мнение о сложении поморской культуры на основе одной из групп лужицкой культуры (*Kostrzewski J. Pradzieje Pomorza*. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966, s. 70—89). Основано оно исключительно на том, что в бассейнах рек Слупы и Лупавы, входящих в ареал поморской культуры, есть памятники лужицкой культуры. Однако этого мало для утверждения генезиса поморской культуры из лужицкой. Поморские и лужицкие древности, в особенности керамика и погребальный обряд, настолько различны, что не приходится говорить об эволю-

сской гидронимии ⁴⁸. Последняя здесь является достаточно древней. Вместе с тем, в сложении поморской культуры какая-то роль принадлежит и пришлому элементу. В начале железного века на Кашубской возвышенности появляются такие элементы культуры, как домковые и лицевые урны, а также некоторые вещевые находки свидетельствующие о проникновении сюда отдельных групп нового населения. Пришельцы, по-видимому, растворились в среде нижневисленских аборигенов. Каких-либо следов в топонимии этого края пришельцы не оставили, потому их этническая атрибуция неизвестна. Вероятно, это было одно из древнеевропейских племен, может быть, венеты, как полагает Т. Сулимирский ⁴⁹.

С запада к балтскому этническому массиву примыкал ареал ясторфской культуры ⁵⁰. Принадлежность последней германцам вне всякого сомнения, поскольку ясторфская культура обнаруживает преемственность с более поздними достоверно германскими древностями. Согласно данным языкознания, балты с давних времен соседствовали с германцами ⁵¹.

Южными соседями балтов в Поднепровье были иранские племена (скифская культура). В бассейне Днепра на границе леса и степи гидронимия и археология выявляют следы балто-иранского соседства ⁵². Западнее скифского ареала, в Карпато-Дунайском районе обитали фракийские племена ⁵³. Имеются основания предполагать, что фракийцы, а, возможно, и иллирийцы соприкасались с балтами ⁵⁴.

ции первых из вторых. Присутствие лужицких памятников в части ареала поморской культуры допускает лишь предположение о частичном участии лужицких компонентов в генезисе этой культуры.

⁴⁸ *Kilian L. Baltische Ortsnamen westlich der Weichsel*. — «Altpreussen», 1939, N 3; *Krahe H. Baltische Ortsnamen westlich der Weichsel?* — «Altpreussen», 1941, N 1; *Schall H. Baltisches im Namengut Nordwestslawiens*. — In: «Kurzfassungen der Mitteilungen Fierenz», Fierenz 1961, S. 150—159; *idem*. Die baltisch-slawische Sprachgemeinschaft zwischen Elbe und Weichsel (Nordwest — «lawisches» Namengut). — In: Atti e memorie del VII Congresso internazionale di scienze onomastiche, t. II. Fierenz, 1963, S. 385—404; *idem*. Baltische Sprachreste zwischen Elbe und Weichsel. — In: Forschungen und Fortschritte, B-36. Berlin, 1962, S. 56—61.

⁴⁹ *Sulimirski T. Zagadnienie starożytnych Wenetów — Wenedów na ziemiach słowiańskich*. — In: Kongres w spólczesnej nauki i kultury Polskiej na obczyźnie, t. 1. London, 1970.

⁵⁰ *Schwantes G. Der Urnenfriedhof bei Jastorf*. Hannover, 1904; *idem*. Die Jastorf — Zivilisation. — In: Reinecke — Festschrift zum 75. Geburtstag. Mainz, 1950; Germanen — Slawen — Deutsche. Forschungen zu ihrer Ethnogenese. Berlin, 1969.

⁵¹ *Чемоданов Н. С. Германские, балтийские и италийские языки*. — «Вестник Московского Университета», серия VII, 1962, № 1, с. 33—39.

⁵² *Седов В. В. Балто-иранский контакт в Днепровском левобережье*. — «Советская археология», 1965, № 4, с. 52—62.

⁵³ *Wiesner J. Die Thraker*. Stuttgart, 1963.

⁵⁴ *Krahe H. Baltisch und Illyrisch*. — In: Festschrift M. Vasmer. Wiesbaden, 1956; *Duridanov J. Baltisch-Thrakische Parallelen*. — In: Studia linguistica slavica baltica. Lund, 1966, S. 55—59; *Sulimirski T. Ancient Southern Neighbours of the Baltic Tribes*. — In: Acta Baltica — Slavica, V. Białystok, 1967, p. 1—17.

В Центральной Европе, в основном в междуречье верхней Эльбы и Вислы, к последним векам II и к первой половине I тысячелетия до н. э. относится лужицкая культура. Об ее этнической принадлежности в литературе высказано много мнений. Эту культуру приписывали германцам, кельтам, славянам, иллирийцам. Однако лужицкая культура не обнаруживает прямой генетической связи ни с одной из индоевропейских группировок. Поэтому нужно полагать, что носители этой культуры в языковом отношении занимали промежуточное место между древним индоевропейским и современными языковыми группами.

Лужицкие древности являются составной частью культур полей погребальных урн, характерных для средней Европы в конце бронзового и в самом начале железного века. На раннем этапе в ареале этих культур наблюдается еще довольно неспетая картина. Зато в начале I тысячелетия до н. э. ареальные различия нивелируются, и можно говорить о сложении и существовании в центре Европы единой культурной общности полей погребальных урн⁵⁵.

Эта культурная общность лежит в основе культуры пракельтов (верхний Рейн), праиталиков (приальпийский регион), иллирийцев (на юго-востоке), прагерманцев (древнейшая германская культура — ясторфская сложилась на основе местных древностей эпохи бронзы при участии проникшей с юга культуры полей погребений), славян и, по-видимому, некоторых других европейских этносов. Это позволило В. Киммигу отождествить культуры полей погребальных урн с древнеевропейской общностью, описанной Г. Крае⁵⁶.

Это был период, когда население средней Европы говорило на близких между собой индоевропейских диалектах, из которых позднее образовались такие языки, как итальянский, кельтский, иллирийский, германский и славянский. Выделяемый О. Н. Трубачевым центральноевропейский культурно-исторический ареал по времени и территориально соответствует культурной общности полей погребальных урн, а, может быть, и более ранним древностям — культурам курганных погребений и унетицкой (рис. 2).

Начиная с 550 г. до н. э. посетители поморской культуры расселяются в южном направлении по территории, занятой восточно-лужицкими племенами. На ранних этапах в Повисленье и смежных районах бассейна Одера поморское и лужицкое население сосуществовало раздельно. Но очень скоро пришельцы смешиваются с аборигенами. Число погребений в каменных ящиках или обставленных камнями, что характерно для поморской культуры,

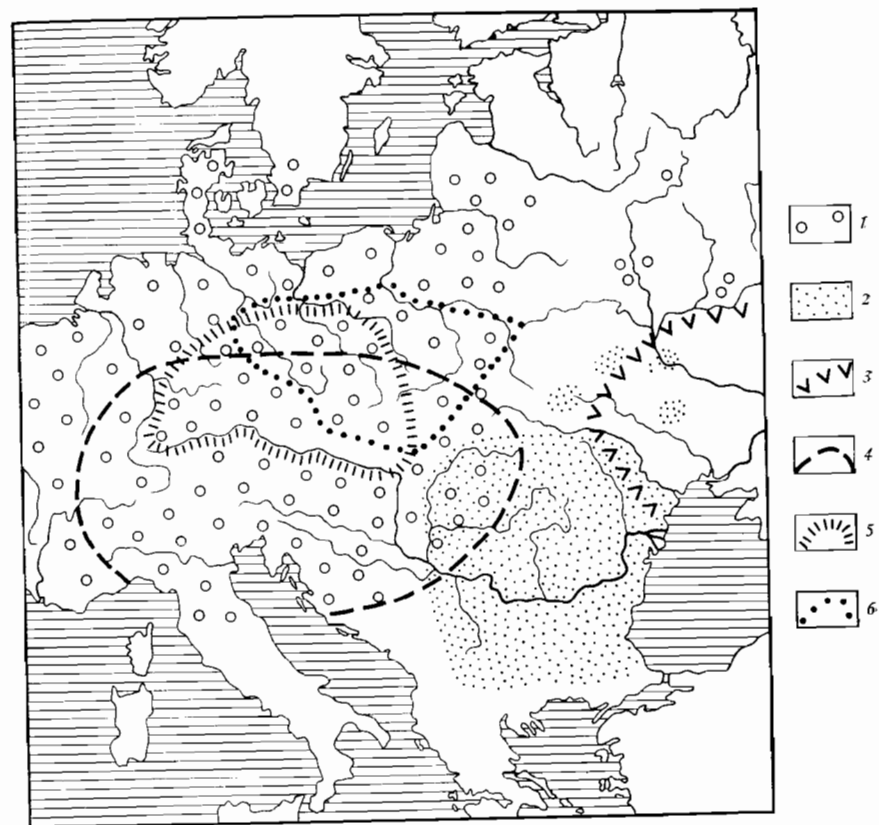

Рис. 2. Средняя Европа во II тысячелетии до н. э.

1 — ареал древнеевропейской гидронимии; 2 — ареал фракийской гидронимии; 3 — северо-западная граница пранской гидронимии; 4 — центральноевропейский культурный ареал (по О. Н. Трубачеву); 5 — пределы унетицкой культуры; 6 — пределы лужицкой культуры

здесь постепенно уменьшается. Зато увеличивается количество погребений в виде ямы со ссыпанными в нее остатками погребального костра — характерный позднелужицкий погребальный ритуал. Уменьшается число коллективных захоронений, уступив место обычным для лужицкой культуры одиночным погребениям. На верхней Висле и в междуречье средней Вислы и Одера распространяются подклешевые захоронения. Керамика и украшения подклешевых погребений частично поморская, частично лужицкая. Таким образом, в результате слияния двух культур к 400 г. до н. э. формируется новая археологическая культура — подклешевая (рис. 3). Ее сложение по времени примерно соответствует лингвистической дате начала формирования праславянского языка.

⁵⁵ Gimbutas M. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. Paris-The Hague — London, 1965, p. 296—355.

⁵⁶ Kimmig W. Seevölkerbewegung und Urnenfelderkultur. Ein archäologisch-historischer Versuch. — In: Studien aus Alteuropa, I. Köln, 1964, S. 220—283.

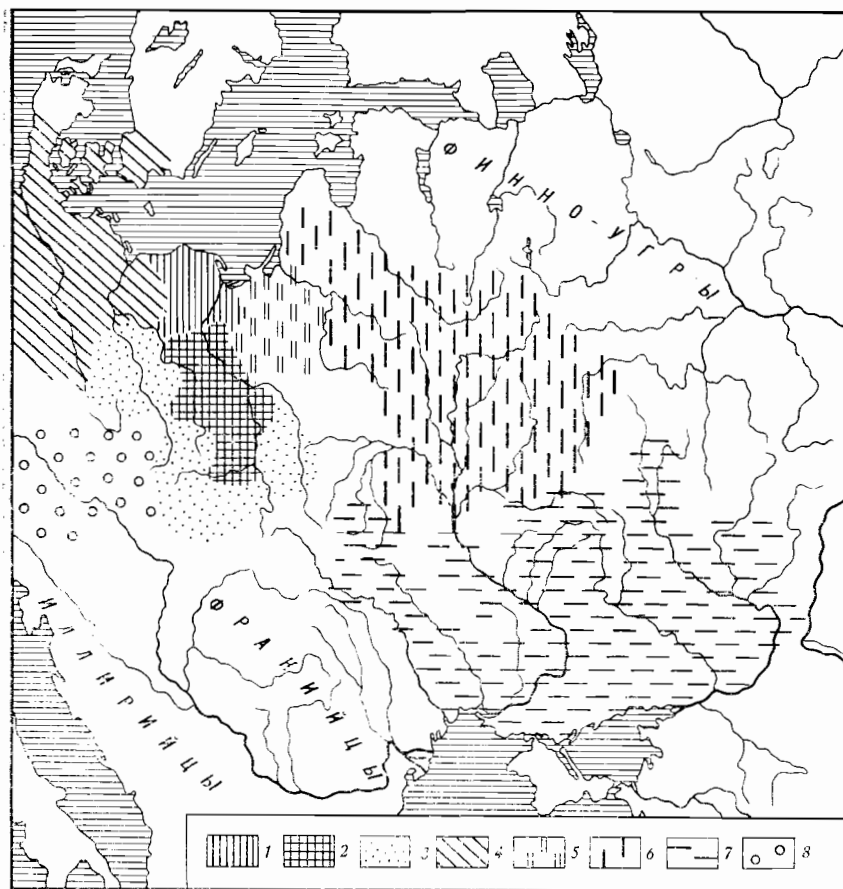

Рис. 3. Средняя Европа в середине I тысячелетия до н. э.

1 — поморская культура; 2 — культура подклешевых погребений (ранние славяне); 3 — остатки лужицкой культуры; 4 — ясторфская культура; 5 — культура восточно-пруссских курганов; 6 — восточнобалтийские культуры; 7 — скифские культуры; 8 — кельтская культура

Среди лингвистических и топонимических нет таких данных, которые противоречили бы предположению о славянстве носителей культуры подклешевых погребений. Ареал этой культуры в значительной степени налегает на область великопольских говоров, в которых наиболее последовательно наблюдаются праславянские фонетические особенности. На севере и северо-востоке носители культуры подклешевых погребений находились в непосредственном контакте с западными балтами, а на северо-западе — с германцами, что соответствует данным исторического языкознания. Сформировалась культура подклешевых захоронений в результате

взаимодействия племен восточной части лужицкой культуры (древнеевропейское население) с носителями поморской культуры (окраинный диалект балтов). Последние, нужно полагать, и внесли в славянский язык те элементы (или часть их), которые объединяют славянский с балтским и дали почву для предположения о существовании в древности балто-славянского языка. Наоборот, ремесленная, земледельческая лексика и иные языковые элементы, находящие параллели в германских и италийских языках, являются наследием древнеевропейского диалекта (племена лужицкой культуры).

Мысль о формировании праславянского языка на основе одного из балтских диалектов не нова. Вероятнее всего, балто-славянского языка в древности не было. Существовала балтская языковая общность, которая на основной территории сохранилась, а на западной окраине подверглась изменениям, превратившись в славянскую⁵⁷.

Излагаемая теория формирования славян близка к предложенной Т. Лер-Сплавинским четверть века назад⁵⁸. В его этногенетические построения наукой внесены существенные коррективы, но основа этих построений оказалась прочной.

Культура подклешевых погребений соответствует первому этапу развития праславянского языка⁵⁹. Во II в. до н. э. на ее основе складывается пшеворская культура, просуществовавшая до конца IV в. н. э. (рис. 4). Как в деталях погребальной обрядности, так и в керамическом материале прослеживаются элементы преемственности пшеворской культуры с подклешевой. В раннее время глиняная посуда носителей пшеворской культуры мало отличалась от керамики из подклешевых погребений (яйцевидные горшки с двумя ушками наверху, миски с загнутым наружу краем, чаша с ушком и другие). В начале нашей эры пшеворская кера-

⁵⁷ Иванов В. В., Топоров В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1958. Топоров В. Н. К проблеме балто-славянских языковых отношений. — В кн.: Актуальные проблемы славяноведения. М., 1961, с. 211—218. Mažiulis V. Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai. Vilnius, 1970.

⁵⁸ Lehr-Spławiński T. O pochodzeniu i praocjzynie słowian.

⁵⁹ Такие ответвления поморской культуры, как древности типа Поянешты-Лукашевка или зарубинецкие, по-видимому, непосредственно не связаны со славянским этногенезом. Культура Поянешты-Лукашевка в основе гетская. Расселение носителей поморской культуры в гетской среде, видимо, не внесло коренных изменений в этническое лицо населения Подднестровья (Романовская М. А. Об этнической принадлежности населения, оставившего памятники типа Лукашевки. — В кн.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969, с. 81—95). Зарубинецкая культура в значительной части сложилась в милоградском ареале, принадлежащем балтам. Позднейшее расселение зарубинецких племен на северо-восток привело к формированию на Оке средневекового племени голяди (Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 38—48). Южная часть зарубинецких племен вместе с расселившимися в междуречье Днестра и Днепра носителями пшеворской культуры составили ядро славянского населения в черняховском ареале.

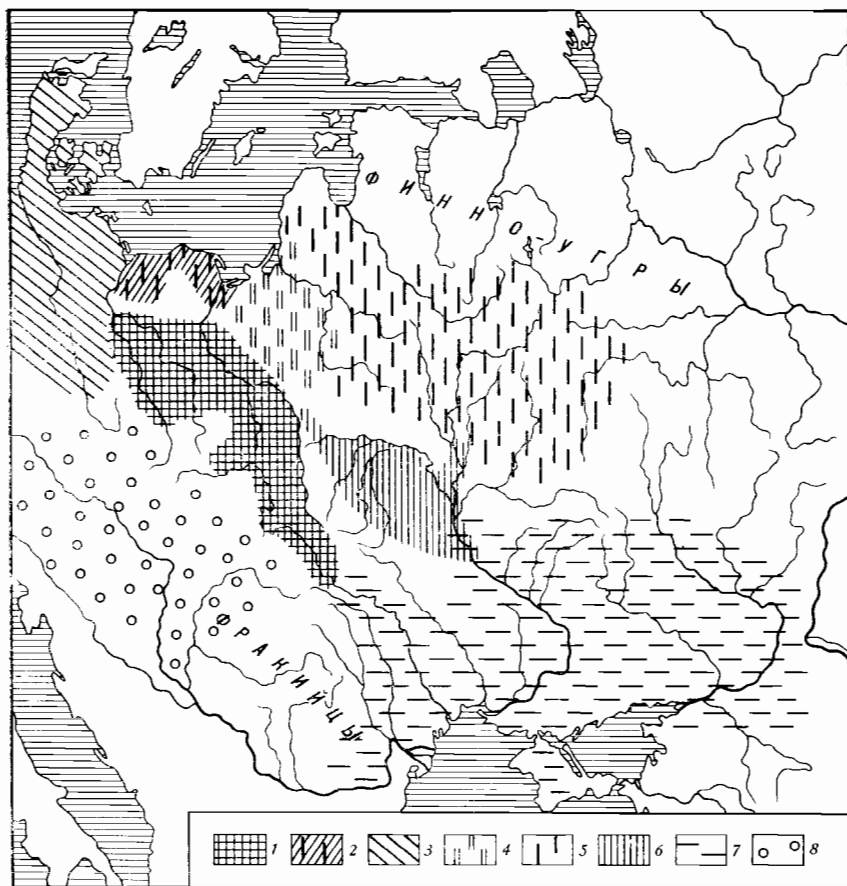

Рис. 4. Средняя Европа на рубеже нашей эры

1 — пшеворская культура; 2 — оксывская культура; 3 — исторфская культура; 4 — культура западных балтов; 5 — культуры восточных балтов; 6 — зарубинецкая культура; 7 — сарматская культура; 8 — кельтская культура

мика бурно эволюционирует — распространяются лощеные черпощенные горшки и высокие вазообразные миски. В развитии пшеворской керамики безусловно сказывается кельтское (латенское) воздействие. Носители пшеворской культуры вплотную соприкасались с кельтами и, продвигаясь в Силезию и Малопольшу, возможно, частично ассимилировали кельтское население. С III в. н. э. в пшеворских памятниках появляется гончарная керамика, главным образом с серой заглаженной или шершавой поверхностью. Находки монет и бронзовых сосудов отражают римское влияние на пшеворскую культуру.

Вместе с тем, вполне очевидно, что пшеворская культура не является простым продолжением культуры подклешевых погребений. В пшеворских могильниках известен целый ряд существенных элементов, которые не имеют местных корней и могут быть объяснены только вторжением иноэтнического населения на территорию славян-носителей культуры подклешевых погребений. Уже в первой фазе пшеворской культуры в ее могильниках почти исчезает обычай накрывать остатки трупосожжений глиняными сосудами, одновременно появляются новые формы керамики и новые орнаментальные мотивы, распространяется обычай класть в могилы оружие и т. п. Немецкие исследователи 20—30-х годов, делая ударение на близость пшеворской керамики Силезии и области Вендсисель на Ютландском полуострове и отмечая сходство погребальной обрядности этих областей, приписывали пшеворские памятники восточногерманскому племени вандалов⁶⁰. Ошибкой этих исследователей является недоучет местных элементов в пшеворской культуре, которые, как показывают новейшие изыскания, являются весьма существенными. Очевидно, нужно признать, что формирование пшеворской культуры является результатом смещения и эволюции местной культуры подклешевых погребений с пришлыми западными элементами.

О том, что пришлым этническим компонентом в Повисленье были германцы, говорят и сведения античных авторов и данные лингвистики. Самые ранние исторические сведения о славянах относятся к первым векам нашей эры. В источниках этого времени славяне зафиксированы под именем венедов. О том, что венеды древних авторов были славянами, прямо свидетельствует Иордан, писавший в VI в. н. э.⁶¹ Германские и прибалтийскофинские народы до сих пор называют славян венедками.

Впервые этноним венеды встречается в «Естественной истории» Плиния Младшего⁶². Географические координаты венедов здесь не указаны. Сообщается только, что венеды наряду с другими этническими группами (сарматами, скирами и гиррами) были восточными соседями германцев, и их земли доходили до Вистулы (Вислы). Корнелий Тацит в сочинении о германцах (конец I в. н. э.) также говорит о венедах, живших к востоку от них⁶³. Согласно Птолемею, венеды были одним из крупнейших племен Европейской Сарматии. Последняя на западе имела границами р. Вистулу (Вислу) и Сарматские горы (Малые Карпаты). У истоков Вислы начиналась уже территория германских племен. Южная граница

⁶⁰ Peschek Chr. Die frühwandalische Kultur in Mittelslesien. Leipzig, 1939; Jahn M. Die Wandalen. — In: Vorgeschichte der deutschen Stämme, Bd. III. Berlin, 1940, S. 946—951.

⁶¹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica. М., 1960, с. 71, 72.

⁶² Плиний Секунд Г. Естественная история. — В кн.: В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. II, вып. I. СПб., 1904 с. 176.

⁶³ Тацит Корнелий. Сочинения в двух томах, т. I. Л., 1969, с. 372, 373.

Сарматии проходила по Карпатам и северному берегу Понта (Черного моря), северная — по Венедскому заливу Сарматского океана (Балтийскому морю). Венеды, по Птолею, жили по всему Венедскому заливу⁶⁴.

Вместе с тем известно, что начиная со II в. до н. э. в течение короткого времени из южной Скандинавии и Ютландии по южному побережью Балтийского моря в устьях Одера и Вислы и вверх по этим рекам расселяются восточногерманские (по Плинию, вандальские) племена⁶⁵. На основе данных различных авторов готы (гүтоны) отчетливо локализируются в устье Вислы, ульмеругии (ругии Тацита) — рядом с готами на Балтийском побережье, там же — гепиды. Бургунды, по данным Птолемея, по-видимому, жили в бассейне Варты (между Одером и Вислой) в ближайшем соседстве с западными (приэльбскими) германцами, а вандалы-синлинги и вандалы-хаздинги, согласно Диону Кассию, занимали верхнюю часть бассейна Одера. «Готский диалект занимает, таким образом, — писал в этой связи Ф. Энгельс, — довольно компактную территорию между Вандальскими (Исполиновыми) горами, Одером и Балтийским морем до Вислы и за этой рекой»⁶⁶.

Соседство и территориальное смешение славян с восточными германцами нашло отражение в языковых материалах. Установлено, что в праславянском языке имеется много восточногерманских лексических заимствований (в том числе kъęzъ, křęstъ, chlěbъ, kotъlъ, bl'udo, kupiti, chlěvъ, šelmъ, xъlmъ, xъsa, dъlgъ, mešъ, oзыlъ и многие другие)⁶⁷. Как по фонетическим особенностям, так и по семантике все эти германизмы относятся уже не к ранней поре развития праславянского языка⁶⁸.

Таким образом, нужно полагать, что пшеворская культура, в основе своей славянская, принадлежит к тому периоду этногенеза славян, когда на одной территории обитали славяне, восточногерманские племена и отчасти, может быть, кельты. Пшеворская культура по времени синхронна второму периоду развития праславянского языка. Понятно поэтому, почему этот период в отличие от первого характеризуется существенными фонетическими сдвигами. Причиной последних, видимо, было территориальное смешение славян с иноязычными племенами.

Дифференциация пшеворских древностей на славянские и восточногерманские пока не произведена. В условиях территориального смешения, взаимовлияния и неизбежной метисации сла-

⁶⁴ Птолемей Клавдий. Географическое руководство. — В кн.: В. В. Латышев. Указ. соч., т. I, вып. I. СПб., 1890, с. 228—233.

⁶⁵ Древние германцы. Сборник документов. М., 1937.

⁶⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 19. М., 1961, с. 484.

⁶⁷ Kiparski V. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934. Имеются в праславянском и западногерманские лексические заимствования.

⁶⁸ Филин Ф. П. Образование языка восточных славян, с. 136—138; Shevelov G. A Prehistory of Slavic. N. Y., 1965, p. 617—619.

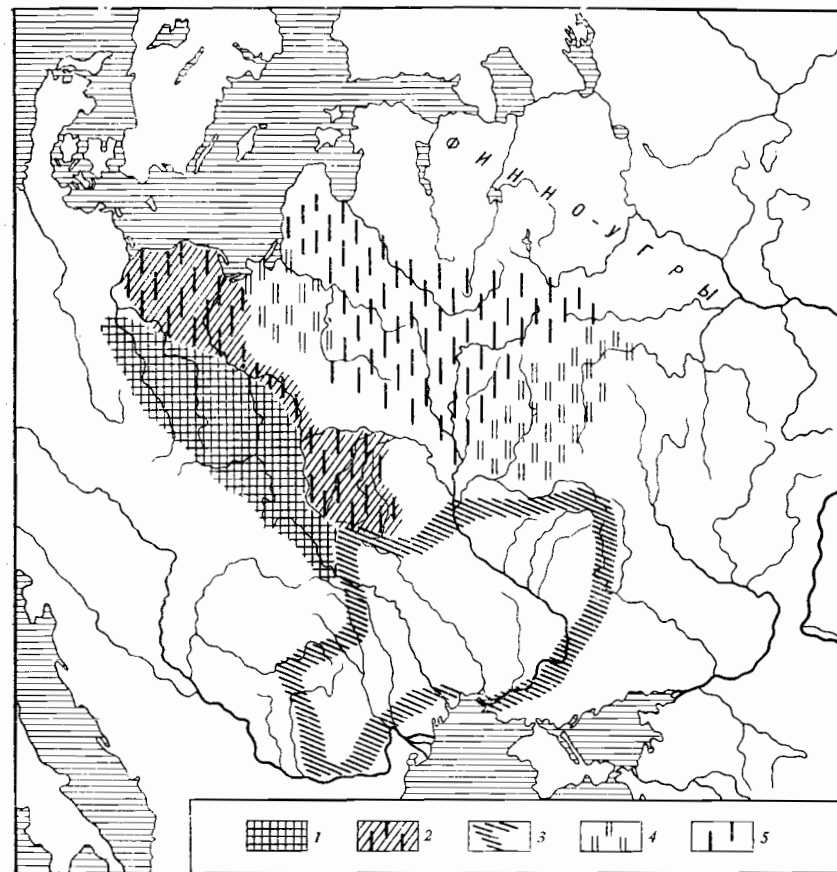

Рис. 5. Средняя Европа в III—IV вв. н. э.

1 — пшеворская культура; 2 — вельбарская культура и памятники типа Дытиничи; 3 — черняховская культура; 4 — культуры западных балтов; 5 — культуры восточных балтов

вяне могли воспринять у пришельцев чужеродную культуру и некоторые обычаи и, наоборот, передать германцам элементы им не свойственные. Поэтому пока невозможно даже сказать, занимали ли славяне в это время весь ареал пшеворской культуры или им принадлежала, как полагают некоторые исследователи, лишь его восточная часть⁶⁹.

В конце II или в самом начале III в. н. э. на обширном пространстве северопричерноморских областей от нижнего Дуная

⁶⁹ Jankuhn H. Germanen und Slaven. — In: Berichte über den II. Internationalen Kongress für Slawische Archäologie. Berlin. 24—28. August 1970, Bd. 1. Berlin, 1970, S. 55—74.

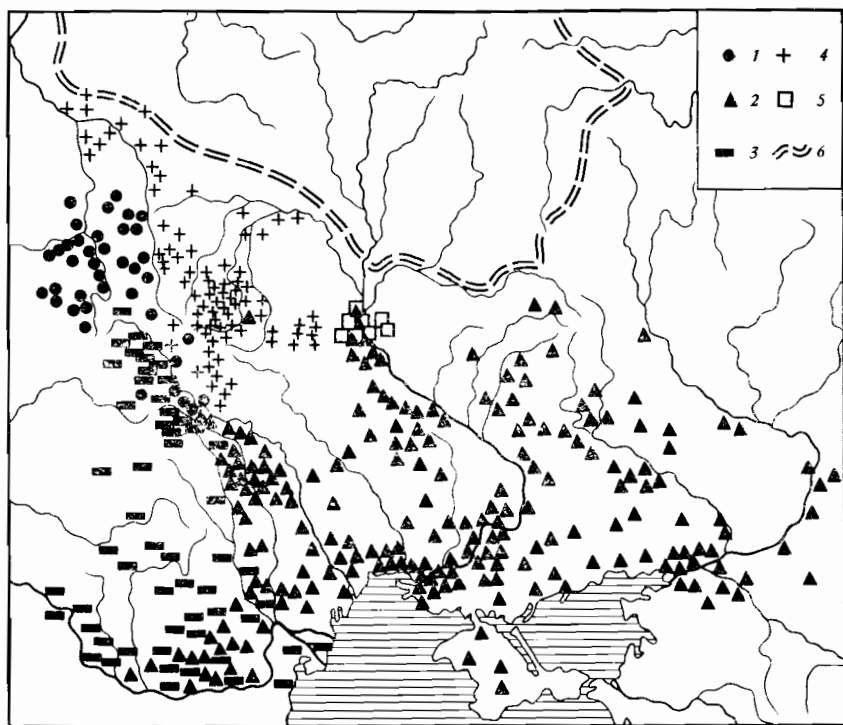

Рис. 6. Северное Причерноморье накануне сложения черняховской культуры

1 — швеворские памятники; 2 — сарматские памятники; 3 — гето-дакийские памятники
4 — памятники типа Дытиничи; 5 — позднезарубинецкие памятники в Среднем Поднепровье; 6 — южная граница балтского ареала

на западе до бассейна Дона на востоке складывается черняховская культура (рис. 5). Вопрос о ее происхождении и составляемых компонентах является весьма сложным и окончательно еще не решен. Значительную часть ареала черняховской культуры до ее сложения занимали сарматы. Позднесарматские памятники известны на среднем и нижнем Днепре, в бассейне Южного Буга и в Днестро-Дунайском междуречье (рис. 6). Вполне очевидно, что черняховская культура не является генетическим продолжением культуры поздних сарматов. Вместе с тем в черняховских памятниках выявляются бесспорные элементы, унаследованные от сарматской культуры⁷⁰. Таковыми являются (рис. 7):

⁷⁰ Сарматские элементы в черняховских древностях Поднепровья впервые подмечены в статье Ю. В. Кухаренко «К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях» («Советская археология» (далее—СА), 1954, XIX, с. 114—120).

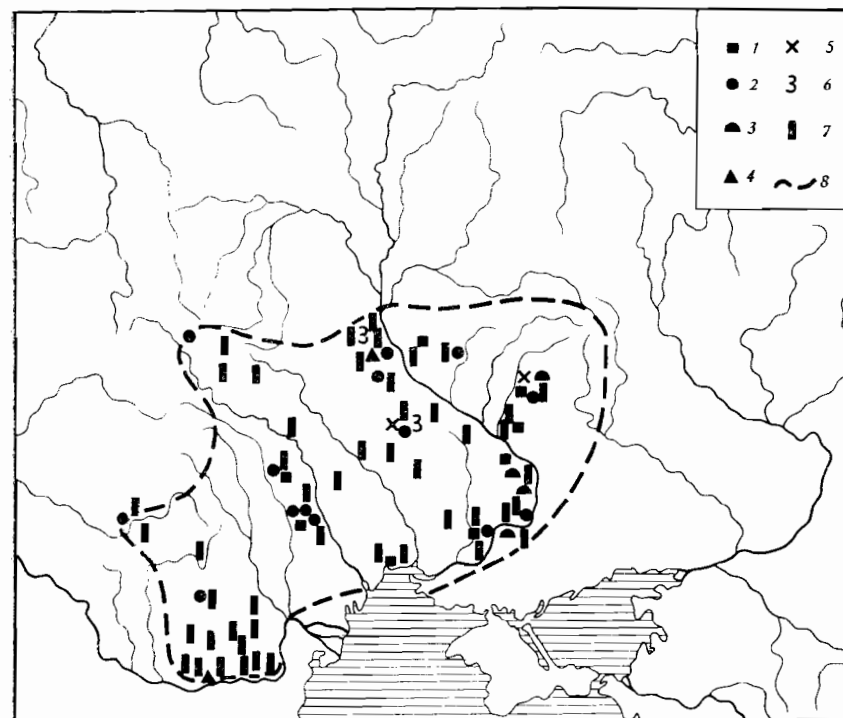

Рис. 7. Сарматские элементы в черняховской культуре

1 — могильники с захоронениями в подбоях; 2 — могильники, содержащие труположения с согнутыми или скрещенными ногами; 3 — курганные захоронения; 4 — могильники с погребенными, у которых наблюдалась искусственная деформация черепов; 5 — могильники с захоронениями, посыпанными кусочками краски или мела; 6 — могильники с находками сарматских зеркал; 7 — граница черняховской культуры

1. Положение умерших в могилы со скрещенными или согнутыми в коленях ногами. Такой обряд зафиксирован во многих могильниках.

2. Устройство подбойных могил для труположений.

3. Спорадическое сооружение курганов над погребениями.

4. Присутствие в могилах около остатков захоронений костей барана, кусочков краски, мела и древесных угольков.

5. Находки в могилах бронзовых зеркал.

6. Искусственная деформация черепов.

Румынские археологи считают, что сарматским наследием в черняховской культуре являются также некоторые типы украшений (бусы, пирамидальные подвески из костей и зубов животных

или раковин, серьги) и преднамеренная деформация черепов ⁷¹. Эти сарматские особенности довольно широко распространены в черняховских памятниках, свидетельствуя о бесспорном участии местного сарматского населения в генезисе описываемой культуры. В этой связи можно полагать, что сарматским по происхождению является в черняховских могильниках и ритуал трупоположения с северной ориентировкой. На молдавских материалах это обосновывалось Г. Б. Федоровым ⁷² и, очевидно, по некоторым румынским памятникам ⁷³. Действительно, из всех этнических компонентов, которые присутствовали в то время в Юго-Восточной Европе и которые могли принять участие в формировании черняховской культуры, подобный погребальный обряд был присущ только причерноморским сарматам.

Об участии местного ираноязычного населения в формировании черняховских племен определенно свидетельствуют материалы палеоантропологии. Черепа из черняховских могильников Поднепровья (Черняхов, Маслово, Дедовщина, Гавриловка) характеризуются долихокранностью, узколицем, средними размерами мозговой коробки, сильно выступающими носом и низкими орбитами ⁷⁴. По ряду признаков они заметно отличаются и от северноевропейских (германских) краниологических материалов, и от мезокранных относительно широколицых черепов раннесредневековых славян юга Восточной Европы. По основным признакам черепа из черняховских могильников Поднепровья близки к скифским черепам той же территории. Отсюда можно полагать, что основную часть черняховских трупоположений Поднепровья составляют потомки местного скифского населения. По-видимому, в период экспансии сармат значительная часть скифского населения не покинула мест обитания и подверглась сарматизации.

Череп из черняховских могильников Поднепровья принадлежит к тому же антропологическому типу, но отличается от днепровских грацильностью, повышенным черепным указателем, меньшим выступанием носа ⁷⁵. Как раз эти признаки отличают сарматские серии черепов с территории Украины от скифских ⁷⁶.

⁷¹ *Аурелиан П.* Следы культуры Черняхов-Сынтана де Муреш в Малой Скифии. — «Dacia», 1962, VI, с. 235—256.

⁷² *Федоров Г. Б.* О двух обрядах погребения в черняховской культуре (по памятникам Молдавии). — СА, 1958, № 3, с. 234—243.

⁷³ *Диакону Г.* К вопросу о культуре Сынтана-Черняхов на территории РНР в свете исследования могильника в Тыргоре. — «Dacia», 1961, V, с. 415—428.

⁷⁴ *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР. М. — Л., 1948, с. 164—167; *Кондукторова Т. С.* Палеоантропологический материал из могильника полей погребений Херсонской области. — «Советская антропология», 1958, № 2, с. 69—79.

⁷⁵ *Великанова М. С.* Палеоантропологический материал из могильников черняховской культуры Молдавии. — В кн.: Антропологический сборник, т. III. М., 1961, с. 26—52.

⁷⁶ *Кондукторова Т. С.* Материалы по палеоантропологии Украины. — В кн.: Антропологический сборник, т. I. М., 1956, с. 172, 173.

Поэтому пужно полагать, что специфичность черепов из черняховских могильников Поднепровья частично обусловлена повышенной ролью здесь сарматского этнического элемента. Кроме того, некоторая грацильность поднепровских краниологических материалов, видимо, объясняется фракийским субстратом ⁷⁷.

С самого начала функционирования черняховской культуры, наряду с трупоположениями, широко применялась кремация умерших. Обряд трупосожжения в первой половине I тысячелетия н. э. был широко распространен, и поэтому выяснить его происхождение у носителей черняховской культуры очень трудно. Работа в этом направлении только начата. Н. М. Кравченко выделяет 28 типов черняховских захоронений по обряду трупосожжения, которые удается сопоставить с погребальными типами других археологических культур ⁷⁸. В северных районах черняховского ареала, там, где черняховская культура территориально наслаивается на зарубинецкую (рис. 8), встречаются сожжения с зарубинецкими признаками (для них характерно наличие сосудов-приношений). Захоронения, имеющие аналогии в гето-дакийских древностях (отсутствие обрядового инвентаря), отмечаются, прежде всего, в западных районах черняховской территории, хотя изредка встречаются и в Поднепровье. Самую распространенную группу черняховских трупосожжений составляют сходные по обряду с пшеворскими. При этом относятся они как к самому раннему, так и к позднему этапу развития черняховской культуры.

Поскольку многие предметы материальной культуры черняховцев являются продуктами ремесленного производства и развились при активном воздействии античных ремесел и культуры, то для выявления этнических компонентов существенным является лепная керамика.

Предлагаемая картограмма лепной керамики (рис. 8) показывает, что по всему черняховскому ареалу преобладающими являются формы, идентичные пшеворским. В результате Г. Ф. Никитина, посвятившая специальное исследование лепной керамике черняховской культуры, пришла к заключению, что формирование этой культуры произошло в результате переселения в Северное Причерноморье значительных масс носителей пшеворской культуры из бассейна Вислы ⁷⁹. Некоторые гончарные сосуды

⁷⁷ Выделяются черепа из Косаповского могильника на Южном Буге, заметно отличающиеся от скифо-сарматских (*Зиневич Г. П.* Очерки палеоантропологии Украины. Киев, 1967, с. 133—138). Из-за малочисленности этой краниологической серии какие-либо выводы представляются преждевременными.

⁷⁸ *Кравченко Н. М.* К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на черняховских могильниках. — КСИА, 1970, вып. 121, с. 44—51.

⁷⁹ *Никитина Г. Ф.* Поселение лесостепной полосы Восточной Европы в первой половине I тысячелетия н. э. М., 1965; Автореф. канд. дис.; *она же*.

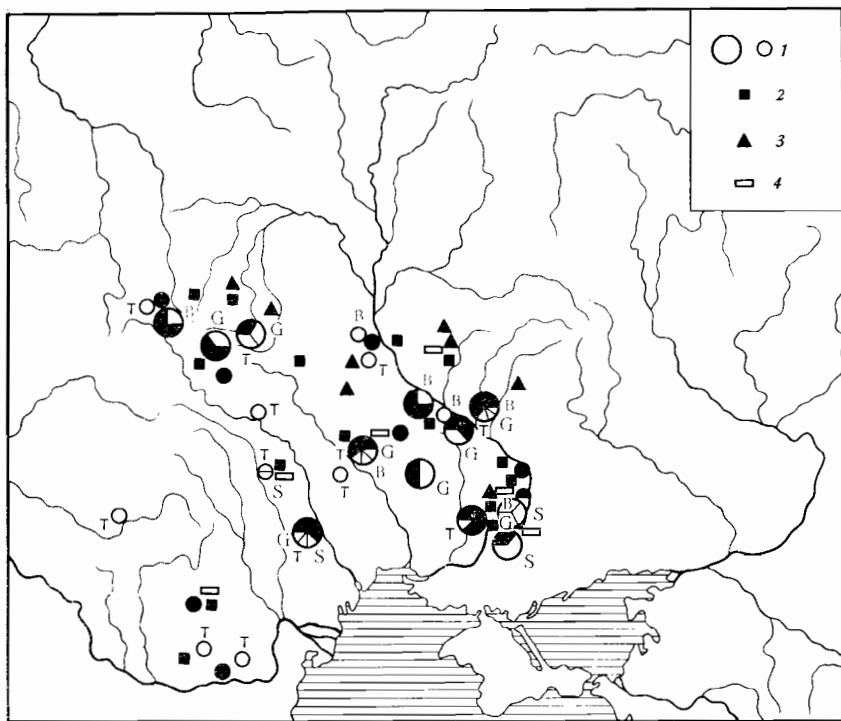

Рис. 8. Различные типы трупосожжений и лепной керамики в памятниках черняховской культуры

1 — памятники с находками лепных сосудов. Малыми кружками обозначены памятники с единичными находками, большими — памятники со значительными находками. Черным цветом внутри кружков обозначена доля, которую составляют сосуды пшеворских типов. Буквами В — доля сосудов зарубинецких типов, Т — доля сосудов гето-дакийских типов, S — доля сосудов сарматских типов; G — доля сосудов типа Дытиничи; 2 — могильники с трупосожжениями пшеворских типов; 3 — могильники с трупосожжениями зарубинецких типов; 4 — могильники с трупосожжениями гето-дакийских типов.

черняховских памятников также имеют параллели в пшеворских материалах, в черняховских могильниках Пруто-Днестровского междуречья найдены предметы вооружения пшеворских типов, на ряде сосудов из черняховских памятников отмечена пшеворская орнаментация. Все это заставляет признать участие переселенцев из пшеворского ареала в генезисе черняховской культуры. А если это так, то этническим компонентом этой культуры после сарматов⁸⁰ должны быть признаны славяне и германцы.

Классификация лепной керамики черняховской культуры. — СА, 1966, № 4, с. 70—85.

⁸⁰ В лепной керамике черняховской культуры сарматских типов немного. Однако очень вероятно, что многие кувшины, обнаруженные на черняховских памятниках, сарматского происхождения.

Кроме того, в сложении черняховской культуры, судя по лепной керамике, приняли участие посетители зарубинецкой культуры (в северной части черняховского ареала) и гето-фракийское население (в западной части)⁸¹. На ряде черняховских памятников обнаружена также лепная керамика, генетически связанная с так называемой гето-гепидской (типа Брест — Тришин — Дытиничи). В черняховской культуре выявляются также иные элементы германского происхождения (большие паземные дома, часто совмещавшие под одной крышей жилье и помещение для скота или производственных целей, некоторые типы фибул и др.)⁸². Однако в целом во всем черняховском ареале ни германский, ни гето-фракийский этнические элементы немногочисленны. В гидронимии Северного Причерноморья германцы и фракийцы оставили весьма слабые следы. Среди нескольких сотен водных названий О. Н. Трубочев выявил здесь всего семь изолированных гидронимов германского происхождения⁸³.

Итак, основным населением в ареале черняховской культуры были потомки сарматов, славяне и германцы. Этот вывод как будто подтверждается данными письменных источников. Римский историк IV в. Аммиан Марцеллин отмечал, что земли сарматов простирались от Дуная до Танаиса⁸⁴. С другой стороны, документ III—IV вв. н. э. — Певтингеровы таблицы, по-видимому, отражает славянскую миграцию из области пшеворской культуры на юго-восток. Кроме Повисленья, венеды, по данным этого источника, населяли область нижнего Дуная⁸⁵, т. е. западную часть черняховского ареала. В первой половине VI в. одна из групп славян — анты — занимала регион Причерноморья от Днестра до нижнего Днепра⁸⁶. Одновременно Иордан сообщает, что готский король Винитарий (погиб в 376 г.), правивший, по-видимому, теми остроготами, которые остались на нижнем Днепре после нашествия гуннов, вел борьбу с большим объединением антов⁸⁷. Следовательно, уже в IV в., т. е. как раз в черняховское время, славяне-анты заселяли Северное Причерноморье.

⁸¹ Об участии фракийцев в этногенезе черняховского населения писали многие исследователи (Федорова Г. Б. Население Пруцко-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. — «Материалы и исследования по археологии СССР (далее — МИА), 1960, № 89, с. 159—172; Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 47; Рикман Э. А. О фракийских элементах в черняховской культуре Днестровско-Дунайского междуречья. — В кн.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969, с. 178—188.

⁸² Рикман Э. А. К вопросу о «больших домах» на селищах черняховского типа. — «Советская этнография», 1962, № 3, с. 121—138; Тиханова М. А. Еще раз к вопросу о происхождении черняховской культуры. — КСИИ, 1970, вып. 121, с. 89—94.

⁸³ Трубочев О. П. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, карта 17.

⁸⁴ Марцеллин Аммиан. История. Киев, 1906—1908.

⁸⁵ Miller K. Weltkarte des Castorius genant die Peutingerische Tafel. Ravensburg, 1888.

⁸⁶ Иордан. О происхождении и деяниях гетов, с. 72.

⁸⁷ Там же, с. 115.

Черняховские памятники, как поселения, так и могильники, по всему ареалу относительно однообразны. Дифференцировать их на славянские, сарматские, германские, гето-фракийские не удастся. По-видимому, потомки разноэтничного населения жили в черняховском ареале на одних и тех же поселениях и хоронили умерших в общих могильниках. Они вступали между собой в брачные отношения, следствием чего были антропологическая метисация и культурная интеграция. В этих условиях уже нельзя говорить, что труположения в черняховских могильниках оставлены исключительно иранским населением, а трупосожжения иноэтничны.

Видимо, при совместном проживании разноплеменного населения во многих районах черняховского ареала существовало многоязычие и протекали ассимиляционные процессы. Материалы археологии не дают прямого ответа на вопрос — какой язык при этом оказывался ведущим. Скорее всего, в короткий период функционирования черняховской культуры процессы ассимиляции не были завершены и оказались нарушенными в конце IV в. гуннским нашествием.

О том, в каких направлениях шли ассимиляционные процессы в черняховском ареале, лучше всего судить по древностям после черняховского времени. На восточной окраине черняховской культуры к третьей четверти I тысячелетия н. э. относятся памятники пастырского типа и клады, зарытые в начале VIII в. По-видимому, здесь возобладал иранский этнический элемент. К VIII—X вв в Днепровском лесостепном левобережье относятся волынцевские памятники, являющиеся древностями алано-сарматского населения, уже в значительной степени славянизированного⁸⁸.

В основной же части черняховского ареала, наоборот, сарматское население было славянизировано. Междуречье Днестра и Днепра Иордан отводит антам. И как раз на этой территории к V—VII вв. относятся славянские поселения и могильники с керамикой пеньковского типа (рис. 9)⁸⁹. Можно с определенностью утверждать, что культура типа Пеньковки имеет местное происхождение. Сопоставление пеньковских глиняных горшков с керамическим комплексом черняховской культуры показывает, что исходные формы могут быть найдены среди черняховской керамики. На черняховских и пеньковских памятниках Молдавии встречаются также одинаковые по форме миски. Лучшую керамику черняховской и пеньковской культур связывают также отсутствие орнамента и наличие рельефных поясов под венчиками отдельных сосудов⁹⁰. Жилища пеньковских поселений также могут быть

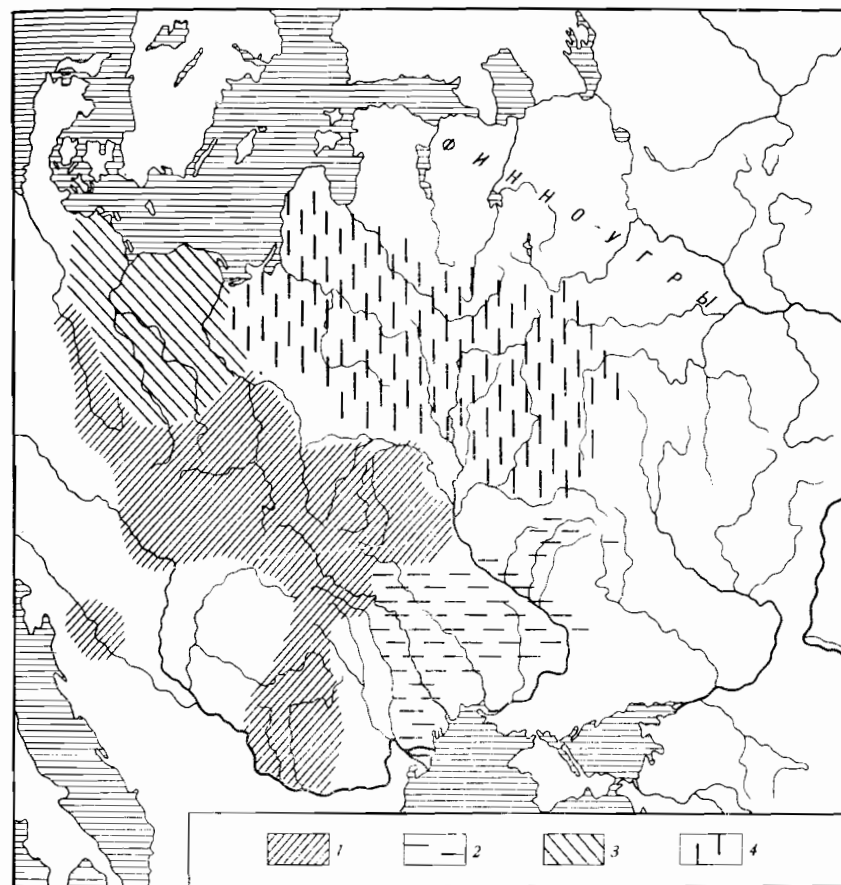

Рис. 9. Славяне в третьей четверти I тысячелетия н. э.

1 — ареал памятников с керамикой пражского типа; 2 — ареал памятников пеньковского типа; 3 — ареал памятников северо-западной части славянства; 4 — область расселения балтских племен

эволюцией полуземлянок черняховской культуры. Подобно пеньковским, некоторые черняховские полуземлянки имели прямоугольные или подпрямоугольные очертания, углублены в грунт на 0,15—0,5 м, стены их имели столбовой деревянный каркас и обмазывались глиной⁹¹.

Иными словами, культура антов типа Пеньковки может рассматриваться как эволюция части черняховской культуры, уце-

⁸⁸ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 128—131.

⁸⁹ Там же, с. 65—73.

⁹⁰ Рикман Э. А., Рафалович И. А. К вопросу о соотношении черняховской и раннеславянской культур в Днестровско-Дунайском междуречье. — КСИА, 1965, вып. 105, с. 53—55.

⁹¹ Baran V. D. Siedlungen der Cernjachov-Kultur am Bug und oberen Dnestr. — «Zeitschrift für Archäologie», 1973, N 1, s. 24—66.

левой после гуннского нашествия⁹². В отличие от черняховских древности типа Пеньковки характеризуются однообразными жилищами и относительно едиными керамическими формами, что можно объяснить сменой полиэтничного населения однородной этнической группой антов.

Как будто в пользу славянизации сарматского населения в пределах черняховской культуры говорят и материалы последней. Хотя вопрос о внутреннем хронологическом членении памятников черняховской культуры еще не разработан, замечено, что на ранних этапах развития этой культуры отчетливо выражены сарматские черты. Среди трупоположений в первое время господствуют меридиональные захоронения, при этом процент ингумации выше процента трупосожжений. На позднем этапе развития черняховской культуры сарматские элементы уже не прослеживаются. В могильниках появляются скелетные захоронения, обращенные головой к западу, число которых со временем возрастает. Одновременно заметно повышается процент трупосожжений. Все эти наблюдения могут быть объяснены, если допустить победу тех этнических элементов, которым был присущ ритуал кремации умерших. А среди них первенствующая роль, нужно думать, принадлежала славянам.

Судя по раннесредневековым материалам, у славянского населения вплоть до последних веков I тысячелетия н. э. безраздельно господствовал обряд трупосожжения. При этом было характерно положение умершего на погребальный костер головой на запад⁹³. Этот ритуал, видимо, имел глубокие корни в славянском языческом мировоззрении. Увеличение роли трупосожжений в черняховских могильниках и отражает процесс ассимиляции сарматов. Более того, изменение направления трупоположений с меридиональных на западные является результатом того же процесса. Потомки сарматского населения в процессе ассимиляции сначала изменили направление трупоположений в соответствии со славянским ритуалом, а потом и переняли обычай кремации умерших.

Ряд косвенных наблюдений подтверждает сказанное. Во-первых, западные трупоположения сосредоточены преимущественно в той части черняховского ареала, где велика роль трупосожжений. Наоборот, там, где трупосожжения в черняховских могильниках составляют незначительный процент, трупоположения головой на запад немногочисленны (рис. 10). Во-вторых, трупоположения с западной ориентировкой концентрируются там, где на черняховских поселениях открыты полужемляночные жилища. Последние не характерны ни для сарматского, ни для восточногерманского, ни для гето-фракийского населения. Поэтому их славянская атрибуция очень вероятна. В-третьих, в той части

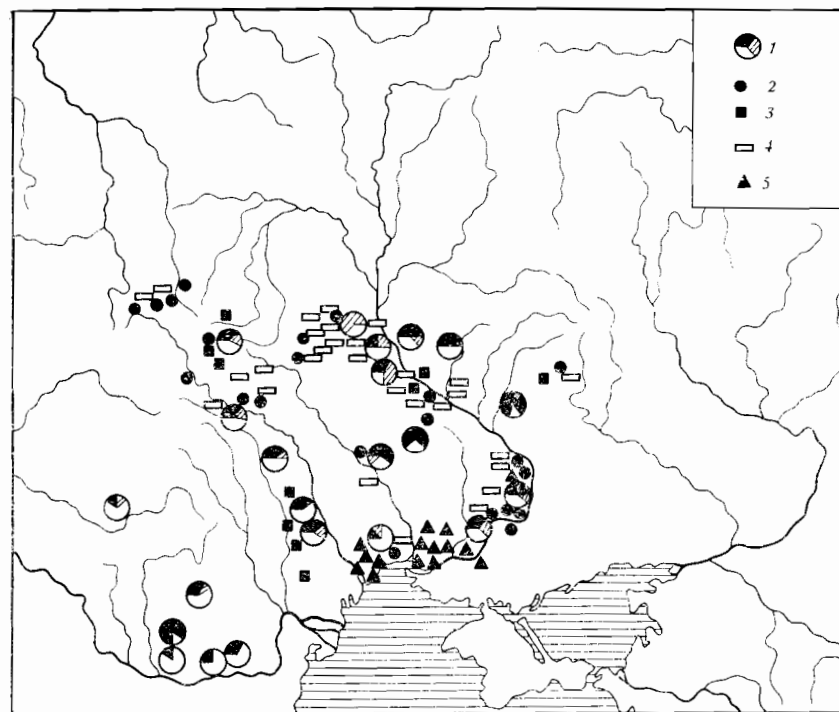

Рис. 10. Типы погребений и жилищ в памятниках черняховской культуры

1 — могильники (картографированы только те, в которых исследовано не менее 10 захоронений). Внутри кружков черным обозначена доля трупосожжений, белым — доля меридиональных трупоположений, заштриховано — доля трупоположений с западной ориентировкой; 2 — поселения с наземными жилищами простой конструкции; 3 — поселения с большими многокамерными постройками; 4 — поселения с полужемляночными жилищами; 5 — поселения с жилищами, имеющими каменные стены

черняховского ареала, где много захоронений с западной ориентировкой, топонимика выявляет следы внутрирегионального славяно-иранского взаимодействия⁹⁴.

Особенно отчетливо взаимодействие славян с иранцами отразилось в материалах славянского языка. Известно, что иранское лексическое проникновение в восточнославянский, точнее, в его

⁹² При раскопках в Делакэу и Собарь установлено, что носители черняховской культуры после разгрома поселений вернулись и основали здесь новые селища.

⁹³ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья, с. 163.

⁹⁴ В литературе высказана догадка, что трупоположения, ориентированные к западу, появились в черняховских могильниках под воздействием христианизации населения (Сымонович Э. А., Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху. — СА, 1963, № 1, с. 59, 60). Однако в таком случае наиболее христианизированными должны быть области, ближайшие к Дунаю, где жили племена, христианизация которых отмечена древними авторами, и районы, прилегающие к Черному морю. В действительности наблюдается обратная картина — западных трупоположений в этих районах почти нет, а их концентрация обнаруживается вдали от Подунавья и побережья Черного моря.

южную ветвь, весьма значительно⁹⁵. Следы иранского воздействия ощутимы также в славянской фонетике и грамматике. Праславянский язык знал только взрывной *g*, который в настоящее время характерен для многих славянских языков. В части славянских говоров (ныне это — южнорусские говоры, украинский, белорусский, чешский и словацкий языки) *g* изменился в задне-небной фрикативный *γ* (*h*). Причин фонологического характера для этого нет⁹⁶. В. И. Абаев обратил внимание на аналогичную фонему в восточной ветви древнеиранских языков и признал, что переход *g* в *h* в части славянских диалектов обусловлен скифо-сарматским субстратным воздействием⁹⁷. Тот же исследователь полагает, что результатом скифо-сарматского воздействия является также распространение в восточнославянском языке генетива-аккузатива и близость в перфектирующей функции превербов⁹⁸.

В числе языческих богов, которым поклонялись восточные славяне, летописи называют Хорса и Симаргла. Исследователи давно обратили внимание на их иранское происхождение, но привлекали персидские параллели. В. И. Абаев и А. Калмыков показали, что Хорс и Симаргл имеют скифо-сарматское начало и должны рассматриваться как заимствования от иранцев Северного Причерноморья⁹⁹. В. И. Абаев считает, что украинский Вий этимологически и семантически связан с иранским Vāyu — богом ветра, войны, места и смерти¹⁰⁰, и обнаруживает параллель между восточнославянским божеством Родом и осетинским Naf (Род)¹⁰¹. Скифо-сарматское воздействие прослеживается также в древнерусском искусстве, фольклоре и ремесле¹⁰².

Все эти иранизмы являются не общеславянскими, а охватывают исключительно юго-восточную часть славянского мира. Среди них имеются такие (например, фонетические и религиозные), которые невозможно объяснить маргинальным контактом славян с иранцами. Очевидно, нужно допустить, что на юго-востоке имело место территориальное смешение части славян со

скифо-сарматским населением. Последнее было ассимилировано и, таким образом, приняло участие в славянском этногенезе. Это могло произойти только в черняховскую эпоху. Позднее славяне уже занимали обширные области и их контакт с остатками сармато-алан был узколокальным. В более же раннее время славяне находились в стороне от иранского мира.

К этому следует добавить, что этноним той ветви славянства, которая расселилась на сарматской территории и ассимилировала сарматов, является иранизмом. Предположение об иранском происхождении этнонима анты впервые было высказано еще в конце прошлого столетия¹⁰³. Эту точку зрения поддержали М. Фасмер и многие другие исследователи. Действительно, иранское объяснение термина анты (др. инд. *ántas* 'конец', 'край'; *antyas* 'находящийся на краю', осет. *ätt'jyā* 'задний', 'позади') представляется единственно вероятным и по лингвистическим, и по историческим соображениям. Так могли называть иранцы-сарматы группу славян, расселившуюся на окраине иранского мира (анты — 'живущие на окраине' или 'пограничные жители').

Правда, Ф. П. Филин, отмечая, что иранское происхождение имени антов не объясняет его внезапного и бесследного исчезновения, высказывает гипотезу об аварском происхождении этого этнонима. Исследователь полагает, что антами в VI в. называлась часть славян, покоренная аварами и находившаяся с последними в отношениях побратимства (от тюрк. *ant*. 'клятва'; монг. *anda* 'побратим'). Когда анты-славяне восстали против авар, они и перестали называться антами-побратимами¹⁰⁴. Это предположение представляется нереальным, хотя бы по хронологическим соображениям. Этноним анты известен, по крайней мере, уже в IV в., а авары появились в Северном Причерноморье только в VI столетии. Исчезновение антов вполне объяснимо. В самом начале VII в. они были разгромлены аварами. После этого остатки антского населения слились с другой диалектно-племенной группировкой славян¹⁰⁵ и вместе приняли участие в освоении новых земель. И всюду в тех местностях, которые были освоены анто-славянами, прослеживаются следы культурно-языкового иранского воздействия.

В V — VII вв. славяне уже занимали обширные области Средней и Восточной Европы от Эльбы на западе до Среднего Днепра на востоке и от низовьев Вислы и Одера на севере до Балканского полуострова на юге. Это был последний период развития праславянского языка, когда в результате широкого расселения славян были подготовлены условия для распада единого языка и образования отдельных славянских языков.

⁹⁵ Трубачев О. Н. Из истории славяно-иранских лексических отношений, с. 37—44; Абаев В. И. Этимологические заметки. — In: *Studia linguistica slavica baltica*. Lund, 1966, s. 1—20.

⁹⁶ Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков, с. 292—294.

⁹⁷ Абаев В. И. О происхождении фонемы *γ* (*h*) в славянском. — В кн.: *Проблемы индоевропейского языкознания*. М., 1964, с. 115—121.

⁹⁸ Абаев В. И. Преверб и перфективность. Об одной скифо-славянской изоглоссе. — В кн.: *Проблемы индоевропейского языкознания*. М., 1964, с. 90—99.

⁹⁹ Kalmykow A. Iranians and Slavs in South Russia. — «*Journal of the American oriental society*», 1925, N 45, p. 68—71; Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы, с. 115—117.

¹⁰⁰ Абаев В. И. Дохристианская религия алан. — В кн.: XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960, с. 5—7.

¹⁰¹ Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы, с. 110, 111.

¹⁰² Kalmykow A. Iranians and Slavs in South Russia, p. 68—71; Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 99—117.

¹⁰³ Hübschmann H. *Etymologie und Lautlehre der ossetischen Sprache*. Straßburg, 1887, S. 21; Uhlenbeck C. C. *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache*. Amsterdam, 1898—1899, S. 8.

¹⁰⁴ Филин Ф. П. Образование языка восточных славян, с. 61.

¹⁰⁵ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвижья, с. 72, 73.

Славянские древности этого периода на основе двух важнейших признаков — керамического материала и домостроительства дифференцируются на три локальные группы. Самая крупная этнографическая группа славянства занимала целиком ареал пшеворской культуры, а также смежные с ним области — на западе до верхней Эльбы, на востоке до среднего Днестра, на юге включала бассейн среднего и нижнего Дуная (см. рис. 9). Памятниками этой группы являются селища с полуземляночными жилищами и могильники с остатками трупосожжений. Для них характерна керамика, получившая название пражской¹⁰⁶.

Истоки керамики пражского облика находятся среди глиняной посуды пшеворской культуры. В памятниках последней встречаются и горшки, которые могут рассматриваться в качестве прототипов пражской керамики, и собственно пражские сосуды¹⁰⁷. Обряд погребения славянских могильников V—VII вв. также обнаруживает некоторую преемственность с ритуалом, известным по пшеворским могильникам. Косвенно об этой преемственности говорит и территориальное распространение тех и других древностей — древности с керамикой пражского типа вне ареала пшеворской культуры не обнаруживают генетических связей с предшествующими им культурами и появляются здесь, кажется, несколько позднее, чем в пшеворском ареале. Все это позволяет предполагать, что славяне, известные по памятникам с керамикой пражского облика, являются потомками посетителей пшеворской культуры¹⁰⁸.

Отсутствие же полной генетической преемственности между пшеворской культурой и рассматриваемыми славянскими древностями V—VII вв. вполне объяснимо. Пшеворская культура, как отмечалось выше, полиэтнича (славяне и германцы) и обнаруживает сильное воздействие со стороны Римской империи. Крушение последней и уход из Повисленья на запад германцев соответствуют концу пшеворской культуры. После этого в V—VII вв. коренное население Повисленья — славяне создали свою самобытную культуру, продолжающую лишь некоторые традиции предшествующей.

Ареал культуры пражской керамики в общих чертах соответ-

ствует территории расселения склавенов (славен) — одной из трех славянских группировок середины I тысячелетия н. э., известных по данным Иордана. Он писал: «Склавены живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, а на север — до Висклы»¹⁰⁹, т. е. склавены занимали область от среднего Дуная (здесь локализуются Новиетун и Мурсианское озеро) на западе и до Днестра на востоке, а северным пределом их обитания был бассейн Вислы (очевидно, верхняя часть бассейна). В отдельных местах археологический ареал (правобережье Среднего Поднепровья, бассейн Эльбы и т. п.) выходит за пределы территории, отведенной склавенам Иорданом. Однако этот факт, по-видимому, объясняется тем, что данные Иордана относятся к первой половине VI в., а археологический ареал определяется на основе памятников, датируемых суммарно V—VII вв. Следовательно, последний фиксирует картину славянского расселения несколько более позднего времени по сравнению с данными Иордана.

Вторая славянская группировка третьей четверти I тысячелетия н. э. представлена памятниками типа Пеньковки, о которых уже говорилось выше¹¹⁰. Это — анты, образовавшиеся в результате расселения славян на скифо-сарматской территории и ассимиляции ираноязычного населения. Иордан локализует их в Северном Причерноморье между Днестром и Днепром («Анты же... распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину;») ¹¹¹, что в общих чертах соответствует ареалу памятников пеньковского облика.

Третья группа славянства этого времени локализуется в междуречье нижней Вислы и Эльбы. Памятники этой славянской группы характеризуются своеобразной техникой домостроения и керамикой, серьезно отличающейся от пражской и пеньковской. Полуземляночных жилищ здесь неизвестно. На поселениях и в могильниках распространены сосуды биконических и цилиндрикоконических форм, относимые к торновскому, фельдбергскому и польскопоморскому типам¹¹². Эта славянская группа называется Иорданом венетами¹¹³.

¹⁰⁶ В настоящее время известно несколько сотен памятников с керамикой пражского типа. Им посвящено огромное число статей в самых различных изданиях. Некоторые итоги исследования этих древностей подведены в докладах на международной конференции по теме «Славянская культура V—VII вв.» в 1967 г. в Либлице (Чехословакия). Материалы конференции опубликованы («Archeologické rozhledy», 1968, N 5). Важнейшие работы последних лет: Pleinerová I., Zeman J. Návrh klasifikace časně slovanské keramiky v Čechách. — «Archeologické rozhledy», 1970, N 6, s. 721—732; Русанова И. П. Карта распространения памятников типа Корчак. — В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 93—96; Die Slaven in Deutschland. Berlin, 1970.

¹⁰⁷ Например, Kietlińska A., Dąbrowska T. Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich we wsi Spicymierz, pow. Turek. — «Materiały starożytne», 1963, IX, s. 143—254.

¹⁰⁸ Kostrzewski J. Zur Frage der Siedlungstätigkeit in der Urgeschichte Polens. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, s. 10—39.

¹⁰⁹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов, с. 72.

¹¹⁰ Подробнее о трех славянских группах V—VII вв. см.: Седов В. В. Вивчення етногенезу слов'ян. — «Народна творчість та етнографія», 1967, № 4, с. 41—47.

¹¹¹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов, с. 72.

¹¹² Knorr G. Die slawische Keramik zwischen Elbe und Oder. Leipzig, 1937; Herrmann I. Tornow und Vorberg. Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Lausitz. Berlin, 1966; idem. Siedlung, Wirtschaft und Gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder/Neisse und Elbe. Berlin, 1968.

¹¹³ Этноним венеты Иордан употребляет в двояком смысле. С одной стороны, это — все праславяне; с другой стороны, венеты — одна из трех составных частей славян VI в.: «Эти (венеты), как мы уже рассказывали в начале нашего изложения, — именно при перечислении племен, — происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов» (Иордан. О происхождении и деяниях гетов, с. 71 и 90).

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ЭТНОГЕНЕЗА И ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ СЛАВЯН

В. В. Иванов, В. Н. Топоров

Вопрос о происхождении культуры венедских племен третьей четверти I тысячелетия н. э. пока далек от окончательного решения. Скорее всего, этническим субстратом венедской ветви славянства были потомки носителей оксывской культуры. Последняя связывается с окраинным балтским диалектом, по всей вероятности, весьма близким к славянским говорам. Может быть, это был какой-то переходный диалект, занимавший среднее положение между славянским и пруссо-явтяжскими языками. Славянизация потомков носителей оксывской культуры, видимо, осуществлялась из пшеворского ареала. Во всяком случае, исследователи торновской и фельдбергской керамики находят прототипы ей среди пшеворской посуды. На территории венедских племен изредка встречаются и сосуды пражского облика.

Такое решение вопроса соответствует выводам топонимистов. Так, В. Н. Топоров выявил и исследовал на территории, включающей Польское Поморье, Мекленбург, Гольштейн и несколько более южные районы по Одеру и Эльбе, слой географической номенклатуры, которая в равной степени объясняется и как балтская, и как славянская. Хронологически этот слой, называемый исследователем балто-славянским, следовал за периодом существования здесь древних периферийных балтских диалектов и соответствует этапу развития последних в славянские языки¹¹⁴.

Попытка некоторых исследователей видеть в трех славянских группах Иордана отражение трехчленной дифференциации современных славянских языков (восточные, западные и южные славяне) является всего-навсего догадкой, не имеющей под собой фактологического материала. Существующее ныне трехчастное членение славянства является продуктом более позднего исторического процесса. Выделяемые, по данным археологии, три группы славянства третьей четверти I тысячелетия н. э., нужно полагать, отражают диалектно-племенное членение на последней стадии эволюции праславянского языка. Как показывают языковые материалы, распад общеславянского единства был весьма сложным процессом, состоящим не только в делении славянской территории, но и в перегруппировках различных праславянских племен. Поэтому диалектное членение праславянского языка и позднейшее трехчастное деление славянства не связаны между собой генетически.

Древности третьей четверти I тысячелетия н. э. являются достоверно славянскими, поскольку между ними и раннесредневековыми славянскими культурами имеется бесспорная генетическая преемственность, прослеживаемая на обширных территориях.

Одним из весьма существенных и ранее практически не использовавшихся источников для восстановления ранней истории славян следует считать языковые обозначения основных элементов ландшафта (гор, рек, городов и т. п.) и мифологические имена героев, связанных с этими же местами. Для наиболее ранней эпохи рассматриваются названия, приуроченные к двум ареалам: к территории между Доном на востоке и Карпатами и Дунаем на западе и к области, находящейся к северо-западу от указанной. Эта территория может рассматриваться как своеобразный сценарий развертывания мифа, во многом смыкающегося с сильно мифологизированной раннеисторической традицией.

Хотя в целом картина носит несомненно мифологизированный характер, за последовательностями мифологических знаков можно обнаружить указания на реально существовавшие денотаты (конкретные горы, реки, поселения, исторические персонажи) и на самое пространственно-временную схему, определяющую хронологию мифологического повествования. Исследуя относящийся к теме материал мифологических географических названий, неперестанно приходится иметь дело с новыми реализациями одного и того же основного мифа о поединке Громовержца с его противником, подробно рассмотренном в специальной монографии¹. Речь идет о постоянных приспособлениях схемы основного мифа к новым территориям, с которыми встречались славяне по мере своего продвижения. Исконные апеллативы, обозначавшие элементы ландшафта, по мере включения их в конкретный локальный вариант мифа доводились до уровня собственных имен, которые в значительной мере и составили основу позднейших историко-географических описаний уже вполне научного характера. При этом могут возникать трудности, вызванные забвением первоначально апеллативного характера собственного имени, которое могло применяться к разным денотатам (что особенно ясно видно по отношению к ряду славянских племенных названий и обозначений стран).

Основная схема мифа достаточно хорошо сохранена в том его виде, который служил для описания небесного происхождения Днепра и днепровских порогов и известен в нескольких вариантах в восточнославянской традиции. Основные персонажи здесь выступают в образах Змея, опустошившего край и требовавшего в ка-

¹¹⁴ Топоров В. Н. О балтийских элементах в гидронимии и топонимии к западу от Вислы. — In: *Slavia Pragensia*, VIII, Praha, 1966, s. 255—263; *он же*. К вопросу о топонимических соответствиях на балтийских территориях и к западу от Вислы. — In: *Baltistica*, I(2), Vilnius, 1966, s. 103—111.

¹ Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

честве дани человеческих жертв, и его противника Кузнеца (или двух Кузнецов), который спасает народ и город Киев от Змея, а самого Змея выпрагает в плуг и заставляет вспахать *Змиев вал*. Из вариантов мифа о Змиевых валах особенно интересен тот, где великий Змей в плуге все просился напиться из Днепра, а Кузнец (*Божий коваль*) все погонял его, пока не добрался до Черного моря, где Змею было позволено напиться вволю². В этом варианте речь идет о спасении Украины в целом («народа Козацкого»), тогда как в другом украинском варианте, записанном в то же время, назван Киев: «І був коло Києва змій і кожного году посиляли йому дань: давали або молодого парубка, або дівчину»³. С началом этого варианта совпадает и начало аналогичной сказки, записанной в Тамбовской губернии: «Около Киева проявился змей, брал он с народа поборы немалые: с каждого двора по красной девке...»⁴; древность этого варианта удостоверяется тем, что в качестве героя выступает Никита Кожемяка, который разрывает двенадцать кож, «как увидел он, что пришел к нему сам царь». Тот же эпизод сохранен в летописи, где описывается силач-кожемяка, который разрывает кожи: «Единою бо ми и сворачю, и шму мнущю оусніе, разгнѣвавься на ма, преторже череву рукама...»⁵. Когда князь Владимир устраивает испытание силы Кожемяки, тот в поединке с быком «схватил быка рукою за бокъ и вынул кожую с мѣсы», после чего князь посылает его сразиться с печенегами, которого Кожемяка побеждает. Эпизод кончается осуждением города Переяславля на месте победы русских над печенегами. Сочетание «мнущю оусніе» (кожу) объясняет и имя *Яна усмошвеца*, которого в 1004 г. Владимир посылает на печенегов (Никон. л., 6512 г.). В последнем летописном известии Ян усмошвец сражается с печенегами вместе с *Александром Поповичем*, что позволяет подтвердить отождествление схемы летописного рассказа с былинным сюжетом, где со Змеем (Тугариным Змеевичем, Змеем Горынычем или Горышчицем) сражаются киевские богатыри: *Алеша Попович* (Кирша Данилов, № 20), *Добрыня Никитич* (Кирша Данилов, № 9,50; Гильфердинг, 1, № 79 и др.), ср. *Никита Кожемяка* в сказке. В других сказках, воспроизводящих этот же змееборческий сюжет, сохраняется приурочение его к Черному морю, ср. «Пошли они путем-дорогою, приходят к Черному морю, в море клохчет гад»⁶, «они пошли в такие места — в змеиные края, где выезжают из Черного моря три змея», «шел, шел и догнал братьев близ Черного моря у калинового моста;

² Максимович М. А. Дни и месяцы украинского селянина II. — «Русская беседа», 1856, т. I, с. 74.

³ Кулиш П. Записки о Южной Руси. СПб., 1856—1857, с. 27.

⁴ Русские народные сказки А. Н. Афанасьева, т. 1. М., 1957, с. 327 (№ 148), см. там же примечания В. Я. Проппа, с. 495.

⁵ «Полное собрание русских летописей», т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1962, с. 124 (992 г.).

⁶ «Русские народные сказки», т. I, с. 268 (№ 136); записано в Оренбургской губернии.

у того моста столб стоит, на столбе написано, что тут выезжают три змея»⁷.

В связи с западнославянским именем Яна в приведенном летописном известии следует отметить, что в третьей сказке этого же цикла, где змееборческий сюжет особенно явно выражен, хотя и нет локального его приурочения, герой носит прозвище Иван *Попьялов*, которое в начале и в конце сказки по-разному осмысливается в духе народной этимологии: «Ен двенадцать лет лежав у попяле, вошася таго встав из попялу и як стряхнувся, дак из яго злятело шесть пудов попялу»⁸, «Убивши змеиху, спалили и попял по ветру рассыпали»⁹. Персонаж с соответствующим именем может быть реконструирован для польской мифологической традиции, непосредственно продолжаемой в ранней исторической традиции (ср. Кадлубек, Галл Аноним, I, 1 и 3). Речь идет о князе из Гнезна по имени *Roriel*, который выступает как отрицательный персонаж, оскорбивший двух гостей-чужеземцев, изгнанный из княжества внуком Котышки и заеденный до смерти мышами, которые его преследовали вплоть до острова, где он пытался спастись от них (ср. известный сюжет епископа Гаттона)¹⁰. Сопоставление польской легенды о Попеле со сказкой об Иване Попьялове кажется вероятным не только из-за сходства имен, но и из-за вхождения обоих персонажей в одинаковую сюжетную схему, внутри которой они занимают противоположные места. Это различие позиций проявляется и в деталях, которые сами по себе достаточно существенны. Так, мотиву Пополя, противопоставляемого потомкам *Котышки*¹¹ и поедаемого *мышами*, в сказке об Иване Попьялове соответствует мотив превращения героя в кота («Ен зрабився катом», чтобы подслушать разговор змеихи и змеевых дочек, над которыми он одерживает верх, как впуск Котышки над Попелем).

Тот же мотив превращения героя в кота известен и в общевосточнославянском цикле сказок об Иване (обычно сыне Су-

⁷ Там же, стр. 269.

⁸ Там же, стр. 264 (№ 135, записано в Брянской губернии). Ср. украинскую сказку о Емеле, где о герое говорится, что он сидит «на пещу в попілль»; «Казки та оповідання з Подділья в записях 1850—1860-х рр.», вып. I—II, 3 передмовою акад. А. М. Лободы, Упорядкував М. Левченко, у Києві, 1928 (в дальнейшем сокращенно Левченко), с. 491.

⁹ Русские народные сказки А. Н. Афанасьева, т. I, с. 267.

¹⁰ Potkański K. Podanie o Popielu i Piaście, — в кн.: K. Potkański. Lechici, Polanie, Polska. Warszawa, 1965, s. 414—438; Slaski K. Wątki historyczne w podaniach o początkach Polski. Poznań, 1968. В связи с дальнейшим изложением следует отметить, что согласно Великопольской Хронике («Monumenta Poloniae Historica», II, s. 510 и сл.) род Попеля приурочен к югу Польши — Вислице, Краков; Labuda G. Źródła, sagi i legendy do najdawniejszych dziejów Polski. Warszawa, 1960, s. 249—263.

¹¹ К этимологии имени легендарного польского князя *Котышки* ср. имя паннонского князя *Коцеля* IX в. н. э. (из **Kocyl*, зап.-слав. **kocel* < **kotja* «кошка»), также связываемое с кошкой (Stanislav J. Koscel. — «Slovenská reč», 1950, roč. 15, s. 165 и сл.).

к и — Иван Сучич, иногда же и Иван крестьянский сын): обратившись в кота (или иногда надев на себя шкуру кота, которого он разрезал), или кошку, герой подслушивает разговор женских персонажей, связанных с змеем — змеевых жен или сестер и змеихи-матери¹² или Бабы-Яги. В некоторых из этих сказок Кот выступает в двойной функции — и как воплощение или помощник Змея и как Змееборец. Обе эти функции соединяются в сказке о Воле Воловиче, который после каждого сражения со Змеем встречается с «Котищем, вытращи глазища», грозящимся его съесть. Герой убивает Кота, одевает на себя его шкуру и под видом Кота входит к Бабе-Яге¹³.

Такая же инверсия универсального архаического образа змееборца, превращающегося в кота (ср. египетское изображение и описание Ра в образе Кота, поражающего Змея у сикоморы¹⁴) обнаруживается и в литовских текстах: *Velnias, slėpdamas nu Perkūno, pasiverčia kate* 'Черт, прячась от Перкунаса, оборачивается котом'; *Nuo Perkūno norėdamas pasislėpti, velnias pasiverčia kate* 'Чтобы укрыться от Перкунаса, черт оборачивается котом'¹⁵. Выражение основной оппозиции Змееборца и Змея через транс-

¹² Русские народные сказки А. Н. Афанасьева, т. I, № 138, с. 289; *Чубинский П. П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край, т. II. Сказки мифические. СПб., 1873, с. 69; Левченко, стр. 477; *Романов Е. Р.* Белорусский сборник, т. I, вып. III. Витебск, 1887, с. 15. Наряду с *Сучым сыном* в сказках этого типа герой может быть и сыном Кота (Кошки): *Иван — Кошкин сын*, «Великорусские сказки в записях И. А. Худякова». Л., 1964; 6; Сказки Ф. П. Господарева. Петрозаводск, 1941, № 18. Ср. также название героя *Котом* в стандартных формулах в других сказках (типа «Кот тут был и молоко пил» и т. д.).

¹³ Сборник великорусских сказок Архива Русского Географического общества, вып. I. Изд. А. М. Смирнов. М., 1917, № 150, с. 430—434. В этой сказке действует Кот-Котович, брат Ивана Царевича и Вола Воловича, причем в конце сказки они делят между собой царство. В сказках типа «Сказка про перстень о двенадцати внатах» (Афанасьев, № 566) кот (кошка) может быть одним из главных помощников героя.

¹⁴ Имеется в виду текст из Книги Мертвых (глава 17): «Я тот великий кот, который сражался при дереве *ʿiṣd* (=сикоморе) в Гелиополе в ночь битвы, тот, который сторожил виновных в день истребления богов вседержателя. Что это? Великий кот, который сражался при дереве *ʿiṣd* в Гелиополе, это сам Ра» (Urkunden des ägyptischen Altertums. Hrsg. von G. Steindorff, Abt. V. Leipzig, 50; раздел 22). На соответствующем рисунке «изображен якорный кот, отрезающий большим ножом голову змея» (Матве М. Э. Древнеегипетские мифы. М.-Л., 1956, с. 33, 34 и рис. 15). Дерево *ʿiṣd* в этом тексте понимается как мировое дерево: *Kees H. der Götterglaube im alten Ägypten*. Berlin, 1956, S. 232, ср.: там же S. 35, 36 (где указаны и другие параллельные тексты, в частности, времени 19 династии), 82 (об изображении Ра с копытней головой из Лувра), 482 (аналогичный образ богини неба — победительницы змея). К древесной символике ср. поражение змеевых дочек в виде яблоньки и яблочек в сказке об Иване Попялове. Мотив детей отрицательного персонажа в виде змеенышей (ср. *Гнездо* и Змей и змеенышей в гнезде в заговоре), мышей и т. п. объединяет разные варианты основного мифа, где возможны и подобные трансформации детей Громовержца.

¹⁵ *Balys J. Perkūnas lietuvių liaudies tikėjimuose*. — In: *Tautosakos darbai*, III. Kaunas, 1936, p. 157, № 127 и 129. Относительно детской игры «Кошка и мышки», восходящей к ритуальным представлениям рассматриваемого

формацию кошки — мышки широко представлено в ритуалах и их вырожденных формах — детских играх, включая жмурки, в которых, как и в польской легенде о слепоте Мешки из рода Котышки в течение первых семи лет его жизни (Галл Аноним, 1, 4; ср. слепоту котят в первую неделю после рождения), эта трансформация связана с мотивом слепоты, ср. также использование слова *пепель*, *попелъ* в контексте, где речь идет о слепоте, а также о причастии и благословении и т. д.; ср. («Слово о слѣпци» Кирилла Туровского, 63): «Не окропиша его завистивіи жрьци попеломъ уньца съ крѣвію козлею», ср. также «Причастимъся очищенію однюмоу..., попела юница стѣшию, окраплажцю оскверненъю» Гр. Наз. 104 (Евр. IX, 13) и др.

Сопоставление польской легенды с брянской сказкой становится еще более очевидным при учете промежуточного звена между ними в белорусской сказке «Васька-Папалышка»¹⁶, где в отчетливой форме выступает сюжет борьбы богатыря Васьки-Папалышки со змеем (по имени *Паганы Цмож*); богатырь связан с другими богатырями по имени *Гарын-багатыр*, *Дубін-багатыр* и *Камін-багатыр* (эти герои связывают указанную сказку с другими многочисленными восточнославянскими сказками типа 301 по Аарне, в которых выступают Горыня, Дубыня и Усыня).

Тип восточнославянских сказок с героем, носящим мужское имя, этимологически связанное с пеплом, имеет параллели и в других традициях¹⁷. В этой связи значительный интерес может представить, с одной стороны, наличие героя по имени *Petru Pepélea* в румынской сказке типа «Конька-Горбунка» с добыванием невесты, с другой же стороны, имя общевосточное женского персонажа с функциями Золушки, в болгарском и румынском образо-

типа, см.: *Покровский Е. А.* Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогикой и гигиеной). М., 1887, с. 194—195.

¹⁶ Чарадзейныя казкі, ч. I (Беларуская народная творчасць). Мінск, 1973, с. 171—179, № 16. Записано Е. Р. Романовым. Ср. также: *Романов Е. Р.* Белорусский сборник, вып. III. Витебск, 1887, № 36 («Попелышка», в сказке фигурирует Гром). Другие белорусские и украинские сказки, упоминающие имя Ивана Попелышки, см.: *Шейн П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного Края, т. II. СПб., 1893, с. 62—65, № 30. Анализ мотивов сказок с именем *Иван Попялов*, *Коршубуры Попелюх* дан в работе: *Потебня А. А.* Этимологические заметки, 15. Сленород, *šleru Mazur*, Сучич, отдельный оттиск: *Потебня А. А.* К истории звуков русского языка, III. Этимологические и другие заметки. Варшава, 1881, с. 75 и сл. Там же разобрано значение мотива (и имени) собачьего щенка (*Сучик*) или котенка (*Кошкин*) в связи с мотивом слепоты и рождения (с. 68—83), а также указана связь всего этого цикла с мотивом змеихи, запряженной в плуг и прорывающей борозду до Днепра (с. 78). По замечанию А. А. Потебни (с. 79), «в XVII в. сказка о рождении богатыря из пепла старшей богатырской головы» приурочена была к Семону Палю.

¹⁷ Этот же тип, видимо, отражен и в имени помощника главного героя *Матюша Пепельной*, см.: Сказки и песни Вологодской области. Составили С. И. Минц и Н. И. Савушкина. Под ред. Э. В. Померанцевой и С. В. Видукова. Вологда, 1955, № 14; Сказки М. М. Коргуева, кн. I и II. Запись, вступительная статья и комментарии А. Н. Нечаева. Петрозаводск, 1939, № 22.

ванное от того же славянского названия зола, пепла, а в других балканских языках имеющее ту же внутреннюю форму: болг. *Мара-Пепелшка*, рум. *Pipelcuța* (иначе *Cenușerea*, т. е. 'зол-ушка'), алб. *Maro-Përhitura* (алб. *hi* 'пепел'), н.-греч. ἡ Στάχτοβοτα ('домоседка', ср. *στάχτη* 'зола, пепел'). В свете изложенной польской легенды существенно то, что мотив Золушки соединяется с мотивом мышей (в румынском фольклоре *Cenușerea* в доме у Св. Пятницы, которая сама связана с мышами, ср. у болгар *Мишин ден* 'день мышей', соотношенный со св. Петкой¹⁸), а также отмеченное в румынской народной медицине использование пепла сожженной мыши для лечения слепоты (в рукописи XVIII в.)¹⁹, ср. также данные о грозном значении мыши.

Другое интересное совпадение мотивов белорусской сказки о Ваське-Папалышке с мифом о громовержце-Кузнеце заключается в эпизоде, где герой получает от отца булаву, которую специально для него сделали кузнецы. В наиболее архаичном варианте мифа о происхождении Днепра и днепровских порогов герой выступает в виде Божественного Кузнеца (или двух богов-близнецов с той же функцией), который может быть возведен к давней индоевропейской традиции. Кроме тех украинских отражений этого мифа, которые и ранее использовались для реконструкции²⁰, он представлен также и в других украинских и восточнославянских версиях, где кузнецы могут быть Ковалем

¹⁸ Другие параллели см.: *Сумцов Н. Ф.* Мышь в народной словесности. — «Этнографическое обозрение», 1891, № 1, с. 49—94, ср. также и более широкие параллели: мотивы Аполлона-Сминтеуса (мышинного) и Асклепия, связанного с мышами.

¹⁹ *Simache N., Stănică V.* Un izvor etnografic interesant. — «Revista de etnografie și folclor», 1966, 11, N 3, p. 296. К типологии значения пепла, зола ср. *Lévi-Strauss C.* Mythologiques. II. Du miel aux cendres. Paris, 1966.

²⁰ *Потебня А. А.* О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. В кн.: «Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских». М., 1865, кн. 2, с. 124 и сл., кн. 3, с. 8—15 (в той же работе Потебня ср. и о мотиве мышей); *Миллер Вс.* Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой, т. I. Асвины-диоскуры. М., 1876, с. 162, 278—291; *Иванов В. В.* и *Топоров В. Н.* Этимологическое исследование семантических ограниченных групп лексики в связи с проблемой реконструкции праславянских текстов. — В кн.: Славянское языкознание. М., 1973, с. 151—159; *Иванов В. В.*, *Топоров В. Н.* Проблема функций кузнеца в свете семиотической типологии культур. — В кн.: Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам I (5). Тарту, 1974, с. 87—90. К указанным в последней работе типологическим параллелям ср. в особенности существенные аналогии мотиву языка (который в славянском мифе змей просовывает сквозь дверь кузницы, чем пользуются кузнецы, хватаящие его своими орудиями): *Köves Th.* La coutume de la langue tirée chez les Gaulois. — «Latomus», 1958, 17, p. 212—239 (кельтский материал весьма показателен в виду наличия в нем аналогий и самому мотиву кузнеца, в частности божественного кузнеца-змееборца, связанного с с о б а к о й). К типологии ср. также: *Salmons A.* Antler and tongue, an essay on Ancient Chinese symbolism and its implication. — In: *Artibus Asiae*, suppl. 13. Ascona, 1954 (ср. рецензию на эту монографию: *Hentze C.* — «Anthropos», 1955, Bd. 50, S. 453—457, а также к этимологии др.-лит. *diāt, др.-тиб. *dlag* — 'язык' (откуда и гонориф. *ljags-pa*): *Simon W.* Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 1973, vol. XXXVI, pt.

(Божественным Ковалем), Кузьмой и Демьяном или кузнецом Соломоном, помогающим герою Ивану Сучичу, который спасается от Змея у них в кузнице. Змей в этих сказках (как и в типологических параллелях к ним) часто выступает в качестве женского персонажа: «Змеиной матки», Змеи, Яги, Бабы-Юги²¹. Руслу Днепра и Змиеву валу в украинских вариантах мифа соответствует в других восточнославянских вариантах либо борозда, идущая до моря, либо «межа, которую кладут до самого моря».

Возвращаясь к собственно украинскому варианту мифа, следует заметить, что само название возвышенных гряд вдоль берегов Днепра Змиев вал содержит слово *вал*, восходящее к корню **vel-/vol-*, которым в основном мифе обозначается противник главного героя²² (ср. *Велес*, *Волос* и т. п.). Этот же корень представлен в названии днепровского порога, последнего по счету и особенно

4; *Lips E.* Bemerkungen zu einigen Stücken von der nordwestamerikanischen Nordwestküste. — In: Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig, Bd. XIV. Berlin, 1955, S. 10—30; *Vajda L.* Рец. на кн. — *Himmelhaber H.* und *U. Die Dan.* — In: Afrika und Übersee, Bd. 45, 1962, H. 4, S. 310; *Shung-sheng Ling.* Human figures with protruding tongue. — «Bulletin of the Institute of Ethnology, Academia Sinica, 1956, 2; *Badner M.* The protruding tongue and related motifs in the art styles of the American Northwest Coast, New Zealand and China. — «Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik», (Wien) 1966, 15; *Lévi-Strauss C.* La voie des masques, t. II. Genève, 1975, 93—95. Полное совпадение этой символики во всем тихоокеанском ареале позволяет поставить вопрос о диффузии мотива высунутого языка в глубокой древности. Для сопоставления со славянским мифом особый интерес представляет установленная К. Леви-Строссом связь масок, характеризующихся этим символом, с древнейшей идеологией меди, т. е. с комплексом представлений, соотносимых с кузнечным мастерством. К ранним упоминаниям языков царя и царицы (из железа) в древнеегипетском ритуале см.: *Otten H.* und *Souček V.* Ein althethitisches Ritual für das Königspaar (Studien zu den Bozazköy-Texten, Heft 8). Wiesbaden, 1969, S. 11—17 (2 I 4), 20—21 (Vs. I 18: *la-a-la-an* AN. BAR-as 'язык из железа'). Относительно древнеегипетских представлений, связанных с языком (*ns*) как органом (и языком в более абстрактном смысле, выводимом из первого, ср. египетское представление о физических различиях как основе различия языков и типологическую параллель в этимологии русск. *немец* и т. п.): *Sauneron S.* La différenciation des langages d'après la tradition égyptienne. — In: Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale, t. LX. Le Caire, 1960, p. 31—39 (там же дальнейшая египтологическая литература вопроса, имеющая значительный интерес и для изучения ранних лингвистических представлений).

²¹ *Романов Е. Р.* Белорусский сборник, вып. VI. Могилев, 1906, с. 15, примеч.; Сказки, пословицы и т. п., записанные в Екатеринославской и Харьковской губернии И. И. Мажурою. — В кн.: Сб. Харьковского историко-филологического общества, т. II, вып. 2. Харьков, 1890, с. 24—26; *Чубинский П. П.* Указ. соч., с. 68, 69; *Левченко М.* Указ. соч., с. 477; Сказки и легенды пушкинских мест. Записи 1927—1949 гг. Записи на местах, наблюдения и исследования В. И. Чернышева. Подгот. к изд. Н. П. Гринковой и Н. Т. Панченко. М.—Л., 1950, с. 2.

²² *Ivanov V. V., Toporov V. N.* A Comparative study of the Group of Baltic Mythological Terms from the Root **vel-*. — «Baltistica», 1973, IX (1), p. 15—28. В связи с указанным в этой же работе особым обозначением кости, образованным от этого корня в балтийском (и возможно, в славянском), значительный интерес представляет и сочетание '*волотова кость*', впервые проанализированное в работе: *Потебня А. А.* Этимологические заметки —

богатого камнями, — *βουληπράχ*, отмеченного у Константина Багрянородного. Это название, соответствующее скандин. *βαρουφρός*, где второй элемент сопоставляется с швед. *bora* 'возвышенность, берег, скала'²³, объясняется как *vol-ynъ* (*vol-ynъ*) *pragъ*. Для установления этого названия особый интерес представляет другое название того же порога *Гадючий*²⁴. В этом контексте показательно и название первого по счету порога *ἑσσωπῆ*, интерпретируемого Фальком как *Ustupi*²⁵ (от *stap-* с древним значением 'ограждать, преграждать').

Связь названия этого порога с первоначальной фразеологией основного мифа можно подтвердить сопоставлением с балтийскими языками. В литовской сказке, где сестра идет к девятерым братьям, она сталкивается с Девятиголовым чудовищем, преградившим ей путь: *ir tadu devyniagalvis jai a ž u s t u p i k e l i a* «и тогда Девятиголовый ей заступил путь»²⁶. Сам мотив преграждения оплодотворяющих вод Змеем, как и мотив освобождения их в результате победы над Змеем, принадлежит к ядру основного мифа, отраженному и в белорусской сказке об Ильяшке, расчищающем Дунай (в варианте — Десну), и в болгарских песнях о реках, текущих благодаря Св. Георгию. Весьма близкий к славянскому вариант представлен и в ведийском мифе, где воды сдерживает демон Вритра, самое имя которого (*vr̥tra-*) означает 'затор', 'порог' (ср. сходный с ним образ демона *Vala* от **uel-*, с которым можно сравнить приведенное выше *vol-ynъ pragъ*, Змиев *вал*). Характерно, что имя матери Вритры *Dānu* совпадает с названием 'потока', а также применяется по отношению к самому Вритре или другим с е м и Змеем, убиваемым Громовержцем Индрой. Число семь является константой при мифологическом способе описания, что можно соотнести и с с е м ь ю порогами Днепра в древней традиции.

В этой связи следует напомнить, что в самом названии Днепра (др.-русс. *Днѣпръ*) выделяется два элемента: первый, родственный др. инд. *Dānu* (мать Вритры, 'поток'), авест. *dānu* 'поток', 'река', название враждебного племени *Dānu*, и второй, восходящий к и.-евр. **ēbh̄r-* с идеей оплодотворения. В связи с интерпретацией последнего элемента как фракийского²⁷ представляет интерес сопоставление с предполагаемым иллирийским заимство-

ванием²⁸ *ζέφυρος* 'ветер' (у Гомера в Малой Азии) — имя мифологического Ветра-коня, при пилосском греческом мужском имени *ze-pu₂-ro* (PY Ea 56), женских этнических эпитетах *ze-pu₂-ra₃* (PY Aa 61), *ze-pu₂-ra-o* (PY Ad 664)' = *Zepurān* (род. пад. мн. ч) «женщин из Зефирии» (древний Галикарнас в Малой Азии, согласно Страбону, XIV, 659)²⁹. Для сравнения с именем Днепра существенно то, что принцип названия географических объектов по этой основе засвидетельствован уже во II тысячелетии до н. э. Не исключено, что сходные словообразовательные типы представлены и в собственно славянском. В свете индо-иранских параллелей к первой части названия Днепра показательно персонификация его в виде именно женского образа (*Непра Королевична*), ср. *Dānu*, мать Вритры.³⁰ Женский персонаж в той же функции выступает и в таких типологически сходных мифах, как кетский рассказ о жене Громовержца, свергнутой с неба, по имени Хошедэм, с е м ь сыновей которой становятся с е м ь ю порогами Енисея. Вместе с тем возникновение семи порогов объясняется этапами преследования Хошедэм со стороны первого культурного героя Альба, функционально сопоставимого с Божьим Ковалем. Спасаясь от преследования, Хошедэм бежит вниз по Енисею к морю и укрывается на острове; ср. тот же мотив в связи с Попелем, укрывающимся на острове. Характерно типологическое сходство и в другом мотиве, объединяющем Попеля и злое женское существо в кетской и других сибирских мифологиях: речь идет о роли мышей по отношению к злему началу³¹. Вместе с тем этимология имени Попеля позволяет сопоставить польскую легенду с широко

²⁸ Bonfante G. Gli elementi illirici nella mitologia greca. — In: Archivio glottologico italiano, vol. LIII. Firenze, 1968, p. 99, 100, там же см. об иллирийском имени отца Тиндара *Οἰβάριος* Ср., однако, объяснение как собственно греческого слова с *djē-/*je-*: Nagy G. Greek Dialects and the Transformation of an Indo-European Process. Cambridge. Mass., 1970, p. 149, note 186.

²⁹ См.: Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek, 2 ed., by J. Chadwick. Cambridge, 1973.

³⁰ Ср. диалектные названия боярышника (*Oxyacantha et monogyna*): *барák*, *ебарашник* или группу слов типа *ебарáйтъ*, *еборáйтъ*, *еборáй* и т. д. (Словарь русских народных говоров, вып. 8. Л., 1972). О боярышнике как символе плодородия и его культе, помимо известной работы Фрезера, ср.: Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований у узбеков Хорезма. М., 1969, с. 201, 202; Тот же корень усматривают в имени Посейдона. См. *Scott Littleton C. Poseidon as a Reflex of the Indo-European Source of Waters' God. — 'The Journal of Indo-European Studies', 1973, vol. 1, 423—440 (к и.-евр. **dā-* 'текущая вода'). Вторая часть *еб-ерáй* родственна хет. *arkī*, употребляемому в связи с растительной символикой плодородия: Watkins C. Indo-European Studies, II. Cambridge. Mass. 1975, p. 508, 518.

³¹ Ср., например, кетский текст о Колбасе: Дульзон А. П. Кетские сказки. Томск, 1966, текст № 18, с. 50—57. Из европейских параллелей, кроме приводившихся ранее Потебней в связи с Бабой-Ягой, ср. балтийские (литовские сказки о детях в лесном доме) и балканские (особенно аналогичные румынские) сказки.

«Живая старина», 1891, вып. III (там же см. гипотезу о сближении *волот* и др.-инд. *vr̥tra*, а также соответствующей группы балтийских слов).

²³ Falk K.-O. Dneproforsarnas namn i Kejsar Konstantin VII Porfyrogenetos' «De administrando Imperio». — Lunds Universitets Årsskrift, N. F., Avd. 1, Bd. 46, N 4. Lund, 1951, p. 13, 15, 55 и сл.

²⁴ Rudnytskyi S. Ukraina. Land und Volk. Wien, 1916, S. 87.

²⁵ K. O. Falk. Op. cit., p. 83—92.

²⁶ Топоров В. Н. Об одном локальном варианте основного мифа (Dieveniškės). — В кн.: Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам 1 (5). Тарту, 1974, с. 36.

²⁷ Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, с. 214 и сл.

распространенной сибирской мифологемой происхождения вредных насекомых из пепла или из искр костра, на котором герой сжигает злое женское существо. Сходный вариант представлен и в сказке, записанной в Харьковской губернии: Баба-Яга, запряженная кузнецами в плуг, дойдя до моря, стала пить воду пока не лопнула, а как она лопнула, пошла из нее «всяка нечисть»: гадюки, жабы, ящерики, пауки, «пуголовки», черви и «всяке тако».

Деталь кетского мифа, согласно которой кровь Хошедем (кетское соответствие Бабы-Яги) или одного из ее сообщников объясняет красный цвет воды в Енисее у Асиновских порогов, совпадает с такой же подробностью ирокезско-гуронского дуалистического мифа о преследовании носителя злого начала Тавискарона его братом-близнецом Иоскега³². Тавискарон создал пороги и быстрины и вместе с тем во время его бегства в подземное царство он был ранен, причем каждая капля его крови превращалась в камень. Это можно сравнить с объяснением Дуная в русских былинах как крови одноименного богатыря³³. Название Дунай в восточнославянском фольклоре может быть отнесено к одной из южнорусских рек, впадающих в Черное море и восходящих в своем названии к *Dun-*, причем не исключено, что распространение речных названий с этим корнем связано с последовательным перенесением этого названия на основную для данной территории реку при последовательном движении с востока на запад, разные этапы которого отразились и на разных фонетических обликах названий рек.

Если названия южнорусских рек вполне могут связываться с соответствующим иранским словом для обозначения 'реки', поскольку иранские племена исторически засвидетельствованы на этой территории³⁴, то большую сложность для объяснения представляют балтийские водные названия такого же типа, ср. многочисленные литовские названия типа *Dunājus*, *Dundjus*³⁵, а также апеллатив *dunōjus* 'большая вода' латышск. *Dunajs*, *Du-*

³² Типологическое сравнение украинского (и более древнего общевосточнославянского) мифа с другими дуалистическими схемами позволяет предположить, что и в древнейшем прототипе славянского мифа близнецы могли быть противопоставлены друг другу: один из них преследовал другого, как бы выступавшего в функции Змея; ср. также возможное отражение этой древней схемы в сказках типа 304, где другие богатыри могли противопоставляться основному герою — их брату.

³³ В. К. Соколова. Типы восточнославянских топонимических преданий. — В кн.: Славянский фольклор. М., 1972, с. 207. Ср. Климчук Ф. Д., Шепелевич В. В. «Дунай» в традиционном фольклоре двух деревень Надъяселдья. — В кн.: Этногенез белорусов. Тезисы докладов. Минск. 1973, с. 211—214 (особенно ср. Дунай как обозначение крови человека, стекающей рекой).

³⁴ См. об иранских этимологиях названий рек южной России и Кубани: Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор, т. I. М.—Л., 1949, с. 162; Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.—Л., 1958, с. 367; там же см. об осет. *Donbetyr*. На западной окраине Европы ср. ирландское речное название *Donwy* (из **danuicia*).

³⁵ Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas. Vilnius, 1963, s. 36.

*nağa*³⁶. Для сопоставления с др. русск. *Днѣпръ* особое значение имеет литовское *Dunep̃r̃ėlis*. Совпадение этих балтийских названий со славянскими при различии их конкретных денотатов, до сих пор не обратившее на себя должного внимания исследователей, представляет собой одну из тех загадок, решение которой может пролить свет на раннюю этническую историю всей этой территории. Из иранских материалов специально в плане мифологической географии кроме указанного выше авест. *Dānu* для сопоставления со славянским особый интерес представляет осет. *Donbetyr* 'мифическое водное существо, владыка водного царства' (из *Don* 'Вода, река' + имя Петра); ср. русск. *Дон Иваныч* как мужской персонаж в отличие от *Непры Королевичны* — женского образа. Вместе с тем представление великой реки как мифологического персонажа или как темы объяснительного мифа находит типологические параллели и далеко за пределами указанных традиций, ср. мифы о Ниле, о Ганге (и Ямуне) и т. д. Некоторые из этих мифов относились к парным рекам (в особенности в цивилизациях, возникших в Междуречье), что связывалось с дуалистическим характером мифа (ср. такую возможность, во всяком случае у иранцев, а позднее, быть может, и славян, по отношению к парам типа Дон-Днепр, Днепр-Днестр, Днестр-Дунай и т. д.).

Объяснение порогов Днепра из дуалистического мифа подтверждается и легендой о двух огромных камнях по обе стороны Днепра, которые приурочивались к поединку двух богатырей, кончившемуся поражением богатыря, стоявшего на левом берегу. В упомянутой выше сказке о Никите-Кожемяке сходным образом излагается поединок героя со змеем: «Не бей меня до смерти! — говорит ему змей. — Сильней нас с тобой в свете нет; разделим всю землю и весь свет поровну: ты будешь в одной половине, а я в другой. Кожемяка запрягает змея в соху и проводит борозду от Киева до моря Кавстрийского». «Ну, — говорит Змей, — теперь мы всю землю разделили!» — «Землю разделили, — проговорил Никита, — давай море делить!» В этой сказке борозда соответствует руслу Днепра и вместе с тем Змееву Валу других приведенных текстов.

Змей, побеждаемый героем мифа о происхождении днепровских порогов, в упомянутых украинских вариантах приурочивается к Киеву. С Киевом, его холмами и пещерами, в позднейшей традиции связываются представления о Змее или змеях, в нем обитающих, ср., в частности, былины, где каждый из основных богатырей выступает как змееборец. Известное летописное сообщение об основании Киева тремя братьями может рассматриваться как переосмысление более старого мифа о победе над змеем или тремя змеями на трех холмах, ср. параллели в мифе, услышанном Олеарием на Нижней Волге в XVII в.: «Некоторые баснословят, что гора получила название от Змея сверхъестественной величины,

³⁶ *Endzelīns J. Latvijas PSR vietvārdi, 1 daļa, 1 sējums, Rīgā. 1956, 1. 238.*

жившего здесь, нанесшего много вреда и, наконец, изрубленного храбрым героем на три куска, которые затем превратились тотчас же в камни. Говорят, что действительно на горе можно видеть три больших длинных камня...»³⁷.

Такая сюжетная схема дала бы объяснение имени старшего брата Кий. По всей вероятности, *Кий* восходит к **Kijъ*, производное от корня **kov-* 'ковать' с основным значением 'палица', 'молот'³⁸, 'жезл' (ср. в качестве семантической параллели другие производные от того же корня типа в.-луж. *kuzłoprut* 'волшебный жезл'). Эта семантическая мотивировка имени *Кий* связывает носителя этого имени как с *Божьим Ковалем* украинских преданий, так и с Громовержцем основного мифа, чьим оружием во всех индоевропейских традициях был молот. Древнейшие формы названия города Киева др.-русс. *Киевъ* (ср.: *Киѧне*) и передача его в арабских (*Kūyāba*, *Kuyava*, *Khyiav*, *Kūjafhan*) и византийских (*Κιοῦβα*, *Κιοῦβον*, *Κιοῦβα*) источниках говорит в пользу предположения о том, что древнейшее имя города было произведено от основы **kij-*. Эту же основу для объяснения названия Киева принимает С. Роспонд³⁹, который предпочитает ее связывать с физиографическим термином *kujava* (в польск. диал. — 'песчаный холм')⁴⁰, ср. *kuj*, *kija* 'вихрь', *kijaś* 'шуметь', хорв., словен. *kujati*, укр. *куяти*; сюда же можно было бы добавить укр. *күява* 'крутой холм', 'малоизвестная страна', 'отдаленное жилище', 'старая хижина' (см. Гринченко 2, стр. 336). С точки зрения мифологической интерпретации имени эти два толкования нельзя считать взаимоисключающими, как и в ряде других проанализированных в настоящей работе терминов, вовлеченных в сюжет мифа. Имя второго брата *Щек* и горы, на которой он жил, *Щекавица* (*Скавица*, *Скавика*) можно было бы возвести к корню в одном из двух видов **Skek-* (**Skok-*) и **Skik-* (ср. *Скавица* из **Skikavika*). К семантике ср. значение 'водопада', 'водного уступа', у славянских основ, родственных русск. *скок*, а также русск. *щека* как обозначение крутого утеса, образующего берег реки, и употребление слов этого корня (*скокить*, *щекотать* и т. д.) в славянских эпических формулах, относящихся к персонажам, так или иначе связанным с продолжениями героев основного мифа.

Не исключено, что приурочение к Щекавице чуждого этнического элемента уже в раннеисторическую эпоху можно интерпретировать как продолжение первоначальной негативной ха-

³⁷ Олгарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, с. 79.

³⁸ Ср., в частности, слово *кий* по отношению к палице богатыря (кий в 50 пудов, кий в 80 пудов и т. д.), ср.: Шейн. Указ. соч., № 45.

³⁹ См.: Роспонд С. Значение древнерусской ономастики для истории (К этимологии топонима *Киев*). — «Вопросы языкознания», 1968, № 1, с. 103—110.

⁴⁰ Ср. *kujava* 'место, поросшее травой, камышом' (*Moszyński K. Uwagi o słowiańskiej terminologii topograficznej i fizjograficznej, oparte przeważnie na materiale białorusko-poleskim. Lwów-Warszawa, 1921, с. 14*).

рактеристики этого места (как, возможно, связанного со змеиным началом), ср. аналогичную функцию братьев или 'встречных богатырей' в сказке разобранного выше типа, где они могут иметь и отрицательную характеристику (при возможной этимологической связи внутренней формы их имен, ср. *Щек*—*Горыня* при *Щековица* — название горы).

Имя третьего брата *Хорив* и его горы *Хоревница* правдоподобнее всего объяснить из иранских источников. Ср. авест. *harai-va*, др.-перс. *haraiva* как название области Арианы, а также авест. *harā*, *hara(i)ti* как обозначение горы. Иранская этимология не должна вызывать удивление на фоне других иранизмов (в частности, топонимастических и этнонимических, ср. *хорваты*) того же времени и той же территории (ср. выше о гидронимах). В таком случае можно поставить вопрос и об иранском происхождении арм. *Нореан*, обозначающего имя одного из трех братьев — строителей трех городов. Если учесть, что имя первого (старшего) брата армянской легенды *Куар* (где *Ку-* соотносимо с **Kij-* в *Кий*), то сопоставление двух имен из трех в армянской легенде и в русском летописном предании (о чем много писал Марр)⁴¹ возможно фонетически, а в отношении третьего (среднего) брата допустимы семантические параллели. В настоящее время целесообразно вновь вернуться к сравнительному анализу обеих легенд, тем более, что обнаруживаются некоторые частные параллели, ранее не отмечавшиеся.

Вместе с тем славяно-армянские сопоставления сейчас могут

⁴¹ Марр Н. Я. Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси. — «Известия РАИМК», 1925, III, с. 257—287 (там же см. воспроизводимый ниже перевод текста Зеноба Глака); см. же. Избранные работы, т. V. М.-Л., 1933; Погодин А. Л. Byzantinoslavica. VII, с. 146, и сл.; Каргер М. К. Дофеодалный период истории Киева по археологическим данным. — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры», I, 1939; см. же. Древний Киев, I. М.-Л., 1958, с. 14, 63—65 и др.; Jakobson R. While reading Vasmer's dictionary. — In: Selected Writings, II. The Hague — Paris, 1974, с. 646. Ср. также о древнейших поселениях в Киеве. — Шовкопляс А. М. Древнейшие славяне на территории Киева. — В кн.: Этногенез белорусов... с. 40—43. Относительно предположенного в той же работе Марра, а затем принятого И. Джавахишвили и Карстом, сближения *Korala* и *Kynala* ср. критический анализ: Charachidzé G. Le système religieux de la Géorgie païenne. Paris, 1968, p. 340—341 (там же полное собрание данных о *Korala* и *Pirkuši*).

В контексте других армяно-славянских сопоставлений сходство легенды о Киеве и арм. Куаре отмечал Г. А. Капанцян (см.: Капанцян Г. А. Историко-лингвистические работы, т. II. Ереван, 1975, с. 249). Значительный интерес в той же связи может представить обнаружение в других восточных источниках таких упоминаний Киевской Руси, как тюркское свидетельство о Jawquj (=тюрк. уауқи, ср. об этом слове, выступающем в качестве титула правителя: Иваница В. В. Языковые данные о происхождении Куянской династии и тохарская проблема. «Народы Азии и Африки», 1967, № 3, с. 116) Uladmur, отождествляемом с Владимиром, (см. Menges K. H. Uladmur ~ Vladimir. — IJSLP, vol. XIX, N3, p. 7—12, ср. там же, p. 11, о возможной хронологии появления названия Киев по сравнению с другими топонимами того же ареала типа Σαυζατὰς).

быть включены в гораздо более широкий контекст славяно-иранских и славяно-кавказских параллелей, ср. загадочную близость имен героев типологически сходного мифа груз. *Qorala* и его брата — кузнеца *Pirkuši* с близкими по функциям славянскими мифологическими персонажами *Купала* (что отмечал уже тот же Марр), *Перун*, ср. *Перушице*, лит. *Perkūnas* и т. п.

Важнейшая часть древнеармянского предания сообщает о Зенобом Глаком (около VII в. н. э.) в следующей форме: «...венценосец убил обоих братьев, не знаю из-за чего, и дал власть трем их сыновьям — Куару, Мелтею и Хореану, а Куар построил город Куары, и назван он был Куарами по его имени, а Мелтей построил на поле том свой город и назвал его Мелтей; а Хореан построил свой город в области Палуни и назвал его по имени Хореан. И по прошествии времен, посоветовавшись (друг с другом), Куар, Мелтей и Хореан поднялись на гору Каркея и нашли там прекрасное место с благорастворением (воздуха), так как были там простор для охоты и прохлада, а также обилие травы и деревьев, и построили они там селение и поставили они двух идолов...»

О славянской легенде можно судить по летописному известию: «Подем же жившемъ особѣ и володѣющемъ и роды своими иже и до сее братьѣ баху Полане. и живаху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ владѣюще кождо родомъ своимъ на своихъ мѣстѣхъ [и] быша .г. братья. единому имя К и и а другому Щ е к ъ а третьему Х о р и в ъ и сестра ихъ Л њ б е д ъ. сѣдѣще Кии на горѣ гдѣже ныне оувозъ Боричевъ а Щекъ сѣдѣше на горѣ. гдѣже ныне зовется Шековица. а Хоривъ на третьей горѣ от негоже прозвася Хоревица и створиша градъ во имя брата своего старѣишаго и нарекоша имя ему К и е в ъ [и] баше около града сѣсъ и боръ великъ. и баху ловаща звѣрь баху мужи мудри и смыслени [и] нарицахуся Полане. отъ нихъже есть Полане в Киевѣ и до сего днѣ» (Лавр. летоп., стр. 9).

Название сестры *Лыбедь*, учитывая ландшафтные мотивировки (ср. *Девичь-гора*⁴² над рекою *Лыбедь*) и при условии, что это

⁴² При возможности сопоставления мотива трех братьев и сестры в летописном известии с фольклорным сюжетом, в котором участвуют три брата и сестра, можно обратить внимание на наличие в сказках этого типа девушки-богатырши по имени *Белая Лебедь* (Афанасьев, № 174), фонетически сопоставимым с *Лыбедь* (и могущим быть результатом переосмысления последнего под влиянием сказочного мотива превращения богатырши в птицу).

В связи с проблемой символической значимости трех братьев — трех родоначальников в славянских традициях может представить интерес и возможная символическая интерпретация трех цветов в названиях Белой, Черной и Красной Руси, см. детальное обсуждение: *Mańczak W. Biała, czarna i czerwona Ruś*. — «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics» (IJSLLP), 1975, v. XIX, N 2, p. 31—40; ср. к символике цветовых обозначений сторон света: *Reichenkron G. Historische Latein — Altromanische Grammatik*, I. Wiesbaden, 1965, S. 345; *Тернер В. У.* Проблема цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ритуала идембу). «Семиотика и искусствоведение». М., 1972, с. 73; *Dumézil G. La religion romaine archaïque*. Paris, 1966, p. 413, 534; *Иванов В. В.* Заметки о типологическом и сравнитель-

слово — не германизм, возможно, связывается со слав. **lūb-* (ср. русск. *лыбонь* 'верхняя часть головы животного'), отраженным в обозначениях части головы (**lъbъ*, *лоб* и т. д.) и возвышенных элементов рельефа (холм, взгорье и т. д., ср. русск. *взлбок* и т. д.); к суффиксу *-едь* ср. *мокр-едь* и др.

Название горы, в летописи приуроченной к имени Кия, — *оувозъ Боричевъ*, сопоставимо с древнебалканским названием 'горы', в частности в Македонии⁴³, родственным славянскому названию 'горы'.

В упомянутом армянском рассказе о трех братьях названа гора *Qarqe*, что можно сравнить с античным *Καρκινίτις* в качестве названия города и реки в низовьях Днепра⁴⁴. Вместе с тем эти названия напоминают многочисленные производные от **kar-k-* в связи с основным мифом.

В частности, этот корень играет особую роль в связи с циклом преданий об основании другого крупнейшего древнего поселения славян — Кракова. Наряду с этим корнем в том же предании выступает корень **zel-*, совпадающий с именем противника главного героя в мифе, и с предполагаемой основой, отраженной в названии Змеева вала и днепровского порога *βουλήντραχ*, который уже сравнивался с краковским названием *Wawel* (ст.-польск. *Wąwel*)⁴⁵. Корень *wel-* в *Wa-wel*, объясненном из сочетания с приставкой *wa-* (ср. апеллятивы *wawel*, *wawoz*) должен быть связан с обозначением противника Громовержца (ср. *Велес* и т. п.)⁴⁶. Это предположение могло бы найти подтверждение в старом предании о постройке легендарным Краком (ср. связываемый с ним холм *Kopiec Krakusa*) замка на горе *Wawel* и об убийстве им дракона, жившего на горе и пожиравшего людей и скот (*Tunc habitasse draco fertur sub rupe Vaveli*, XVI в.). Топография основных объектов Кракова (*Kopiec Krakusa*, *Kopiec Wandy*, *Wawel*, ср. также *Skalki krakowskie*, *smok wawelski*) как бы воспроизводит схему, лежащую в основе киевской мифологизированной топографии. Исходя из подобных сходств и общей схемы основного мифа, можно предположить, что *Крак* выступает как одна из ипостасей

но-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии. «Труды по знаковым системам, IV (Ученые записки Тартуского Государственного университета, вып. 236)». Тарту, 1969, с. 70.

⁴³ Ср. о возможном иллирийском происхождении: *Krahe H. Die Sprache der Illyrier*. 1. Die Quellen. Wiesbaden, 1955, S. 74, 82, 97.

⁴⁴ Ср.: *Браун Ф.* Разыскания в области гото-славянских отношений. I. Готы и их соседи до V века. Первый период: готы на Висле. — В кн.: Сборник Отделения русского языка и словесности Сб. ОРЯС, т. LXIV, № 12. СПб., 1899, с. 219—220.

⁴⁵ *Роснонд С.* Структура и стратификация древнерусских топонимов. В кн.: Восточнославянская ономастика. М., 1972, с. 11.

⁴⁶ *Taszycki W. Historia i znaczenie nazwy Wawel*. — «Onomastica», 1955, I. Сочетание корня **zel-* с мотивом кузнеца, о котором см. неоднократно выше, представлено в именах искусных кузнецов в скандинавских сагах и песнях, ср. *Weland*, *Volundr* (см.: *Katell A. Wieland*. — «Beiträge zur Namenforschung», 1974, 9, S. 102—114).

Змеборца. В этом предположении убеждает анализ названий с тем же корнем и прежде всего арабское обозначение Карпат как «гор *K(a)r(a)k(u)*», т. е. как «краковских», у географа XII в. Аль-Идриси ⁴⁷.

Арабская форма *K(a)r(a)k(u)* связана как с именами *Крака* и *Кракова*, так и с рядом ритуальных обозначений: название тапца *krakowiak* ⁴⁸, одноименное название мальчика, участвующего в свадьбе *krakowiak* (ср. также *krakuła*, *krakulica*, *karkulica* — о куске искривленного дерева), а также упоминание формулы на *Krakowskom poli* в словацкой песне «Na Jura» ⁴⁹:

Vidzeli, vidzeli
na krakowskom poli
stádo koní honí.

Сходные с подобными формулы в русских загадках («На поле Титенском..., На поле Орлыньском» и т. п.), ср. также «На горе Волянкой... На горе Горыньской», не говоря об образах как карколист, дуб корьков, дуб Прокурон (ср. др.-англ. *hearg* 'идол' — из **karkus* 'дуб').

Аналогичные соотношения могут повторяться и на других территориях как славянских, так и балтийских.

Противопоставления, подобные различию Горы и Подола в Киеве, Краковской горы и Вавельского колодца в Кракове, могут повторяться и на других славянских территориях. Особенно показательно, что два ареала, наиболее близких к Карпатскому — *Подолье* и *Волинь* обозначаются таким же образом, ср. также *Wolin*, *Wleń* и другие подобные славянские названия. На балтийской территории особый интерес может представить пара связанных между собой топонимических названий в Юго-Восточной Литве *Dieveniškės* и *Krakūnai*. В основе этого соотношения исторически могла лежать схема вида **Dievas Perkūn* — 'Бог Перкунас': *Vel-in* — 'черт', переосмысленная позже как *Dievas* 'Бог': *Perkūnas* (как замена названия черта) и далее *Dievas* — **Kra-kūnas*, ср. лит. *krākas* 'дракон', 'чудовище' (с переосмыслением в негативном плане); ср. также литовские гидронимы *Krakūnis*, *Krakūnys*, *Krakilā*, *Krākežeris*, *Krākavas* (еж.), *Krāklis* и т. п.

В связи со всем этим комплексом существенно выяснение образа 'краковского дуба' сохраняющегося в польско-литовской традиции (*dąb krakowski*).

Приведенные названия типа древнего обозначения Карпат если не этимологически, то, во всяком случае, анаграмматически

⁴⁷ Lewicki T. Polska i kraje sąsiednie w świetle «Księgi Rogera» geografa arabskiego z XII w. Al-Idrisi'ego, cz. 1. Kraków, 1945, str. 135 и др.

⁴⁸ Ср. в связи со сказанным выше о *skokъ* (:Щек), скакати, скок в значении 'плясать, пляска'.

⁴⁹ Melicherčík A. Slovenský folklór. Bratislava, 1959, N 57, s. 93. Существовал и тот вариант краковской легенды, в котором дракона убивает не Крак, а *Święty Jerzy* (см.: Kolberg O. — «Lud», t. 19, N 444; t. 21, p. 91).

связаны с другим названием, производным от обозначения героя основного мифа и дуба — его атрибута **perk^w*-, ср. возможность сходного объяснения и по отношению к корню типа *karp-* при таком же названии, характерного для Карпатской области дерева граба, отраженном в балтийском и балканском ареале в виде **skrēb-* ⁵⁰, ср. употребление основы *karp-* в качестве этнонима, топонима и теофорного имени в средиземноморской области: ср. микенское греческое *ka-pa-ti-ya* (в пиловских текстах), гом. Κράπαδος (остров подле Родоса) и т. п.

Продолжая сопоставление киевской легенды с краковской, следует отметить сходство мотива трех братьев — основателей Киева в одном случае и ранних западнославянских государственных объединений, в другом.

В сравнении с Краком характерно имя другого основателя — *Лях*, производимое обычно от праслав. *lęda*, *lędina* как обозначения пустоши, нови, необработанной земли, в принципе годной для земледелия. Заслуживает внимания, что гуралы (жители северных Карпат в пределах Польши, ср. *Polska* от *pole*, параллельное имени *полян*, ср. «и начаста владѣть Польскою землею» (Лавр. летоп. 862 г.), о земле полян) называют *ляхами* именно равнинных поляков. Третье из западнославянских имен — *Чех*, представляло собой не только фонетический, но и семантический коррелят к имени *Ляха*, обозначая отличный тип хозяйственного ландшафта и соответствующий тип культуры ⁵¹.

Смежный с карпатским ареал, для которого засвидетельствован этот же миф, охватывает Прибалтику и Белоруссию, где в топонимии и антропонимии широко засвидетельствованы различные наименования обоих основных участников мифологического поединка (не говоря уж о более непосредственных данных). В частности, есть основание думать, что тот же корень *Vel-*, обозначающий имя противника Бога Грома, отражен и в таких речных названиях, как *Velētupis* (ср. *велетов* — *волотов* как восточнославянских мифологических великанов), *Veliðnē*, *Vēljys*, *Veliuona*, *Veliupēlēs*, *Veliū*, *upēlis* и т. п. (ср. сходное имя балтийского бога загробного мира и обозначение покойника и соответствующих ритуалов), *Velniāravis*, *Vēlnežeris*, *Velniabalē*, *Vēlniadaubē*, *Vēlnio Gylē*, *Vēlnio upēlis*, *Vēlniupjys*, *Vēlnjñē* и т. п. (ср. сходное имя черта, преследуемого *Perkūnas*'ом). Принимая во внимание сказанное выше, а также синонимию *Vilija* — *Neris* (от *nērti*, в частности, 'нырять'; использование этого корня в гидронимии хорошо засвидетельствовано на всем пространстве от Балкан до При-

⁵⁰ Friedrich P. Proto-Indo-European. Trees, Chicago, 1970, p. 100—102; ср.: Jokl N. Zur Vorgeschichte des Albanischen und der Albaner. — «Wörter und Sachen», 12, 1929, S. 71—75.

⁵¹ Jakobson R. Die Reimwörter Cech-Lech. — In: Selected Writings, II. «Word and Language». The Hague-Paris, 1971, p. 609. Несколько иначе см.: Rospond S. Struktura pierwotnych etnonimów słowiańskich. — «Rocznik Slawistyczny», 1968, 29, cz. 1, s. 22, 23 (**Lbsto*, **Cbsto*).

балтики), в названиях рек *Vīlija, Vīlnia (Vilnēlė)* и самого города *Vilnius* можно видеть следы этого мифа. Эти и подобные им названия на теперешней балтийской территории продолжают па восток и юго-восток в названиях типа *Велеса, Вилейка, Веленя, Веленка, Вельна, Велетовка* и т. д., балтийских по происхождению, но позднее вовлеченных в круг славянской гидронимии, а далее вплоть до северорусских названий типа *Волосово, Волотов монастырь* и под. В очерченных географических пределах и следует искать территорию, где сложилась белорусская этнолингвистическая общность⁵², выделившаяся из более раннего балтославянского этно-лингвистического комплекса. Сколько-нибудь четкое противопоставление этих двух элементов (балтийского и славянского) по отношению к названным паименованиям оформилось лишь в довольно позднее время.

Приурочение к Вильнюсу схемы основного мифа вытекает не только из анализа имени города и реки, по которой город был назван, но и из раннеисторических свидетельств. К их числу нужно отнести, с одной стороны, полулегендарный летописный рассказ Стрыйковского об основании Вильнюса — о сне Гедимина (железный волк и т. п.), заснувшего на Турьей (позже — Замковой) горе⁵³, истолкованном жрецом Лиздейко (от лит. *lizdas* 'гнездо'), ср. *Papiel* из *Гнезно*, также от 'гнездо'), а с другой стороны, сведения об основании Герымундом во 2-й половине XIII в. капища Перкунаса у подошвы Турьей (Замковой) горы при впадении Вильнели в Вилию (Нерис), т. е. в так называемой долине Свинторога⁵⁴. Учитывая уже отмечавшуюся связь тура с Громовержцем, можно констатировать сосуществование основ *Perkūn-* (*Taur-*) в отнесении к горе и *Vel-n-, Vil-n-*, в отнесении к низу и воде на месте первоначального культового центра Вильнюса. Как топонимические свидетельства на территории Литвы, так и данные литовских народных преданий и легенд этимологического характера, подтверждают повторяемость подобной схемы и в других местах Литвы; ср. мотивы деятельности великанов или черта, ведьмы, отраженные в ландшафте — насыпание гор, запруживание реки, появление реки из крови великанов, вырывание деревьев, возникновение камней, строительная деятельность великанов, основание городищ и селений, происхождение языческих обрядов, местных названий и т. п.⁵⁵

⁵² Характерно, что именно здесь особенно хорошо сохранился основной миф.

⁵³ Ср.: ...поехал... княз великий Кгидимин в ловы отъ Троков... и наиде гору красну над рекою Вилнею, на которой наиде зверА великог(о) тура і оубьет его на тои горѣ гдѣ нынѣ зовут Тур и гора ... (ПСРЛ, т. XVII, 261).

⁵⁴ Ср.: ...на удуе на Швинторозе (ПСРЛ, т. XVII, 261); оберет себя великий княз Швинторогъ мѣсто на пущты велми хорошо подле реки Вельи гдѣ река Вилиа упадывает у Велью (ПСРЛ, т. XVIII, 305); ср. *Švintā-ragis* (вост.-лит.): **Taurgē-ragē* (> *Tauragē*). См. также *Narbutt T. Dzieje starożytne narodu litewskiego, t. I. Wilno, 1835, s. 213* и сл.

⁵⁵ Ср.: *Kerbelytė B. Lietuvių liaudies padavimų katalogas. Vilnius, 1973.*

В связи с отмечавшимися выше мотивами куска искривленного дерева (предназначавшегося, видимо, для ритуального использования) и обозначения участника мифа по названию его орудия или основного атрибута (*Кый — кий* и т. п.), обращает, конечно, на себя внимание имя главного участника ритуалов, приуроченных к капищу Перкунаса, верховного жреца *krivis, krivė, krivaitis* (ср. *krivaitė* как обозначение жрицы-помощницы Криве-Кривайтиса). Персонаж с этим же именем хорошо известен в прусской традиции. С этими названиями самым непосредственным образом связаны обозначения искривленной палки *krivė, krivūle*, которая была основным атрибутом Криве⁵⁶, а позже — атрибутом сельского старосты, когда он созывал народ на сходку. В данном случае следует напомнить, что атрибуты такого рода (ср. скипетр, тирс и т. п.) обычно являются трансформацией более древнего образа мирового дерева (в частности, дуба; ср. *дуб корьков, карколиц, karkulica* и т. п.: лит. *krivūlė* и т. д.). Вместе с тем все названные литовские слова принадлежат к той же группе, что и *kreiv-vas* 'кривой', 'косой', 'нехороший', 'скрюченный' и т. п. (ср. *kreiva linija* 'кривая линия', *kreivarāgis* 'криворогий'; ср. выше *Šventaragis*), *kreivašakis* 'с кривыми ветвями' и т. д.), *kreivė* 'кривая линия', *kreivkelis* 'кривой путь', *kreivūlis* 'кривое дерево' и т. д. Такие слова, как *krivis*, о кривом человеке, дереве и т. п. или *krivis* в значении 'левый' (LKŽ VI, 660, ср. мотив, связанный с древнегреческим мифологическим царем Лаем) и т. п., еще неоспоримее связывают воедино перечисленные слова⁵⁷. В связи с этим же корнем, обнаруживающим уже в литовском свою амбивалентность (обозначение верховного жреца и его священного атрибута, с одной стороны, и всей сферы кривого, несправедливого, отрицательного, с другой), нельзя пройти мимо его использования в этнических названиях, которые, в частности, отражают контакты данного племени с соседним. Ср. восточнославянских *кривичей* (чье название известно и из ранних летописей, и из свидетельств Константина Багрянородного — *Κριβιττῆροι, Κριβιτῆροι*) и обозначение латышами русских и России словами того же корня — *krīevs, krīevisks, Krievija*⁵⁸. При этом существенно, что в мифологизированной традиции имя кривичей связывалось с родоначальником этого племени — *Krivь*⁵⁹.

Рассмотренные выше мифологические имена засвидетельство-

⁵⁶ Ср.: *Ansai garsusis Crivės (krivės) «baculum» buvusi krivūlė* (Būga, см. LKŽ, VI, 1962, 661). Несомненно использование *krivūlė* в гаданиях, о чем можно судить как по типологическим параллелям, так и по более непосредственным свидетельствам.

⁵⁷ Ср. гидронимы: *Krėivė, Krėivėžeris, Krėivazeris, Krėiviai, Krėivys, Krėivoji Krėivonis, Krėivute, Krėivakiškis, Krėivakrautis* и т. п.

⁵⁸ Ср. также лтш. **krievs* 'кривой' (:лит. *krėivas*). См. *K. Mülenbachs, J. Endzelins. Latviešu valodas vārdnīca, 2, c. 285.*

⁵⁹ См.: *Perwolf J. Slavische Völkernamen. — Archiv für slavische Philologie, 1885, 8, S. 594 u. f.* Ср. выше о Лаеме — отце Эдина.

валы, по существу, на всей рассматриваемой территории древнего расселения славянских и балтийских племен подобно тому, как «древнеевропейские» гидронимы в смысле Краэ известны по всей области от Скандинавии до Италии и от Британских островов до Балтийского моря⁶⁰. Процесс перенесения некоторых из изученных наименований достаточно наглядно обрисован в самых ранних источниках, ср., например, летописное известие «иду-що же ему опать, приде къ Дунаеви, и възлюбѣ мѣсто, и сруби градокъ малъ, и хоташе сѣсти с родомъ своимъ; и не даша ему ту близъ живущи, еже и донынѣ паричють Ду[на]ици городище Киевецъ». Сочетание «градъкъ малъ» в этом известии соответствует древнему наименованию типа *Новгород*, первая часть которого является общиндоевропейской, как и самый тип наименования (ср. греч. Νεάπολις, галл. Noviodunum⁶¹, аналогичные наименования в среднеиндийских текстах и т. д.), отражающий характерный для индоевропейских племен тип расселения.

Таким образом, перенесение одного и того же сценария, восходящего к основному мифу, приспособление его каждый раз к конкретным локальным условиям и обыгрывание амбивалентного характера имен участников мифа постоянно фиксируется на всей указанной территории (в отличие, видимо, от других смежных ареалов). В этой особенности с полным основанием можно видеть еще один важный источник сведений об этногенезе и ранней истории славян, хотя этот источник выступает в сильно мифологизированной форме и нуждается в предварительной реконструкции.

⁶⁰ Schmid W. P. *Alteuropäisch und Indogermanisch* (Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse». Jg. 1968, N 6). Wiesbaden, 1968. Ср. также указанные Порцигом индоарийские параллели и обнаруженные Б. Розенкранцем гидронимы того же типа в древней Малой Азии. К соотношению с археологическими данными, намеченному еще Чайлдом, см. теперь: Piggott S. *Chariots in the Caucasus and in China*. — «Antiquity», vol. XLVIII, 1974, N 189, p. 16—24.

⁶¹ О типе **noćjo-* ср.; Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, с. 300; ср. к семантике: с. 242, 89, там же о типе расселения древних индоевропейских племен.

ИЗОГЛОСНЫЕ СВЯЗИ ЮЖНОСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ

(Материалы к проблемам славянского этногенеза)

Л. В. Куркина

В решении проблем славянского этногенеза немаловажное значение имеют данные лексики. До недавнего времени основные выводы о формировании и развитии отдельных групп славянских языков делались преимущественно на материале фонетики и морфологии. В настоящее время актуальной для славянского языкознания признается задача выявления специфических особенностей в словарном составе отдельных славянских языков. Тема данной работы — сопоставительное изучение лексики словенского и сербохорватского языков с целью выделения изолекс, дифференцированно характеризующих западную и восточную части южнославянских языков.

Южнославянские языки на основании ряда фонетических, морфологических и типологических черт делятся на две части — западную и восточную. Но принятое деление условно, и действительная картина диалектных связей и отношений сложнее и многообразнее. Уже давно замечено, что для штокавского диалекта, занимающего большую часть территории сербохорватского языка, прослеживаются глубокие связи с болгарским языком, а словенскому оказывается ближе всего чакавский, шчакавский и хорватско-кайкавский диалекты сербохорватского языка. В географическом отношении — это центр и юго-западная окраина ю.-слав. территории¹.

В настоящей работе на первый план выдвигается задача структурно-генетического выделения лексических единиц, которые составляют исключительную принадлежность словенского и сербохорватского языков и отсутствуют в болгарском, македонском и старославянском. При отборе материала основным и определяющим является факт полного отсутствия соответствующих лексем во всех языках восточной группы. Следует заметить, что для некоторых словенско-сербохорватских изолекс прослеживаются связи не во всей восточной группе, а только в болгарском языке и

¹ Все вопросы, связанные с проблемой этногенеза южных славян, историй развития ю.-слав. языков и становлением внутридиалектных связей, нашли отражение в фундаментальном исследовании И. Поповича «История сербохорватского языка» (*Popović I. Geschichte der serbokroatische Sprache*. Wiesbaden, 1960), особенно гл. VI и VII (далее — *Popović*). При обсуждении той или иной проблемы дается анализ основных подходов и в конце раздела приводится подробная библиография. Это обстоятельство освобождает нас от необходимости углубляться в историю вопроса и давать освещение диалектного состава ю.-слав. языков.

его диалектах или только в македонском и старославянском. Для примера укажем словен. *klôp*, í ж.р. 'скамейка', с.-хорв. *klup* м. и ж.р., *klupa* то же и ц.-слав. *кльпъ*, *кльпы* то же; словен. *lâ-loka* ж.р. 'челюсть', с.-хорв. сев.-зап. *lâloka* то же и ц.-слав. *ла-лока* 'palatum'; словен. *lêmez* м.р. 'балка, стержень', с.-хорв. *ljêtmêz* то же и макед. *лемезица* то же. Проблема выявления соответствующего материала в македонских и болгарских диалектах требует специального изучения и пока остается за пределами нашего исследования.

Таким образом, нас интересует тот лексический материал, который различает западную и восточную части ю.-слав. языков. В западной части ю.-слав. языков выделяется несколько десятков слов, в большинстве своем не известных языкам восточной группы, ноносящих характер ранних образований.

Ограничивая, таким образом, тему исследования, нельзя не признать, что используемое понятие словенско-сербохорватская лексическая изоглосса имеет несколько расплывчатый и неопределенный смысл уже потому, что эту языковую территорию характеризует большая диалектная дробность и неоднородность. В неоднородной языковой среде для полноты и строгости картины необходимо, чтобы все устанавливаемые изоглоссы получали диалектную привязанность, были четко обозначены в пространстве. Пространственная характеристика изолек важна для определения основных направлений изоглосс, установления зон, наиболее близких в лексическом отношении. Предварительные наблюдения показывают, что многие лексические изоглоссы сконцентрированы в юго-западном районе и могут быть определены как словенско-кайкавские, словенско-чакавские. Однако в большинстве случаев мы лишены возможности показать диалектную принадлежность изучаемых изолекс. Основным препятствием является неразработанность южнославянской лексикографии. Очень слабо изучен лексический состав многочисленных диалектов словенского языка. Отсутствуют словари отдельных диалектов сербохорватского языка, затрудняет работу, в частности, отсутствие чакавского словаря². А приводимые в лексикографических источниках географические пометы типа Далмация, Истрия не всегда могут быть однозначно истолкованы в плане диалектной характеристики той или иной лексемы, потому что это области, смешанные в диалектном отношении. Диалектное направление словенско-сербохорватских лексических связей удастся проследить лишь в тех случаях, когда используемые источники содержат необходимые для этого сведения.

Обследование словаря ю.-слав. языков с целью выделения лексем ограниченного распространения представляется задачей важной и интересной. Внутриюжнославянские лексические связи

пока еще мало изучены. Основное внимание исследователей сосредоточено на изучении южнославянской лексики (преимущественно восточной группы) в связи с интенсивно разрабатываемой карпатской проблематикой. На особенно тесную лексическую близость юго-западного ареала впервые обратил внимание хорватский лингвист М. Тентор. В своих работах М. Тентор стремился показать лексическую и семантическую общность чакавского наречия о. Црес с кайкавским наречием и словенским языком. Эта близость, по мысли Тентора, является отражением совместной жизни на старой родине³.

Лексическим диалектизмам ю.-слав. языков отведено большое место в исследовании И. Поповича. При этом И. Попович исходит из положения, в свое время выдвинутого И. Лековым и Ф. Копечным: 1) словенский и сербохорватский, несмотря на большую близость грамматических структур, в отношении словаря не образуют единства; 2) наибольшее число словарных соответствий связывает сербохорватский и болгарский языки⁴. Подчеркивая мысль об отсутствии резких границ между отдельными языками и диалектами, И. Попович развертывает во времени сложную многослойную картину диалектных связей, уточняет характер болгарско-сербохорватских отношений, ограничивая их по преимуществу связями со штокавским диалектом сербохорватского языка. В разных частях его обширного исследования находим лексический материал, иллюстрирующий наличие штокавско-болгарских, словенско-чакавских связей⁵. В работе четко определяются основные направления изолекс в юго-западной области: 1) словенско-чакавско-далматинско-черногорские соответствия (ср. словен. *cenô* нареч. 'дешево' ~ чак. *cenô*, *cenû*, *cinô*, *cine* ~ черногорск. *cijene*, то же при шток. -*cen*, -*cjen* 'дорого'), 2) словенско-чакавско-штокавские соответствия (ср. словен. *mat* 'мать', сокращенная форма от *mati* ~ чак. *mat*, шчак. *mat* при шток. *mati* и шток., макед., болг. *majka*), 3) словенско-штокавские соответствия (ср. словен. *beseda* 'слово' ~ чак. *beseda*, *besida* то же при шток. *reč*, *riječ* 'слово', болг. *слово*). В одной из работ И. Поповича намечена проблема вторичного лексического сближения словенского и западного штокавского диалекта в юго-западной Истрии под влиянием чакавских и кайкавских говоров⁶. Очень плодотворной представляется мысль И. Поповича о возможности диахронического истолкования внутриюжнославянских диалектизмов, различающих западную и восточную части: одни восходят к прасла-

³ Tentor M. Der čakavische Dialekt der Stadt Cres (Cherso). — «Archiv für slavische Philologie» (далее — AfslPh), 1909, XXX, s. 146—204; *idem*. Leksička slaganja creskoga narječja i slovenskoga jezika protiv Vukova jezika. — In: Razprave SAZU [Ljubljana], 1950, I.

⁴ Popović, s. 24.

⁵ Ibid., гл. I, § 10, с. 25—28; гл. VII, § 92, с. 321—324.

⁶ Popović I. Dalmatinski i istarski elementi u rečniku istarskih štokavskih govora. — «Riječka revija», 1957, VI, 3, s. 66—72.

² К сожалению, нам оказался недоступен «Словарь острова Врбаде» Б. Юришича (*Jurišić B. Rječnik govora otoka Vrgade*, II. Zagreb, 1973, 256 p.).

вянской эпохе и отражают начавшийся процесс диалектной дифференциации праславянского языка, другие сложились в период миграции южных славян и после переселения на Балканы. Однако приводимый И. Поповичем лексический материал очень невелик по объему и неоднороден по составу. Он включает без всякого расчленения фонетические и словообразовательные варианты, а также чисто лексические расхождения. При характеристике диалектных связей лексические сопоставления оцениваются с разных сторон — в структурно-генетическом плане и в плане функционирования генетически тождественных лексем в языке (ср. выше словен. *beseda* ~ шток. *reč* ~ болг. *слово*), но при отборе и оценке материала это различие в подходе не осмысливается. Смещение лексического тождества и однозначного использования разных лексических единиц во многом определяет пестроту и фрагментарность лексического материала, иллюстрирующего то или иное направление диалектных связей. Исследование И. Поповича богато интересными мыслями и наблюдениями, в нем как бы заложена программа будущих изысканий по южнославянской диалектологии и лексике.

В последнее время к проблеме южнославянских лексических связей, в частности словенско-чакавских, обращались Ф. Славский⁷, Ф. Безлай⁸. Интересные наблюдения об отношении чакавской лексики к лексике словенского языка и штокавского говора содержит работа С. Зайцевой, сделанная под руководством П. Ивича⁹.

При изучении, внутриюжнославянских лексических связей следует подчеркнуть, что настоящее исследование строится на структурно-генетическом сопоставлении лексических единиц. При этом нас интересуют по преимуществу древнейшие слои лексики, реконструируемые для праславянского состояния. Принципы и методика отбора и реконструкции праславянских лексем разработаны О. Н. Трубачевым¹⁰. При отборе диалектизм, различающих западную и восточную части ю.-слав. языков, наиболее показательны и поучительны не продуктивные явления в области словообразования, а более изолированные факты словаря, простые лексемы, не осложненные суффиксально-префиксальными эле-

⁷ *Stawski F. Związki słownikowe czakawsko-słoweńskie.* — «Sprawozdania z prac naukowych wydziału nauk społecznych. Polska akad. nauk», [Warszawa] 1962, V. 5.

⁸ *Bezlej F. Zajednička problematika slovenske i čakavske leksike.* Zadar, 1967.

⁹ *Zajceva S. Specifična slovenska leksika u savremenim čakavskim govorima.* — «Прилози проучавању у језика» [Нови Сад], 1967, III.

¹⁰ *Трубачев О. Н.* Этимологический словарь славянских языков. Проспект. Пробные статьи. М., 1963; *он же.* О составе праславянского словаря. — В кн.: Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. М., 1963, с. 159—196; *он же.* О праславянских лексических диалектизмах сербо-лужицкого. — В кн.: Сербо-лужицкий лингвистический сборник. М., 1963, с. 154—172.

ментами. Определяя объем и задачи работы, отметим, что стратегия лексико-словообразовательных элементов внутри ю.-слав. языков не входит в задачи нашего исследования.

Основным лексикографическим источником для словенского языка послужил «Словенско-немецкий словарь» М. Плетершника¹¹, для сербохорватского — словарь Югославянской Академии¹² и двухтомный словарь Ивековича-Броза¹³. Дополнительно, по возможности, привлекались различные диалектные словари, сведения о которых будут сообщаться по мере приведения соответствующего материала. При установлении лексических соответствий мы опирались на этимологическую литературу и исследования, посвященные славянской лексике. Особо следует подчеркнуть, что в работе использованы словарные и этимологические материалы Сектора этимологии и ономастики Института русского языка АН СССР, в частности составленные здесь картотеки праславянских словарей для словенского и сербохорватского языков¹⁴. Интересующие нас материалы на буквы *А, В, С, Ї* извлечены из уже подготовленных к печати четырех выпусков «Этимологического словаря славянских языков»¹⁵.

Материал подается следующим образом. Вначале для устанавливаемого соответствия приводится реконструированная праславянская форма, а рядом с ней соответствующий лексический материал. И, если позволяют источники, сообщаются необходимые сведения о географическом распространении лексем. В скобках указываются использованные источники. Некоторые диалектные словари, из которых сделаны единичные извлечения, вынесены в сноски. Словенский и сербохорватский языки еще неудовлетворительно обследованы в этимологическом отношении, поэтому устанавливаемые для них соответствия в ряде случаев нуждаются в специальном обосновании. Чтобы не разбивать изложения, не перегружать его этимологическими рассуждениями, указания на этимологическую литературу и сами этимологические истолкования даны в сносках.

¹¹ *Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar*, I—II. Ljubljana, 1894—1895 (далее — Plet. I, II). Частично использован «Slovar slovenskega knjižnega jezika», I. Ljubljana, 1975 (далее Slovar slov. kn. j.).

¹² *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, I—XVIII. Zagreb, 1880—1963 (далее — RJA).

¹³ *Iveković I., Broz I. Rječnik hrvatskoga jezika*, I—II. Zagreb, 1901 (далее — Iveković — Broz).

¹⁴ Праславянский словарь для сербохорватского языка составлен И. П. Петлевой. Частично материалы этого словаря (*А — М*) опубликованы (см.: *Петлева И. П.* Праславянский словарь славянских языков, I, II. — В кн.: Этимология. 1968. М., 1971, с. 114—156; Этимология. 1971. М., 1973, с. 20—57).

¹⁵ Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд), вып. 1 (*А — *besědъlivъ*). М., 1974; вып. 2 (**bezъ*) — **bratrъ*). М., 1975; вып. 3 (**bratrъ* С). М., 1976; вып. 4 (**cabēniti — *cъvorъ*). Гл. ред. и автор текста чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачев.

Материал, отражающий лексические различия западной и восточной части ю.-слав. языков, не допускает однозначной интерпретации, требует дифференцированного подхода, последовательного расслоения, выявления хронологически различных пластов. В самом общем виде поддаются выделению три слоя региональных элементов, различных по своей природе и происхождению. Во-первых, ряд древних лексем, общих для словенского и сербохорватского, не обнаруживает соответствий даже на уровне корней в восточной части ю.-слав. языков. Сам факт отсутствия лексем является отличительным показателем словаря болгарского, македонского и старославянского языков. С другой стороны, эта часть словенско-сербохорватских соответствий наряду с древнейшими лексемами, унаследованными из праславянской эпохи, включает относительно поздние образования, возникшие в период жизни на новой родине и явившиеся результатом сложных миграций славян и влияния субстрата. Во-вторых, большой пласт лексических различий обусловлен разрушением этимологических связей основ, утратой одного из членов аблаутного ряда. Обе части ю.-слав. языков сохраняют лишь отдельные звенья некогда единого этимологического гнезда. И, наконец, различия между ю.-слав. языками прослеживаются на уровне древних словообразовательных формантов. Для общих исходных основ находим разный набор производных, достаточно древних, в западной и восточной частях ю.-слав. языков. Особого внимания заслуживают факты семантического расхождения лексем, общих для всех ю.-слав. языков. В нашем распоряжении имеется большой материал, объединяющий случаи различного словообразовательно-морфологического оформления, но из-за недостатка места мы лишены возможности рассмотреть эти основы.

На фоне общего ю.-слав. словаря отчетливо выделяется группа исключительно словенско-сербохорватских лексем. Выводы о лексических изоглоссах во многом отражают состояние лексикографии и поэтому не могут претендовать на абсолютную достоверность. Бесспорным и достоверным следует признать лишь факт наличия лексемы в той или иной языковой области. Поэтому полученные нами результаты не имеют абсолютной силы и не исключают возможных поправок, уточнений и дополнений.

Список словенско-сербохорватских изолекс включает следующие образования:

*арьло?/*варьло: с.-хорв. диал. *jápnо* ср. р. = *vanно* (Вук; RJA: с XVI в.), ср. еще *janненица* ж. р. 'der Kalkofen, die Kalkhütte, calcaria' (хорв., Вук; RJA: с XII—XIII вв.), словен. *ápnо* ср. р. 'известь, varno' (Plet. I, 5), *jápnо* то же (Plet. I, 358) ¹⁶.

¹⁶ Цитируется по кн.: Этимологический словарь славянских языков, вып. 1. М., 1974, с. 72. Предполагается возможность связи *арьло/*варьло «с большой группой архаических и.-е. основ, обозначающих воду, из которых часть объединяется вокруг *ár-, другая часть — вокруг *ur-, (ступень редукции?). Формы вроде *uár- могли произойти от взаимодействия обоих рядов».

*азь: с.-хорв. *jáz* м. р. 'рыба *Idus melanotus*' (RJA IV, 500), словен. *jéz* м. р. 'плотва, язь' (Plet. I, 369). Ср. далее русск. *язь*, польск. *jaź* и др. ¹⁷

*belbetati: с.-хорв. *blebétami* 'болтать' (Вук), диал. *blebēham* 'говорить невнятно' (Елез. I), словен. *blebetáti* 'болтать' (Plet. I, 33). Ср. чеш. *blebetati*, *blebotati* 'невнятно бормотать', русск. диал. *блѣбѣтъ* 'лепетать, мямлить; болтать пустяки' (Даль ² I, 235) и др. ¹⁸

*bolentъ/*boleny: с.-хорв. кайк. *bolén*, *bolén riba* 'pristis, pistiris, prestis, pistrix' (Белостенец), словен. *bólen*, род. п. -*ena* м. р. 'жепex *Aspius rapax*' (Plet. I, 43). Ср. ст.-чеш. *bolén* м. р. 'Aspius aspius' (1471 г., Gebauer I, 83) и др. ¹⁹

*brěča/*brěčka: с.-хорв. *brěče* ж. р. мп. ч. 'vinacea' (RJA I, 621), также *brāče* (из лат., см. RJA I, 574), словен. *brěča* ж. р. 'древесный сок, особенно вишневая смола' (Plet. I, 54). Ср. ст.-чеш. *břečka* ж. р. 'медовое сусло', польск. *brzezka* ж. р. 'вытяжка из солода, (пивное) сусло' ²⁰.

*brintъ/*brina: с.-хорв. *brûn* м. р., *brûna* ж. р. 'можжевельник' (PCA II, 174), словен. *brîn*, род. п. *brîna* м. р. 'можжевельник *Juniperus communis*', *brîna* ж. р. 'можжевельник *Juniperus communis*, *Juniperus sabina*', 'хвоя, хвойные ветки, лапы' (Plet. I, 61). Имеет соответствия в зап.-слав. языках: ст.-чеш. *brienka* ж. р. 'можжевельник', польск. *bżim* 'лиственница' ²¹.

*br'uzga: с.-хорв. диал. (Далм.), *bruzda* ж. р. 'желобок, сток для ч.-л.' (RJA I, 687: «ср. *bruzag* того же происхождения»), словен. *brjâzga* ж. р. 'тающий снег на дорогах' *brâzga* ж. р. 'тающий снег вперемешку с грязью на дорогах' (Plet. I, 63, 67). Ср. еще русск. *брюзга* м. и ж. р. 'человек, который постоянно брюзжит' ²².

*čermuš/*čermtъх-: с.-хорв. диал. *črîjemuša* ж. р. 'Allium ursinum L.' (RJA I, 823: Лика), также *čeremuš* м. р. (RJA I, 943: хорв.), словен. *črêmha* ж. р. 'черсмуха *Prunus padus*', *črêmša*

¹⁷ Там же, с. 127, 128. Прозтимологизировано как родственное лит. *ožys* 'козел'.

¹⁸ Там же, с. 263, 264. Толкуется как глагол, производный от не полностью редуцированной основы *bel-bo с помощью интенсифицирующего суффикса -(e)tati.

¹⁹ Этимологический словарь славянских языков, вып. 2, с. 172. Отмечается, что «слово не вполне ясной этимологии, с характерным ограниченным ю.-зап. ареалом». О. Н. Трубачев предполагает влияние группы названий рыб средиземноморского района, а именно — греч. *φίλανα* 'кит', лат. *ballena* то же.

²⁰ Этимологический словарь славянских языков, вып. 3, с. 15—16. Слово трудное. О. Н. Трубачев считает, что заслуживает серьезного изучения связь с кельтской лексикой (др.-ирл. *braich*, кимр. *brag* 'солод') и с лат. *fructes* м. р. мн. 'осады, подонки'.

²¹ Там же, с. 30. Указывается широко распространенное мнение о дослав.-дороман. или даже доиндоевроп. субстрате. О. Н. Трубачев не исключает связь со слав. *briti < и.-е. *bhr-.

²² Там же, с. 35. Рассматривается как звукоподражательное образование, по-видимому, производное от гл. *br'uzgati, представленного русск. диал. *брюзгать* 'учить урок'.

ж. р., *črēnsa* ж. р., *črēns* м. р. то же (Plet. I, 109—110), *črēnsa* ж. р. то же (Slovar slov. kn. j. I, 310), *srēmsa*, *srāmsa* ж. р. то же (Plet. II, 563, 558). Имеет соответствия в западных и восточнославянских языках ²³.

*čerta/*čertъ: с.-хорв. *črēt*, род. п. *črēta* м. р. 'болотистая местность, особенно в лесу' (RJA II, 73), словен. *črēta* ж. р. 'болотистое место, поросшее камышом' (Plet. I, 110), диал. *črēta* ж. р. 'общинный выгон' ²⁴, далес *črēt* м. р. 'болотистая местность' (Plet. I, 110), *crēt* м. р. 'вид горного кустарника', 'горная сосна *Pinus pumilio*' (Plet. I, 87; Slovar slov. kn. j. I, 265), стар. *zhrēt* 'болотистый лес' ²⁵. Следы этой основы сохраняют севернославянские языки ²⁶.

*čev(ъ)kati: с.-хорв. *čevkati* 'лаять, тявкать' (RJA II, 18), словен. *čevkati* то же и 'болтать' (Plet. I, 102). Ср. еще русск. *чэвкать* 'чиликать'. Изоглосса, охватывающая словенский, сербохорватский и русский языки ²⁷.

*čīžькъ: с.-хорв. *čīžak*, род. п. *čīška* м. р. 'чиж *Fringilla spinus*' (RJA II, 52), словен. *čīžek*, род. п. *-žka* м. р. то же (Plet. I, 106). Ср. русск. *чиж*, чеш. *číž*, *čížek* то же и др. ²⁸

*čuba/*čubъ: с.-хорв. *čūba* ж. р. 'cirtus' (RJA II, 143), словен. *čūba* ж. р., *čoba* ж. р. 'губа' (пренебреж.), 'обрубок, пенек', 'рант (обуви)' (Plet. I, 143). Ср. чеш. *čub* 'чуб, хохол (у птиц)' и др. ²⁹

*čupa/*čup'a: с.-хорв. диал. *čūp* м. р. 'клюв' (RJA II, 153), *čupka* ж. р. 'морда животного' (RJA II, 100; с XVIII в.), словен. *čūpa* ж. р. 'большая свинья', *čūnja* ж. р. 'свинья' (Plet. I, 117). Ср. чеш. диал. *čūň* ж. р. 'поросенок' ³⁰. *čūžiti: с.-хорв. *čūžiti* 'идти по земле (только о птицах)' (RJA II, 163), словен. *čūžiti* 'обдирать (напр. кукурузу)' (Plet. I, 118) ³¹, ср. также *čūže* 'кукурузная шелуха'. Возможно, соответствует польск. диал. *czuż-gać się* 'скользить' ³².

*čmēlь/*čmēla: с.-хорв. *čmēla-pčela* (RJA II, 55), словен. *čmēlj* м. р., *čmrlj* м. р. 'шмель', *črmelj*, *črmelj*, *čmerelj* м. р. то же

(Plet. I, 107; Slovar slov. kn. j. I, 307), *šmēlj* м. р., *ščemelj* то же (Plet. II, 639). Далее во всех слав. языках ³³.

*dēža ³⁴: с.-хорв. *dīža* ж. р. 'сосуд для молока' (RJA II, 6, 431), чак. *d'ž*, род. п. *dežja* то же ³⁵, словен. *dēža* ж. р. 'замешанное тесто' ³⁶, *dieža* 'бочка' ³⁷, *dīža* 'чан, кадка для масла' ³⁸. Ср. русск. *дежá* 'квашня', чеш. *díž* и др. ³⁹

*dorga: с.-хорв. чак. *drāga* 'долина, ущелье, залив' ⁴⁰, а также в качестве топонима в Хорватии и южной Сербии (Вук), словен. *draga* 'ров, канава, борозда, межа, ущелье в горах; морской залив' ⁴¹, 'борозда на лугу' (Jarnik VIII). У северных славян только в значении 'дорога'. Этого слова нет в с.-хорв. шток. и восточной части ю.-слав. языков ⁴².

*drěкъ/*drěсььъ: с.-хорв. чак. и сев. *driječan* прил. 'крепкий, сильный' (RJA II, 8, 775; с XVII в.), словен. *drěk*, *drěka* м. р. 'die Corpulenz', *drěčen*, *-čna* прил. 'плотный, коренастый' (Plet. I, 168). Ср. чеш. *dříčny*, *drýčný* 'красивый', словц. *driek* 'ствол, корпус', *driečny* 'коренастый' ⁴³.

*dryxati: с.-хорв. *drihati*, *driham* 'крепко, сладко спать' (RJA II, 8, 775; Дубровник, в наше время и Стулли), словен. *drihati*, *driham* 'спать' (Plet. I, 172). Ср. русск. *дрыхать*, *дрыхнуть*, словц. *drychmat* ⁴⁴.

*gajъ: с.-хорв. *gāj* м. р. 'небольшой лес' (Вук: с XV в.; RJA III, 9, 89), словен. *gāj* м. р. 'редкий ухоженный лес', 'лес (поэт.)' (Slovar slov. kn. j. I, 665). Ср. русск. *гай* 'роща', чеш. *háj* то же и др. ⁴⁵

³³ Там же, с. 244. Праслав. *čim- возводится к корню *kem-/ *kom-, откуда *komarъ.

³⁴ На букву Д использованы материалы слитой картотеки праславянского словника славянских языков Сектора этимологии и ономастики.

³⁵ Tentor M. Leksička slaganja, s. 72.

³⁶ Strekelj K. Jezikoslovne mrvce. — LjZv, 1889, s. 100.

³⁷ Novak V. Ovčarstvo pod Stolom in v Planici. — «Etnolog», 1942, XV.

³⁸ Sašel J., Ramovš F. Narodno blago iz Roža. — «Arhiv za zgodovino in narodopisje» [Maribor], 1936—1937, II, s. 104. (далее — Sašel-Ramovš).

³⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева, I. М., 1964, с. 494 (далее — Фасмер); Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I. Zagreb, 1971, с. 411 (далее — Skok).

⁴⁰ Tentor M. Leksička slaganja, s. 73.

⁴¹ Ibid., s. 73.

⁴² Popović, s. 323; Фасмер, I, с. 530.

⁴³ Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886, s. 50 (далее — Miklosich): сравнивает с венг. *derék*. Бернекер и Махек сопоставляют с лит. *draikus* 'жесткий, крепкий'. См.: Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg I, 1908, s. 223 (далее — Berneker, I); V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957, s. 120 (далее — Machek¹).

⁴⁴ Фасмер, I, с. 545.

⁴⁵ Miklosich, s. 59—60; Berneker, I, s. 291; Machek¹, s. 120; Skok, I, s. 544; Фасмер, I, с. 382; F. Stawski. Słownik etymologiczny języka polskiego, I. Kraków, 1959, s. 249, 250 (далее — Stawski).

²³ Этимологический словарь славянских языков, вып. 4, с. 107.

²⁴ Slovanski raberki. — «Ljubljanski Zvon» (далее — LjZv, 1891, XI, с. 298).

²⁵ Jarnik U. Versuch eines Etymologikons der slowenischen Mundart in Inner-Oesterreich nach verlässlichen Quellen. Klagenfurt, 1832, S. XXII (далее — Jarnik).

²⁶ Там же, с. 130. Родственно лит. *kertù*, *kiřti* 'резать', русск.-цслав. *чръту*, *чръсти*.

²⁷ «Этимологический словарь славянских языков», вып. 4, с. 165. Звукоподражательное образование.

²⁸ Там же, с. 209. Звукоподражание.

²⁹ Там же, с. 210. Родственное *skubti, *skubъ.

³⁰ Там же, с. 223. Экспрессивное слово неясного происхождения.

³¹ См. также: Erjavec F. Iz potne torbe. — «Letopis Matice Slovenske» (далее — LMS), 1879, с. 136 (далее сокращенно — Erjavec LMS).

³² Этимологический словарь славянских языков, вып. 4, с. 231. Близкое звукоподражательное образование в лит. — *čiaūžti* 'скользить'.

*glyža: с.-хорв. *gliza* 'гладка' (RJA III, 9, 199), словен. *glīža* 'железа' (Plet. I, 218). Ср. еще чеш. *hliza* 'нарыв, абсцесс' и блр. *глыза* 'глыба' ⁴⁶.

*glъm-/*glom-: с.-хорв. *gûmati*, *gûmât* 'глотать, быстро есть', по мнению Ф. Безлая, образует параллель с словен. *glomêti*, *glomît* 'быть жадным, настойчиво требовать', ср. *krava glomi* ро *mladini* 'корова жадно щиплет молодую траву' (Plet. I, 219) ⁴⁷. Возможно, родственно полесск. *глатат* 'есть (о свиньях)', го-мбл'ати 'есть, уминать, жевать' ⁴⁸.

*gnatъ/*gnatъ: с.-хорв. *gnjât* м. р.-*knjat* (XVIII в.) 'tibia, cris' (RJA III, 9, 220; Skok I, 577), словен. *gnat*, *gnjat* ж. р. 'окорок, ветчина' (Plet. I, 221—222). Ср. польск. *gnat* 'кость, голень' (XV в.), чеш. *hnât* 'длинная кость', перен. 'рука, нога'. Восточнославянские соответствия отсутствуют ⁴⁹.

*gnědъ: хорв. кайк. и чак. *gnjed* прил. 'смуглый', *njad* 'синий', *njad* 'красноватый', *njâdi* (Лика) 'черноватый, темноватый', *hnjad* то же (Skok I, 578), словен. *gnêd*, *gnedica* 'сорт винограда с красноватыми ягодами', Крас, Горица (Plet. I, 221; Slovar slov. kn. j. I, 705). Ср. русск. *гнедой*, польск. *gniady* 'коричневый (о масти коня)' и др. ⁵⁰

*godr-: с.-хорв. *godrñati* 'говорить тихо, певнятно' (RJA III, 10, 214) и словен. *godrati* 'клохтать' (Plet. I, 225). Звукоподражательное образование ⁵¹.

*golda/*goldja. с.-хорв. *glâda* 'шалаш, хижина пастуха, сделанная из дерева и покрытая корой' (Вук: Черногория, в

⁴⁶ Дальнейшие соответствия определяет этимологическое истолкование. Махек сближает чеш. *gliza* с польск. *guz* 'опухоль, шишка' < *gъzb V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968. (далее — Machek²). s. 168). Безлай и Скок сопоставляют словен. *glīža* с диал. *gliva* 'зоб' и далее возводят к и.-е. *gleig'h- < *gel- (Bezlej F. Esei o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967, s. 150 (далее — Bezlej. Esei); Skok, I, s. 570). Наиболее убедительным представляется объяснение О. Н. Трубачева: праслав. *glyža является одной из многочисленных разнovidностей общей исходной основы, ср. праслав. *glyba, *gluda, *gluta (О. Н. Трубачев. О составе праславянского словаря, с. 178, а также Фасмер, I, с. 418).

⁴⁷ Bezlej F. Na robu srbohrvatskega (in slovenskega) etimološkega slovarja. — «Jezik in slovstvo» (далее — Jis) 1972/73, XVIII, 4, s. 139, 140; idem. Leksikološke glose. — «Јужнословенски филолог» (далее — Јф), 1973, XXX, 1/2, s. 249.

⁴⁸ Куркина Л. В. Словенско-восточнославянские лексические связи. — В кн.: Этимология. 1970. М., 1972, с. 92. Указывается на возможность сопоставления с лтш. *glenzt* 'есть без аппетита', 'чистить', 'болтать чепуху', *glemžat* 'есть без аппетита', 'торговать веточью'.

⁴⁹ Обычно сравнивают с др.-в.-нем. *knoto*, *knodo* совр. нем. *Knoten* 'узел, утолщение' (Machek¹ 133; Machek², s. 171. Допускается возможность сближения с праслав. *gnesti и и.-е. *gъenu- 'колено' (Skok, I, s. 577, 578; Stawski, I, s. 300 с обзором литературы).

⁵⁰ Наиболее вероятно сближение с *gněti 'гореть'. Отмечается отсутствие балтийских соответствий (Miklosich, s. 67; Berneker, I, s. 312; Machek¹, s. 134; Machek², s. 171 (связывает с snědy); Stawski, I, s. 301, 302; Skok, I, s. 578; Фасмер, I, с. 420).

⁵¹ Skok, I, s. 585 без словенского соответствия.

народной песне; RJA III, 9, 141: с XIV в.), словен. *glāja* ж. р. 'стропило на крыше', *glājti* 'балка, стропило', *glèt* то же, *gled* 'длинное бревно под бочкой' (Plet. I, 211, 215; Slovar slov. kn. j. I, 687) ⁵².

*gomolъ/*gomol'a: с.-хорв. *gomolj* м. р. 'bulbus' = *gomolja* ж. р. 'кусок сыра' (RJA III, 265: Истрия), словен. *gomólj*, род. п.-а, *gomólj*, род. п. -*ólja* 'утолщенная часть растения под землей', 'клубень', 'парост, выпуклость' (Slovar slov. kn. j. I, 719), *gomólja* 'ком' (Plet. I, 231), *gomóla* ж. р. 'пустая неплодородная земля' (Erjavec LMS 1879, 138; Plet. I, 231). Ср. русск. *гомбля* 'ком, шар', чеш. *homole* 'твердый сыр' и др. ⁵³

*grіъ: с.-хорв. *grіč* 'бугор', 'куча', топоним в р-не Загреб (Skok I, 616: сев.-зап., хорв.-кайк.) и словен. *grīč*, *grīča* м. р. 'маленький холм', стар. 'вызвышение на склоне горы' (Plet. I, 251). Другим славянам неизвестно ⁵⁴.

*gruxъ: с.-хорв. чак. *gruh* 'мусор', 'галька' ⁵⁵, *grüh* 'толченый камень' (Skok I, 624) образует, по мнению Безлая, соответствие с словен. *gruh* 'галька', *gruša* 'крупный песок', *grušč* 'щебень' ⁵⁶.

*kača: с.-хорв. сев. чак и кайк. *kača* ж. р. 'змея' (RJA IV, 16, 711), словен. *kāča* то же, *kač*, род. п. *kāča* м. р. то же (Plet. I, 376). Ср. с.-хорв. шток. *gýja* и болг. диал. *gýa* в том же значении ⁵⁷.

*klesati: с.-хорв. *klesati* 'тесать камень', возможно, сюда же *klēsē* 'кусок мяса, солонины' (RJA V, 56; Skok II, 97) и словен. *klesati* 'обтесывать камень', диал. *konj se kleše* 'конь скачет галопом' (Plet. I, 405). Славянские соответствия отсутствуют ⁵⁸.

*komol-: с.-хорв. *kōmolac*, род. п. *kōmōca* 'локтевая кость' (RJA V, 19, 246: с XVI в.), словен. *komōl* 'безрогий', *komōlec*,

⁵² Родственно лтш. *gālds* 'доска, стол', др.-исл. *gelda* 'резать'. (Berneker, I, s. 320; Popović, S. 545; Bezlej. Esei, s. 128, Трубачев О. Н. О составе праславянского словаря, с. 192). Иначе Скок: дослав. слово, родственно галльск. *clēta* (Skok, I, s. 564).

⁵³ Ближайшие соответствия в балт. языках: лит. *gāmulas* 'домоть, ком', *gāmulas* 'комольный' (и.-е. *gem-, родств. слав. *žeti, *žimo (Miklosich, s. 71; Berneker, I, s. 326, Machek¹, s. 137; Machek², s. 175; Stawski, I, s. 316; Skok, I, s. 588, 589; Фасмер, I, с. 435—436).

⁵⁴ Слово неясного происхождения. Миклошич сравнивает с алб. *gerc*, *gerce* 'острие, вершина' (Miklosich, s. 78). Скок не исключает возможности дослав. происхождения и связывает с фриул. *krete*, сред. лат. *kreto* 'скала' (Skok, I, с. 616). Объясняется и на основе экспрессивного удлинения корневого гласного, представленного в с.-хорв. *grk* 'горький' < *grokъ (Schütz J. Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957, S. 91—92; Machek V. Рец.: Schütz J. Die geographische Terminologie... — «Lingua Posnaniensis» (далее — LP), 1958, 7, S. 305).

⁵⁵ Bezlej F. Zajednička problematika slovenske i čakavske leksike, s. 3. Видимо, звукоподражательного происхождения. Вариантом его признается слав. *groxotъ (Skok, I, s. 623—624).

⁵⁷ Разные обозначения змеи у славян связывают с явлением табу. См.: Miklosich, s. 108; Berneker, I, s. 456; Младенов Ст. Славянские этимологии. 18. Сербохорв., словен. *kača*. «Русский филологический вестник» (далее — РФВ), LXXI, с. 458—460; кн.-е. *qōq-: *qōq- 'извиваться, гнуться'.

⁵⁸ Вполне возможно, что это фонетический вариант *kresati (см. ниже).

род. п. *komolca* м. р. 'локоть', 'сустав', 'связка', 'бугор' (Plet. I, 428). Лексема представлена у север. славян⁵⁹.

**krěkъ* (?): словен. *krěk* м. р. 'лягушачья икра', *žabokrěčina* то же, сюда же *krāk*, *okrāk* м. р. 'лягушачья икра', 'зелень на поверхности стоячей воды', 'водяной мох' (Plet. I, 455; II, 815, 951); в с.-хорв. только в приставочном виде: *ò-krijek* м. р. 'водоросли', *žabòkrijek*, *žabòkrečina* 'лягушачья икра' (RJA VII, 859; Iveković Broz II, 859—860). Ср. русск. *кряк*, *укряк*, диал. *крёк* 'лягушачья икра', в.-луж. *křek* 'водяное растение', чеш. *okřehék* то же⁶⁰.

**kresati*: с.-хорв. *krèsati*, *krěšem* 'excudere ignem', 'тесать, обтесывать', 'обрезать (ветки)', 'ударять ч.-л. острым', 'говорить колкости', 'неумеренно есть', 'скакать, танцевать' (RJA V, 523—524), словен. *krésati*, *krěšem* 'высекать огонь', 'обтачивать', 'твёрдо ступать', 'бить, колотить', 'перестреливаться, спорить' (Plet. I, 464). Данная основа с производными на *-dlo*, *-nǫti*, *-ivo* характеризует все слав. языки, кроме восточной части ю.-слав. языков⁶¹.

**krul-*: с.-хорв. чак. *krùljav-krùljast* 'калека, хромой', *krùljac* м. р. 'калека' (RJA V, 666), словен. *kruliti* 'уродовать', *krùljav* 'хромой' (Plet. I, 481)⁶².

**kustra*/*kustravъ*: с.-хорв. *kuštra* ж. р. 'волос, шерсть', *kùštrav* прил. 'курчавый, взъерошенный' (RJA V, 23, 836), словен. *kuštra* ж. р. 'локон, завиток', *kuštrav* прил. 'растрепанный, взъерошенный, курчавый' (Plet. I, 491). Ср. слов. *kuštra*⁶³.

**кѣиѣја*: в ю.-слав. топонимах: словен. *Knej*, *Kneja*, с.-хорв. *Kneja* в названиях лесов, болотистых мест, рек, потоков⁶⁴. Мажуранич отмечает стар. кайк. *kneja* в р-не Карловца 1228/1359: *vadit ad uiam silvam, que Megnaknea (-menja kneja) nominatur...*⁶⁵. Ближайшие соответствия образуют польск. *kniewa* 'дикий густой лес' с XIV в., чеш. топ. *Kněje*, русск. диал. *кнея* 'роща, лес'. Следы корня **кѣп-* сохраняют словен. *knjast* прил. 'убогий, ка-

⁵⁹ Родственно **komъ*. Ближайшее соответствие образует др.-в.-нем. *hamal* 'искалеченный'. Фонетическим вариантом является **gomolъ* (Miklosich, s. 126; Berneker, I, s. 554; Machek¹, s. 216; Machek², s. 271; Stawski, I, s. 389; Фасмер, II, с. 304).

⁶⁰ Не вполне ясна исходная основа — **krěkъ* или **kreĭkъ*. Подробнее об этом см.: Miklosich, s. 139; Berneker, I, s. 613; Machek², s. 413; Skok, II, s. 551; Фасмер, II, с. 391.

⁶¹ И.-е. соответствия остаются неясными (Miklosich, s. 138, 139; Berneker, I, s. 611; Machek¹, s. 241; Machek², s. 300; Stawski, III, s. 225—227; J. Košťál. Shrv. *kres*, *krijes*, *kris* — JФ, V, 1925—1926, с. 190—192; Skok, II, s. 190, 191; Фасмер, II, с. 373).

⁶² Бернекер сближает с польск. *królić* 'морщить (лоб)' (Berneker, I, s. 629). Иначе трактует польск. слово Славский (Stawski, III, s. 2, 157).

⁶³ Machek¹, s. 249.

⁶⁴ Bezlaž F. Contributions lexicographiques. 3. Tcheque dialectal *oteň* 'clôture'. — «Slavistična revija» (далее — SR), 1955, VIII, 3—4, s. 57; *idem*. Stratigrafija slovanov v luči onomastike. — JФ, 1958, XXXIII, с. 93, 94.

⁶⁵ Hadrovics L. Südslawische Beiträge zum russ. Etymologikon. — «Zeitschrift für Slawistik» (далее — ZfS), 1962, VII, S. 653.

лека', *knjāček* м. р. 'сучковатое бревно, пень' (Plet. I, 414) (Бела Краина) ⁶⁶, с.-хорв. сев. чак. *knast*, *kñast* прил. 'изувеченный, искалеченный' (XVI в.), *kñāk*, *kñakav* прил. с тем же значением (о. Крк. хорв. Приморье), *knjārav* (Лика) = *knjārav* (Жумберак) (RJA V, 18, 117; Skok II, 104) ⁶⁷. Ср. также польск. *kien* 'обрубок дерева', чеш. арх. *knívý* 'одревенелый' ⁶⁸.

lazъ* (?)/lasъ* (?): с.-хорв. *lase* ж. р. 'мотыга, кирка', в шутке: Kad dode *lase* u ruke, *sva će iz tebe ispustiti* (pretilina), *lasi* м. р. мн. ч. 'вид виноградной лозы с черными гроздьями' (RJA V, 23, 904: Далмация); словен. *lās*, *l* ж. р. 'длинная жердь, на которой стоят кровельщики, когда делают соломенную крышу' (Plet. I, 500: Толмин), *lās*, *l* ж. р. и *lāz*, род. п. *lāza* м. р. 'жердь у стога или козолца' ⁶⁹.

**lola*: с.-хорв. *lōla* 'прозвище длинного худого человека', *lōlo* 'неряшливый человек' (RJA VI, 24, 142), словен. *lōla* 'большая неловкая женщина', *lōlek* 'бестолковый человек' (Plet. I, 529). Ср. еще польск. диал. *lola* 'неорганизованный человек' ⁷⁰.

lotiti*/latiti*: с.-хорв. шток, *latiti* 'схватить, взять', ~ *se* 'приняться за дело' (с XV в.), *lācati*, *lācam* (*se*) то же (RJA V, 23, 924). На о. Црес и Хвар для этого глагола отмечено значение 'гнать, преследовать, принуждать' ⁷¹. В словен. *lotiti se*, = *im se* 'приняться, браться за что-либо', 'поразить', ср. *bolezni se me loti*, и *latiti se*, *lātati se*, *lācati se* то же (Plet. I, 494, 501—502) ⁷².

**macesnъ*: хорв. кайк. *mecesen* м. р. 'дерево *Pinus larix*' (RJA VI, 27, 548 со ссылкой на словарь Шулека), словен. *macesen*, *mese-*

⁶⁶ *Sašel I. Bisernice iz belokranjskega narodnega zaklada v Adlešičih. I. Ljubljana, 1906, s. 264* (далее — Sašel, I). Словен. *knjāpeš* и далее с.-хорв. *knjārav*, *knjūrav* сюда относятся при условии, что они не являются заимствованием нем. *Knaure*.

⁶⁷ Скок рассматривает в этом же ряду с.-хорв. *kljūst* 'искалеченный' и объединяет все эти образования в одно этимологическое гнездо с **klēs-titi*, что едва ли правомерно.

⁶⁸ Далее лит. *kañėnas* 'пень, корень', лтш. *kaņans* 'грубый конец балки'. (Berneker, I, s. 663; Machek ², s. 262; Sławski, II, s. 150—151, 286—287; Skok, II, s. 108; Shevelov G. A Prehistory of Slavic. Heidelberg, 1964, s. 53, 323; Фасмер, II, с. 262).

⁶⁹ *Strekelj K. Iz besednega zaklada narodovega.* — LMS, 1892, s. 17. Слово темное. Штрекель считает, что основы с глухим и звонким исходом идентичны, тем самым дает основание для реконструкции **lazъ* < **lēzti*. Безлай сопоставляет словен. *lās* с др.-инд. *vālśa* 'ветка, росток, побег' и реконструирует исходную основу в виде **volśъ* 'волос' (Bezlej F. Einige slovenische und baltische lexische Parallelen. — «Linguistica», 1966 — 1968, VIII, 1, s. 65).

⁷⁰ Бернекер относит к числу звукоподражательных образований, сравнивает с греч. *κωλός* 'глупый', алб. *l'olë* то же (Berneker, s. I, 730).

⁷¹ *Tentor M. Prilog Bernekerovu rječniku.* — ЈФ, V, 1925—1926, s. 211.

⁷² Из и.-е. соответствий указывается др.-инд. *lāti* 'схватывает, хватает' <и.-е. **lō-*. Славянская основа получила расширитель -*t-* (Miklosich, s. 174; Berneker, I, s. 694; Skok, II, s. 275; Трубачев О. Н. Этимологический словарь славянских языков Г. А. Ильинского. — «Вопросы языкознания» (далее — ВЯ, 1957, № 6, с. 96).

sen 'Larix', диал. *mesesen, masen, macés, maceselj* то же (Plet. I, 539). Не имеет слав. соответствий ⁷³. Ср. *maklenъ.

*madežъ: с.-хорв. *mādež* м. р., вторичное *mladež* 'родимое пятно' (RJA VI, 26, 356), словен. *mādež* м. р. то же (Plet, I, 540). Еще только в русском: *ма́деж, матеж* 'пятно на лице (беременной)' ⁷⁴.

*maklenъ: с.-хорв. *maklen (maklên)* м. р. 'дерево типа явора или клена' (RJA VI, 26, 400: с. XVIII в.), словен. *maklên*, род. п. *-êna* м. р. 'клен (*acer campestre*)', 'бересклет (*nevoymus*)' Нотран., Бела Краина (Plet. I, 544). Ср. укр. *маклен* ⁷⁵.

*mълькъ: хорв. кайк. *manjak*, род. п. *-njka* м. р. 'cottus gobio', сюда же *mānić* м. р. 'рыба *lota vulgaris*', словен. *menjek* 'налим'. Уменьшительное образование от простой основы *mъль, не сохранившейся в ю.-слав. языках. Ср. русск. *мень* 'налим', чеш. *meň, mňik*, польск. *miętnus, miętus* и др. ⁷⁶.

*mъль-: с.-хорв. *mūnīva* ж. р. (Далмация) = *mūnīva* (Срем, Бачка) 'обман, хитрость', 'лохмотья, отрепы' (Лика) (RJA VII, 153) ⁷⁷, чак. *mūnjav* ⁷⁸; словен. *mōlnjen* 'помешанный, одурманный', диал. *munjen*, нотр. *mōlnjav* 'помешанный' (Plet. I, 600). Не имеет слав. соответствий ⁷⁹.

*nать: с.-хорв. *nat* ж. р. 'росток, ботва' (RJA VII, 33, 675: Истрия), словен. *nāt, ĩ* ж. р. 'ботва' (Plet. I, 672). Ср. русск. *натѣна* 'ботва', чеш. *nat*, польск. *nać* и др. ⁸⁰

⁷³ Трудное слово. Скок выделяет префикс *ma-* и видит в этой основе следы дославянского субстрата (*Skok*, II, s. 395). Безлай возводит к **ma-sosna*. Приставка *ma-* рассматривается как видоизменение отрицания *ne* (ср. *maklen* и русск. *неклѣн*). См.: *Bezlay. Esecji*, s. 100, 101.

⁷⁴ Достоверные н.-е. связи отсутствуют (*Фасмер*, II, с. 556; *Skok*, II, s. 348; *Miklosich*, s. 178, 180).

⁷⁵ Слово темное. Некоторые исследователи рассматривают это слово как сложение с отрицанием **mē*, исходным признается значение 'разновидность клена (явора), неправильный, ложный клен' (*Musić A. Komparacija i negacija*. — «Rad» 222, s. 270; *Oštir K. Jarodi*. — «Etnolog», 1929, III, s. 102, 104; *Bezlay F. Slovenska vodna imena*, II, s. 7). Левенталь выделяет в этом сложении **māko-* и **kleno-s*, первая часть сопоставляется с лат. *mactō* 'колю', родств. дор. *μίζωω*, серб. *мак* 'мак' (Loewenthal J. Etymologien. — *ZfslPh*, 1930, VII, s. 407).

⁷⁶ Родств. лит. *mėnķė* 'треска', лтш. *menca* (*Machek* ², s. 370; *Skok*, II, s. 369; *Фасмер*, II, с. 599).

⁷⁷ *Skok*, II, s. 482.

⁷⁸ *Bezlay Ф.* Опыт работы над словенским этимологическим словарем. — ВЯ, 1967, 4, с. 48.

⁷⁹ Дальнейшие связи проблематичны. Безлай (*Esecji* 126) сопоставляет с лтш. *mūlsa* 'замешательство', *mūldēt* 'фантазировать', лит. *pasimūldyti* 'ошибаться' и видит в этих основах отражение ступени редукции н.-е. **mel-* 'молоть'. Попович неправомерно сравнивает с **mъlni* 'молния' (*Porović*, s. 322).

⁸⁰ Восходит к праслав. **nati*, род. п. **natere* (ср. **mati, matere*). Ближайшие соответствия только в балт. яз.: др.-прусск. *noatis* 'крапива' лит. *notrė, nōterė* то же (*Miklosich*, s. 211; *Skok*, II, s. 505; *Фасмер*, III, с. 48). Махек сближает с **nyti*, **naciti*. (*Machek* ¹, s. 319; *Machek* ², s. 391).

**rap-* (?): с.-хорв. *pápak*, род. п. *párka* м. р. 'ungula, копыто', 'раковина', также *pārāk* (Жумберак) и *pāpek* (Бела Краина) (Skok II, 601), словен. *pāpek*, -*pka* 'копыто', Бела Краина (Plet. II, 7). Не имеет слав. соответствий ⁸¹.

**pel'ati*: с.-хорв. *peľati*, -*ľat* 'ducere, vehere, trahere' (RJA IX, 42, 768: чак., кайк., редко шток., Истрия, Дубровник и др.), словен. *pěljati*, *pěljem* 'вести, водить' (Plet. II, 21). Ср. польск. *piełać* 'спешить', словц. *pelat'*, *pelašit'* 'гнать' ⁸².

**plex-/plax-* продолжают, с одной стороны, словен. *pleh*, *plēha* м. р., ср. *na pleh orati* 'пахать так, чтобы борозды ложились на одну сторону, особенно в прибрежных полях', противоположное — *na lehe orati* (Plet. II, 54) и с.-хорв. *pleh* 'одна половина, одна сторона копченого сала' (RJA X, 43,38: Истрия), а с другой стороны, слав. **plaxъta*: словен. *plāhta* ж. р. 'грубое одеяло', 'простыня', 'скатерть'; с.-хорв. *plāhta* ж. р. 'простыня', 'скатерть' (RJA IX, 42, 946), сюда же *plaha* ж. р. 'кусочек мяса со свиной туши' (RJA IX, 42, 945: Герцеговина). Имеет широкие соответствия в слав. яз.: русск., укр. *плаха* 'составная часть пехода', 'слой сала, снятый со свиной туши' и др. Отмечена основа с корневым *o*: с.-хорв. *pīda* 'часть телеги, кареты', возможно, хорв.-кайк. *ploh* м. р. 'кусочек олова'. Ср. русск. диал. *плоха* 'просека в лесу для расстановки сетей на уток', чеш. *plocha* 'плоскость и др.' ⁸³

**plesmo*: с.-хорв. *plēsno* ср. р. 'узкая доска в заборе' 'планка' (Вук, RJA X, 43, 53) и словен. *plēsno* ср. р. 'шина' (Plet. II, 57). Сюда же, видимо, относятся некоторые топонимы: словен. название урочища *Plesmo*, *Plesme*, серб. топ. *Plesmo*. Как будто бы не имеет слав. соответствий ⁸⁴.

⁸¹ Слово темное. Скок приводит в одном ряду с с.-хорв. *pāronjak* 'копыто', *čāronjak* то же. Последние, видимо, содержат префиксы *ra-* и *ča-* и родственны слав. **pēti*, **ryno*.

⁸² Имеет разные объяснения. Миклошич, Брюкнер толкуют эту основу как заимствование итал. *prigliare* (Miklosich, s. 236; Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927, s. 408 (далее — Brückner). Скок возводит к и.-е. **pel-*, передающему движение толчками, ударами, и сравнивает с лат. *pello* < **pel-no*, *pellere* 'гнать' (Skok, II, s. 634, 635). Махек сближает с др.-инд. *palāyati* 'гнать' и высказывает мысль о возможном родстве с гл. **paliti* 'жечь', ссылаясь на лит. *dėgti* 'жечь' и 'бежать' и омонимию праслав. **kur-* 'топить' и **kur-* 'бежать', (ср. Machek ¹, s. 361; Machek ², s. 442).

⁸³ Подробное см.: Miklosich, s. 248; Skok, II, s. 680, 687; Фасмер, III, с. 275, 276, 280. Махек считает, что чеш. *plocha* вытеснило более старое *ploska* и является заимствованием нем. *flach* (Machek ², s. 462). Скок выводит с.-хорв. *plēh* в значении 'слой жести' из нем. *Blech*. Безлај отмечает выражение *splehano blago* и сравнивает с лтш. *pljēsti* 'zerreissen' (Bezlaј F. Etyma slovenica. — «Razprave», VII/4. Slovenska akad. znanosti in umetnosti. Ljubljana, 1970, s. 158).

⁸⁴ Bezlaј F. Stratigrafija slovanov v luči onomastike, s. 94. Слово неясного происхождения. Скок, вслед за Матценауэром, сравнивает с лит. *pliszti* 'scindere, findere, dilacerare', выделяя суфф. -*ino* (ср. *pismo*) (Skok, II, s. 682).

*pleso: хорв.-кайк. топ. *Pleso*, словен. *pleso* 'пруд'. Ср. русск. *плёсо* 'открытая широкая часть течения реки', чеш., словц. *pleso* 'глубокое место в реке, озере'⁸⁵.

*rega/*regotati: с.-хорв. *reĝa* 'ворчание (напр. собаки)' (Вук) словен. *reĝa* 'кваканье', *reĝeláti*, *reĝéčem* 'квакать', *reĝljáti*, -*am* 'квакать, кричать' (Plet. II, 416). Ср. русск. олон. *реготать*, *регочь* 'громко кричать, смеяться', чеш. *řehot* 'ржание, смех'⁸⁶.

*rěpъ (?): с.-хорв. *rěp* м. р. 'хвост', 'конец, нижняя часть чего-либо' и в названиях растений: *koňski rěp*, *kuňi rěp* и др. (RJA, XIII, 58, 872—875); словен. *rěp*, род. п. *rěpa* м. р. 'хвост', 'задняя часть судна', 'острием сужающееся поле', 'шило', 'черенок, стебель', *rěp*, *repak* м. р. 'некая птица', сюда же *rěplja* ж. р. 'der Traubenkamm', 'виноградная кисть с небольшим числом ягод', в названиях растений: *koňski rěp* и др. (Plet. II, 418—419), сюда же *rěpalo* ср. р. 'ручка кастрюли, рукоятка' (Темлине)⁸⁷. Ср. чеш. *řap* 'ручка ложки', польск. *rzap* 'копчик'⁸⁸.

*ruliti: с.-хорв. *ruliti*, *ruľiti* 'реветь, рычать, выть' (RJA XIV, 60, 301), словен. *ruliti* то же (Plet. II, 444)⁸⁹.

*runiti (?): с.-хорв. *rúniti*, *rúnim* 'бить, разбивать', 'дергать, рвать'. *rúniti (se)*, *rúnim (se)* то же (RJA XIV, 60, 314, 319), словен. *rúniti*, *runem* сов. в. 'двинуть, толкнуть' (Plet. II, 444)⁹⁰.

*rust-: следы этой основы, но наблюдениями Безлая, сохраняют словен. *rostoha* 'узкая долина между горами' (Брежище), с.-хорв. *rust*, *rustina*, *rustine* 'название лугов, пахотной земли (р-н Лики), название берега в Славонии' (RJA XIV, 60, 337—338). Ср. далее русск. диал. *руст* 'сильное течение'⁹¹.

*ružiti (?): хорв.-кайк. *ružiti* 'бросить, кинуть', 'стукнуть, ударить' (RJA, XIV, s. 60, 358: Белостенец) и словен. *rúžiti*, *ru-*

⁸⁵ Miklosich, s. 249—250; Machek¹, s. 374; Machek², s. 458—459; Skok, II, s. 682; Фасмер, III, с. 280; Popović, s. 13; Bezlaј F. Рец.: Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. — В кн.: Этимология. 1973. М., 1974. с. 184. Предлагаются исключяющие друг друга сопоставления: др.-инд. *práthas* ср. р. 'ширина', лтш. *plesa*, *plēša* 'место в реке, где стоит вода', лит. *pelkė*. Не исключено, что это слово праславянской древности.

⁸⁶ Видимо, звукоподражательное образование (Machek², s. 529; Фасмер, III, с. 457).

⁸⁷ Strekelj K. Iz besednega zaklada narodovega. — LMS, 1892, s. 34.

⁸⁸ Этимология неясна. (Bezlaј F. Eseji, s. 148). Миклошич и Махек сближают с **rebro*, нем. *Riebe*, *Rippe* с последующим изменением *erp* > *erp* (Miklosich, s. 275; Machek¹, s. 432, Machek², s. 528—529). Иначе объясняет Грошеч: **rep-* < **repos*, греч. *ρέπω* 'гнуаться, сгибаться' (Grošelj M. Etyma slavica II. — SR, 1954, V—VII, s. 423).

⁸⁹ Звукоподражательное образование.

⁹⁰ Возможно, связано с **kruja* 'крошка' (Skok, II, s. 214). Безлај отмечает в словен. диалектах *runje* ср. р. мн. ч. 'оспа', *rúnja* ж. р. 'сыпь на лице', которые, как нам представляется, родственны гл. *rúniti* и являются производными от него. В качестве соответствия для них указываются чеш. *chrouty*, *chrutna*, н.-луж. *kšuna* 'сыпь' (Bezlaј F. Eseji, s. 152. О чеш. словах Machek², s. 207). Слово трудное.

⁹¹ Bezlaј F. Zajednička problematika slovenske i čakavske leksike, s. 8. Далее связывают с *ruslo* (Фасмер, III, с. 521).

žim 'чистить, лущить (фасоль, горох)', 'отделять зерна', сюда же *ružina* 'зеленая ореховая шелуха', *ružinje* соб. 'пустые стручки' (Plet. II, 446)⁹².

**sětlъ* (?): с.-хорв. *silъ* м. р. 'паст. *avena sativa*' (RJA XIV, 62, 957) и словен. *silj* м. р. '*peucedanum* sp.', *silje* соб. 'продукты полеводства, зерновые культуры', вост. штир. *siljen* прил. 'зерновой' (Plet. II, 477—478), *sělje* = *silje* (Plet. II, 467)⁹³.

skridlъ*/skridla*: хорв. *skril* ж. р. 'плита' (с XIV в.), *skrila*, *skrila* ж. р. то же (RJA XV, 64, 328), словен. *skril*, род. п. *skrili* ж. р. 'шиферная поверхность', 'каменная плита', 'верх печи', 'льдина', *skrila* ж. р. 'тесовый камень, плитняк', 'каменная плита', *skrl*, род. п. -*li* ж. р. 'шифер', 'льдина', *skrla* ж. р. 'каменная плита' (Plet. II, 497, 499), *skril*, род. п. *skrili* ж. р. 'плоский верх крестьянской печи, где сушат просо'⁹⁴. Ср. далее русск. *скрыль* 'щепка, лучина', 'ломоть хлеба', чеш. *skřidla*, *škřidla* 'сланец' и др.⁹⁵

**skъrg-* (?): с.-хорв. *škrge*, род. п. *škrga* ж. р. мн. ч. 'жабры' (Iveković-Broz II, 533), словен. *škrge-škrge* то же (Plet. II, 497, 635, обозначено как хорв. слово), слав. соответствия не обнаружены⁹⁶.

**slōka*: с.-хорв. *slūka*, *šlūka* 'бекас' (RJA XV, 65, 622; Iveković-Broz II, 535), словен. *slōka* то же (Plet. II, 513; нотранск., вост. Штирия). Ср. русск. *слѹка* 'вальдшнеп, *Seolopax rusticola*', чеш. *sluka* 'бекас' и др.⁹⁷

**sus-* хорв. *susmat* 'растрепанный'⁹⁸ и словен. *šušmara* ж. р. 'лохматая шапка' (Plet. II, 651; Бела Краина)⁹⁹.

⁹² Наиболее приемлемо объяснение из *žuriti* (ср. Plet. II, 446; Bezlaj. Eseji, s. 137). Нельзя признать убедительным сближение с русск. *ружь* 'внешний вид', *обнаружить* (Безлай Ф. Опыт работы над словенским этимологическим словарем, с. 52). Об этимологии русск. *ружь* см.: Фасмер, III, с. 514.

⁹³ Ф. Безлай объясняет словен. лексемы на основе сближения с гл. **sējati* < и.-е. **sē-*, **sito* < **sēi-*. Вост.-штир. *selje* и прекурское *silje* с корневыми *e* и *i* отражают следы и.-е. различия двух корней. Ближайшие соответствия образуют лит. *sėkla*, *sėklà* 'зерно для семян' и лтш. *sēkla* 'семя', для них предполагаются две исходные основы (**sē-tlo* и **sēi-tlo* (Bezlay. Eseji, s. 166, 167).

⁹⁴ Pintar L. Slovarski in besedoslovni paberki. — LMS, 1895, s. 40.

⁹⁵ На очень древнем уровне предполагается возможность чередования с **krojiti* (Miklosich, s. 304; F. Bezlay. Slovenska vodna imena, II, s. 245; Фасмер, III, с. 659).

⁹⁶ Происхождение неясно. Скок предполагает и.-е. корень **sqer-* 'резать' + суфф. -*ga* и сравнивает с с.-хорв. *krelja*, *kreljušt*, *kraljušt* 'жабра, чешуя' (Skok II, s. 189).

⁹⁷ Родственно лит. *slankà* 'кулик', лтш. *slūokà* 'вальдшнеп', др.-прусс. *slanke* 'большой кулик' (Miklosich, s. 308; Machek¹, s. 456; Machek², s. 558; Фасмер, III, с. 678).

⁹⁸ Skok, III, s. 365.

⁹⁹ Вслед за Ягичем (AfslPh, II, с. 397) сравнивают с лит. *šiaušti* 'растрепать', лтш. *šauštiēs* 'заставить волосы стоять дыбом', *šaušmas* 'дрожь, озноб'. (K. Mülenbach. Latviešu valodas vārdu-ca, red. J. Endzel'ns, IV, l. 7; Bezlay F. Einige slovenische und baltische lexische Parallelen, s. 80).

*šatriti/*šatрати: с.-хорв. *šatriti* 'fascinare' (Белостенец, Ямбрович), *ošatriti* 'infascinare' (Хабделич, Белостенец)¹⁰⁰, словен. *šátrati*, -am, *šátriti* 'колдовать, чаровать' (Plet. II, 648: кайк., вост. Штирия). Ср. чеш. *šetřiti* 'смотреть, обращать внимание', польск. *szatrzeć się* то же¹⁰¹.

*tin'ati: с.-хорв. шток. *tiñati*, *tiñam* 'гореть слабым пламенем, тлеть' (RJA XVIII, 76, 335) и словен. *tinjati*, -am 'тлеть' (Plet. II, 669: вост. Штирия)¹⁰².

*tъjъ-дънь: с.-хорв. *tjēdan*, *tjēdna* 'неделя' из кайк. и чакав. источников (RJA XVIII 76, 362—363: Белостенец, Вольтиджи), словен. *tēden*, *tjēden* то же (Plet. II, 658, 674). Соответствия только в зап.-слав. языках: ср. чеш. *tyden*, польск. *tydzień*¹⁰³.

?: с.-хорв. *trizalj*, *trižalj*, *trižlja* 'Erysimum', словен. *trizelj* то же¹⁰⁴, Ср. чеш. *tryzel*, *trejzel* то же¹⁰⁵.

*trъ(d)s-: с.-хорв. *tr̥sati se*, *tr̥sām se* 'крепнуть', *tr̥siti*, *tr̥sīm* 'закончить' (Вук: Черногория), *tr̥siti se*, *tr̥sīm se* 'стараться, хлопотать, заботиться' (RJA XVIII, 76, 766—767) и словен. *tr̥siti se*, -im se 'стараться, стремиться, трудиться', *tr̥sen* прил. 'жилистый', 'жесткий', ср. *meso je tr̥сно*, т. е. 'безвкусное и твердое' (Plet. II, 698). Не имеет слав. соответствий¹⁰⁶.

*vек-/vеѣ-: с.-хорв. *vēknuti*, *vēknēm* сов. в. 'блеять' (Iveković-Broz II, 706), словен. *vēcati*, *vēcīm* 'кричать, жаловаться' (Plet. II, 704). Ср. русск. *вякать* 'плакать' и др.¹⁰⁷

*vol-: с.-хорв. *volja* 'зоб' (Iveković-Broz II, 738), словен. *vo-leki* мн.ч. 'почки', *zavōlek* 'узел', перен. 'запутанное дело' (Plet.

¹⁰⁰ Kurelac I r. Prěgled rěčij o vuhovstvu.— «Rad», 1873, XXIV, s. 63.

¹⁰¹ Родственно лит. *skatj̃tis* 'внимательно смотреть', жем. *skokotis* 'заботиться', лтш. *skatit* 'смотреть' (Miklosich, s. 337); *Machek*¹, s. 497 и *Machek*², s. 606 признают пеходной основу *šetriti с начальным še- из šē-; *Соп В.* Etyma balto-slavica IV.—SR, 1959/1960, XII, s. 185—189; тох. *B. šotri*, мн. ч. *šotruna*, *A šotre* 'знак'; О. Н. Трубачев сближает праслав. *šatriti с незасвидетельствованным иранским отыменным глаголом *xšatraya- от широко представленного в иранских языках имени xšatra- с формантом -tra и полагает, что славянское слово заимствовано из иранского (см.: Трубачев О. Н. Из славяноиранских лексических отношений.— В кн.: Этимология. 1965. М., 1967, с. 52—55).

¹⁰² Попович полагает, что этот штокавский глагол является новым по отношению к *tълēti (Porović, s. 408, 420).

¹⁰³ Подробнее см.: Ramovš F. Slov. tēden 'hebdomas'.— «Casopis za slovenski jezik in književnost» (Ljubljana), 1921, III, 1—2, s. 55, 56; *Machek*², s. 663; *Bezljaj F.* Zajednička problematika slovenske i čakavske leksike, s. 2.

¹⁰⁴ *Bezljaj F.* Nekaj rastlinskih imen.— JiS, 1960/61, I, s. 29.

¹⁰⁵ По Махеку, это сложение *traviti* и *zel(ina)* (*Machek*¹, s. 538; *Machek*², s. 655).

¹⁰⁶ По Миклошичу, *trъ(d)s-* связано чередованием с слав. *trudъ и содержит расширитель -s. Ближайшие соответствия только в балт. яз.: лит. *trūšas* 'трудная работа, большое усилие' (Miklosich, s. 364; *Bezljaj F.* Einige slovenische und baltische lexische Parallelen, s. 78).

¹⁰⁷ Фасмер, I, с. 375.

II, 784, 897). Ср. чеш. *vole* 'опухоль желез', польск. *wole* 'зоб (у птиц)', русск. олон. *воль, волынка* 'опухоль, нарыв' ¹⁰⁸.

**zēba*: с.-хорв. *zēba* 'зяблик' (Iveković-Broz II, 836), словен. *zēba* то же (Plet. II, 911). Ср. польск. *zięba*, в.-луж., н.-луж. *zyba*, русск. *зяблик* ¹⁰⁹.

**zōna*: с.-хорв. далм. *zōna* ж.р. 'зерно, сморщившееся на морозе' ¹¹⁰, хорв. *zonljiv* прил. *granis inanibus* ¹¹¹; словен. *zōna* ж.р. 'слабые, полупустые, легкие зерна' (Erjavec LMS 1880, 214), *zōna* ж.р. 'плохое зерно', 'слабое мелкое просо', 'то, что остается после просеивания зерна' (Plet. II, 938). Далее ср. чеш. *zuna* и *zūna* 'плохое зерно, плевел', укр. *зонá* 'спорынья' ¹¹².

**zubyľ*: с.-хорв. *zūblja* ж.р. 'лучина, assula, ramentum', в Черногории *zublja* 'ореховое или дубовое дерево, которое используется вместо лучины' (Iveković-Broz, II, s. 854) и словен. *zūbelj, -blja* м.р. 'пламя' (Plet. II, 942; Erjavec, LMS, 1880, 214; Крас, Ипав. долина), *zūblja* ж.р. 'факел', *znubelj* то же (Plet. II, 943) ¹¹³.

**zoly*: с.-хорв. *zolja* 'оса' (Iveković-Broz II, 851), словен. *zoly* 'личинка жука' (Plet. II, 938), *zolek, zolčka* м.р. 'маленькое существо' ¹¹⁴.

zyba*/zybati*: с.-хорв. *zibati, zibām, zibljēm* 'качать', *zipka* ж.р. 'зыбка' (Iveković-Broz II, 842, 844: Бапат), словен. *zibati* 'качать, колыхать', *ziba, zibel* ж.р. 'колыбель' (Plet. II, 919). Ср. русск. *зыбка* ¹¹⁵.

**žvŕkno*: с.-хорв. *žvōkno* ср.р. и *žvrkno* ср.р. 'podicis fissura' (Iveković-Broz II, 878), словен. *žekno* 'жерло печи', 'яма для пепла на костре' (Горишка ок.), *žvōkno, žvōkno* то же (Plet. II, 956; Erjavec LMS 1880, 215) ¹¹⁶.

Приведенный лексический материал неоднороден и разными своими частями восходит к разным хронологическим уровням. Основная часть лексем имеет широкие славянские соответствия, в рамках же ю.-слав. языков их распространение ограничено диалектами словенского и сербохорватского языков. Для этих лек-

¹⁰⁸ Родственно нем. *schwellen* (Куркина Л. В. Славянские этимологии.— В кн. Этимология. 1971. М., 1973, с. 88—90).

¹⁰⁹ Слово неясное (см.: Brückner, s. 653; Фасмер, II, с. 111).

¹¹⁰ Popović, s. 540.

¹¹¹ Из этимологических материалов, выписанных Ж. Ж. Варбот в Брюно в 1966 г.

¹¹² Слово неясное. Махек допускает возможность заимствования средн. лат. *zānā* 'куколь или иной плевел' и греч. ζιζάνια (Machek ², s. 719).

¹¹³ Дальнейшие связи остаются неясными. В связи со словен. *zubelj, znubelj* Безлай приводит русск. *зныль* 'печь', но это сопоставление необоснованно (Bezlay. Eseji, s. 138).

¹¹⁴ Strekelj K. Slovarski doneski iz živega jezika narodovega.— LMS, 1894, s. 59.

¹¹⁵ Фасмер, II, с. 109.

¹¹⁶ Miklosich, s. 413. Безлай сопоставляет с слов. *žákno* 'яма', русск. *жуцина* 'раковина или выбоина', лат. *fovea* < п.-е. **g'hoceiŋ* (Bezlay. Eseji, s. 134; Безлай Ф. Опыт работы над словенским этимологическим словарем, с. 54).

сем отмечены балтийские, германские и шире — индоевропейские соотношения. Ср. *арьно/*варьно, *азь, *bolenъ/*bolenъ, *brěca/*brěčka, *brinъ/*brina, *čermuš/*čermъx-, *děža, *drěkъ/*drěčъnъ, *gajъ, *glyža, *glъm-/*glom-, *gnatъ/*gnatъ, *gnědъ, *gomolъ/*gomol'a, *komol-, *krěkъ(?), *kresati, *krul-, *kustra/*kustravъ, *kъněja, *lotiti/*latiti, *lola, *madežъ, *maklenъ, *mъln-, *mъnykъ, *natъ, *pel'ati, *plex-/*plax-, *pleso, *rega-/*regotati, *rust-, *skridlъ/*skridla, *slōka, *šatriti/*šatрати, *vęk-/*vęč-vol-, *zēba, *zona, *zyba/*zybati. Среди них значителен слой звукоподражательных и экспрессивных образований: ср. *belbetati, *br'uzga, *čev(ъ)kati, *čizъkъ, *čuna/*čun'a, *čužiti, *godr-, *gružъ, *kacati, *ruliti.

Некоторые лексемы составляют исключительную принадлежность словенского и сербохорватского, за пределами этой части ю.-слав. языков в языках западной и восточной групп соответствующие лексемы как будто бы не обнаружены. Ср. *golda/*goldja, *gričъ, *kača, *klesati, *lazъ/*lasъ (?), *macesnъ, *pap-(?), *plesmo, *ružiti, *sětlъ (?), *skъrg-, *sus-, *tin'ati, *trъ(d)s-, *zub-ьbъ, *zobъ, *žvrkno. Эти лексемы плохо поддаются этимологизации. Известные попытки объяснить эти диалектизмы на и.-е. основе позволяют с некоторой долей вероятности отнести их к праславянской эпохе, к периоду диалектной дифференциации праславянского языка. Однако не исключено, что некоторые из этих изолированных лексем появились в новую эпоху после переселения на новую родину под влиянием иноязычного субстрата. По мнению некоторых исследователей, следы дославянского субстрата отражают *macesnъ, *gričъ.

Следует отметить, что значительный слой лексики, общий только для словенского и сербохорватского языков, составляют ранние заимствования из балканороманского субстрата. Примером таких заимствований могут служить словен. *cīma* ж. р. 'зародыш, завязь', 'ледяная сосулька' (Plet. I, 83) и с.-хорв. *cīma* 'верхушка, ботва растения (лука, репы)' (RJA I, 796)¹¹⁷, словен. *trta* 'гибкая ветвь', 'виноградная лоза' и хорв.-кайк. *trta* то же из фриул. *tuàrte*, *tuartie* < лат. *torta* 'das Gedrehte'¹¹⁸.

*

Лексические различия западной и восточной частей ю.-слав. языков частично обусловлены разрушением первоначальных этимологических связей основ, некогда подчиненных в своей структуре тому или иному виду чередований. Полный состав этимологического гнезда, структура его основ реконструируется по данным всех славянских языков. Обе части ю.-слав. языков сохра-

¹¹⁷ Этимологический словарь славянских языков, вып. 3, с. 339, 340.

¹¹⁸ Strekelj K. Beitrage zur slav. Fremdwörterkunde. I. — AfslPh, 1890, XII, 2, s. 472, 473. Fremde Deklinationen... — «Zeitschrift für slavische Philologie» 1925, II, S. 393.

няют разные члены этимологической семьи слов. Приведем некоторые лексические различия, основанные на чередовании.

*brukati: с.-хорв. *brūkati* 'позорить, срамить' (РСА II, 217), *brūkati se* 'насмехаться' (Вук; РСА II, 217; RJA I, 684), словен. *brúhati* (с переходом *k > h*) 'извергать, выплевывать; отхаркивать', 'вырываться наружу, бить струей' (Plet. I, 67), русск. диал. *брукать*. Степень редукции в корне представляет гл. *brgkati, имеющий общеславянское распространение: ср. болг. *брѣкам* 'мешать, перемешивать', 'запутывать', с.-хорв. *břkati* 'turbare', словен. *břkati* 'толкать, швырять' и др. ¹¹⁹

*grštiti (se) отмечено только в словен. *gršiti se*, *grštiti se* 'чувствовать отвращение' (Plet. I, 257) и с.-хорв. *grštiti* 'nauseare, fastidire, nauseam facere' (RJA III, 10, 171: с. XVII в.). Для этой основы допускается возможность чередования с слав. *gruštъ, ср. ц.-слав. *сѣгрустити* сѣ 'грустить' ¹²⁰.

*kavelъ: только словен. *kávelj*, *-vlja* 'крюк', 'росток', 'деловой человек' (Plet. I, 391) и с.-хорв. *kàvelj* м. р. прозвище в Далмации, *kavelica* 'кость' (RJA IV, 17,905: Словония). Связано чередованием с *kuka/*čuka: *kъka: *kyka, ср. болг. *кѹка* 'крюк, костыль', *кика* 'коса, чуб' ¹²¹.

*klamati: с.-хорв. *klāmati*, *klāmām* 'vacillare, nutare; качаться, раскачиваться; двигаться, шевелиться; качать головой' (RJA V, 18,28), словен. *klamāti*, *-ām* 'ходить как во сне; нетвердо ступать; плохо держаться на ногах', *klāmati se* 'мешаться, путаться' (Plet. I, 401), далее ср. польск. *klamać* 'говорить неправду', стар. 'притворяться' с XV в., ст.-чеш. *klamati* 'шутить, насмехаться, обманывать'. Один из праславянских лексических диалектизмов, синонимичных общеслав. *lъgati ¹²². Связывают чередованием с *klem-ati: словен. *klēmati* 'кивать' (Šašel I, 263), болг. *клемиѣ* ж. р. 'чека (у телеги)' ¹²³, возможно, *климиѣ* ж. р. 'дереву, подпирающее одну сторону телеги' ¹²⁴.

*kly(p)sati: с.-хорв. *klisati*, *klisām* 'скакать' (Лика), *klisiti*,

¹¹⁹ Родственно лит. *braũkti* 'вытирать, смахивать' (см.: Этимологический словарь славянских языков, вып. 3, с. 53, 54, 85).

¹²⁰ *Потебня А. А.* Заметки этимологические и о народной поэзии. — РФВ, 1880, III, с. 93.

¹²¹ *Miklosich*, s. 80; *Berneker*, I, s. 358; *Stawski*, II, s. 160, 161; *Skok*, II, s. 225, 279; *Фасмер*, II, с. 231, 403—404; *Куркина Л. В.* К реконструкции этимологических связей основ с дифтонгом на -у. — В кн.: Этимология. 1971, с. 79.

¹²² *Miklosich*, s. 117; *Berneker*, I, s. 508, 509; *Stawski*, II, s. 248, 249; *Machek* ¹, s. 199; *Machek* ², s. 250; *Младенов С.* Этимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941, с. 241 (далее — Младенов). Дальнейшие и.-е. связи толкуются по-разному. Махек сравнивает чеш. *klamati* с лит. *krõpiu*, *kropti*, допуская мену *l/r*, *m/p*. Славский сопоставляет с др.-инд. *klāmyati*, *klāmāti* 'ослабевать, уставать'.

¹²³ *Бояджиев Т.* Речник на говора на с. Съчанли, Гюмюрджинско. — Българска диалектология. VI. София, 1971, с. 43 (далее — БД).

¹²⁴ *Попов К.* Говорът на с. Габаре, Белослатинско. — В кн.: Известия на Института за български език. София, 1956, IV, с. 158.

klisim то же (Вук; RJA V, 18, 80—81: с XVIII в.), словен. *klisati* то же (Plet. I, 407). Возможно, эта основа связана с чередованием с **kleup-s-*, продолжением его являются болг. *клясѣ*, с.-хорв. *кљѣсе* 'лошадь', словен. *kljūse* 'кляча' ¹²⁵.

klura*/klurъ*: с.-хорв. *klŭr*, род. п. *klipa* м. р. 'небольшая палка, короткая и толстая' (Вук, с XVIII в.), 'вид колоса', *klipa* то же (RJA V, 18, 78—79), словен. *klŭp* м. р. 'початок кукурузы' (Plet. I, 407), *klipa* 'палка', Бела Краина (Šašelj I, 263). Данная основа, не имеющая славянских соответствий, может быть истолкована как продолжение корня **klur-*, ср. **kly(p)-sati*. С другой степенью чередования болг. *кльн* 'петля', 'узел', словен. *klup* 'веко' ¹²⁶.

**lil-*: с.-хорв. *lila* ж. р. 'то, что сдирается с коры березы или черешни' (у Вука как фольклорный термин), словен. *lilek* м. р. 'кожа, сброшенная змеей', 'тонкое березовое лыко', *liliti* 'снимать мягкую кожу, тонкое лыко' (Plet. I, 519). Родственно лит. *leilėti* 'становится худым' ¹²⁷. Связано чередованием с **lin'ati* и **lėniti* ¹²⁸; ср. словен. *lėniti* 'обдирать', 'липать, сбрасывать с себя кожу' (Plet. I, 507), в болгарском, возможно, с тем же корнем прилаг. *нелѣнитъ* 'открытый, без леса' ¹²⁹.

**luta*: словен. *lŭta* ж. р. 'остатки после сбора урожая' (Plet. I, 538) и, возможно, с.-хорв. *lutak*, род. п. *-ika* м. р. в значении 'только обработанная кожа (диной козы)' (RJA VI, 25, 228—229 с указанием на итал. *aluta*). Словен. *lŭta* возводят к и.-е. **leu-* 'пустить, оставить' с расширителем *-t* ¹³⁰. И.-е. **leu-* продолжают словен. *leviti se* 'линять', *levka* 'незрелый плод, упавший с дерева' (Plet. II, 515), а также, видимо, болг. *лѣфкъ* ж. р. 'сорная трава, бурьян, растущий на влажных местах' ¹³¹.

¹²⁵ Основы **klur*/**klur-* без расширителя *-s* продолжают ст.-польск. *klupić* (*się*) 'клониться', русск. *кльпать* 'хромать', чеш. вал. *kl'upět* 'повисать' и др. (*Stawski*, II, с. 242, 243; *Machek* ², с. 261; *Фасмер*, II, с. 256, 258; *Трубачев* О. Н. Проспект, с. 58, 59. Бернекер неубедительно связывал словен. и с.-хорв. лексемы с слав. **klinъ* (*Berneker*, I, s. 520).

¹²⁶ *Stawski*, II, с. 242, 243; *Куркина* Л. В. К реконструкция этимологических связей основ с дифтонгом на *-u*, стр. 74. Существуют и другие объяснения. По мнению Бернекера, родственно слав. **klepati*, **klapati* (*Berneker*, I, s. 520). Брюкнер связывал с **klinъ* (*Brückner*, s. 234); Махек сближал с лит. *kleipti* 'ступать нетвердо, шататься', (*Machek* ¹, s. 205; *Machek* ², s. 257), у Скока находим сравнение с русск. *клипень* 'клиш, затычка' и чеш. *klípati*, *klípi* 'тяжело ступать', лит. *sklŭpas* 'поскут, клочок земли' (*Skok*, II, s. 100). Такое же сопоставление с русск. *клипень* у Фасмера (*Фасмер*, II, с. 251).

¹²⁷ *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I. Bern, 1949, s. 662.

¹²⁸ *Berneker*, II, s. 722; *Machek* ¹, s. 270; *Stawski*, IV, s. 267; *Skok*, II, s. 302; *Фасмер*, II, с. 482.

¹²⁹ Г. Горюх. Странджанский говор. — БД, I, с. 127.

¹³⁰ *Berneker*, I, s. 722; *Machek* ¹, s. 265; *Bezlej*, s. 125; *Фасмер*, II, с. 533; *Безлей* Ф. Опыт работы над словенским этимологическим словарем, с. 48. Родственно гот. *lėwjan* 'предавать', лит. *lavónas* 'труп', *pa-liáuti* 'прекращать'.

¹³¹ *Бояджиев* Т. Из лексиката на с. Дервент, Дедеагачко. — БД, V, с. 233.

**lъz-*: словен. *ob-lězniti*, *ob-olъzniti* 'лизнуть', с.-хорв. *lāznēm*, *lāznuti* то же, др.-чеш. *lзати*. По Бернекеру, эта основа отражает ступень редукции общеслав. **lizati* ¹³².

**па-сѣ-тор-*: с.-хорв. *nastor* м.р. 'ненависть, злоба', *nastoriti*, *-im* 'питать отвращение' (RJA VII, 33, 661: Белостенец, Стулли, Ямбрешич, Вольтиджки), словен. *nāstor* м.р. 'упрямство, вражда', *nāstoren* 'упрямый' (Plet. I, 670), 'надоедливый' ¹³³. Связано чередованием с общеслав. гл. **terti*, **trъr* ¹³⁴.

об-ръпѣкъ*/об-ръпѣка*: с.-хорв. *oranak* м.р., чак. *oranka* ж.р. 'лапоть' (RJA IX, 39, 21: с XVI в.), словен. *orānka* то же (Plet. I, 831: р-н Марибора), *orānka* то же (Jarnik 12). Родственно слав. **peṭi*, **ръpъr*. Продление ступени редукции в корне представляет болг. *опинѣкъ*, *опинокъ* 'лапоть' ¹³⁵.

**pyriti*: с.-хорв. *piriti* 'гореть, пылать' (RJA IX, 42, 865: у одного писца), словен. *za-piriti se* 'покраснеть' (Plet. II, 863), далее чеш. *pýřiti* 'краснеть'. Другую ступень чередования отражает основа **puriti*: ср. болг. *zъnyри* 'зажечь', с.-хорв. *nъpити* 'печь' ¹³⁶.

**гъb-*: с.-хорв. *rb* м.р. *-r bina* ж.р. 'осколок, черепок', *rbak* то же (RJA XIII, 58, 788), словен. *rba* ж.р. 'зеленая ореховая скорлупа', *rbād* ж.р. 'корь', *rbina-rba* (Plet. II, 411). Этимологизируется как родственное, с одной стороны, лтш. *rubinat* 'делать зарубки, грызть', а с другой — праслав. **reḡbiti* ¹³⁷.

**сѣ-тѣg-*: с.-хорв. чак. *stûžā* 'ремень' ¹³⁸, *stûž* ж.р. 'кордоп, заслон' (Iveković-Broz II, 487: горное Приморье), словен. *stogla*, *stōgljaj* 'ремень, шнурок' (Plet. II, 577), *stoglajaj* 'шнурок, тесьма, ligula' ¹³⁹. Отсутствует в сербохорватском шток. и болгарском. Ср. чеш. *stouha*, *stuha* 'шнурок', польск. *w-stęga* перв. 'запонка, нитка, тесьма', др.-русс. *сустугъ* 'металлическая нагрудная пряжка, застежка' и *стуга* то же (Срезневский III, стб. 628). Родственно общеслав. **tegnōti* ¹⁴⁰.

¹³² Berneker, I, s. 726.

¹³³ Slovarski paberki.— LjZv, 1891, XI, s. 299.

¹³⁴ Варбот Ж. Ж. О возможностях диахронического истолкования морфонологической вариантности в славянских отглагольных именах.— В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. М., 1973, с. 98.

¹³⁵ Popović, s. 17.

¹³⁶ Miklosich, s. 269; Machek ¹, s. 410; Machek ², s. 502; Popović, с. 540—541; Фасмер, III, с. 419; Български етимологичен речник, св. VIII. София, 1971, с. 605.

¹³⁷ Этимологический словарь славянских языков, вып. 1; в статье на **areḡbъ*. Иначе Безлай: реконструирует как **reḡbēdъ*, ср. русск. *рябой* (Bezlaĵ. Eséji, с. 78).

¹³⁸ Popović I. Die Berührungen des Südslavischen und des Nordslavischen in Noricum in Pannonien und in Dazien.— «Die Welt der Slaven», 1962, VII, S. 81.

¹³⁹ Megiser. Dictionarium 1744.

¹⁴⁰ Brückner, s. 635; Machek ¹, s. 483; Machek ², s. 590; для чеш. *stouha* реконструируется форма **vъz-tęga*. Славянские материалы не дают оснований для реконструкции префикса **vъz-*. О русских основах см.: Фасмер, III, с. 810.

**stram*:- с.-хорв. далм. *stràmica* 'приставная лестница, стремянка' (Iveković-Broz II, 478), словен. *strama*, *štrama* 'вертикальный опорный брус в санях' (Plet. II, 583, 647), далее ср. др.-русск. *острамокъ* 'охапка', словц. *stram* 'вид саней — с толстым опорным брусом'¹⁴¹. Апофонические варианты этой основы — **strъмъ* (ср. болг. *стръмен* 'крутой') и **stremъ* (ср. болг. родоп. *стрем* 'крытый внутренний двор в доме; нижний этаж'¹⁴², словен. *stremelj*, *štremelj* 'колода, пень', 'кочержка')¹⁴³.

**ščer*:- хорв. *ošterak* 'стружка' (Фасмер IV, 502), словен. *ščer*, род. п. *ščéra* 'щепка', *ščépek* 'черенок для прививки', *ščerica* то же (Plet. II, 619), далее ср. др.-чеш. *ščer* 'черенок для прививки', польск. *szczep* то же, русск. *щепá*. Другая ступень чередования **skēr*- представлена во всех ю.-слав. языках: ц.-слав. *щанъ* 'basulum', болг. *щан* 'палка', с.-хорв. *штáп* то же, словен. *ščár* то же. Общеслав. вариант основы — **skorьсь*: ср. ст.-слав. *скѣпъца* (Супр.), болг. *скопѣц* и др.¹⁴⁴

Западная и восточная части ю.-слав. языков представляют апофонические варианты именной основы, соотносительной с гл. **terti*, **tyrǫ* 'тереть'. В западной части засвидетельствована основа **tir*- с отражением продления ступени редукции: ср. словен. *tirina*, *tirine* 'отруби' (ю.-вост. Штирия), *tírje* 'сено', 'остатки основы, к которым ткач привязывает нити', *tirji* мн. ч. 'концы нитей' (Plet. II, 670), далее *ternjak*, *tirnik* 'хлеб из смешанного зерна'¹⁴⁵, хорв.-кайк. *tiriñe* ср. р. 'льняная тряпочка, которую прикладывают к ране' (RJA XVIII, 76, 338: Белостенец). Ступень редукции в корне представляют два ряда основ, различающиеся семантически: с одной стороны, с.-хорв. *trice* 'мякина' (Iveković-Broz II, 589) и болг. *трѣна* ж. р. *соб.* 'остатки от сена'¹⁴⁶, *трици* 'отруби'¹⁴⁷, а с другой, — др.-серб. *utrište* 'поле', с.-хорв. *utrina* 'поле, луг, выгон', словен. *utr* 'сильно вытоптанная поверхность'¹⁴⁸. В юго-западной части ю.-слав. языков отмечено сугубо локальное образование **tara*: ср. словен. *tara* 'ткацкий станок'¹⁴⁹ и с.-хорв. *tàra* то же (RJA XVIII, 75, 107). Эта лексема

¹⁴¹ *Machek* ¹, s. 475—476; *Bezlaž. Eseji*, s. 119; *Фасмер*, III, с. 166.

¹⁴² Цитируется по работе: *Варбот Ж. Ж.* О возможностях диахронического истолкования, с. 110. Здесь для болг. *стрем* реконструируется другая исходная форма **strъмъ*.

¹⁴³ *Безлаж Ф.* Опыт работы над словенским этимологическим словарем, с. 52.

¹⁴⁴ *Machek* ², s. 626; *Фасмер*, III, с. 650; IV, с. 502; 496: родственно лит. *skōpti*, *skarpi* 'вырезать что-либо', лтш. *šķēps* 'копье'.

¹⁴⁵ Об этих словен. лексемах см.: *Strekelj K.* Slavische Wortdeutungen. — *AfslPh*, 1905, XXVIII, s. 68—69; *Bezlaž-Krevel L.* Slovenska tkalska terminologija. — *JiS*, 1968, XIII, 3, s. 88.

¹⁴⁶ *Младенов*, с. 639.

¹⁴⁷ *Божкова З.* Принос към речника на софийския говор. — БД, I, с. 269.

¹⁴⁸ *Роровић*, с. 312.

¹⁴⁹ *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, с. 128.

несет в себе признаки позднего названия и скорее всего является балканизмом южнославянского происхождения.

Следы билатерального чередования **tur-*: **tvor-* сохраняют словен. *tur* м. р. 'нарыв, абсцесс' и *tvor* то же (Plet. II, 703)¹⁵⁰, с.-хорв. *tur* м. р. 'чирей, прыщ' (RJA XVIII, 78, 924: Витезович) и *tvor* 'создание, творение'¹⁵¹. В восточной части ю.-слав. языков находим только один вариант основы — **tvor-*.

Только в западной группе ю.-слав. языков представлено особое образование с **vьrōt-* в значении 'ключ, источник': ср. словен. *vrótek*, с.-хорв. *vrútak*, далее ср. др.-русск. *в(ѣ)рутьць*. По происхождению это старое действительное причастие наст. вр. от гл. **vьrěti*, **vьrō*¹⁵². Восточная часть ю.-слав. языков знает другой апофонический вариант отглагольный основы с тем же значением — болг. *извор*.

Апофонические варианты основ, разделяющие ю.-слав. языки на две части, восходят к периоду диалектного развития и.-е. языков и эпохе праславянского языка. Ср. **brukati*: **brъkati*, **klup-*: **klyp-*, **luta*: **lěv-*, **lil-*: **lěn-*, **na-sъ-tor-*: **terti*, **puriti* **pyriti*, **rъb-*: **rub-/rōb-*, **sъ-tog-*: **tęg-*, **tur-*: **tvor-*. Варианты с продвижением ступени редукции и удлинением корневого гласного составляют особенность праславянского языка периода его диалектного развития: ср. **klamati*, **ščapъ*, **stramъ*, **tara*, **tir-*, **kavelъ*, болг. *квачка*, *опинък*. Как наиболее поздние могут быть истолкованы основы, корневой вокализм которых повторяет вокализм исходного глагола: ср. **vьrōtъkъ* и **vьrěti*, с.-хорв. *tríce*, болг. *трѣна* и **tъrō*. Не вполне ясный случай представляет отношение **grust-*: **grъst-*, не исключена возможность чисто фонетической редукции корневого гласного в словенском и сербохорватском.

*

Произведенная нами выборка лексического материала подтверждает большую близость словенского и западных диалектов (кай-кав., чакав.) сербохорватского языка. Лексика, таким образом, дополняет тот фонетический и морфологический материал, на основании которого строится классификация ю.-слав. языков. Осмысление тех глубоких различий, которые разделяют ю.-слав. языки на две области — западную и восточную, предполагает решение основного вопроса: когда и где произошла дезинтеграция южных славян. Возможно, истоки этой языковой дифференциации восходят к праславянской эпохе, что предполагает существо-

¹⁵⁰ Barlè J. Iz narodne zakladnice.— LMS, 1893, с. 37.

¹⁵¹ Ramovš F. Sprachliche Miscellen aus dem Slovenischen.— AfslPh, 1916, XXXVI, s. 447, 448; Куркина Л. В. К реконструкции этимологических связей основ с дифтонгом на -ѣ, с. 77 и сл.

¹⁵² Об этом см.: Фасмер, I, с. 362; Bezljaj. Eseji, s. 131; Vasmer M. Alte slavische Participia.— In: Mélanges linguistique offerts à H. Pedersen. Aarhus-København, 1937; Popović, s. 312, 313.

вание уже в праславянском единого ю.-слав. наречия. Не исключено, что причина этих расхождений в том, что славяне перемещались на юг двумя волнами в двух направлениях — одно шло через Паннонию, другое через Дакию. Возможно и третье объяснение: диалектные различия сложились после переселения на новую родину и были обусловлены тем, что диалекты, занимающие западную и восточную окраины ю.-слав. пространства, в течение длительного времени были территориально разобщены. В работах и исследованиях, посвященных этим проблемам, выдвигается на первый план та или иная причина. Так, Ф. Рамовш¹⁵³ доказывал, что формирование основных черт ю.-слав. языков произошло в условиях жизни на новой родине. А. Белич¹⁵⁴ и А. Маргулис¹⁵⁵ относят возникновение основных диалектных различий к добалканской эпохе. По мнению Белича, словенский и сербохорватский развились из единого славянского наречия, общность их не была нарушена на новой территории. Вагн-Вейк¹⁵⁶, а в последнее время П. Ивич¹⁵⁷ придают большое значение тому обстоятельству, что после переселения на Балканы западная и восточная части ю.-слав. языков, разделенные балкано-романскими диалектами или широкой горной полосой, длительное время не имели никаких контактов. Новый взгляд на формирование трех групп славянских языков находим в работе О. Н. Трубачева «Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян»¹⁵⁸. О. Н. Трубачев, подводя первые итоги работы над «Этимологическим словарем славянских языков», приходит к выводам, побуждающим пересмотреть традиционную теорию о заселении Юга, Запада и Востока «особыми монолитными потоками из первоначального единого славянского центра». Чрезвычайно пестрые лексические изоглоссы являются свидетельством «первоначальной этнолингвистической пестроты носителей славянских миграций к Западу, Югу и Северо-Востоку»¹⁵⁹. Основной вывод работы: «1) западно-славянская, восточнославянская, южнославянская группы вторично консолидировались из компонентов самого разного языкового происхождения; 2) первоначальная Славия была не языковым монолитом, а его противоположностью, т. е. если монолит —

¹⁵³ *Ramovš F.* Über die Stellung des Slovenischen im Kreise der slavischen Sprachen.— In: *Annales Academiae scientiarum fennicae*, ser. B, t. XXVII. Helsinki, 1932, S. 218—238.

¹⁵⁴ *Belic A.* Les rapports mutuels du serbo-croate et du slovène.— «Revue des études slaves», I, s. 20—27.

¹⁵⁵ *Margulies A.* Historische Grundlagen der südslavischen Sprachgliederung.— *AfslPh*, 1926, XL, S. 197—222.

¹⁵⁶ *Wijk M. van.* O stosunkach pokrewieństwa między językami południowo-słowiańskimi.— «Prace filologiczne», 1927, XI, s. 94—110.

¹⁵⁷ *Ивич П.* Српски народ и његов језик. Београд, 1971, гл. I.

¹⁵⁸ Полное название см.: *Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. I. Славяне и Карпаты II. Тип славянского этнонима III. Этнонимы и расселение славян.— ВЯ, 1974, 6.

¹⁵⁹ Там же.

это отсутствие противопоставленных изоглосс, то противоположность ему — сложная совокупность изоглосс»¹⁶⁰.

Видимо, те диалектные различия, которые разъединяют ю.-слав. языки, не имеют простого однозначного объяснения. Ретроспективный анализ раскрывает сложный процесс формирования и развития ю.-слав. наречия. В лексическом отношении словенский и сербохорватский образуют такой диалектный комплекс, который характеризует архаизмы и новообразования. Общие явления, объединяющие словенский и сербохорватский, — это частично собственные новообразования, частично праславянские диалектизмы, которые унаследованы из индоевропейского. В значительной степени специфику лексики этих языков определили влияние романского субстрата и территориальная удаленность от остальной части южных славян.

¹⁶⁰ Там же.

МОРАВСКАЯ НАРОДНОСТЬ В ЭПОХУ РАННЕГО ФЕОДАЛИЗМА

Любомир Гавлик

Изучение вопросов генезиса и развития средневековых народностей является относительно молодой отраслью науки, которую вызвало к жизни развитие исследований о возникновении нации как этно-политической категории периода буржуазного общества. Если установлено, что каждый социальный организм имеет определенный уровень самосознания, который отвечает ступени его развития, то, разумеется, это положение действительно и для феодальной народности как определенной категории, где сознание может успешно существовать только в связи с сознанием классовым и политическим, определяется им и определяет его. Из этого следует, что решающая роль при формировании народности принадлежит политической или государственной организации. Потеря государственности и самостоятельности были серьезным препятствием в развитии народности, а иногда, хотя и не всегда, вызывали ее внезапную гибель или затянувшееся на несколько столетий угасание.

Если мы обратимся к вопросам генезиса и формирования народности в раннефеодальный период, то необходимо коснуться также некоторых методологических вопросов. Проблематика возникновения народности является предметом исследования не только исторической науки, но и других научных дисциплин, в том числе лингвистики, археологии, этнографии и антропологии. Здесь необходимо учитывать масштаб возможного типологического определения упомянутого этноса, определение которого, однако, является вопросом значительно более сложным, чем чисто типологическая классификация. Поэтому прямолинейные выводы, основанные лишь на лингвистическом или (первоначальном фактическом) антропологическом материале, недостаточны, а при идентификации этно-социальных организмов следует рассматривать достижения всех научных дисциплин в комплексе и, кроме того, принимать во внимание также и другие факторы и суждения¹. Нет необходимости подчеркивать, что то, что мы определяем как этнос разных категорий, по своей сути является общественными организмами, живущими на определенной территории, с определенным образом (образами) жизни, речи (языком или же диалектами), материальной или духовной культурой (культурами), строем, но с единым для всех общим сознанием (естественное, доб-

¹ Havlik L. E. Slované raně feudální národnosti a otázky jejich geneze.— «Slovenský přehled», 1974, 1, s. 44—56.

ровольное или пассивное) принадлежности к таким образованиям и сообществам. И только проявление этого сознания в культурном образе духовной и материальной жизни, насколько его можно методически зафиксировать и учитывать как объективный фактор в области ли археологии, лингвистики или социальной и политической истории, может вести к реальной идентификации этноса. В ходе этого гносеологического процесса выступают как равноценные диалектическая комбинация изучения проявлений как внутреннего сознания этноса, так и его восприятие внешним миром. Когда же речь идет об исследовании определенного социально-экономического целого как этноса, то из этого вытекает практический вывод — в письменных источниках в первую очередь надо проследивать этнические проявления такого целого исходя из рамок политического образования, обозначенного собственным или данным именем, которое также отражается в письменных документах. Необходимо поэтому обратиться не только к развитию внутреннего самосознания в рамках государственного организма, как оно отражается в исторических текстах, в языке, в материальной и духовной культуре, но одновременно также к восприятию и оценке этнополитического развития исследуемой народности в зарубежных источниках.

И если с точки зрения континуитета развития иногда трудно установить определенный исходный период, с которого начали возникать предпосылки формирования славянских средневековых народностей, мы полагаем, что корни такого формирования уходят ко времени великой евроазиатской миграции. Начало образования народностей у славян относится уже к периоду их этногенеза. В рамках интеграционного процесса одновременно проходил в диалектическом единстве и процесс дифференциации, в конечной стадии которого мы находим или уже сформированные или еще продолжающие формироваться средневековые народности. Из этого факта вытекает, что вопросы этногенеза славян являются одновременно проблематикой этногенеза славянских народностей².

В историографии некоторых славянских стран уделялось особое внимание вопросам возникновения славянских народностей. Рассматривались также некоторые теоретические аспекты проблематики раннефеодальных народностей. Польский историк А. Гейштор предполагает, что до образования польской народности существовало более чем столетие объединение «польских» племен. Оно существовало на территории, где позднее образовалось Польское государство, т. е. до его образования. Поэтому расширение великопольского государства часто кончалось присоединением территорий, населенных народами, близкими этнически и по языку. Возникновение народности А. Гейштор считает резуль-

² См. также: *Бромлей Ю. В.* К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей. — «Советская этнография», 1968, № 2.

татом государственной политики, вытекающей из объективного развития польской народности, формированию психического сознания которой способствовало также ее отличие от соседей. Процесс формирования народности завершился с возникновением и укреплением государства³, что, однако, не объясняет в полной мере того, как могла проходить этническая интеграция до возникновения раннефеодальной польской монархии. В этот период, на наш взгляд, предпосылки существования сознания «польской» принадлежности являются проблематичными. Можно, однако, говорить об определенных этнических союзах, как указывает Г. Ловмянский⁴, которые, очевидно, возникали там уже в период лужицкой культуры. Но их закрепило только государство, создав рамки консолидации польской народности.

Здесь предполагается, стало быть, существование какой-то зарождающейся народности, реализованной затем в рамках раннефеодального польского государства. В действительности же сознание «польской» принадлежности могло распространиться только с расширением великопольской (полянской) гегемонии в конце X — начале XI столетия, и только политическая власть, экономическая и культурная динамичность и интеграционный перевес полян привел к тому, что образование в рамках пясковской монархии получило в будущем название от полян, а, например, не от висян, мазовшан, поморян и т. д. В этих образованиях также проходило формирование народностей, и их названия при благоприятных условиях развития могли распространиться по всей территории Польши, поэтому возникает также вопрос, можно ли, например, в отношении мазовшан (около 1037—1047 гг.) говорить лишь о сепаратистских тенденциях, хотя эти события относятся ко времени развития великопольского центра, а не о последних попытках сохранения первоначальной самостоятельности по отношению к централизующей, интегрирующей гегемонии полян. Хотя этническое родство на территории Польши до возникновения пясковской монархии бесспорно существовало, нельзя его подменять родством внутри «польской» народности, создание которой произошло только в период установления гегемонии полян.

Именно в этот период началось распространение из Великой Польши в остальные, до того времени еще непольские земли, сознания принадлежности к государственно-политической организации полян, а позже к этническому типу полян. Кроме того, определенную роль в создании общепольского сознания сыграло также архиепископство в Гнезно, которое действовало как этнически объединяющий фактор.

³ Uwagi o kształtowaniu się narodowości polskiej w wcześniejszym średniowieczu na ziemiach polskich.—«Studia Staropolskie», 1956, III, s. 437—452; Kształtowanie się narodowości polskiej, In: Historia Polski, I. Warszawa 1957, s. 173—174.

⁴ Ukształtowanie się narodowości polskiej. In: Historia Polski do r. 1466. Warszawa, 1960, s. 91—92.

Большое внимание также уделяется возникновению древнерусской народности. Эту проблематику в общих чертах наметил Л. В. Черепнин⁵. Процесс ее создания занял более длительный период и начался самое позднее еще в VI в., когда имеются упоминания о народе под именем Rhos. Но, возможно, что он начался еще раньше, в ходе миграции балтийских, угрофинских, иранских и тюркских этнических групп и в ходе этногенеза славян⁶. Основой образования раннефеодальной русской народности стал процесс возникновения феодальных производственных отношений. Значительную роль тут сыграло государство, возникшее в интересах господствующего класса. Распространение правительственных, судебных, административных и налоговых учреждений из Киева по всей территории, постепенно подчиненной власти киевских русских князей и присоединенной к русскому государству, подчинило население восточнославянских территорий государственной власти русского государства как органа феодального класса.

Каждое восточнославянское княжество (русов, северян, древлян, дреговичей, кривичей, радимичей) имело первоначально свое собственное княжение, права, собственные законы и традиции, это были какие-то протогосударственные образования и каждое из них представляло, собственно, одну народность. Только в ходе распространения гегемонии киевского русского княжества над другими княжествами и постепенного образования системы древнерусского государства в X в. возникает простор для формирования русской народности на всей территории, занимаемой восточными славянами. В XI в. уже на всей этой области распространилось общее самосознание взаимной принадлежности к Киеву и к русской народности. Важную роль в этом процессе сыграло также распространение христианства. Признаками, характеризующими народность, были также общность языка, алфавита (кириллицы), литературного творчества и постепенная нивелировка материальной культуры. Общность психологического характера народности появилась в передовой части общества, которая была носителем прогресса. К ней принадлежала та часть господствующего класса, которая своей деятельностью способствовала интеграции народности и борьбе за независимость.

Важным и сложным вопросом всего развития является проблематика классовой точки зрения на принадлежность к определен-

⁵ Исторические условия формирования русской народности до конца XV в.— В кн.: Вопросы формирования русской народности и нации. М., 1958. с. 5—54.

⁶ См.: *Третьяков П. Н.* Угро-финны, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л., 1966; *У истоков древнерусской народности.* Л., 1970; *Смирнов А. П., Алексеев Л. В.* Славянские, угро-финские и балтийские племена в последние века до н. э.— первые века н. э.— В кн.: История СССР, т. I. М., 1966, с. 300—320; *Рыбаков Б. А.* Славяне в VI в. н. э. Предпосылки образования русского государства. Там же, с. 337—364.

ной народности и вопрос классовой культуры. Все эти проблемы являются мало исследованной областью, поэтому очень уместно замечание З. В. Удальцовой, что вопросы возникновения народности остаются еще белым пятном в советской историографии⁷. Следует также учитывать, что борьба, которую вело Киевское государство, или же его поляно-северское ядро с землями, ставшими его составной частью, с одной стороны, имела характер борьбы с дезинтеграционными устремлениями, а, с другой стороны, для народностей этих земель это была также борьба за самостоятельность⁸. Тем не менее в XII в. и позднее во всех восточнославянских областях уже укрепилось этническое самосознание русских, идейную, политическую и культурную традицию которых оформила «Повесть временных лет».

Показательным для методологии возникновения и зарождения народности является также раннефеодальное развитие на территории Болгарии. Эти вопросы исследовал Д. Ангелов⁹. Начало формирования болгарской славянской народности связано с контактами славян и малочисленных групп сохранившегося фракийского, романского и греческого населения в Нижней Мезии, начиная с VI в. Значительную роль в этногенезе болгарской народности сыграли также тюркские болгары, которые в 680 г. в Мезии вместе со славянским союзом, называемым обычно «семь племен», создали болгарское государство, в котором главную политическую роль играли болгары-оногундуры. Только в IX в. произошло включение остальных славянских союзов и «княжеств» в систему Болгарского государства. С середины IX в. в византийских источниках перестало употребляться характерное наименование *Σκλάβοι*, *Σκλαβήνοι*, а начало преобладать название «болгары», как определение данной славянской народности. Этому качественному изменению способствовали два события. Первым из них было восстание болгарских вельмож — бояр против христианизации, шедшей из Греции. После подавления их мятежа в 864 г. 52 главных боярина (представители государственной власти) вместе с семьями были казнены. Их поражение привело к чувствительному ослаблению тюркской болгарской этнической группы, особенно в центральной государственной администрации, где они были замещены славянской аристократией, которая, несомненно, гораздо раньше испытала влияние государственной идеологии, традиций и приняла, наконец, как свое собственное, и само их имя «болгары», хотя одновременно продолжала сохранять свой славянский язык

⁷ О работе секции научного совета «Генезис и развитие феодализма». — В кн.: Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969, с. 22.

⁸ *Пашуто В. Т.* Особенности этнической структуры древнерусского государства. В кн.: *Acta Balto-Slavica*, 1969, 6, с. 159, а также: Проблемы возникновения феодализма..., 97.

⁹ *Образуване на българската народност, в: История на България, I.* София, 1961, с. 121; *Образуване на българската народност.* София, 1971.

и свою культуру. Тем самым были созданы предпосылки и для другого события, также связанного с процессом христианизации, которая означала одновременно славянизацию государственной администрации и церкви и вытеснение славянским литературным языком греческого. Как указывает Д. Ангелов¹⁰, особое значение здесь имела деятельность моравской церковной эмиграции во главе с Климентом, Наумом, Константином и др. О значении моравского духовного наследия и в развитии русской культуры пишет, наконец, и «Повесть временных лет». Свою роль в образовании славянской болгарской народности сыграли также борьба с Византией, а также войны с мадьярами в конце IX в., которые потребовали больших усилий и жертв всего населения Болгарии. Таким образом, в X в. болгары фигурировали в истории уже как сформированная славянская народность. Сложные процессы формирования народности из двух различных этнических групп проходили также при возникновении других славянских народностей, и болгарский пример, хотя и известен нам как последний, был, однако, далеко не первым и не единственным в истории славянского этногенеза. Достаточно вспомнить, что в миграции участвовал не только славянский этнос, но и иранский, балтийский, угро-финский и тюркский и что в Средней Европе, видимо, были некоторые предпосылки и для возникновения славянской народности во владениях авар.

Актуальное значение приобретает также изучение генезиса моравской народности как научной проблемы, объясняющей происхождение народностей современной Чехословакии. Впервые этот вопрос был поставлен И. Деканом, который говорил о моравско-словенской народности¹¹. Кроме того, эту проблему исследовали И. Кудлачек и П. Раткош, которые ввели в научный оборот термины «великоморавская народность» и «староморавская народность». На наш взгляд, эти термины неточны и неисторичны, более подходящим является термин «моравская народность»¹², который, конечно, связан только с территорией старой Моравии на Дунае, в бассейне Моравы и Вага и с будущей территорией Словакии, однако никоим образом он не связан со всей территорией Великой Моравии или Великоморавской державы¹³. Уделялось

¹⁰ Кирил и Методий и византийската култура и политика.— В кн.: Хиляда и сто години на славянска писменост 863—1963. София, 1963, с. 67.

¹¹ Dekan J. O vzniku národnosti před X. stoletím na území naší vlasti.— «Věstník CSAV», 1954, 63, č. 9, 10.

¹² Kudláček J. K otázce vzniku národnosti na našem území.— «Historický časopis», 1956, s. 397—410; *ibidem*. K novším názorům o vzniku feudálních národností na našem území.— «Historický časopis», 1957, s. 357—367, также: Dekan J.— «Historický časopis», 1958, s. 257—268; Ratkoš P. K diskusi o vzniku národnosti na našem území.— «Historický časopis», 1963, s. 270, 273.

¹³ Havlík L. E. K otázce národnosti na území Velké Moravy.— «Historický časopis», 1957, s. 493—503; *idem*. Einige Erwägungen zum ethnogenetischen

внимание не только проблематике возникновения моравской народности, но также и характеристике ее проявлений и определению ее роли в развитии других славянских народностей (хорватской, чешской, болгарской, польской, русской)¹⁴. Не может остаться без внимания и тот факт, что процесс самосознания моравян как народности был связан с ростом культурно-политического сознания и с сознанием языкового родства славян¹⁵. По-новому проблематику моравской народности поставил П. Раткош, который опять возвратился к названию «староморавская народность»¹⁶. Он пишет о его распространении до Нитры и приводит романтический взгляд Яноша Заборского, согласно которому жители Моравии и Словакии назывались (в IX в.) «словени» и «словаки» как народ, а «мораванами» обозначались в политическом отношении¹⁷. К этим вопросам вновь вернулся и Й. Декан, который указывает, что сознание родства, взаимосвязи проявляется в своеобразии развития Моравии еще в VII в. Он подчеркивает, что это было связано с этническим развитием и такое явление следует характеризовать как появление сознания народности. Сознание моравской народности, по мнению Й. Декана, в IX в. распространилось до области Нитры, население которой в первой трети IX в. называлось, по его мнению, словенами. Существование сознания «словацкого» доморавского своеобразия в области Нитры, по мнению Й. Декана, стало основой формирования «словацкой» народности после падения Великой Моравии¹⁸. Нам, однако, кажется, что эти корни выходили именно из традиции моравской государственности и культуры.

Из всего этого обзора, с одной стороны, вытекает установленный факт существования в IX и X вв. в той или иной области славянских народностей, с другой стороны, этот обзор показал, что в большинстве исследований речь шла прежде всего об изолированном изучении зарождения народностей, как предшественников современных наций. Притом нередко в данных исследованиях можно проследить влияние национальных моментов. С другой стороны, явным их недостатком является отсутствие сравнительного

Prozess auf dem Gebiet Mährens. In: Das Grossmährische Reich. Praha, 1966, s. 268—271.

¹⁴ Havlík L. E. Gens Maravorum. Poznámky k vyvoji gentes u Slovanů. In: Strážnice 1945—1964. Brno, 1965, s. 97—152, *idem*. Slovanské raněfeudální národnosti.— «Slovanský přehled», 1974, 1, s. 44—56.

¹⁵ Havlík L. E. Počátky vědomí slovanského příbuzenství. In: Slovanství v národním životě Čechů a Slováků. Praha, 1968, s. 30—35, *idem*. Problematika raně feudálního vědomí slovanského příbuzenství. In: Tradice slovanské kultury v českých zemích. Praha, 1974.

¹⁶ Ratkoš P. Otázky vývoja slovenskej národnosti do začiatku 17. storočia.— «Historický časopis», 1972, 19 n.

¹⁷ Letopis Matice slovenskej, 1873, IX, 1, 16.

¹⁸ Dekan J. Velká Morava a problematika staromoravskéj národnosti.— «Historický časopis», 1972, s. 173—185.

изучения развития славянских народностей¹⁹. И хотя целью этой статьи не является сравнительное теоретическое изучение и концентрируется она на проблематике одной народности — моравской, я посчитал необходимым изложить здесь выводы и взгляды на формирование и развитие нескольких славянских народностей с учетом теоретических положений, которые являются общими для развития всех средневековых народностей. При изучении проблематики генезиса и исследовании развития моравской феодальной народности также необходимо признать, что ее развитие рассматривалось отчасти изолированно. Кроме того, оно рассматривалось сквозь призму современной национальной истории и в результате оценка его утратила в значительной мере свою актуальность.

В современной историографии, когда каждая средневековая народность оценивается не только как этническая, но и как политическая и историческая категория, отсутствие исследований по проблематике моравской народности представляет серьезный пробел и недостаток в объективном познании процесса исторического развития. Вместе с тем исследование, ведущееся только с позиций изучения активов и пассивов, которые моравская народность дала сегодняшним нациям и, только с точки зрения их исторического развития, скрывает в себе опасность внесения национальных и антиисторических понятий в исследование и может способствовать только возникновению неисторических, анахронических выводов, когда о территории Моравии в период раннего феодализма говорится как об этнически чешской²⁰.

*

Начало формирования раннефеодальной моравской народности уходит своими корнями в глубокое прошлое, когда славянское население в бассейне Моравы, Дыи и Вага вступило в контакты с остатками старого кельтского, германского, дакского, сарматского и романизированного населения в Подунавье. Но в письменных источниках имя моравян в Средней Европе начало встречаться довольно поздно — с IX в. Источники зафиксировали несколько вариантов названия моравян. В текстах моравского происхождения мы встречаем термины «*морав(а)не*» — «*морав(а)не*» или «*морав(а)не*» (Житие Мефодия, X, XII),

¹⁹ Мы попытались это сделать в работе: *Slovanské raněfeudální národnosti*. — «*Slovanský přehled*», 1974, 1, s. 44—56.

²⁰ Этому способствует также языковая модель о прачешском языке. Таким термином обозначается язык как в Чехии, так и в Моравии, где, как увидим дальше, существовали в IX—X вв. специфические моравские языковые признаки. Иная проблема состоит в том, в какой степени с точки зрения истории можно согласиться с тезисом о существовании древнечешского языка в Моравии и лишь о специфических явлениях моравского диалекта, а не о языке.

в *Annales Regni Francorum* (822) — *Marvani*, в *Descriptio civit et regionum* — *Marharii* и *Merehani*, на Майнцском синоде говорилось в 852 г. о *gens Maraensium*, Алтайшские и Гильдесгеймские анналы приводят под 855 и 866 гг. — *Marahenses*, Хантские анналы под 863—864 гг., 869—872 гг. — *Margi*, *Conversio Bagoar. et Carant.* (с. 10, 13) — *Marau*, Альфред Великий (*Woe the man Orosius nemned*) — *Maroaro*, Аламанские летописи (892 г.) — *Maravenses*, также в Сепгалленских летописях, в Петиции баварского епископата (900 г.) приводится название *Moravi*, в грамоте короля Арнульфа (888 г.) — *Maravi*, Раффельштеттенском тарифе — *Marahi*, Гериман (902 г.) — *Marahenses* или *Mari*. Рegino употребил (846—870, 876, 889 г.) название *Marahenses*, от 894 г. тоже *Marahenses Sclavi* наряду с односложным *Marahenses*. Фульдские летописи употребляли от 846—863 гг. название *Sclavi Margenses* (варианты *Marahenses*, *Margenses*, *Maraenses*, *Margentes*), от 872—873 гг. *Sclavi Marahenses*, их продолжение в Алтайшских анналах под 893 г. — *Marauani*, под 897 г. *Marauabita*, под 898 г. *gens Marahensium* и *Marahabita*, от 899 г. *Marau*, *Marahenses*, *Maravenses* и от 901 г. *Marau*. В греческих текстах употреблялось название *Μοραβίον*, а в Летописи Нестора — Морава или Марава²¹.

Хотя в «Повести временных лет» приводится: «...яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянем Марава и прозвашася Морава», однако в данном случае речь шла лишь об этимологической попытке объяснить название народности. Такое объяснение в XII в. было обычным явлением. Достаточно упомянуть, например, *Gesta Hungarorum*, в которых говорится, что *Hungari* получили название по граду *Hung-Ung* (с. 13). Утверждение Нестора может быть отчасти правомерным лишь в том случае, если учитывать обозначение мораван в франкских источниках: *Margi*, *Margenses*, *Mar(a)harii*, *Marahenses*²². Само название реки *Margus Mar(a)ha* в латинско-германской среде означало пограничную реку. Но при этом слудует помнить, что и другие реки имели такое название, как, например, *Margos* (первоначально *Vrongos*, *Angros*) в Сербии или *Mura* (первоначально *Marhva*) в Подолии. Но в то же время другие реки такого названия нельзя связывать с этой этимологией. В данном случае можно привести, например, реку *Μοραβίος*, которая текла с востока и впадала в Азовское море, а в ее ближайших окрестностях в I—III вв. упоминается название *Choroathos-Chrouathos* (в Танаисе), которое связывается с наз-

²¹ См.: *Havlik L. E.* K otázce národnosti... 497 n. Материалы к приведенной номенклатуре и другим цитатам содержатся в кн.: *Magnae Moravia fontes historici*, t. I—IV (red. L. E. Havlik). Brno, 1966, 1967, 1969, 1971 (далее — ММФН).

²² С корнем *marg* связан и герман. *march-*, напр., *Marharii*. Это название может иметь и другие связи, например, с воинским кличем у псевдо-сарматских антов, который звучал как *marha* (*Ammianus Marcellinus*, *Res Gest.* XIX, 11, 1—7).

ванием народности хорватов²³. Нельзя обойти молчанием появления поблизости названия *Serbois*, *Serbi*, связанного с названием сербов²⁴. Проблематичным является название реки *Margos* в Средней Азии, нынешняя река Мургаб. Интересно, что там население с VI столетия до н. э. по V столетие н. э. также называлось *Margi*, а административный центр назывался Маргиана (*Margiana*), (он прославился изделиями из железа, особенно в период Парфянского царства)²⁵. Другое объяснение названия можно связать со значением «воин», «герой», «предводитель», как интерпретируется этноним *Maravan* в индо-дравидской среде²⁶.

При прослеживании появления названия «мораване» не следует делать какие-либо генетические выводы, а только необходимо обратить внимание на то, что самое раннее упоминание названия сходного с термином «мораване», мы встречаем, собственно, уже у Геродота в VI в. до н. э., взятое им из иранской среды — *Morajoi*²⁷. Мы ни в коем случае не думаем высказывать сомнения по поводу происхождения названия или этноса мораван, а только хотели бы указать на то, что формирование этносов в динамике исторического процесса было явлением очень сложным и в настоящее время мало исследованным. Примечателен также факт существования большого количества топонимов, показывающих связь с Моравией и мораванами, некоторые из которых, очевидно, связаны с господством мораван в данной области в IX в. (Великоморавской державой); например, *Moravany*, *Morajauny*, *Morawinki*, *Morawczynna*, *Moravica*, *Morawsko* — в южной Польше; *Moravany*, *Moravicanu*, *Moravec*, *Moravce*, *Moravčice*, *Moravsko* — в Чехии; или обозначение *Morot/Morot* (т. е. древнемagyarское название мораван, которое с XI в. заменено было новым названием — *Morva*) в Паннонии и в Потисье. Другие названия могут быть связаны с мораванами как колонистами или пленниками, например, *Moravce*, *Moravci*, *Moravice* — в Хорватии, *Moravice*, *Moravica*, *Moravița* — в Банате; или вообще с миграцией, происходившей по самым различным причинам и в разное время: например, Моравица, Морава — в Сербии, Морава, Морависк, Маравци — в Македонии или *Μαράβιτις* (Моравице) в Салониках. Неясно происхождение топонима *Murafa* — в Подолии у реки с подобным названием, а также Морависка — в Поднепровье и др.

²³ *Latyšev V.* *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae* 2. Petropoli, 1890, 237, с. 430, 261, с. 445.

²⁴ *Klaudios Ptolemaios.* *Γεωγραφικὴ ὡφέλεια*. VII, k. 8, 13; *Gaius Plinius Sec.* *Natur. hist.* VI, 19.

²⁵ История Узбекской ССР, I. Ташкент, 1955, с. 38 и сл.

²⁶ *Zvelebil K.* *O vývoji některých kmenů jihoindických.* — «*Geskoslovenska etnografie*», 1954, s. 61—62.

²⁷ История, I. Клио, 125. В иранской среде в этот же период появляется название *Narahvaiti*, *Norohoati*, *Narahvatis*, связанное с хорватами (*Saka S. Iranische Herkunft des kroatischen Volksnamens.* — «*Orient. Christ. Per.*», 1949, 15, с. 313—340).

Останется, очевидно, невыясненным вопрос о том, в какой связи находятся названия некоторых мест в Сербии, Македонии и Хорватии с процессом миграции южных мораван, балканских, живших на нижнем течении сербской реки Моравы и около городов Морова — Маргус и Белград, земли которых распространялись и на север от Дуная до Баната. В IX в. упоминается их архонт и епископ²⁸, а после IX в. они исчезают из источников и остается неясным, имели ли они какое-либо отношение к средне-европейским мораванам и кто они были вообще, хотя ясно, что некоторые сообщения взаимно перекликались.

Наконец, мы не можем игнорировать тот факт, что и сам центр моравского государства, очевидно, носил название Моравы, как об этом упоминает один из источников, в котором говорится, что Мефодий ушел «кз град Мсрѣску», известный еще и как «urbs Rastizi» (у современных Микульчиц; Ann. Fuld. ad. 870)²⁹. Сюда, вероятно, относится и титул Мефодия как «архиепископа Мсрѣвы» и archiepiscopus Marabensis ecclesiae от 880 г.³⁰ По всей вероятности, название мораван и их государства были очень тесно связаны с названием их центра.

Если слова Нестора о поселении мораван в Средней Европе были доводом к прекращению толкования их названия, то его слова о миграции могут послужить также к размышлению о начале славянского заселения в области древней Моравии (т. е. на территории современной Моравии, северной части Австрии и западной Словакии): «По мнозѣх же времѣнѣх сѣ ли суть словѣни по Дунаевѣ, где есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. И от тѣхъ словѣнъ разидошася по землѣ. яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имѣнемъ Моравѣ. . .» Из текста Нестора вытекало, что мораване пришли в Моравию из областей, лежащих ниже по Дунаю.

Если сравнить археологические данные по проблематике славянского заселения Моравии, то из них следует, что следы пше-

²⁸ Jireček K., Radonić J. In: Istorija Srba I. Beograd, 1952, s. 69, также Слово Кирила Философа MMFH, II, 305; III, 402; IV, III.

²⁹ Рамети: Паума II. Город «Моравы» относится к Паннонии, но в данном случае речь идет о названии церковного округа, где действовал Мефодий, который с 880 г. называется Моравским.

³⁰ Моравы Панон'ские (славословие). Здесь «Моравия» может опять обозначать церковный округ. Другие названия «из Моравии» «в Моравию» и т. д. находим в Житии Константина, Житии Мефодия, Проложном Житии Константина, Проложном житии Мефодия, Проложном житии Константина и Мефодия. Здесь речь идет о названии страны, хотя не исключено, что в некоторых случаях и могла идти речь о городе. Упоминание Жития Климента (II, 4) о том, что Мефодий украсил Паннонию тем, что он стал архиепископ Моравии — *Μοραβον τῆς πανονίας* подтверждается не только другими данными этого же источника (III, 10), но вышеприведенными данными в Рамети Паума. О том, что речь шла о городе «Моравы» см.: Beneš P. *Μοραβον τῆς πανονίας*. «Sborník prací filosofické fakulty. Brněnské university», 1959, VIII, E 4, 93 n. С названием города связан и титул Мефодия. 880: archiepiscopus Marabensis ecclesiae. MMFH, III, Epist. c. 90.

ворской культуры появляются в Северной Моравии и Восточной Словакии уже в I—III столетиях, а в конце IV в. можно также, вероятно, говорить о следах черняховской культуры. Наряду с керамикой славянского заселения первой половины V в., тут появляется с начала VI—VII вв. керамика так называемого пражского типа, распространенная на территории государства Само. Далее указывается, что в VII—VIII вв. по соседству жили славянские этнические группы, которые хотя и говорили на близких языках, но в то же время различались своей экономической, общественной и культурной структурой. Нужно иметь в виду, что подунайская керамика, изготовленная на кругу и встречающаяся с конца VI — начала VII вв., исходила от оседлого славянского населения³¹. Не менее интересной является и точка зрения лингвистов, согласно которой процесс возникновения наречий этих областей можно разделить на два этапа. Сначала произошло заселение бассейнов Нитры, Житавы, Грона и Ипеля и территории на юг от них (Паннония); другая группа осела в направлении на запад (бассейн Моравы) и на восток³².

Из вышесказанного следует, что вопрос этногенеза моравян является очень сложным. Кроме того, нужно учесть и другие факторы, например проблему некоторых элементов материальной культуры, характерных для материальной культуры моравян, но в то же время свидетельствующих о связях с иранской средой³³. В этой связи нужно обратить внимание на преимущественно кочевой характер так называемых славянских «варварских королевств» на территории Румынии в VI в., что и определяло миграцию некоторой части славян, при том не только в VI в. и не только на Нижнем Дунае³⁴. Эта характеристика относится к господствующим слоям, а не к земледельческому населению³⁵. Следует иметь в виду, что областью, раньше всего заселенной моравянами, было среднее и нижнее течение бассейна реки Моравы и Вага. Северная Моравия сохраняла преобладание следов славянской миграции с северо-востока, бассейн Дыи длительное время сохранял элементы связей с бывшей римской провинцией на Дунае (Норик), а на стыке этих областей, при впадении Свратки и Сви-

³¹ Točík A. Slovania na strednom Dunaji v 5.—8. stor. In: O počiatkoch slovenských dejín. Bratislava, 1965, 22 n, 25 n, 32 n.

³² Pauliny E. Nárečové členenie slovenčiny v 9.—11. stor. In: O počiatkoch..., s. 254.

³³ В новом свете могли бы предстать рассуждения Г. Вернадского об албанских именах Моймировичей: Great Moravia and White Chorvatia.— «Journal of American Oriental Society», 1945, 65, с. 257—259. Заслуживает внимания также и утверждение о том, что жители городища у Микульчиц, по-видимому, и некоторых других, были, согласно новым антропологическим исследованиям, проведенным М. Слоукалом, несколько иного типа, чем жители окрестных славянских поселений.

³⁴ Havlik L. E. Slovanska «barbarská kráľovstvi» 6. stololetí na území Rumunska.— «Slovanský přehled», 1974, s. 177—188.

³⁵ Klanica Z. Velkomoravské řemeslo. Liberec, 1972, s. 21.

тавы, образовалась особая область ³⁶. В IX в. на всей этой территории распространилась материальная культура мораван, включая области так называемой кестхельской культуры, охватывающей полосу на северном берегу Дуная шириной в несколько десятков километров и датированной VIII в. ³⁷

Сложность проблематики ранней истории мораван заставляет нас обратиться также и к письменным источникам. Если не считать сообщения о германских королевствах квадов (одно в бассейне среднего и нижнего течения Моравы, другое в бассейне Нитры), соседствовавших на юго-востоке с сарматами, и о государствах ругиев, герулов и лангобардов, то первым письменным сообщением о славянском населении бассейнов Моравы, Вага и Нитры можно считать сообщение Прокопия, согласно которому где-то в конце V или в начале VI столетия часть герулов возвращалась (после поражения от лангобардов) на север через земли славянского этноса. Другое сообщение находим у того же автора. После отхода лангобардов из древней Моравии в Паннонию (в 526—546 гг.) претендент на лангобардский престол Ильдигес искал поддержку и помощь у славян и получил от них войско в количестве 6 тыс. человек. Вероятно, речь шла о славянах, живших в прошлом по соседству с лангобардами. Это сообщение само по себе свидетельствует об относительно организованной центральной власти и государственной организации, способной предоставить такую помощь. Не исключено, что здесь обнаруживаются следы существования какого-то «варварского королевства» славян, аналогичного уже упомянутым образованиям на нижнем Дунае.

Наряду с названием *Σκλαβηνοί* определявшим славянский этнос на север от среднего Дуная (на север от Норика и Паннонии), появляется также определение *Veneti, Venedi, Winedi*. В то время, как Павел Диакон употреблял лишь термин *Scavi*, у Псевдо-Фредегара, в сообщениях которого упоминается и среднее Подунавье, мы находим оба названия. Он пишет о славянах, называемых «виниды» (*Scavi coinomento Winedi*) и считает их частью более широкого понятия «славяне».

Согласно данным Псевдо-Фредегара, *Scavi* на среднем Дунае воевали с аварами, авары приходили на зиму к славянам, которые им платили дань и восставали против них. Венедами «Хроника» Псевдо-Фредегара называет тех, которые выступали вместе с аварами и воевали в двух соединениях (*befulci*) ³⁸. Согласно дальнейшим сообщениям, это были собственно, сыновья аваров и их сла-

³⁶ О проблематике преемственности более позднего административно-политического деления (княжество, край) с этнографическими областями см.: *Havlik L. E. Gens Maravorum...* s. 121—128.

³⁷ *Poulík J. Jižní Morava — země dávných Slovanů. Brno, 1950, s. 61—72.*

³⁸ Толкование термина *befulci* дает сама хроника Псевдо-Фредегара (*Chronice IV, c. 48*), а в другой хронике (*Chronice Paschale, от 626 г.*), где говорится о двух соединениях, т. е. тяжеловооруженных и легковооруженных славянах.

вянских жён, которые, наконец, подняли восстание против самих авар. К венедам, в период их борьбы с аварами, пришел Само и стал их королем, а постепенно и правителем окрестных славян — *Rex Slavinorum*. Насколько отвечает действительности такое разделение Псевдо-Фредегара, установить невозможно. Остается неясным, почему он использовал название *Vinedi* для восставших аваро-славян, т. е. этнически смешанного слоя с чертами чисто аварской материальной культуры, но говоривших на славянском языке и перенивших отчасти и славянскую духовную культуру и политически уже отделенных от чистокровных авар. Возможно, что именно с этими венедами связана полоса погребений и находок на северном берегу Дуная, ошибочно иногда связываемых с аварской экспансией ³⁹.

В связи с вопросом о венедах и государстве Само следует обратить внимание на то, что термин «венеда» появляется также в восточной альпийской области Каринтии и даже в Восточной марке и, наконец, в единичных случаях им определяются мораване ⁴⁰. В других, более поздних источниках термин *Vinedes* и *Slavi* в отношении славян употребляется довольно часто.

Таким образом, проблема генезиса мораван по мере ее исследования становится все более сложной и трудно отказаться от мысли, что и здесь в известной степени правомерно то, что высказал когда-то Иордан о возникновении виндивариев (*ex diversis nationibus acsi in unum asyllum collecti sunt et gentem fecisse nascuntur*, — *Getica* XVII, 96).

Следует обратить внимание также на роль этнической группы, составляющей господствующий слой в среде земледельческого населения, с которым в течение VI—VIII столетия этот слой образовал в рамках создавшегося государственного объединения общую феодальную народность. Следует указать, что с IX в. в рамках моравского государства выступала этническая общность мораван со всеми атрибутами народности, с сознанием своего отличия в отношении внешнего окружения и характерными чертами духовной и материальной культуры, воспринимаемая и внешним миром как народность. Сознание принадлежности к моравской народности существовало на территории современной Моравии, северной части Нижней Австрии и западной Словакии. Наречия древней Моравии на этой территории составляли одну группу, которая распространялась на востоке вплоть до горного пояса на

³⁹ См.: *Tošik A. Slovenia...*, s. 27 n; *Cilinská Z. Sociálno-ekonomická problematika vo svetle pohrebisk juhozápadného Slovenska zo 7—8 stor. In: O počiatkoch...*, s. 36—53; см. также: *Poulik J. Jižní Morava...*, s. 62—72.

⁴⁰ *Annales Bertini. O vostočnej marke i Panionii; Havlik L. E. Slované ve Východní marce v 6—11. století. — «Slavia Antiqua», 1964, 11, s. 1—36; idem. Panonie ve svetle franských pramenů 9. století. — «Slavia Antiqua», 1971, 17, 1—36; o karantanii см.: *Gradivo za zgodovinu Slovencev v ednjem veku I, II. Ljubljana, 1902, 1906.**

левом берегу Вага ⁴¹. Так было вплоть до половины XI в. В начале XII в. восточной моравской границей стал Ваг, а затем в начале XIII в. граница была отодвинута к Белым Карпатам. На юге в IX в. границей были так называемый Ваграм и река Дунай, еще в 1012 г. моравская граница упоминалась у Штокравы, а до 1040 г. ею были *silve Mor(avi)ae*, т. е. Лысые холмы. Современные границы Моравии образовались только в середине XI в. На севере границей Моравии были *Saltus Marahorum* (горный массив Есеники) и область Голасице, на западе — лесные массивы Чешско-Моравской возвышенности шириной около ста километров. Моравия в этих пределах занимала территорию около 42 тыс. км² и насчитывала от 300 до 500 000 жителей.

Тем не менее остается открытым вопрос о том, распространялось ли сознание принадлежности к моравской народности уже в начале IX в. и на территории к востоку от Грона и Ипеля или его распространение произошло в связи с установлением господства мораван, как этот вопрос часто толкуется ⁴². Но установление моравского господства могло произойти раньше, чем был изгнан Прибина, ибо, как свидетельствует титул Прибины (*tilius ex alia coniuge*), он был собственно побочный сын князя Моймира и соответственно моравский удельный князь ⁴³. В то же время следует подчеркнуть, что в языковом отношении область Нитры несколько отличалась от территорий на западе ⁴⁴, что было, очевидно, связано с историко-этническим развитием этих частей древне-моравского государства, различным в бассейне Вага и Моравы. Названия поселений типа Моравце (современное Злате Костолне у Пьейтян, Марот у Эстергома, Моравно у Приевидзы) также свидетельствуют о расширении моравского сознания вместе с государственной властью. Тем не менее остается фактом, что в IX в. и отчасти еще и в X территория бассейна Нитры, Грона и Ипеля определялась внешним миром как область, заселенная моравским этносом. Не без основания говорят источники о *regna Marahorum* (Regino ad 860, 870) или используют обозначение двойственного числа — «вѣшньи Моравѣ» (Проложное житие Константина и Мефодия) или множественного числа — «вѣшньи Моравы, страны Моравьскыѣ» (Проложное житие Константина и Мефодия, житие Мефодия, XII), а еще позже обозначение *Mesie occidentales* (Hist. epp. Patav.) и, наконец, область Нитры еще и в XVI в. в некоторых источниках называется как Нижняя Морава — *Nieder Merhern* (W. Lazius). В противоположность этому Мой-

⁴¹ *Krajčovič R. Problem vzniku slovenskej národnosti z jazykového hľadiska.* — «Historický časopis», 1957, s. 491; *Pauliny E. Narečové členenie*, s. 254—256.

⁴² *Dekan J. Velka Morava...*, s. 184.

⁴³ Об этом см. также: *Sieklicki J. Quidam Priwina.* — «Slavia Occident», 1962, 22, s. 115—145.

⁴⁴ *Pauliny E. Narečové členenie*, s. 254.

мир I именовался как правитель *Maravorum supra Danubium* (*Conversio Bagor. et Carant.*, с. 10), т. е. территории выше по Дунаю. Интересен тот факт, что на южном берегу Дуная Верхней и Нижней Моравии отвечало название *Pannonia Superior* (между Венским лесом и рекой Раба) и *Pannonia Inferior*. Но в IX в., очевидно, обе эти Моравии обозначались как Верхние, вероятно, в отличие от тогдашней Нижней Моравии, расположенной на Балканах. Название Нитранская территория, по названию центра — Нитры, впервые появляется в первую половину XI в. (*Vita Zoerardi*, после 1046 г.): *Nitriense territorium*, а затем в 1111 г.: *totus Nitriae*, хотя как *ducatus* (*Chron. Poson.* с. 53) существовало оно уже в XI в.⁴⁵ и как удельное княжество — в IX в.

На территории, расположенной между Чешско-Моравской возвышенностью, горным массивом Есеники и среднесловацкими горами (Татры, Словацкие Крушногоры) и, возможно, горным массивом Матра в начале IX в. образовалось Моравское государство, которое при Ростиславе (846—870) расширило свою территорию до северо-восточной Паннонии, а на востоке до реки Тиса. К этой территории присоединен был ряд окрестных земель, в результате чего при князе Святополке I (871—894) возникает государство, именуемое Великоморавской державой или Великой Моравией⁴⁶, как назвал это образование Константин Порфирогенет. Способ зависимости отдельных покоренных земель от ядра Моравского государства был различен, отчасти его характеризует и форма дани. Очень скоро господство моравян распространилось и на области по реке Одре (*Chron. Воем.* 1,14) и до территории вислян, которые селились на важном пути, ведущем к Киеву и далее к Черноморью. С помощью Мефодия Святополк силой принудил вислян принять христианство и подчиниться его власти (*Житие Мефодия*, XI; *Petice bavorského episkopatu*, 900). В покоренной земле были размещены моравские гарнизоны, установлено моравское управление со сбором дани. Таким образом, Вислянская область начала включаться в систему Моравского государства. Это же можно сказать о территории в бассейне нижнего Криша (*Criso* — венг. *Körös*), где сохранилась традиция моравского господства и военных дружин, которые туда пришли после отражения болгарского нападения на Моравию в 881 г.: говорится о правлении князя Мората (древнемадярское обозначение моравян) и Мену-Мората (*Gesta Hung.* с. 11, 19—22, 28, 50—52). Так же, по свидетельству Константина Порфирогенета, мадьяры

⁴⁵ *Ratkoš P.* Podmanenie Slovenska Madármi. In: *O počiatkoch...*, s. 154—155, 160.

⁴⁶ См.: *Havlik L. E.* O politických osudech a zahraničních vztazích státu a říše Moravanů. In: *O počiatkoch...*, s. 121—122. *idem.* Územní rozsah Velkomoravské říše v době posledních let vlády krále Svatopluka. — «Slovanské štúdie», 1960, III, s. 1—80; *idem.* První slovanské státy. — «Slovanské historické studie», 1974, X, s. 30—32.

расселились на территории Великой Моравии, которая ограничена бассейнами рек Муреша, Тугу, Криша и Тисы (*De administrando imperio* с. 40, 42)⁴⁷. Власть Святополка в 864—894 гг. распространялась на значительную часть Паннонии вплоть до реки Дравы (*Annales Fuldenses* от 884, 892 гг.), где также сохранилась традиция, связанная с его именем или именем Морота (*Simon de Kezai, Gesta Hungarorum*, II, с. 23, 26). Напротив, область, названная «въ Хърватѣхъ» (I старославянская легенда о князе Вацлаве), т. е. восточная Богемия, которой владели князья из Злич (Старая Коуржим) была связана с моравским государством скорее налогообложением и вассальными союзами. То же, наверно, можно сказать и о пражском князе Борживое «въ Чесѣхъ», который находился в суверенной зависимости от «своего короля» Святополка (*Annales Fuldenses* ad 805; *Regino* ad 890; *Vita sancti Wenceslai*, с. 2; *Diffundente Sole*, с. 5—7; *Chronice Boemi* I. 10, 14), хотя поселения с названием «Мораваны» и т. д. могут свидетельствовать и о моравских гарнизонах. Конечно, сербы, живущие по реке Заале, платили моравскому государству лишь налог и то, пожалуй, через чешского князя (*Thietmari Merseburgi Chron.* VI, 99).

Из этого краткого очерка становится очевидным, что в последней трети IX в. стали уже возникать условия распространения сознания принадлежности к моравской народности и за пределами области первоначального государства моравян. Это происходило на основе включения некоторых соседних земель в систему Моравского государства. Нет сомнения, что государственность, как социально-политическая организация, была важным фактором формирования народности, а политическая централизация очень сильно влияла на развитие культуры, языка, психологического склада жителей всех земель, включенных в Моравское государство. Налоговая, судебная функция власти правителя, а также функция защиты и обеспечения гегемонии господствующего класса вызывала, без сомнения, чувства совместной принадлежности, наиболее выразительно проявляющиеся в привилегированных слоях, взаимосвязанных классовым положением и сознанием. Однако, с другой стороны, проникновение моравской государственной системы в глубь на подчиненных территориях было довольно слабым и ограниченным, а их этнополитическое и общественное развитие вызывало в местных высших кругах, до тех пор, пока они не были устранены насильственным путем, тенденции к дезинтеграции или к тому, чтобы вновь обрести самостоятельность; доказательством этого является разрыв чешских князей с Моравией в 895 г. (*Annales Fuldensis* ad. 895).

Если уж мы коснулись вопроса привилегированных слоев моравского общества, то следует обратить внимание на социальную

⁴⁷ *Ratkoš P.* Die grossmährischen Slawen und die Altmagyaren. In: *Das Grossmährische Reich*, S. 227—254.

структуру моравской народности. В источниках раннего средневековья находим для обозначения этноса специфические термины *natio*, *gens*, *populus*. Согласно Исидору из Севильи, *gens est multitudo ab uno principio orta sive ab alia natione secundum propriam collectionem distincta* или, как указывается в другом месте: *gens autem appellatio propter generationem familiarum, id est a gignendo, sicut natio a nascendo* (Etymologiarum I. IX, с. II, I, с. 328).

Соотношение между более широким, более общим термином *natio* и более точно дифференцированным *gens* выразил метко Йордан: *Vi(n)divarii ex diversis nationibus... gentem fecisse nascuntur* (Chron. IV, с. 58). В то же время термином *populus* обозначался весь *civitas*. *Populus autem eo distat a plebibus, quod populum universi cives sunt connumeratis senioribus civitatis* (Etymologiarum I. XI., с. VI, 6, 5, с. 349). Термин *Populus*, очевидно, относился к членам политической организации, например. *Sanio et populus regni sui* (Pseudo-Fredegarii Chron. IV, с. 68). Четко различал термины *natio* и *populus* Регино из Прюма: *diversae nationes populorum inter se discrepant genere, moribus, linguae, legibus* (Liberi de eccles. causis II). В средние века термин *populus* использовался для определения высших и привилегированных слоев, представителей государственного аппарата. Иначе говоря, если *natio* имела свой *populus*, то она была также *gens*, что в политическом отношении представляло *regnum*. Сравни: *regnum Margorum... eiusdem gentis Sclavum* (Ann. Xanten. ad. 842).

Оба термина *gens* и *populus* встречаем в источниках и в связи с упоминанием моравян, например, *Moravorum gens*, *Marahensium gens* (Ann. Fuld. ad. 884, 898), *Maraensium gens* (Майнцский синод, 852). Термин *populus* встречается в папских грамотах к Святополку: *totius populus tuus* (т. е. *Stentopulchi*) — *cum nobilibus viris fidelibus tuis et omni populo terrae tuae* (Privilegium Industriae tuae 880) — *cum primatibus ac religio terrae* (т. е. *Maraviae*) *populo* (Quia te zelo fidei 885). Если сравним эту терминологию с данными местных моравских источников, то в них находим вместе термина *natio* и *gens* определение народъ и языкъ. Первый большей частью употреблялся для определения понятия «народ». «жители»: въ плѣнь народомъ поганьскымъ (Киевские листы. ф. 4в), «словѣньскъ народъ вѣсь» (Прогласъ), «людии же бещисльнь народъ» (Житие Мефодия XVII). Другой термин выражал, в сущности, то же, что и в латыни *gens*, языкъ, «власть надъ всѣми языки» (Житие Константина XI), «въ языки, въ фоульскъ языкъ» (Житие Константина XII) «да ивы причетесе въ лицѣхъ языкѣхъ» (Житие Константина XVI); Как исключеше в этом значении употребляли и термин «родъ», например для обозначения народности армян, грузин, сирийцев, хазар и т. д. (Житие Константина XVI): «каждый родъ имел свой языкъ» (в значении язык). Дифференцированное значение и сравнении с термином

«Азыкъ» (народность) имело определение «плема», «племена», означающее родственный коллектив или группу в более узком (например, племя) или широком смысле (словѣньско плема, Азбуч. мол. 12), сравни далее: «всѣа племена и всѣа Аззыкы», «всѣмъ Азыкомъ и племеномъ» (Житие Константина XII, XVI). Из дальнейшего сравнения следует, что вместо термина *populus* в местных источниках появляется определение «вси Морав(л)ѣне», «люде Моравышти», а также «вси люде странъ Моравскихъ» или просто «люде наши» (Житие Константина XIV: в рукописи 21 вместо мораван приводится «сѣ болѣры») (Житие Мефодия X, XII; Похвальное слово Кириллу и Мефодию). Согласно латинской терминологии, различались вельможи (*nobiles viri, primates, optimates*) и *populus*. Это же мы наблюдаем и в древнеславянской терминологии, где на одной строке были «вельмѣжи», «добророднии», «чѣстьи ни», «чѣстви мѣжи», на другой стороне «люде Моравышти». Из текстов, однако, следует, что вельмож, безусловно, считали и определяли как «Морав(л)ѣне». В рамки народности входила, конечно, также самая многочисленная прослойка населения древней Моравии, в экономическом и политическом отношении свободные (свободнии, *liberi*), но в правовом зависимые от правителя люди, которые в латинских источниках определялись как *simplex populus*, а в моравских «прости люде», которые четко отличались от привилегированных *populus*. В рамки термина *gens*, очевидно, нужно включать и возникшие позже группы зависимых (*servi*), однако рабы (раби, *mancipia*) в число представителей народности уже не включались, хотя они участвовали в экономическом развитии⁴⁸.

Очень уместно в этой связи упомянуть о проблематике языка мораван, как славянской народности. Следует указать на тот факт, что источники вследствие близости языков определяют большую часть жителей Центральной и Юго-Восточной Европы в целом как славян. Потому было бы ошибкой искать в таких определениях название определенного этноса⁴⁹. Основой взаимной дифференциации и различий отдельных славянских народностей была, главным образом, политическая и государственная организация. Это названия типа *Abodriti, Surbi-Sorabi, Croati, Wilzi, Carantani, Carniolenses, Pannonienses, Wislane*, мазовшане, Сѣверъ, Полѣне, Морав(л)ѣне, так и *Sclavi Carantani, Sclavi Boemi, Sclavi Marahenses*, где, с одной стороны, после постепенного исчезновения старого географического понятия во второй части названия, а с другой — после исчезновения определения, которое относило их вообще к славянам и стало со временем лиш-

⁴⁸ О социально-политическом делении моравского общества см.: Гавлик Л. Е. Ранняя стадия развития феодализма в Моравии. — «Советское славяноведение», 1974, № 1; *idem*. *Morava v. 9—10 století*, s. 40—97.

⁴⁹ О славянской народности см.: *Dekan J. Velka Morava*, s. 184.

ним, осталось только государственно-политическое и этническое определение Carantani, Boemi, Marahenses. Однако этнические группы, которые в ходе исторического развития попали в состав чужого, неславянского государственного образования и сохранили сознание славянского языка и культуры, определялись на основании этого языка как *Scavi*. Так как они не имели возможности развиваться в собственном государственном организме, то это происходило в рамках неславянского образования, с этносом которого у них устанавливались политические, культурные и этнические связи. Славянский язык, культура и традиции, собственные или приобретенные, способствовали преобразованию их в новые средневековые народности и современные нации, какими являются, например, словаки или словенцы. Со вторыми в средневековых источниках мы встречаемся под именем *Scavi*, *Vinidi*, с первым под названием *Scavi Nytrienses* или просто *Scavi* (*Ann. Gesta Hung.*, с. 35, 37). Названия типа *Slavi et Bulgari*, *Slavi et Blasii*, *Slavi et Boemi*, *Slavi et Pannonii* (*Gesta Hung.*, с. 11, 25, 35—7, 50) говорили о том, что речь шла о славянах из Болгарии (болгары), из Семиграда, Чехии или Паннонии. Об этом свидетельствует, например, уточнение в отношении болгар самого источника: *Scavi qui et Bulgari* или *Scavi de terra Bulgaria*, а в области Нитры, например, различие *Boemi et Nytrienses Scavi* (*Gesta Hung.*, с. 12, 37). Последнее определение по-видимому, связано с походами Бржетислава в Венгрию в 1030—1042 гг., 1051—1052⁵⁰, а термин *Nytrienses* здесь означает название ядра возникающей словацкой народности⁵¹.

Целому ряду письменных источников мораване известны в IX в. и в последующие столетия как единое целое, отличное от соседей (чехов и хорватов в Чехии, висян и поляков, болгар, авар, каринтицев, бавар и славян Восточной марки), причем именно в связи с их государственной организацией, своеобразием культуры и языка. Средневековью известны не только государства, территория которых совпадает с территорией распространения одного языка, но и такие случаи, когда одна группа близких

⁵⁰ *Havlik L. E. Moravské a české tradice v uherských kronikách. — «Slovanský přehled», 1969, s. 337—343.*

⁵¹ Позже в рамках венгерского королевства и венгерского государства преобладало именно определение — *Scavi*, благодаря которому жители области Нитры (а также и других славянских областей Венгрии) отличались от господствующего этноса Венгрии — мадьяр. Однако, на наш взгляд, было бы неправильным смешивать широкое языковое определение с политическим и переносить более позднее понятие на отдаленное прошлое, тем более на довеликоморавский период. С XI в. начинается развитие словацкой народности (*Ratkoš P. Otázky vývoja...*, с. 30), которое в период формирования словацкой нации исходило из традиций моравской государственности, народности, культуры и языка, которые словацкое возрождение унаследовало в новой функции (напр., фигура Святополка), и включило в свою национальную культуру (*Velká Morava a naša doba*, Bratislava, 1963, с. 58—161; см. статьи Я. Тибенского, К. Розенбаума и Й. Бутвина).

родственных языков (внешне выступающая как один внутренне дифференцированный по государствам язык) перекрывала несколько государств. С другой стороны, и внутри одного государственного целого могли жить несколько этнических групп с различными языками. Литературный язык в Моравии, древнеславянский, был одновременно литературным языком Македонии, Болгарии, Хорватии, Сербии, на Руси и всюду в него проникали языки местной государственной и культурной среды (koine), которые формировали этот язык и вместе с тем внутренне дифференцировали. В результате старославянский язык распадается на несколько славянских языков: языкъ болгарский, русскыи, моравскыи или *udiotia moravica*. Язык моравян они сами называли как «нашь» язык, а за границей его определяли как «вашъ» язык. Язык моравян в рамках древнеславянского языка характеризуется рядом фонетических, лексических и синтаксических моравизмов⁵². Некоторые из этих признаков имеют более общий западнославянский характер, другие являются специфически моравскими, т. е. появляются только на территории, занимаемой моравской народностью и в сфере ее влияния. К первым относится, например, использование *š* вместо *s* (доушѣ, вьшь), *Kv, gv* вместо *cv, dzv* (къвьѣть, гвѣзда), *dl* вместо *l* (вѣдл). Эпентетическое *l* в Моравии исчезает (земл), а окончание творительного падежа вместо —омъ звучало —ъмь (градъмь, рабъмь). К специфическим моравским языковым чертам относится произношение глаголической графемы называемой —ягь. Существуют мнения, с одной стороны, что в Моравии различались фонемы *ѣ* и *я*, с другой, что они сливались в *ä* или *jä*. В пользу последнего могло бы свидетельствовать то, что моравская глаголица, возникновение которой, на наш взгляд, не следует связывать только с Македонией, а, напротив, надо принимать во внимание связи с Моравией и другими районами, имеет для *ѣ* и *я* лишь один знак, в то время как македонско-болгарская кириллица — два знака. Характерной чертой древней Моравии было также использование «с» вместо *št, šč* (помощь), вместо *žd* появляется *ž* (дазь). Существует, однако, мнение, что в бассейне Моравы и в области Нитры произносились звуки *dž* (меза)⁵³, хотя речь шла, скорее о явлении вторичном⁵⁴, но типичном для Моравии⁵⁵. Моравизмом является также *šč* вместо раннего *štj/št* (очищение, защиты), использование суффикса —ьствиє (чоувьствиє вместо чоувьство), префикса *vy* — вместо *iz* (выгънати, вырижѣти, выворѣшти), далее постепенное измене-

⁵² С исторической точки зрения чехизмы представляют собой элементы, которые проникали в старославянскую письменность из собственно чешского окружения, языковые элементы в старославянском языке древней Моравии с точки зрения истории нельзя определять иначе, как моравизмы.

⁵³ *Pauliny E. Närečové členenie...*, s. 254.

⁵⁴ *Kulbakin St. Mluvnice jazyka staroslovenského*. Praha, 1948, s. 78.

⁵⁵ *Krajčovič R. Problem vzniku slovenskej národnosti*, s. 491.

ние носовых звуков *ѣ* в *у* и *ју*; *а* в *ѧ*, *ја*, инфинитива — *ти* в *тъ*. В морфологии для моравского языка характерна форма родительного падежа единственного числа местоимения I лица *мѣне* (вместо мене) и уже упомянутая форма творительного падежа единственного числа — *тъмь* (образъмь), формы родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода на *-аго* и дательного падежа мужского и среднего рода на *-омоу* (блаженаго, блаженому) и т. д. Наконец, необходимо упомянуть о целом ряде специфически моравских лексических примерах (*рѣспота*, *ашоуть*, *рачить*, *цѣста*, *вашинецъ*, *листь*, *неприѣзнь*, *истипа*, *парокъ*, *жоунапъ*, *къметъ*, *къраль*, *животъ* и др., затем и, вероятно, — *братръ*, *вратъникъ*, *балиц*, *болѣзнь*, *брань*, *жалъ*, *ископи*, *пнокость*, *отъплатигъ*, *скврньность*), а также заимствованных из латинского языка и из верхненемецкого (*поганъ*, *поганьскъ*, *олътарь*, *оцетъ*, *пошъ*, *мыша*, *крижъ*, *крижмо*, *къмотра*, *папежъ*, *постъ*, *апостолникъ*, *комъкать*, *оплатъ* и т. д.), которые отличают древнеморавский язык от старочешского и других славянских языков своего времени, как это видно, например, из материалов Киевских листков, Синайской псалтыри, Клоцовых глаголических листков, Закона судном людям и других памятников ⁵⁶.

Из этого следует, что в Моравской области и сфере ее влияния в IX в. существовал как местный язык, отличающийся от соседних областей — чешской, польской, словенской, так и язык литературный, имеющий специфические моравские черты (иначе моравской редакции старославянского языка). Сознание наличия собственного литургическо-литературного языка, который у моравян был выработан при содействии императора Михаила III и папы Адриана II и Иоанна VIII ⁵⁷ в соединении с теолого-философской, правовой и агрографической литературой, которая в Моравии появилась в переводах и оригинальных произведениях и определяла уровень моравской культурной среды ⁵⁸, несомненно, способствовало усилению и дальнейшему формированию моравской народности. Так называемые Фрейзингенские отрывки, сохранившиеся в копиях в словенской среде на рубеже X—XI вв. и написанные латинским шрифтом, относятся, вероятно, уже к

⁵⁶ См.: *Horálek K. Úvod do studia slovanských jazyků*. Praha, 1955, *Kurz J. Učebnice jazyka staroslověnského*. Praha, 1939; *Магеш В.* Древнеславянский литературный язык в Великоморавском государстве. — «Вопросы языкознания», 1961, 1, с. 12—23; *Večerka R. Slovanské počátky české knižní vzdělanosti*. Praha, 1963, s. 67—86; *Байзр Я.* Старославянский язык и язык жителей Великой Моравии. In: *Magna Moravia*, Praha, 1965, s. 169—492. Согласно работе Е. Паулини («Nářečové členění», s. 254—255), моравский язык отличался от языка чешской области двумя знаками (чередующимися *dz* и исчезновением депалатализации: *meso-mīnso-manso-maso*) и двумя от интракской области, где *jъ* изменялось в *і* (*jъgъla/igъla*) и где *lъ* и *rъ* менялись на слоговые гласные (*krъvъ > krvъ*).

⁵⁷ ММФН, III. Ер., с. 22 (863), 39 (869), 90 (880).

⁵⁸ *Večerka R. Slovanské počátky*, s. 9—45; *Vašica J. Literární památky epochy velkomoravské*. Praha, 1966, s. 9—98.

рубежу VIII и IX вв.⁵⁹ Речь скорее идет о переводах с латыни, чем с верхнемецкого. Древнего происхождения также текст молитвы «Отче наш», тоже перевод с латыни, в то время как другой текст был переведен только византийской миссией, с которой вообще связан расцвет литературной деятельности в Моравии. С деятельностью Константина и Мефодия связан перевод библии, законченный в 882/883 гг., части которой сохранились в различных копиях. Например, Евангелие — в Зографском, Марианском, Ассеманевом списках, в Саввиной книге и других рукописях (Остромирово евангелие, в евангелии Добрейши, Никольское евангелие), Деяния апостолов сохранил «Охридский апостол», апостол — апракос Шишатовецкий, Апокалипсис — в Хваловой рукописи, псалтырь сохранилась в Синайском списке, в Псалтыри Бдинского сборника, Чудовской псалтыри, а остальные тексты библии и Паремейнике Григоровича или Захарьевом паремейнике. Литургические тексты были переведены с греческого и с латыни. В первую очередь сюда относится грегорианский служебник, частично сохранившийся в так называемых Киевских листках, сохранившаяся копия которых (Библиотека АН УССР) исходит из моравской среды на рубеже IX—X вв.⁶⁰ Сюда же относится Синайский служебник и Синайский евхологион, содержащий главным образом, моравский пенитенциал «Заповѣди сватыхъ отьць»⁶¹. Фрагменты моравского перевода латинского служебника содержат также Венские глаголические отрывки и ватиканский требник *Miss. 4* (Канон требника, церковный устав). С Моравией связано также возникновение литургических песнопений, так называемых канонов, как, например, «Канонъ въ память сватаѣго Димитрия», а также, возможно, и «Служба Мефодию», автором которой был Константин Пресвитер, написавший ее в 885—893 гг. Из среды моравской духовной эмиграции вышли и такие произведения, как «Служба Кириллу» и «Служба Кириллу и Мефодию». В Моравии возникли также «Поучение Мефодия» (оно содержится в так называемых Клоцовских глаголических листках), предназначенное правителям и князьям⁶², и трактат «Написаниє о правѣ и вѣрѣ», автором которой был Константин. Перу Климента принадлежат также «Похвала Кириллу», и, очевидно, возникшее еще в Моравии «Похвальное слово Кириллу и Мефодию», автором которого был, по-видимому, моравин⁶³. С расцветом литературного творчества на местном языке связана также молитва «Господи, помилуй ны», которая возникла в результате перевода греческого *Kyrie ēlaison*. Большую работу Ме-

⁵⁹ *Isačenko A. V. Začiatky vzdelanosti vo Velkomoravskej ríši. Martin 1948.*

⁶⁰ *Kurz J. Texty ke studiu jazyka a písennictví staroslověnského. Praha, 1949, s. 114—138.*

⁶¹ MMFH, IV, 137—146.

⁶² MMFH, II, 322. IV, 199—204.

⁶³ MMFH, II, 167—176.

фодия представляет перевод Номоканона (Synagoge из 50 титулов Иоанна Схоластика). сохранившийся в рукописи под названием «Устюжская кормчая» и др. К началу деятельности византийской миссии относится «Законь соудный людѣмъ», перевод постановлений византийской Эклоги, отредактированной для нужд Моравии и дополненный несколькими статьями моравского происхождения⁶⁴. Значительную часть моравской литературной продукции представляют агиографическо-исторические произведения. К ним относятся прежде всего обе моравские легенды «Житиѣ Константина Философа и Житиѣ Мефодия, архиепискоупа Моравьска», сохранившиеся в множестве рукописей, особенно в русской среде. К ним нужно причислить следующие произведения, которые возникли в Моравии: «Проложное Житие Константина и Мефодия»⁶⁵ и «Слово на прѣнесение моштѣмъ преславнаго Климента», автором которого был сам Константин Философ. Обоснованным является и предположение, что в Моравии существовали хронографические записи и появились документы, названные позднее «Moravská Kronika» или «Моравская история славян», включая апологетические сочинения «О преложении книг на словенский язык». Эти памятники попали на Русь, а отрывки из них и переработки попали в «Повесть временных лет»⁶⁶. Следы этих произведений мы также находим в некоторых латинских легендах. С Моравией связано, очевидно, также и возникновение стихотворных произведений, таких как «Прогласъ» и «Азбоучнаѣ молитва», а также т. н. «Отъцьскѣ кѣнигы»⁶⁷.

В целом мораване значительно отличались от остальных народностей Европы своей письменностью, называемой сегодня глаголицей, которой в IX в. в Моравии писали наряду с латинским письмом. Большинство литературных произведений отличалось как индивидуальностью в системе письма, так и способом написания — подвешиванием букв на верхнюю линию. Хотя ее составителем, согласно агиографическим данным, считается Константин⁶⁸, но по сути дела, учитывая возникновение кириллицы, вопрос о происхождении глаголицы не решен. Указывается на связи с письменностью самаритянской, сирийской и аксумской и в последнее время с необъясненными до сих пор знаками северного

⁶⁴ MMFH, IV, 147—198, 205—363. В Моравию было принесено из Рима Мефодием также собрание канонів так называемых Dionysio-Hadriana, адауста, которые содержат несколько глосс на славянском языке, автором их считают Мефодия (MMFH, IV, 113).

⁶⁵ MMFH, II, 164—6.

⁶⁶ Havlik L. E. Ruská Povest vremennych let a tzv. Moravskaja istorija slavian. — «Slovanský přehled», 1972, s. 282—292.

⁶⁷ Veřerka R. Slovanské počátky, s. 32—44; Vařica J. Literární památky 22—97.

⁶⁸ См. по этой проблематике: Георгиев Е. Кирил и Методий, основоположники на славянските литератури. София, 1956, стр. 110—128; Кирил и Методий — истината за создателите на българската и славянска писменост. София, 1969, с. 153—197.

Причерноморья I—IX вв.⁶⁹, на составление письменности в Моравии, как указывает на основе моравского варианта «Повесть»: «Сима же приподышѣ ма, начаста съставлявати письмена азбукына словѣньски».

Важным фактором, укрепившим сознание принадлежности к этой народности, было также существование моравской церкви, которая возникла в 869—873 гг., а в 880 г. получила папскую привилегию⁷⁰. Этому способствовало также существование особой моравской литургии, имевшей, как считают некоторые исследователи, весьма специфический характер, как, например, армянская, галиканская, амброзианская и др.⁷¹ С расширением влияния моравского государства расширялось и влияние церкви, а моравскому архиепископству подчинялось не только епископство в Нитре, но еще не менее двух (более поздние источники говорят в целом о семи епископствах); очевидно, в Вислянской области, в Поодрье, в Потисье, в Чехии и т. д. Моравская церковь способствовала распространению моравского языка, письменности и культуры в областях, включенных в состав Моравского государства и вступивших в процесс этнической интеграции под гегемонией мораван. Наряду с письменностью на родном языке в господствующих слоях существовала также литература на латинском языке. Дипломатические связи Моравии и корреспонденция с другими странами также велись на латинском языке, за исключением отношений с Византией, где использовался греческий язык. Несмотря на то, что приоритет латыни весьма отчетливо проявился в связи с универсалистской проримской ориентацией последних моравских правителей, особенно после изгнания учеников Мефодия, все же можно предполагать ограниченное существование в Моравии и славянской письменности и литургии, хотя они стояли на втором месте. Такое положение сохранялось, по-видимому, и после восстановления моравского архиепископства и трех других епископств, которые, по свидетельству источников, существовали вплоть до 910 г.

Сильное воздействие на укрепление сознания моравской народности на территории собственно Моравского государства оказывали чувства антагонизма по отношению к внешней среде, вызванные необходимостью вести оборонительную борьбу с баварцами, франками, саксонцами и тюрингцами, и с набегами остальных славянских и иных народностей, какими были хорваты, чехи, сербы, висляне, славяне в Поодрье и в Потисье, болгары, хазары, венг-

⁶⁹ Константинов И. А. Черноморские неразгаданные знаки и глаголица. — «Ученые записки Ленинградского государственного университета», № 197. Серия филологических наук, 1957, вып. 23, с. 110—146.

⁷⁰ ММФН, III, Ep., с. 90.

⁷¹ Pokorný L. Liturgie píše slovansky. In: Soluňští bratři. Praha, 1962, s. 160—193. *idem*. Die slawische cyrillo-methodianische Liturgie. In: Sancti Cyrillus et Methodius. Praha 1963, s. 118—126; см. также: Tkadlčík V. Byzantinischer und römischer Ritus in der slawischen Liturgie. — In: Wegzeichen. Würzburg, 1971, s. 313—332.

ры. Это сознание распространения господства моравян ярко выступает в источниках: Моравьска область пространити начать всѣа страны и врагы своѣ побѣждати съ непогрѣшенѣмъ яко и сами повѣдоуѣт присно (Житие Мефодия X). В первом случае речь шла о борьбе, имевшей жизненно важное для государства моравян значение, судя по ряду взаимных столкновений, начиная уже с конца VIII в. Трения с западными соседями продолжались и после вхождения моравского государства в сферу западной римской церкви, особенно при Людовике Немецком, отличавшемся великодержавными амбициями. Можно, однако, сказать, что кроме периода 846—852 гг., когда наблюдался упадок политического влияния и силы Моравии, и кризиса 870—874 г., моравское государство всегда защищало свою самостоятельность, опираясь в борьбе против франков на поддержку Византии, а впоследствии и Рима⁷². Завоевания моравских правителей мотивировались политико-экономическими причинами, а, согласно идеологическим взглядам того времени, речь шла о борьбе христианской народности моравян, некоего избранного и санкционированного папой христианизатора других соседних языческих народностей. Моравия стала неким филиалом римских универсалистских идей по отношению к славянским землям⁷³. Выраженным согласием и прямой поддержки со стороны Рима концепций и планов Святополка, которые соответствовали и планам папской курии по отношению к каролингам, была римская апостольская патронация, представленная в 880 г. Святополку и Моравии. Это означало не только подтверждение самостоятельности положения Моравии в системе римского универсализма неравно с остальными государствами своего времени (франкское королевство, англосаксонское, астурийское, болгарское, армянское и т. д.) и, наконец, подтверждением королевского титула Святополка. Вместе с тем это было и применением идей римского универсализма в условиях Моравии как государственной идеологии как внутри страны, так и за ее пределами, как обоснованием и одновременно объяснением моравской экспансии⁷⁴. Все это вместе с историческим развитием моравян способствовало усилению у жителей Великой Моравии сознания совместной принадлежности к народности, сознания, выраженного также в моравском сакраментарии: Цѣсарьствѣ нашемъ господи милостьъ твоюъ призьри: и не отъдазь нашего тоузимъ и не обрати насъ въ плѣбѣи народомъ поганьскѣимъ: (Киевские листы, ф. 4в).

⁷² См.: Havlík L. E. Velká Morava a franská říše.— «Historické studie», 1963, 8, s. 129—180; *idem*. O politických osudech ..., s. 104—140; Vaněček V. Über die Aussenpolitik des Mährischen Staates in der vierziger bis achtziger Jahren des IX. Jahrhunderts. In: Das Grossmährische Reich, s. 287—300.

⁷³ О существовании этой идеологии в Моравии идет речь в статье: Roman Universalism and the 9th Cent. Moravia.— «Cyrillicomethodianum», II, 1972—1973, p. 14—22.

⁷⁴ См.: Havlík L. E. Das päpstliche Schutz und die slawischen Völker.— «Ann. Inst. Slav.», 1969, II/2, s. 10—32.

Вместе с проявлением сознания принадлежности к народности моравян в духовной культуре и политической сфере дальнейшие свидетельства можно найти также и в материальной культуре, предметы которой предназначались высшим и привилегированным слоям, хотя ее производителями были представители широких слоев населения. В предметах материальной культуры Великой Моравии, вышедших из моравских мастерских, есть элементы как византийские, так и каролингские, черноморские и сасанидские и вообще следы евроазиатского синкретизма, измененные и переплавленные моравской средой в специфически моравские типы ⁷⁵. Проявления этой культуры преобладают на территории Моравского государства, иногда распространяясь и на другие области, как, например, в бассейне реки Дыи. При оценке этой культуры нужно, однако, постоянно иметь в виду вопрос о соотношении уровня, характерного для эпохи, и специфики, которая характерна для моравского этноса. Определенное значение имеет и вопрос, можно ли, например, ираноидные художественные мотивы связывать только с торговыми отношениями или с продукцией иностранных мастеров в Моравском государстве или же такие изделия пользовались популярностью в высших слоях моравского общества, исходивших из какой-то старой традиции. Культура высших слоев в соединении с их политической гегемонией перекрывала культурные проявления остального населения и создала для внешнего мира образ единой моравской культуры, хотя нужно постоянно иметь в виду, что по сути дела речь шла о культуре, связанной с резиденциями правителей и привилегированных кругов, вельмож, с церковными и городскими центрами ⁷⁶. Специфически моравским изделием были, например, типичный военный топор, а также «tesla», собственно железные гривны, используемых при обмене в качестве менового эквивалента ⁷⁷. Из изделий художественного ремесла — это были несколько типов серег, украшенных грапуляцией и филигранью, затем оригинальные привески «гомбики», которые, как и одежда моравских всадников и вельмож, являются уникальными в Центральной Европе, и не исключено, что они были принесены предками моравян с их давней родины на востоке ⁷⁸. Другой специфической чертой древней Моравии является также образ жизни, особенно городские центры, где дома существенно отличались от жилищ земледельческого населения деревни. Характерными также являются способ укреплений и особенно культовое зодчество ⁷⁹. Все это на тер-

⁷⁵ См.: Poulík J. Archäologische Entdeckungen und Grossmähren. In: Das Grossmährische Reich, s. 11—47; Chropovský B. Die grossmährische Periode in der Slowakei. Ibid., S. 59—83.

⁷⁶ Havlík L. E. Gens Maravorum..., s. 120.

⁷⁷ См.: Dekan J. Velká Morava..., s. 182.

⁷⁸ См.: Klanica Z. Velkomoravské řemeslo, s. 21; idem. Velkomoravský gombík. — «Archeologické rozhledy», 1970, 20, s. 444.

⁷⁹ Cibulka J. Grossmährische Kirchenbauten. In: Sancti Cyrillus et Methodius, s. 49—117; Richter V. Die Anfänge der grossmährischen Architektur.

ритории Моравского государства представляет целостную материальную культуру, хотя и с местными отличиями ⁸⁰, которая потом в связи с торговлей или экспансией моравян распространилась в Паннонию, Дакию, Вислинскую область, Чехию и т. д., как об этом свидетельствуют археологические находки. Распространение изделий моравского прикладного искусства совпадает в значительной степени с территорией Великоморавской державы ⁸¹.

*

Итак, мы встречаемся на территории древней Моравии с начала IX в. с народностью моравян, которая в дальнейшем формировалась и укреплялась в рамках своего государства. Важнейшим моментом в конституировании определенного общественно-политического организма как народности является, безусловно, процесс ⁸² формирования его самосознания, в котором находит свое отражение реальное прошлое и современная политическая история и культура, переданные посредством языка (устно или письменно) на определенной территории и в определенный исторический период. При этом необходимо постоянно иметь в виду феодально-классовые основы национального самосознания.

Моравская народность не исчезла с потерей самостоятельности Моравии или распадом Великой Моравии, как часто полагают, исходя из существования современных наций с целью упрощения сложного вопроса их генезиса. Моравское самосознание, хотя и начало проникать в некоторые области, присоединенные к Великой Моравии, однако, кратковременное и мало интенсивное воздействие моравских обычаев и культуры не могло перерасти в такое качественное изменение, как это было, например, при распространении сознания принадлежности к русской народности в остальных восточнославянских княжествах или польской — на территории Польши. Случилось так, что моравская народность осталась в X в. ограничена только территорией древней Моравии, особенно тогда, когда и Нитра вступила с XI в. на путь самостоятельного этнического развития.

В X в. произошел полный упадок политической власти и влияния Моравского государства, которое около 924 г. становится данником мадьяров, подобно тому, как, впрочем, и Германия Генриха I (Luitprandi Antapod. II, 2; Folcuin, Gesta abb. Lob. 25; Ruotgeri Vita Brun.). Но еще во второй половине X в. в Моравии упоминается епископство и она определяется еще как *regnum* (Майнцский синод 976; Cosmae Chron. Boem. 1,27). Около

In: *Magna Moravia*, s. 121—360; Poulik J. *Starí Moravané budují svůj stát*. Gottwaldov, 1960; *Chropovský B. Slovensko na úsvite dejín*. Bratislava 1970.

⁸⁰ *Dekan J. Velká Morava...*, s. 182.

⁸¹ Подробнее см.: *Dostál B. Das Vordringen der grossmährischen materiellen Kultur in die Nachbarländer*. In: *Das Grossmährische Reich*, S. 361—416.

⁸² См.: *Козлов В. И. Динамика численности народов*. М., 1969, с. 32—65.

1000 г. Моравия становится автономной частью Польского государства Болеслава Храброго. Вместе с ним моравяне активно воевали против объединенных немцев и чехов (Cosmas Chron. Boem I, 40; Galli Chron. Pol., с. 66; Thietmari Chron. VII, 19, 57, 61). В 1030—1031 гг. Моравия была присоединена к Чешскому государству⁸³.

В связи с этим не будет излишним здесь показать хотя бы кратко историю возникновения раннефеодальной чешской народности, которая относится к X в. Самые ранние сообщения, говорящие о народе Beheimi, Behaimi, Boemanni касаются северо-западной, юго-западной и южной Чехии (Ann. reg. Franc. 791; Ann. reg. Franc., Ann. Mett., Chron. Moissiac. ad. 805). Еще в 872 г. упоминаются пять князей in Behemos, а в 895 г. только двое воевод, стоящих во главе остальных князей (Ann. Fuld). Заслуживает внимания перемена в названии географического определения жителей этих княжеств, т. е. Veeheimi в первой половине IX в. (позже употреблялся термин Bohemi и Boemi). Само название, однако, ничего не раскрывает в этногенетическом процессе, проходящем на территории Воеманіе, где еще в X в. источниками различаются несколько областей, очевидно, бывших княжеств. Стоит упомянуть хотя бы сообщения о лемузах и лучанах на северо-востоке, дубебах — на юге и хорватах — на востоке (так называемая учредительная грамота пражского епископства). Этнополитическое разделение видно из противопоставления: «въ Чесѣхъ», где правили Пршемысловичи, и «въ Хръватѣхъ» (Первая старославянская легенда о св. Вацлаве), где они не имели никакой власти и где упоминаются князья из Зличч (Старая Коуржим), находившиеся в союзе с Моравией, а позже Славниковичи, ориентированные в политическом отношении на «Священную Римскую империю». Их истребление в 995 г. Пршемысловичами и присоединение территории Славниковичей к княжеству Пршемысловичей создало предпосылки для формирования раннефеодальной чешской народности на всей территории Воеманіе. Термины «чех», «чехи» в источниках до XII в. появляются только трижды: в середине X в. в «Житии князя Вацлава», в начале XII в. в «Повести временных лет» и в 1147 г. в хронике Кинпама⁸⁴. Это было то самое определение, которое преобладало внутри самой Чехии и явилось синонимом для названия Воемані, Воemi. Определенную роль в распространении чешского национального самосознания сыграло также пражское епископство. На рубеже X и XI вв. на территории Воemi — Чехии можно говорить о конституированной чешской раннефеодальной народности, называемой в собственно чешских источниках — чехами, в иностранных латинских источ-

⁸³ Havlik L. E. K otázce hranice jižní Moravy v dobi Boleslava Chrabrého; G. Labuda, Utrata Moraw przez państwo polskie w XI wieku. In: Studia z dziejow polskich i czechoslowackich, 1960, 73—91, 93—124.

⁸⁴ Vaněček V. Prvních tisíc let... Praha, 1949, s. 53.

никах — Воетані, Воеті, в византийской среде и на Руси как *зѣхѣ*, Чеси⁸⁵.

Князья Богемии — Чехии после военного захвата Моравии стремились вновь присоединить и Пштру (в 1030—1042, 1051—1052 гг.), однако безрезультатно, более того, они потеряли, наконец, и территорию между Вагом, Белыми Карпатами и рекой Моравой, а позднее также область между Дунаем и Дыей, в результате чего собственная территория Моравии уменьшилась почти вдвое по сравнению с ее территорией в IX в. Чешский князь Спитигнев II в 1055 г. приказал изгнать более 300 моравских вельмож, а их имущество и должности передал чешским феодалам (Cosmas Chron. Boem. II, 15). Усиление политической и культурной гегемонии чешского государства вело к смешению старых моравских традиций с новыми чешскими (в том числе, культ пражского князя Вацлава), а также к политическому разделению страны на три удельных княжества младших членов пражского рода Пршемысловичей. Историко-экономические и культурные традиции наряду с актуальными политическими интересами своего времени нашли свое выражение в 1179—1182 гг. в образовании на территории Моравии маркграфства. Будучи связанным формальным ленным союзом со «Священной Римской империей», оно составляло с Чехией с конца XII в. конфедерацию, а затем диархию во главе с чешским королем. Ленная зависимость от «Священной Римской империи» в 1348 г. была ликвидирована и перешла в ленную зависимость от главы государственного объединения, называемого *Corona regni Bohemiae*. Это отношение между Чехией и Моравией стало основой государственно-правового развития вплоть до нового времени⁸⁶.

Перевод А. И. Виноградовой

⁸⁵ См.: Turek R. *Cechy na úsvitě dějin*. Praha, 1963; Fiala Z. *Přemyslovské Cechy*. Praha, 1965, s. 5—9.

⁸⁶ По этой проблематике см.: Havlík L. E. O Moravě v českém state, *Vlastivedny věstník Moravský*. Brno, č. 20, 1968, s. 187—208, о средневековом положении также см.: Havlík L. E. *Morava a imperium ve středověku*. In: *Velká Morava a feudální společnost 11—12. stol.* Brno, 1974.

ЭВОЛЮЦИЯ ДИАЛЕКТНОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ЭТНИЧЕСКОГО СМЕШЕНИЯ

(Из истории славяно-албанских языковых контактов)

А. В. Десницкая

Для разработки исторического аспекта проблемы взаимодействия языков данные диалектологии дают более благоприятные возможности исследования, чем реконструкции гипотетических субстратов. Историческая диалектология оперирует хронологическими различиями, распределенными на географической плоскости. Такой материал может быть особенно релевантным для изучения своеобразных отклонений от общего направления развития, рассматриваемого как внутренне закономерное для исследуемого языка.

В предлагаемом исследовании, посвященном проблеме взаимодействия языков, мы рассматриваем некоторые специфические диалектные различия и междиалектные схождения, объясняя их как результат иноязычного влияния. Разумеется, при таком подходе должны быть учтены конкретные этнолингвистические, социально-исторические и географические условия.

С этой точки зрения некоторые факты албанской диалектологии могут быть объяснены как результат межъязыковых контактов.

*

По основному диалектному членению албанский лингвистический ареал состоит из двух диалектных областей: северной (гегской) и южной (тоскской). Южная граница гегского диалекта проходит через центральную часть страны, вдоль течения р. Шкумбин. Южнее этой границы лежит узкая полоса переходных говоров, постепенно сливающаяся с тоскской диалектной областью. Каждая из основных диалектных областей далее подразделяется на более мелкие диалектные ландшафты. Северная область гораздо более дифференцирована, чем южная.

Основное диалектное членение албанского языка на две вышеуказанные области несомненно является древним, так как главный определяющий признак тоскского — явление ротацизма (изменение $n > r$ в интервокальной позиции) — почти не захватывает лексику славянского происхождения¹ и, следовательно,

¹ Ср. Э. Чабей: «Ротацизм принадлежит, как известно, к древним признакам диалектной дифференциации албанского языка. Хотя мы не можем указать *terminus a quo* и *terminus ad quem* этой инновации тоскского диалекта, приблизительная хронология может быть установлена на основании того, что указанным процессом полностью охвачены только древнегреческие

период действия этой фонетической инновации должен был предшествовать эпохе тесных славяно-албанских контактов. Это позволяет нам предположить, что, по крайней мере, к концу I тысячелетия н. э. противопоставление двух основных диалектных типов (ротацирующего и неротацирующего) уже существовало ².

Различия между двумя большими диалектными областями постепенно увеличивались на протяжении периода от I тысячелетия н. э. до наших дней, особенно в последние два-три столетия. К вышеупомянутому древнейшему различительному признаку добавился ряд новых признаков. Большая их часть не приобрела абсолютной дифференциальной значимости (какой обладает явление ротацизма), так как соответствующие явления покрывают лишь частично основные диалектные ареалы.

Диалектные особенности гегского и тоскского имеют характер как инноваций, так и консервативных признаков. При этом соотношение тех и других для каждого из двух основных диалектных ареалов не было исторически постоянным. Как отмечает проф. Э. Чабей ³, в дописьменный период более консервативным был гегский ареал. Позднее, в письменный период, т. е. на протяжении последних 4—5 столетий, положение изменилось, и областью консервации (в основной своей части) стала Тоскерия. Для гегской диалектной территории эти последние столетия, наоборот, были временем довольно интенсивных фонетических изменений. Распространяясь из отдельных локальных очагов инновации, новые явления постепенно увеличивали первоначальный набор дифференциальных признаков гегского диалекта, усиливая этим противопоставление его более архаическому тоскскому.

Обращает на себя внимание консерватизм тоскского диалекта в целом — в сравнении с сильной фонетической изменчивостью, которая является характерной чертой небольшого и при этом изолированного диалектного района внутри того же южноалбанского (тоскского) ареала. Результаты исследования могут представить интерес с точки зрения теории языковой интерференции.

и латинские заимствования, из средне- и новогреческих, славянских и итальянских лишь старейшие, а турецкие не охвачены совсем». (*Çabej Egrej. Ältere Stufen des Albanischen im Lichte der Nachbarsprachen.* — «Zeitschrift für Balkanologie», 1964, II, S. 13).

² Считая ротацизм в основном дославянским явлением, мы не можем принять точку зрения В. Полака, согласно которой возникновение членения албанского лингвистического ареала на тоскскую и гегскую диалектную область может быть объяснено влиянием славянского адстрата (*Polák V. Les origines de la différenciation dialectale en Albanie.* — «Orbis», t. XII, N 2, 1963). Как мы далее увидим, славянское влияние определило возникновение некоторых особенностей южноалбанской диалектной области, но это влияние не относится к тому периоду, когда возникал ротацизм, как наиболее характерная особенность этой области.

³ *Çabej E. Op. cit.*, p. 7.

Так как наше внимание будет далее сосредоточено на южноалбанском диалектном ареале, ниже дается некоторая дополнительная информация об этом ареале. Он состоит из двух диалектных областей, обычно обозначаемых как севернотоскская и южнотоскская. Первая включает, помимо северной части, также восточную часть ареала и совпадает с исторической Тоскерией. Вторая область охватывает юго-западную периферию албанского лингвистического ареала и совпадает со старыми этническими территориями Ляберии (горная область вблизи от Ионического побережья) и Чамерии (крайний юг лингвистической Албании). Севернотоскский тип речи, отличающийся значительным единством (если не считать некоторых мелких различий), часто обозначается как собственно тоскский. В сравнении с ним мы рассмотрим очень своеобразные фонетические черты, обнаруживаемые в говоре Ляберии.

Основные черты ляберийского говора не отличаются от общего южноалбанского диалектного типа, представленного севернотоскским. Наличие последовательно проведенного ротацизма является свидетельством того, что Ляберия с древней поры входила в состав южноалбанской диалектной общности. Общее соответствие обеих фонологических систем не подлежит сомнению. В то же время некоторые специфические особенности ляберийской речи отличаются от тоскского диалектного типа и неожиданным образом обнаруживают сходство с характерными признаками гегских говоров.

Это кажется удивительным, если учесть географическое положение Ляберии. Ляберия не имеет никаких территориальных контактов с гегской диалектной областью, будучи отделена от нее массивом севернотоскской диалектной территории. К тому же, исторические условия на протяжении ряда столетий способствовали относительной изоляции этого окраинного горного района.

К числу ляберийско-гегских соответствий относится прежде всего такая консервативная особенность, унаследованная от староалбанского состояния, как сохранение исторических долгот гласных ударенных слогов в целом ряде слов, например *dēt* «море», *urīth* «еж», *dū* «два». И вообще, в ляберийском, как и в гегском, различаются степени долготы гласных в ударенных слогах — черта, полностью отсутствующая в основном массиве тоскской диалектной области.

Особенно примечательны общие инновации, характеризующие два далеких один от другого диалектных ареала — большой гегский и маленький изолированный ляберийский.

Для обоих диалектных типов характерна тенденция к отодвижению назад артикуляции некоторых гласных, в особенности ударного гег. *ā* = тоск. *ē* [ε]. Во многих гегских говорах это про-

является как очень заднее произношение \grave{a} (назализованного и неназализованного), спорадически сопровождаемое лабиализацией. В ляберийском говоре аналогичному сдвигу подвергается гласный смешанного ряда \acute{e} [ɛ], исторически соответствующий гег. назализ. \acute{a} . Ср. гег. диал. и ляб. $u\ b\grave{a}$, $u\ b\acute{o}$ [u bɔ] «он сделался» (аор. пасс. от глагола «делать»), общетоск. $u\ b\acute{e}$ [u bɜ]. Несмотря на существенное различие гегской и ляберийской вокалических систем, связанное с отсутствием в ляберийском, как и во всех южноалбанских говорах, назальности гласных, наличие указанной тенденции обуславливает несомненное сходство общего типа произношения, проявляющееся особенно при небрежной речи.

Степени отодвижения назад и лабиализации варьируют от местности к местности не только в большом диалектном ареале Гегерии, но и в маленьком ляберийском.

Указанной особенностью вокализма в некоторых гегских диалектах часто сопутствует тенденция к веляризации, окрашивающая произношение значительной части согласных⁴. Сильная степень веляризации создает, в частности, условия для смещения фонем dh [d] и ll [l]. Оно представляет собой широко распространенное спорадическое изменение, характерное для небрежного произношения во многих районах Гегерии, в особенности на севере. До установления стандартизованного правописания даже в печатных текстах на гегском (издававшихся в Шкодре) можно было обнаружить многочисленные случаи такого смешения. Например $ull\acute{e}$ [uɫ] = лит. $udh\acute{e}$ «дорога», $ell\acute{e}$ [ɛldh] = $=edhe$ «и», $ka\ noll\acute{e}$ [noɫ] = $ka\ ndodh\acute{e}$ «случилось», $i\ mall$ [maɫ], $m\grave{a}ll$ [mɔɫ] = $i\ madh$ «большой». Но также: $i\ gjadh\acute{e}$ [ʒad] = $i\ gjall\acute{e}$ «живой».

В Южной Албании аналогичная тенденция спорадически обнаруживается только в Ляберии. Например, в разговорной речи города Ыпрокастра: $holla$ [hɔɫ] = литер. $hodha$ [hɔda] «я бросил», $i\ mall$ [maɫ] = лит. $i\ madh$ «большой». И наоборот: $modha$ [moɫa] = лит. $molia$ [moɫa] «яблоко».

Общая инновация гегского ареала — переход $mb > \bar{m} > m$, $nd > \bar{n} > n$, — по-видимому, также связана с тенденцией к веляризации. На юге эта особенность обнаруживается только в ляберийском говоре⁵. Например, $mleth < mbleth$ «я собираю», $\bar{n}ih < ndih$ «я помогаю», $ven < vend$ «место».

Веляризация согласных и дальнейшие связанные с этим явления, отодвижение назад гег. \acute{a} , ляб. \acute{e} , спорадически сопровождаемое лабиализацией — все эти взаимосвязанные явления, обусловленные внутренними тенденциями фонетического развития

⁴ Для шкодранского диалекта это явление отмечено в статье: Lowman G. S. The Phonetics of Albanian. — Language, 1932, VIII, N 4.

⁵ Смешанные пограничные говоры не принимаются во внимание, так как они подвергаются непосредственному влиянию гегской речи.

в гегских и в изолированном ляберийском говорах, производят заметное понижение тембра речи. Затемненный тембр в равной мере характерен для небрежной речи в некоторых северных районах Гегерии и также в Ляберии. Собственно тоскский диалект (так называемый севернотоскский) не обнаруживает этой особенности.

Из других общих особенностей можно отметить делабиализацию $y > i$, $ye > ie$, например $pill < pyll$ «лес», $si < sy$ «глаз», $krie < krye$ «голова». Это явление, очень характерное для южно-тоскского вообще (в ляберийском и чамерийском говорах), наблюдается также в ряде гегских говоров (в районах Мирдита, Круя, Дибра и др.).

Переход среднелазычного носового $pj [ú]$ в j в конечной позиции (в особенности в глагольных формах) также может рассматриваться как общая особенность гегского и ляберийского. Релевантность этого соответствия может показаться спорной в связи с тем, что указанное явление характерно также для пограничных диалектов тоскского, куда оно могло проникнуть непосредственно из соседнего гегского ареала. Однако это влияние не достигало столь далеко, чтобы захватить и ляберийский говор. Для ляберийского соответствующее изменение может рассматриваться как специфическая инновация, обусловленная внутренней тенденцией развития фонетической системы.

Ни одна из указанных инноваций ляберийского говора, имеющих себе параллели в гегском, не может быть объяснена контактами с гегской диалектной средой. Географическая обособленность Ляберии и исторические условия ее существования в течение столетий не дают оснований для предположений о возможности непосредственных контактов ляберийцев с населением Гегерии. Об этом не может быть речи. Факты заставляют предполагать лишь параллелизм в реализации сходных фонетических тенденций.

Возникает ряд вопросов. Почему ляберийский говор, обладая древнейшими фонетическими особенностями общетоскского, позднейшие инновации имеет общими не с севернотоскским, но с гегским, хотя с последним не имеет никаких территориальных контактов? Можем также спросить, почему ляберийский не разделяет с севернотоскским его характерный консерватизм в отношении старотоскской фонетической системы, которая и до сих пор устойчиво сохраняется в единообразном типе речи, распространенном на большей части южноалбанского лингвистического ареала. С другой стороны, как объяснить фонетический консерватизм и относительное единообразие севернотоскского типа речи, которые выявляются в сравнении не только с сильно дифференцированным гегским лингвистическим ареалом, но также и в сравнении с проводящим инновации говором Ляберии?

Попытаемся построить некоторые гипотезы, учитывая исторические обстоятельства жизни южноалбанского населения в период раннего средневековья и сопоставляя соответствующие лингвистические факты с известным фактом славяно-албанского симбиоза, который существовал в течение ряда столетий и завершился полной ассимиляцией славян на территории Албании.

Начало тесных контактов албанцев со славянами относится к эпохе расселения славян в западной части Балканского полуострова (VI — VII вв.). С помощью анализа обильной славянской топонимики, сохранившейся в некоторых частях Албании до настоящего времени, А. М. Селищев сделал свои важные выводы относительно основных путей славянской миграции⁶. Он открыл, что потоки переселения двигались вдоль течения рек — по долинам Шкумбина, Девола и Осума в направлении Адриатического моря, по долинам Вийосы и Бистрицы к берегам Ионического моря, а также через Черногорию в Шкодринскую низину. Основываясь на лингвистических данных, Селищев доказал, что масса славянского населения в Албании постепенно ассимилировалась и что этот процесс продолжался в течение ряда столетий.

Албанские историки проливают новый свет на историю славяно-албанских контактов, освещая социальные условия их развития в период, когда рабовладельческая система Восточноримской империи была окончательно разрушена⁷. Основой новой общественной системы на территории Албании (части древней Иллирии и Эпира) стали сельские общины, первоначально складывавшиеся из албанских и славянских племенных единиц.

Следствием разрастания сельских общин был процесс их территориальной экспансии. В Южной Албании, где основная масса македонских славян первоначально была расселена в долинах, происходило постепенное продвижение последних также в горные районы. В социальной жизни южных албанцев в то же время усиливался длительный процесс перехода от горного скотоводства к возделыванию земель в долинах и на равнинах. Можно предположить, что в Южной Албании и славянское и албанское население было в равной мере охвачено процессом разложения родоплеменной системы, и родовые связи постепенно сменялись связями территориальными. Общины становились этнически смешанными в результате браков и смешанного расселения. Как доказывают авторы «Истории Албании», «албано-славянский симбиоз продолжался в течение столетий»⁸. Длительное соседство албанских и славянских сельских общин, их экономические и общественные отношения стимулировали взаим-

⁶ Селищев А. М. Славянское население в Албании. София, 1931.

⁷ Historia e Shqipërisë, I. Tiranë, 1959.

⁸ «Historia...», s. 153.

ные культурные влияния. В результате всего этого языковые контакты приобретали характер билингвизма.

Славянское влияние достигало наибольшей силы в период IX — XI вв., когда территория Центральной и Южной Албании входила в состав первого Болгарского царства.

Однако в течение столетий общественное значение албанского населения постепенно возрастало и как результат слияния обоих этнических элементов внутри территориальных сельских общин произошло их полное слияние. После периода билингвизма (как предполагает А. М. Селищев, билингвизм существовал еще в XIV — XV вв.) славяне сменили свой язык на албанский. Можно предполагать, что конечный результат не был достигнут одновременно. Процесс ассимиляции должен был быть постепенным и остатки славянской речи сохранялись еще относительно долго (например, есть основания думать, что в районе Опар славянская речь звучала еще в XVI в.)

Исчезнувший славянский язык оставил свое наследие в албанской лексике, изобилующей словами и словообразовательными суффиксами македоно-славянского происхождения. Топонимика Южной Албании сохранила от эпохи славянского расселения сотни названий деревень. Оронимия и гидронимия также полны славянской помешклатуры. Все эти факты свидетельствуют о большой роли славянского этнического элемента в этногенезе населения Южной Албании.

Данные топонимики дают обильную информацию относительно направлений и границ славянского расселения, а также относительно районов концентрации славянских поселений. А. М. Селищев собрал большое количество таких данных и представил их с помощью специальной карты. Его коллекция материалов, хотя и не исчерпывающая (он нанес на карту только названия населенных пунктов и лишь немногие названия рек), создает очень убедительную картину того, как распределялись прежние славянские поселения на территории Албании. Карта показывает сеть славянских топонимов, располагающуюся с различной степенью концентрации. Не считая очевидных скоплений славянской топонимики вдоль границ с Македонией и Сербией (эти данные не имеют особого значения для нашего исследования), мы находим исключительно густую сеть славянских названий в северной и юго-восточной частях Тоскерии, особенно в долинах Осума, Вийосы, Девола и вдоль верхнего течения Шкумбина. К северу и к юго-западу от этих областей количество славянских топонимов заметно редет.

В Гегерии значительное количество славянских названий концентрируется только на узкой полосе, окаймляющей Шкодрское озеро, а также вдоль восточной границы. Во внутренних частях ареала, а также на Адриатическом побережье, к северу от Дурреса, количество славянских топонимов является относительно незначительным.

Обращаясь снова к южному ареалу, мы отмечаем резкий контраст: с одной стороны, мы видим интенсивное скопление славянской помешклатуры в его северной и в юго-восточной частях, т. е. в Тоскерии (в собственном смысле этого названия). С другой стороны, мы замечаем постепенное убывание славянских названий в юго-западном направлении. Славянские названия почти отсутствуют в горах Ляберии (на плато Курвелеш), также на Ионийском побережье, где ляберийские албанские деревни соседствуют с грекоязычными. Характерно, что названия деревень в Курвелеше по форме представляют собой коллективно-множественные образования — обозначения родовых поселений, построенные по схеме: потомки такого-то. Так, Lazarat — это «потомки Лазаря»⁹.

Можно предположить, что волна расселения славян не достигла до гор Ляберии. Ляберийские горцы, подобно горцам Гегерии, продолжали жить своими родовыми общинами и не смешивались со славянами в той мере, как это было характерно для населения северной и юго-восточной Тоскерии (Тоскерии в собственном смысле этого названия).

В Ляберии, так же как в горных районах Гегерии, основу экономики в течение столетий составляло скотоводство и в общественной организации длительно сохранялась система родовых отношений. На территории Южной Албании только в Ляберии обнаружены остатки канонизированного обычного права (в горах Гегерии известно несколько таких канонов). Родовое общество Ляберии берегло свои древние традиции на протяжении четырех веков турецкого владычества и оказывало упорное сопротивление распространению турецкой военной администрации.

Таким образом, мы видим, что оба явления — длительное сохранение родовой организации и незначительное количество славянских топонимов — в равной мере характерны для горных районов Гегерии на севере страны, и для горной Ляберии на юго-западе. Оба эти момента по-видимому исторически взаимосвязаны. Можно предположить, что поток славянского расселения задерживался на подступах к горным районам, где племена горцев продолжали заниматься горнопастбищным скотоводством. Создание территориальных сельских общин — процесс, благодаря которому были заложены основы албано-славянского симбиоза в Северной Тоскерии, в этих областях на столетия запоздал и совершился уже позднее, в иных исторических условиях.

Особое положение Ляберии по сравнению с «собственно тоскскими» областями, в которых слияние албанского и славянского этнических элементов совпало с более ранним процессом раз-

⁹ См.: Çabej E. Per gjenezën e literaturës shqipe. Shkoder, 1939, s. 10.

ложения родового строя, отразилось в самом названии этой горной окраины. Название существует в двух вариантах: Labëri и Arbëri, ср. также lab-, -i м. «житель Ляберии». Эти названия являются производными от корня *arb-/*alb-, ср. древний этноним Ἀλβανοί, засвидетельствованный Итолеем, Ἀλβανοί у византийских авторов. Форма lab-, восходящая к *alb, возникла путем метатезы, характерной для славянской речи. Форма Arbëri, ныне употребляемая как вариант Labëri и только применительно к небольшой горной области, лежащей внутри треугольника: Влора — Саранда — Тепелена, раньше имела более широкое применение. В старину она употреблялась как название Албании вообще и остатки этого значения сохранились до настоящего времени (специально в литературном употреблении). Ср. также широко распространенные дериваты: прилагательное arbëror «албанский», существительное arbëresh, -i «албанец». Варианты Arbëri, Labëri в их узком употреблении, первоначально обозначали область, населенную лябами, т. е. собственно албанцами.

Таким образом, имеется совпадение фактов: а) древнее название Албании оказалось закрепленным за небольшой горной областью; б) количество славянских названий в этой области гораздо меньшее, чем в остальных областях Южной Албании. Это соответствие вряд ли может быть случайным. Мы должны учитывать, что соседние области северной и восточной Тоскеры были заселены смешанными албано-славянскими сельскими общинами. С точки зрения этих земледельцев скотоводы Курвелеша, этнически несмешанные и сохранявшие свою древнюю родовую организацию, были лябами, т. е. «собственно албанцами», а их область — это была Labëri — Arbëri. Впоследствии, когда ассимиляция славян в Южной Албании завершилась, названия Labëri, lab-, -i утратили характер этнического противопоставления и стали просто обозначениями области и ее жителей.

*

Теперь мы опять обратимся к фонетическим явлениям албанских диалектов. Как уже было упомянуто, обширный ареал Гегерии имеет с маленьким ареалом Ляберии ряд общих явлений, связанных с характером артикуляционных навыков. В отличие от них севернотоскский диалектный ареал не знает этих инноваций.

В гегских говорах тенденции к отодвижению назад артикуляции гласного ā (в ударном положении) и к веляризации некоторых согласных проявляются в небрежной спонтанной речи и обнаруживают широкую вариативность. Для этого уровня речи характерны известная вялость артикуляции и низкий тембр, в связи с чем и возникают указанные тенденции. Некоторые возникающие таким образом явления продолжают быть спорадичес-

кими, например, смещение фонем d и l, наблюдаемое во многих гегских говорах. Некоторые другие имеют тенденцию к обобщению. Такое обобщение произошло в течение последних двух столетий с переходом mb > m̄, nd > n̄, который превратился в один из наиболее релевантных признаков гегского диалекта вообще, независимо от речевой установки говорящих.

Сходная картина вариативности обнаруживается и в ляберийском говоре. Некоторые инновации остаются на уровне спорадических явлений (например, тенденция к смещению d и l), некоторые же приближаются к уровню общих признаков говора (так, например, задняя артикуляция ě [ɜ] и переход mb > m̄, nd > n̄). В целом можно отметить, что в говоре Ляберии ряд фонетических тенденций обнаруживается в действии. Те же возможности изучения фонетических изменений в действии дает наблюдение гегских говоров.

Совершенно иным является состояние севернотоскского диалектного типа, кажущееся очень стабильным. В севернотоскском диалектном ареале (собственно Тоскеры, т. е. северная и восточная части Южной Албании) не наблюдается ни одной из указанных выше фонетических тенденций. Похоже, что эти тенденции, свободно действующие в других диалектных областях, здесь как бы подавлены, и благодаря этому севернотоскская фонетическая система приобрела консервативный характер.

Историческая диалектология показывает, что гегский диалектный ареал находился на протяжении последних столетий в состоянии непрерывных фонетических изменений. Аналогичная картина обнаруживается и в Ляберии. Только севернотоскский диалектный ареал выделяется своим консерватизмом и в основном сохраняет старотоскский облик фонетической системы. С одной стороны, мы, по-видимому, имеем дело с общими фонетическими тенденциями, изменяющимися в одном и том же направлении системы гегских и ляберийского говоров. С другой стороны, в севернотоскском мы видим как бы проявление инертности в отношении этих тенденций, действие которых как бы подавлено в силу какой-то загадочной причины.

В свете замечаемого параллелизма внешнеисторических условий существования гегского и ляберийского горных ареалов представляется возможным интерпретировать и параллелизм фонетической эволюции, характерной для соответствующих говоров. В то же время, консервативность севернотоскского диалектного ареала также может быть связана с экстралингвистическими факторами, в частности с этнической историей северной и восточной областей Тоскеры.

Можно предложить следующую гипотезу. Консерватизм севернотоскского диалектного типа может иметь своей первопричиной билингвизм населения, пользовавшегося этим типом албанской речи, а также славянским языком в течение относительно длительного времени. Постепенно выходящая из употребления

македонско-славянская речь могла оставить свое наследие не только в албанской лексике, оказавшейся наполненной славянскими элементами, связанными с сельским хозяйством, но также и в характере артикуляционных навыков, сохранявшихся у ее прежних носителей. Артикуляционная база, свойственная славянской речи, не создавала препятствий для овладения албанской системой фонем в ее основных чертах. Однако в то же время она не содействовала усвоению всех вариантов фонем и развитию некоторых специфических инноваций, связанных со специфически албанскими тенденциями фонетической эволюции. Влияние исчезавшей славянской речи выразилось, таким образом, не в особом направлении фонетической эволюции, но, наоборот, оно содействовало сохранению целостности старотоскской фонетической системы¹⁰.

Таким образом, двуязычные славяне усваивали старотоскскую систему фонем в ее основных вариантах, но они, вероятно, не усваивали специфической вариативности албанского небрежного произношения, специфических отклонений от общего стандарта, дававших начало спонтанным инновациям. Возможно, при этом проявлялась известная степень сознательности в предпочтении стандартного типа произношения, характерного для старотоскского устного койне, унаследованного от речевых ситуаций албанского родового общества.

Можно предположить, что замечательное единство тоскского диалектного типа, сохраненное до наших дней в виде консервативного севернотоскского диалекта, восходит к очень давнему времени, когда в основной части Южной Албании еще существовала родовая организация. Употребление устных койне в древнем обществе было прежде всего связано с формальными речевыми ситуациями. Такие ситуации создавались племенными и семейными ритуалами, обсуждениями на родовых и племенных собраниях, судебными разбирательствами, исполнением устной поэзии. Формальный характер этих разновидностей речевой активности содействовал установлению стандартного типа языка и его относительной стабильности.

В этнически смешанном двуязычном обществе, возникшем в условиях еще частично сохранявшихся и лишь постепенно выходивших из употребления остатков родовых обычаев и норм, унаследованный тип стандартной речи повышенного уровня мог все еще сохранять значительный престиж и на него могли преимущественно ориентироваться двуязычные говорящие, стремившиеся быть понятыми.

С этой точки зрения своеобразный консерватизм севернотоск-

ского диалектного типа раскрывается в его связи с речевой ситуацией, которая была характерна для Южной Албании в период раннего средневековья, в частности, в связи с долго длившимся состоянием албано-славянского билингвизма.

Совершенно иным был ход лингвистического развития в горах Ляберии, где примесь славянского населения была незначительной и где действие внутренних тенденций фонетической эволюции, основанных на собственно албанских артикуляционных навыках, не было задержано влиянием внешних факторов.

¹⁰ С непосредственным воздействием произносительных навыков славянской части населения, вероятно, может быть связана лишь такая важная инновация как устранение долгот гласных. В этом отношении гегские и ляберийский говоры оказываются более консервативными.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНОНИМОВ В ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Г. Г. Литаврин

Любое определение, как известно, представляет собою также и ограничение: оно констатирует лишь наиболее общие, основные признаки определяемого явления. Любое определение к тому же консервативно: оно не отражает тех изменений, которые претерпевает характеризующее им явление.

Все это в полной мере присуще и тем определениям-терминам, которыми обозначаются этнические общности самых разных таксономических уровней и порядков¹. Смысловая нагрузка этих терминов-этнонимов в каждый данный момент значительно варьирует в зависимости от того, кто этот термин употребляет (возраст этого лица, его культурный уровень, компетентность, социальная принадлежность, политические убеждения, подданство, отношение к религии и т.п.). Кроме того, содержание этнонима претерпевает с ходом времени существенную эволюцию — исчезает или переходит в категорию второстепенных ряд основных признаков данного понятия, появляются же некоторые новые признаки, приобретающие значение определяющих. Помимо всего этого, употребляемый и устно и письменно этнический термин, как правило, эмоционально окрашен.

Все эти особенности использования этнических понятий были, разумеется, характерны и для людей далекого прошлого. В целом точность и конкретность этнонимов, видимо, находилась в зависимости от степени зрелости самих процессов этнической консолидации. Однако для источниковедения одной этой констатации далеко не достаточно.

Прежде чем приступить к систематическому изучению проблем этногенеза и этнической истории народов Юго-Восточной Европы, необходимо осуществить ряд источниковедческих исследований, способных выделить круг наиболее достоверных письменных источников, объем и специфику содержащихся в них сведений, особенности каждого из источников.

К числу таких первоочередных источниковедческих задач относится и специальное изучение смыслового содержания византийских терминов-этнонимов, поскольку подавляющая масса письменных свидетельств по интересующей нас проблеме (по крайней мере, для IV — XIII вв.) сохранилась именно в памятниках византийского происхождения. Конечно, для глубокого и ос-

новательного решения этого вопроса требуется сплошное, планомерное обследование всех без исключения письменных источников (включая эпиграфические и сфрагистические), необходима разработка принципов научной классификации полученного материала и, вероятно, его последующая математическая обработка.

Наша цель — наметить некоторые новые пути подхода к этому материалу, в дополнение к тем поискам, которые уже были предприняты в историографии. Проблема специфики этнонимов, содержащихся в византийских письменных памятниках, отнюдь не нова. На сегодняшний день наиболее широко и последовательно она была рассмотрена в исследовании покойного венгерского ученого-лингвиста Дь. Моравчика, ставшем настольной книгой византистов и медиевистов-славистов². Немало специальных исследований (особенно в последние 20 лет) посвящено более частным вопросам этой обширной темы: изучается содержание таких употребляемых в византийских источниках терминов, как «болгары»³, «славяне»⁴, «сербы и хорваты»⁵, «влахи»⁶, «алба-

² Moravcsik Gy. *Byzantinoturcica*, I—II. Berlin, 1958. В соответствии с заголовком исследования, из поля зрения автора исключены страны Центральной (кроме Венгрии) и Западной Европы.

³ См.: Ангелов Д. *Образуване на българската народност*. София, 1971, с. 317—378 и литература. См. также: *Лисчев С.* Особенности в предаването на български, тракийски, византийски и др. имена на лица, селища и племена в латинските извори за българската история. — «Известия на Института за български език» (далее — ИИБЕ, 1954, III; *он же.* Прабългарите и българското народностно име в Европа. — ИИБИ, 1954, V; *Займов И.* Заселване на българските славяни на Балканския полуостров. Проучване на жителските имена в българската топонимия. София, 1967; *Gjuselev V.* Bulgares und die Balkanhalbinsel in den geographischen Darstellungen des Angelsächsischen Königs Alfred der Grosse (871—901). — «Byzantinobulgarica», 1973, 45; *Angelov D.* Quelques problèmes de la nationalité bulgare au IXe—X^es. La langue et la prise de conscience. — Ibidem.

⁴ *Ostrogorski G.* Vizantija i južni sloveni. — «Jugoslavenski istorijski časopis», 1963, 1; *Цанкова-Петкова Г.* Някои моменти от разселването на славянските племена от източния дял на южните славяни и установяването им на Балканския полуостров. — «Славянска филология», 1973, 14; *Cankova-Petkova G.* L'établissement des slaves et protobulgares en Bulgarie du Nord-Est et le sort de certaines villes riveraines du Danube. «Etudes historiques», V, A l'occasion du XIIIe congrès international des sciences historiques. Sofia, 1970; *Lishev St.* Die Konzeption von prof. B. Grafenauer über die Ethnogenese der Balkanslaven. — «Byzantinobulgarica», IV, 1973; *Comsa M.* Directions et étapes de la pénétration des slaves vers la péninsule Balkanique aux VI—VII s. — «Balkanoslavica», 1, 1973; *Займов И.* «Словене» и «българи» в старобългарската книжнина и в българската топонимия. — В кн.: Константинов Кирил Философ. София, 1969.

⁵ *Радожичић Н.* Како су називали Србе и Хрвате византиски историчи XI и XII века Јован Скилица, Никифор Вријеније и Јован Зонара? — «Гласник Скопског научног друштва» (далее — ГСНД), 1927, 2.

⁶ *Stănescu E.* Les «mixobarbares» du Bas-Danube au XIe siècle (quelques problèmes de la terminologie des textes). — «Nouvelles études d'histoire». A l'occasion du XIIe congrès des sciences historiques» Bucarest, 1965; *idem.* Les «Βαλχες» de Kinnamos et Choniates et la présence militaire byzantine au Nord du Danube sous les Comnènes. — «Revue des études sud-est européennes», 1971, IX, N 3; *idem.* Der Humanismus und die Anfänge der Ursprungs- und Kontinuitätsideen bei den Rumänen. — «Balkan Studies», 13. Thessalo-

¹ См.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973, с. 21—32.

цы»⁷ и т. д. В частности, близкое избранному нами названию данной статьи носит работа болгарской исследовательницы В. Тышковой-Займовой⁸.

Изучение проблем этногенеза и этнической истории на материале византийских источников представляет особый интерес для исторической науки не только потому, что большинство письменных источников для Юго-Восточной Европы IV—XIII вв. имеет византийское происхождение, но также потому, что Византийская империя в течение почти всего периода средневековья была сложным политическим и историко-географическим ареалом, где под единой государственной и церковной властью жило множество племен и народов, как древнейших, так и поселившихся на территории империи в IV—XIII вв.

Некоторые народы навсегда исчезли с исторической карты, некоторые, напротив, консолидировались в самостоятельные этнические общности, в народности, обрели политическую независимость и существуют ныне в виде наций в пределах собственных государств (Греция, Турция, Болгария, Югославия с ее национальными республиками, Албания, Сирия и др.).

Процесс консолидации завершился в основном в византийскую эпоху, и последующее турецкое господство в Малой Азии и на Балканах уже не привело к коренным этническим переменам.

Византийский материал позволяет проследить на длительном отрезке времени процесс взаимодействия этнически разнородных масс населения в пределах одного государства, рассмотреть роль и значение на разных этапах ассимиляционных, интеграционных факторов и факторов этнической дезинтеграции, изучить диалектику взаимокультурного влияния двух и более этнических общностей, находящихся на разных уровнях общественно-социального и культурного развития.

Основные этнические процессы, протекавшие в Византийской империи в VII—XIV вв., после эпохи Великого переселения народов, к концу VII столетия резко изменили этническую карту империи. В подвергшейся массовому нашествию «варваров» на всех сухопутных границах Византии негреческое население, видимо, заметно преобладало над греческим⁹. В окраинных, погра-

niki, 1972; Корольков В. Д. Волохи и славяне русской летописи. Кишинев, 1971; Литаврин Г. Г. Влахи византийских источников X—XIII вв.— «Юго-Восточная Европа в средние века». Кишинев, 1972 и литература. См. также: статьи о влахах в этом же сборнике.

⁷ Ducellier A. L'Arbanon et les Albanaïs.— «Travaux et mémoires», 3. Paris, 1968.

⁸ Tăpkova-Zaimova V. Quelques remarques sur les noms ethniques chez les auteurs Byzantins.— In: «Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums». Budapest, 1968.

⁹ Полагая, что греки не составляли в XI—XIII вв. абсолютного большинства населения империи, П. Каранис считает более важным абсолютное преобладание греческого языка (P. Charanis. Observations on the demography of the Byzantine Empire.— In: «The Proceedings of thirteenth international Congress of Byzantine Studies». London — Oxford, 1966, p. 19).

ничных провинциях оно образовывало компактные однородные массы, постепенно и все более интенсивно «растворяемые» греческим элементом в направлении к его этническому эпицентру, включавшему собственно Грецию, Южную Фракию с Константинополем и западные и северо-западные районы Малоазийского полуострова.

Процесс проникновения на территорию империи негреческих племен и народов продолжался и впоследствии, фактически до конца существования империи. Сравнительно компактные «островки» этнически инородного населения были «раскиданы» по «карте» Византии почти во всех ее провинциях: славяне в Фессалии, Южной Фракии и Южной Македонии, на Пелопоннесе, в Эпире, армяне в Киликии и в Северной Фракии, влахи в большинстве балканских провинций, печенеги в Македонии, венгры на Вардаре и т. п.

Этот процесс этнического расчленения территории Византии диалектически сочетался и в IV—VIII вв. и в IX—XIV вв. с процессами этнической консолидации и интеграции. Во-первых, в целом происходила последовательная подвижка (уплотнение) — от окраин к упомянутому эпицентру греческого населения — с падением обороноспособности империи, с утратой ею северобалканских, италийских и малоазийских провинций. Во-вторых, на сохранявшихся под властью константинопольского императора территориях, где греческое население в целом значительно преобладало над иными этническими группами, все большую интенсивность приобретал процесс эллинизации этих инородных групп, который первоначально выражался не столько в «смешении крови» (браки негреков с греками), сколько в культурной ассимиляции¹⁰ (в какой-то степени этому процессу способствовала нараставшая в течение X—XII вв. тенденция к урбанизации: в городах ассимиляция осуществлялась гораздо более быстрыми темпами, чем в сельской местности¹¹). В-третьих, этническая консолидация окраинных народов империи была одним из факторов их вычленения через образование независимых государств из состава Византии. С этого времени в целом общение болгар, сербов, армян и грузин с греками, как и попытки эллинизации, вели не к ассимиляции, а к углублению и интенсификации процессов этнической взаимной дезинтеграции. Стремясь к упрочению своего политического влияния среди тесно соприкасавшихся с нею народов, как входивших в ее окраинные провинции, так и не входивших, содействуя развитию их культуры. Византия нередко достигала временного дипломатического успеха, но не целей ассимиляции: напротив, процесс созревания этно-политического самосознания среди этих народов обретал дополнительный стимул.

¹⁰ Charanis P. Observations..., p. 18, 19.

¹¹ Antoniadis-Bibicou H. Problèmes d'histoire économique de Byzance au XIe siècle: démographie, salaires et prix.— «Byzantinoslavica» (далее — BS), 1967, 28, p. 256, 257.

Эпизодическое включение в границы Византийской империи с помощью воинской силы народов (например, болгар в период с 1018 до 1185 г.), обладавших устойчивой исторической памятью о некогда независимом государственном существовании, уже ничего не могло изменить в направленности этнического развития компактной и однородной массы новых подданных: попытки эллинизации давали в таких случаях, как правило, прямо противоположный результат¹².

Особенности византийской системы обозначения и характеристики иных народов во многом определялись спецификой их собственного самосознания. Оно было основой, отправным пунктом их суждений о другом народе: его характеристика преследовала прежде всего цель подчеркнуть, чем данный народ отличался от самих византийцев.

Подавляющее большинство народов Европы, оказавшееся так или иначе в сфере воздействия римской цивилизации, именовало византийцев в течение всего времени существования Византийской империи «греками», как их называли еще римляне, распространив наименование одного из западных племен античной Греции на все ее население. Сами же византийцы, и прежде всего — подлинные греки, упорно именовали себя с IV по XV в. «римлянами» («ромеями»), вкладывая в это понятие большой философский и политический смысл. Византийцы рассматривали свою империю как непосредственное продолжение Римской, центр которой в 330 г. был перенесен «равноапостольным» Константином Великим из Рима на берега Босфора. Ее бывшие западные и иные провинции рассматривались лишь как временно отторгнутые «варварами»¹³.

Римская империя («Романия») мыслилась центром ойкумены (цивилизованного — христианского мира). Другие страны и народы признавались лишь в той мере причастными к цивилизации, в какой они были связаны с единственным подлинным «паметником Божиим» на земле, с императором Константинополя, т. е. какой ранг правители этих стран получили от императора, какое место они заняли в той иерархии стран и народов, которую византийская дипломатия и амбициозная политическая доктрина имперских политиков и философов сконструировала для вселенной¹⁴.

¹² Усвоение, даже весьма интенсивное, элементов византийской культуры народами, обладающим государственной независимостью и собственными культурными традициями, не может быть приравнено к эллинизации.

¹³ Pseltes S. *Grammatik der byzantinischen Chroniken*. Göttingen, 1913, S. 262; *Amantov K.* «Ρομανία. — „Ελληνικά“, 1933, 6, 231—235; Thiriet F. *La Romanie v nitienne au moyen âge. Le développement et l'exploitation du domaine colonial vénitien (XII—XVe siècles)*. Paris, 1958, p. 1 sq.

¹⁴ Ostrogorski G. *Avtokrator i Samodržac*. — «Glas Srpske Akademije», 1935, 164; *Obolensky D.* *The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy*. — In: XII-e Congrès International des études byzantines. Rapports. II. Ochride, 1961, p. 1—17; *idem.* *Byzantine Commonwealth*. London, 1970, p. 223 sq.

Эта отвлеченная и умозрительная (и тем не менее порою действительная в византийской дипломатической практике) теория весьма мало соответствовала подлинному положению дел. Однако для наших целей в данной статье она имеет серьезное значение, так как составляла основу общественно-политического мышления представителей господствующего класса Византии, в том числе и деятелей византийской культуры, определяла угол зрения византийских авторов на иные страны и народы, а следовательно, отразилась и на употребляемой ими этнической терминологии.

Народ «ромей» представал в их изображении, таким образом, как особый, избранный богом, призванный властвовать над другими, как выразилась писательница XII столетия, дочь императора Алексея Комнина, Анна¹⁵.

Самый термин «ромей», по крайней мере до XII столетия, не включал в себя никакого этнического содержания. Он вообще весьма мало соответствовал действительному положению дел; в особенности с VII в., когда официальным языком византийской администрации вместо латыни стал греческий язык. Византийцы отнюдь не были «римлянами», подавляющее большинство потомков римской знати, переехавшей из Италии на Восток при Константине I и несколько позже, погибли в бурях варварских нашествий и внутренних смутах IV—VII столетий. Состав господствующего класса империи в VII—XI вв. имел по преимуществу греческое происхождение, как свидетельствует новое исследование А. П. Каждана; было в его среде немало выходцев и из других, подвластных империи народов (армян, грузин, славян, сирийцев, арабов и т. д.)¹⁶. Византийцы исповедовали христианство восточного толка, не признавали верховенства папы, епископа римского, соблюдали нравы и обычаи традиционно греческие. Латынь была знакома лишь узкой группе интеллектуалов и юристов. Официально «ромей» четко и определенно отмежевывался от всякой генетической связи со своими далекими предками, античными и эллинистическими греками: слово «эллин» в устах византийца было синонимом понятия «язычник». Он отказывался от кровного родства с древними греками, говоря на греческом; он претендовал на кровное родство с римлянами, не ведая их языка. В понятии «ромей» заключался лишь политически-конфессиональный смысл. «Ромеями» были все жители империи — подданные императора, исповедовавшие христианство восточного толка.

Когда византийским авторам приходилось говорить о жителях современного им Рима и Италии, они обычно именовали их «италиками» («италами») и «латинянами». Причем последний термин прилагался вообще к жителям Западной Европы и означал прежде всего их приверженность к христианству западного толка

¹⁵ Анна Комнина Алексиада. Вступительная статья, перевод и комментарий Я. Н. Любарского. М., 1965, с. 391.

¹⁶ Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв. М., 1974.

(«католицизму», как стали говорить впоследствии) и подчиненность папской духовной власти.

Между «римлянами»-современниками и «ромеями», по представлениям тех и других, не было ничего общего. Константин Багрянородный, говоря о населении прибрежных далматинских городов, называет их, в отличие от «ромеев» (Ρωμαῖοι), «романами» (Ρωμαῖνοι) и поясняет, что они называются таким образом, ибо Диоклетиан переселил их сюда из Рима¹⁷. Царственный автор имеет при этом, несомненно, в виду и то, что эти «романы» исповедовали «католицизм»¹⁸.

Наиболее ярко трактовка отличий между «ромеями» и «римлянами» отразилась в рассказе епископа Кремоны Лиутпранда о споре на эту тему между ним и Никифором II Фокой с его царедворцами в 968 г. в Константинополе. Лиутпранд, по его словам, открыто высмеял нелепые претензии греков именовать «римлянами»: потомки древних римлян живут в Риме, в Италии, а не в Константинополе. Ему возразили: именно «ромей», подданные константинопольского императора, являются потомками знатных римлян, сенаторов и воинов, переселенных Константином Великим на Восток; живущие же в современном Риме «римлянами» называться не имеют права, ибо их предки, оставленные здесь за ненадобностью Константином I, — плебеи, булочники, рыбаки, незаконнорожденные и рабы¹⁹.

Уже в этом сообщении Лиутпранда содержатся указания на некоторые новые черты в самосознании византийской знати: появляется и в течение XI–XII вв. окончательно созреет мысль о «благородстве крови» как неперменном признаке знатного ромея²⁰. Термин «ромей» приобретает социальную окрашенность. Если до 70-х годов XI в. на престоле империи порой оказывались люди низкого социального происхождения, то с этого времени и далее, до конца византийской истории, с оформлением аристократической феодальной верхушки общества и развитием чувства сословной исключительности, императорами становились при всей зыбкости в Византии принципа наследственности высшей власти только представители знатных родов империи. Попытке «ромей» не было, таким образом, неизменным. Вместе с развитием социальных процессов созревания феодальных отношений оно обретало постепенно и собственно этнический смысл. Авторы XI–XII вв. все чаще при характеристике того или иного лица стали отмечать этническое происхождение такого «ромея». И если достоинства этой личности оказывались высокими, их подчеркивали особо как явле-

ние, в какой-то мере противоречащее иноплеменному происхождению человека²¹. «Подлинным» ромеем все более определенно в официальных кругах признавался именно ромей-грек.

В какой-то мере эти представления вышли за узкие круги знати и образованных слоев общества. Появились новые юридические нормы или такие толкования старых норм, которые, по сути, утверждали правовую неравноправность между ромеями-греками и ромеями-иноплеменниками. Запрещалось не только владеть греком в качестве раба, но и приобретать раба-грека за пределами империи²². Между тем в правление Алексея I Комнина обнаружилось, что многие греки владеют рабами-болгарами, спустя почти 80 лет после того, как Болгария была завоевана Византией и ее жители стали христианскими подданными императора, т. е. «ромеями». Алексей I приказал освободить от рабства тех болгар, которые представят доказательства своего происхождения от свободных родителей²³. Прочие же должны были остаться рабами. Положение это сохранилось и позже: в недавно опубликованном И. Дуйчевым документе XII в. говорится о продаже болгарами — ортодоксальными свободными подданными императора — своего ребенка в рабство священнику-греку²⁴. И как бы в признание перемен, происшедших в самосознании византийцев-греков, они, как правило, в XI–XII вв. и позднее уже не переносили названия «ромей» на негреческих подданных императора (болгар, армян, грузин). Лишь в исключительных случаях, во время столкновения византийских войск (отряды которых были укомплектованы из представителей разных народов) с печенегами, половцами или турками-сельджуками, термин «ромей» мог употребляться как собирательный для обозначения всех воинов, сражавшихся за императора.

Иноплеменники в империи ощущали иногда остро на себе эти перемены. В 50-х и 60-х годах XI в. Пвирский (грузинский) монастырь на Афоне остро конфликтовал с греческими монастырями из-за того, что они поддерживали монахов-греков одного из мотехов Ивирина, отказавшихся подчиниться ивирам. Подтверждая привилегии Ивирина в 1079 г., Никифор III Вотаниат запретил чиновникам и кому бы то ни было напосылать монастырю вред, «поскольку иноплеменники в нем пребывающие»²⁵.

В типике Григория Бакуриани, составленном в 1083 г. для основанного им монастыря во Фракии, основатель запрещает принимать в число монахов греков, употребляя здесь термин «ромей»

¹⁷ *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio*, ed. Gy. Moravcsik and R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949, p. 122 sq.

¹⁸ Сплитский собор 925 г. оформил подчинение Далмации папству и запрет богослужения на славянском языке. См. об этом: *Соколов Н. П.* Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963, с. 205, 206.

¹⁹ *Liutprand von Cremona. Die Werke*. Hannover u. Leipzig, 1915, S. 202.

²⁰ *Каждан А. П.* Указ. соч., с. 59–61 и сл.

²¹ *Michel Psellos. Chronographie*, ed. E. Renauld. Paris, 1926, v. I, p. 108.
²² *Practica Eustathii Romani. Jus Graeco-Romanum*, ed. C. Zachariae a Lingenthal, I. Lipsiae, 1856, p. 193, 194.

²³ *Ibid.*, III, p. 402–407.

²⁴ *Дуйчев И.* Български спогодбен акт от спохата на византийското владичество. — В кн.: «Известия на научния архив», 3. София, 1966.

²⁵ *Dölger F.* Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, N 36, S. 105; N 58, S. 161, 162; N 35, S. 101.

уже в узко этническом значении²⁶. А Григорий — первый в это время среди полководцев императора, доверие которого к Григорию было безграничным. Другой военный, полуармянин-полуславянин Кекавмен давал в своем сочинении советы иноплеменным независимым от империи топархам, как избежать подчинения императору и сохранить самостоятельность²⁷.

Перед такими выходцами из инородцев, стремившимися сделать карьеру при константинопольском дворе, становилась с ходом времени все более настоятельной необходимостью возможно полнее и быстрее изжить черты, свойственные их этническому типу: получить овладеть греческим языком, усвоить обычаи, нравы и мироощущение, господствующие в окружавшей их греко-византийской знатной среде. Некий Ливелий, писал автор конца XI в. Михаил Атталиат, получил воспитание сирийское и ромейское, но стал истинным ромеем²⁸. Повелитель Атталии в начале XIII в. Алдебрандин был родом италиец, но по воспитанию и складу ума, как с удовлетворением констатирует Никита Хониат, оказался ромеем²⁹. Император Алексей I Комнин, отражавший вторжение норманского герцога Роберта Гвискара, претендовавшего на константинопольский трон, был совершенно убежден, что даже в случае победы Роберта эта цель не была бы им достигнута, так как народ и войско ромеев не допустили бы «варвара» до императорской власти³⁰.

Отнюдь не случайно в византийской ученой литературе с конца XII в. стал вновь проскальзывать для обозначения жителей империи древний термин «греки», хотя даже и в середине XV в. он употреблялся несравненно более редко, чем термин «ромей»³¹. Все чаще начинает высказываться также мысль, что одновременное проживание в одном городе или районе этнически смешанного населения дурно отражается на нравах: множатся пороки, которыми представители разных народов заражают друг друга³². В несомненной связи с этими общими процессами находится и такая, казалось бы, академически безобидная литературная мапера, как аттиказация: ясно проявившееся с конца XI и ставшее модным с середины XII в. стремление оснастить повествование, торжественные речи, письма, стихи реминисценциями об эпизодах античной истории, образами эллинических мифологических сюжетов,

ссылками на древних авторов, изречениями из их трудов. Началось широкое увлечение сочинениями великих мудрецов древности. Отправляясь от идей Платона, в середине XV в. византийский философ Георгий Гемист Плифон даже пытался сконструировать новую космогонию, новую религию, новое учение о социальной организации общества, предлагая свою умозрительную доктрину в качестве средства спасения империи³³.

С XIII в. (с 1261 г. — года возвращения Константинополя византийцами) реальное политическо-конфессиональное и этническое содержание термина «ромей» совпало: при незначительных исключениях подавляющая масса подданных византийского императора была греками.

Тем не менее и этническое и конфессионально-политическое самосознание ромеев отличалось своеобразной «иерархичностью» — сознание общности с той или иной группой ромейского населения у каждого ромея было обычно различным. Особенно концентрированным чувство «ромейского самодовольства», превосходства не только над прочими народами, но и над ромеями-провинциалами было у потомственных жителей столицы империи — Константинополя, «царицы городов», «девяятидесяти божьего закона». Они имели преимущественное право на внимание властей, они обладали особыми привилегиями, которые были как бы отзвуком привилегий населения древнего Рима, на них падал отсвет императорского трона, благодать постоянного присутствия духовного владыки, отблеск «чудес» града «равноапостольного» Константина³⁴. Это чувство было свойственно даже деклассированному константинопольскому плебсу. Особенно обостренным оно было в X—XI вв. у представителей столичной бюрократии, из среды которой, кстати говоря, вышло большинство представителей византийской культуры. Каждый ромей, начиная строить свою карьеру, мечтал о том, чтобы стать константинопольцем либо приобрести там дом и иметь право на появление при дворе императора.

Большое значение придавали ромей землячеству. В основе этого чувства лежали не только фактор соседства могил предков, мест детства и жительства, но сознание древнего сохраняемого преданием племенного родства. Земляков объединяли и общие родственные связи, и общие знакомства, и даже традиционное соперничество с жителями соседних районов, областей, провинций. Критянин и фессалиец покатывались со смеху, слушая попойца и дорянина, а те платили им тем же³⁵. Традиционно и иногда жестоко враждовали жители провинций Фракия и Македония

²⁶ Typicon Gregorii Pacuriani, ed. S. Kauchschishvili. Tbilisi, 1963, p. 122.8—21.

²⁷ Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в. Подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина. М., 1972, с. 298—306.

²⁸ Michaelis Attaliotae historia. Bonnae, 1853, p. 111.

²⁹ Nicetae Choniatae historia. Bonnae, 1835, p. 842.

³⁰ Анна Комнина. Алексиада..., с. 87.

³¹ См., например, индекс (Γενική Φωκίδα) в «Истории» Дуки (Ducas. Historia Bizantina, ed. V. Grecu. Bucharest, 1958).

³² Nic. Chon., p. 405, 418; Пробывание Мазариса в подземном царстве. Перевод С. П. Кондратьева. — «Византийский вестник» (далее — ВВ), 1958, XIV, с. 351, сл.

³³ См.: Медведев И. П. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973, с. 100, сл.

³⁴ См. об этом: Nicol D. The Last Centuries of the Byzantium. London, 1972, p. 1—2. Ср. Constantinus Porphyrogenitus. De thematibus. Bonnae, 1840, p. 46.12, 13.

³⁵ Византийская сатира «Тимарион». Перевод С. В. Поляковой и Н. В. Феллепковской. Предисловие Е. Э. Липшица. — ВВ, 1953, VI, с. 377.

(константинопольцы — с адрианопольцами), Армениака и Харсана³⁶. Общим взаимным недоброжелательством платили друг другу обитатели восточных (малоазийских) и западных (балканских) провинций в целом. Напротив, еще в конце XII в. византийские полководцы, строя войско перед битвой, располагали его фланги по родам, племенам и коленам, чтобы обеспечить большую стойкость и готовность прийти на помощь землякам и соплеменникам³⁷. Узурпатор Алексей Комнин, осаждая Константинополь, считал бесполезным атаковать его стены там, где их защищали земляки Никифора III Ватаниата³⁸. После восшествия на престол императора, ведущего род из провинции, его земляки, родственники и знакомцы во множестве привлекались в ряды столичного чиновничества, в гвардейские отряды, в дворцовую челядь.

Сознание некоей большей общности, как упоминалось, имелось у жителей западных, с одной стороны, и восточных провинций, — с другой. Ромеи же в целом противостояли всему «нецивилизованному» миру. Воспитанное веками представление о своем превосходстве над другими народами почти непрерывно и жестоко опровергалось действительностью, начиная с середины XI в. Византийцы не могли не видеть этого противоречия, но, признавая, порой с горечью, справедливость ненависти к себе со стороны иноземцев³⁹, их поразительное благородство⁴⁰ и непревзойденную воинскую доблесть⁴¹, византийские авторы в целом не изменяли глубоко укоренившемуся чувству своей государственной, конфессиональной и этнической исключительности. Это чувство с течением времени становилось лишь все более обостренным и болезненным.

Отношения между ромеями разной этнической принадлежности претерпело в течение IV—XIII вв., как уже было сказано, значительную эволюцию. Еще в IX—X вв. ромеи-греки не проводили при взаимном общении с ромеями-негреками никакой резкой грани. Однако уже Константин Багрянородный в середине X в., через три столетия после славянских вторжений, скорбит, что «ославянилась вся страна» (Греция и Пелопоннес) «и стала варварской»⁴². Мы не знаем каких-либо специальных мер, которые предпринимала бы правительственная власть в Византии с целью интенсивной насильственной ассимиляции рассеянных групп или крупных анклавов иноплеменников, проживавших во внутренних районах империи, вдали от ее границ. Славянские поселения в

³⁶ Kacgi W. E. La politique du thème Charsianon. — XIV-e Congrès intern. des études byzantines. «Resumées — Communications». Bucarest, 1971, p. 87—88.

³⁷ Nic. Chon., p. 39, 40.

³⁸ Анна Комнина Алексиада..., с. 109.

³⁹ Nic. Chon., p. 847.

⁴⁰ Georgius Cedrenus. Joannis Scylitzae opus, II. Bonnae, 1839, p. 508. 20—509.4.

⁴¹ Анна Комнина. Алексиада..., с. 270.

⁴² Const. Porphyg. De thematibus, p. 53, 18—19.

Южной Фракии, у устья р. Марица и в Южной Македонии, близ Фессалоники, как и в Фессалии, сохранялись в течение полутысячелетия, до конца XII в., а на Пелопоннесе — до XIII—XIV вв. Главным для властей было — обеспечить повиновение иноплеменников, уплату ими налогов и несение воинской службы. Репрессивные меры (расселение, переселение, высылка видных лиц и т.п.) осуществлялись лишь в ответ на восстания иноплеменников. Ассимиляционную роль играло, в сущности, только одно, зато наиболее могучее средство — христианизация. Оказав духовенству помощь в ходе «крещения» и организации церкви среди иноплеменников, государственная власть в дальнейшем лишь поддерживала установившийся порядок. Служба осуществлялась на греческом языке. Общение неопитов «с богом» и властями содействовало быстрому развитию среди ромеев-иноплеменников билингвизма. Процесс полной ассимиляции растягивался на весьма длительное время. Но такие иноплеменные островки, оторванные от компактных масс этнически родственного населения, были обречены на полное исчезновение, на эллинизацию.

В сущности, с принципиальной стороны, политика византийцев по отношению к иноплеменному населению крупных областей, лежавших на окраинах империи, которые представляли собой самостоятельные в прошлом государства, захваченные империей (мы имеем в виду армянские, грузинские, болгарские и сербские земли), была той же самой. Различие состояло в том, что эти народы к моменту аннексии уже были христианскими, имели свою письменность и совершали богослужение на родном языке. Названия новых провинций (Ивирия, Болгария) констатировали их этническую инородность в империи. В армянских, грузинских, сербских районах имперские власти даже не пытались назначать греческих иерархов и вводить богослужение на греческом языке. Такая попытка была предпринята в Болгарии в XI—XII вв., но она, во-первых, не была осуществлена до конца, а, во-вторых, в силу общих социальных и этнических процессов этого периода, о которых сказано в начале статьи, привела к углублению не ассимиляции, а болгарского этнического самосознания.

Иногда источники сообщают о крупных переселениях иноплеменников, производимых византийскими властями (болгарских знати и даже воинских болгарских контингентов — в Армению, в пограничье, многотысячных групп армян — во Фракию, к пределам Болгарии)⁴³. Однако цели этих переселений были чисто политическими и военными, а не ассимиляционными, хотя объективно удаление переселенцев от родственной этнической среды обрекало их на ассимиляцию.

⁴³ См. об этом: Литаврин Г. Г. Армянский автор XI столетия о Болгарии и болгарях. — В кн.: Славяне и Россия. М., 1972; Бартикал Р. М. О болгарском войске в Васпуракане и последних годах царства Арцрунидов. — «Вестник общественных наук АН АрмССР», 1973, № 10.

Таковы, на наш взгляд, наиболее общие черты этнических отношений между разными народами в пределах самой Византийской империи. Такова в целом и эволюция самого термина «ромей», которым обозначили себя сами византийцы. Видимо, опираясь на предшествующее изложение, мы можем с известными основаниями сказать, что при определении и характеристике народов, не входивших в пределы империи, византийские авторы исходили из тех же категорий, имели в виду в целом те же основные признаки и критерии, которые они употребляли при описании племен и народов, подвластных византийскому императору. Основными среди этих критериев являются: этногенетический (происхождение народа), политический (подданство), конфессиональный (форма религии), географический (место обитания).

Д. Моравчик подчеркивал, что при всей сложности византийской этнической терминологии сведения византийских авторов представляют огромную историческую ценность и в подавляющей своей массе заслуживают доверия исследователя. Пожалуй, именно византийцы первыми вплоть до XII в. давали письменную характеристику любому новому народу, появлявшемуся в Европе (не говоря уже о Передней Азии и Африке). Ареал действия византийской дипломатии был огромным — до XII в. она безусловно являлась наиболее изощренной и опытной в Европе. Традиции длительного общения с иноплеменниками уходили в тысячелетнее прошлое. В империи существовали особые официальные службы и административные органы, служившие делу общения с иностранцами. Имелось даже своего рода средневековое министерство иностранных дел — ведомство *дрома*. Существовал многочисленный штат подготовленных переводчиков и т. д.⁴⁴ Византийцы имели возможность глубоко и систематически изучать нравы, язык и обычаи иноземцев у себя дома: в Константинополе в X—XV вв. существовали пользовавшиеся правами экстерриториальности колонии иностранцев (сирийцев, арабов, грузин, русских и варягов, венецианцев, генуэзцев и др.); на Афоне имелись Амальфитянский, Русский, Грузинский, Болгарский, Сербский монастыри.

В. Тышкова-Займова указывает на то, что нечеткость и сложность этнической терминологии византийских авторов находит, порой, объяснение не столько в особенностях представлений византийцев, сколько попросту в недостатке осведомленности⁴⁵.

По-видимому, верны заключения обоих ученых, но применительно лишь к каждому конкретному случаю.

Наибольшее количество византийских терминов, обозначающих племена и народы, составляют термины собирательные, которые представляют собою родовые понятия, включающие в себя несколько или множество видов и подвидов. Принципы конструирования этих собирательных родовых понятий весьма различны —

они могут охватывать все те критерии при дефинициях (этногенетический, политический, конфессиональный и т. п.), о которых мы упомянули выше.

Так, например, наиболее многозначным термином, которым византийцы обозначали практически все народы, появившиеся у дунайских границ из Северного Причерноморья, был термин «скифы» (Σκύθαι). Им обозначали и гуинов, и хазар, и венгров, и аваров, и болгар, и русских, и печенегов, и узов, и половцев, и татаро-монголов. Термин употреблялся наряду с теми собственными наименованиями, которые имелись у византийцев для каждого из этих народов. Это была намеренная архаизация (в древности территория была заселена скифами), в цели которой не входила этническая характеристика — в столь широком значении термин «скифы» должен был подчеркнуть только дикость этих народов, в понятие которой входили: отсутствие строго организованных форм государственной жизни на определенной территории, отсутствие городов и крепостей, языческие формы религии (идолопоклонство).

С XI в. термин «скифы» был перенесен и на некоторые народы в Малой Азии — на турок-сельджуков со времени их появления у византийских границ (второе десятилетие XI в.), а с XIV в. — также и на турок-османов.

Однако использование этого термина иногда гораздо более сложно. В более узком значении он является синонимом термина «кочевники» (νομάδες). С принятием болгарами, русскими и венгарами христианства скифами византийские авторы стали называть их гораздо реже — лишь в случаях обострения политических отношений с ними. Но примечательно, что византийцы никогда не называли «скифами» арабов. Принятие христианства уменьшало «скифские» свойства, а принятие турками мусульманства сделать этого, видимо, по представлениям византийцев, не могло. Однако дело здесь, по всей вероятности, отнюдь не в одном «качественном» отличии религий. Византийцы никогда не называли скифами также южных славян и, в частности, сербов, ближайших соседей болгар.

Правда, авары, по мнению византийцев, также — скифы, а между славянами и аварами в византийских источниках иногда ставился знак равенства⁴⁶. Однако основа этой идентификации лежит совсем в иной плоскости (об этом мы скажем ниже).

Предположению, что славяне (в том числе сербы), по мысли византийцев, непричастны к Северному Причерноморью и потому не могут именоваться скифами, противоречит обозначение как скифов сельджуков и османов. (Впрочем, Константин Багрянородный пишет о славянах Приднепровья, подвластных русским⁴⁷. А это — «скифский» ареал.)

⁴⁶ *Const. Porph.* De adm. imp., p. 122.17—18, 33, 36—37 etc.; *Nicolaos.* — PG, 119. Paris, 1864, col. 877 D.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 56—62.

⁴⁴ *G. Moravcsik* *G. Byzantinoturcica*, II, S. 1—3.

⁴⁵ *Тышкова-Займова* В. Quelques remarques..., p. 403—405.

Мы считаем возможным допустить, что понятие «скиф» в византийских источниках имеет также и этническое содержание. Оно состоит, по нашему мнению, прежде всего в тюркоязычии «византийских скифов». Не случайно это имя-эпитет наиболее последовательно прилагается в византийских памятниках именно к про-тоболгарам, печенегам, узам, половцам, татаро-монголам, сельджукам и османам. Эпизодическое перенесение этого названия на русских (чаще — в форме «тавроскифы») не может, по нашему мнению, противоречить такому допущению: это перенесение, во-первых, имело в виду чаще всего русских язычников, когда их место жительства было уже хорошо известно («скифская» равнина), а сведения об их языке были еще весьма скудны, во-вторых, это перенесение ставило цель подчеркнуть свирепость и дикость русских⁴⁸.

Соперничает по многозначности в источниках с термином «скифы» термин «гунны». При этом они объявляются то как равнозначный скифам народ («скифский или гуннский»⁴⁹), то как вид скифов («царскими подобает их именовать скифами»⁵⁰). К гуннам византийцы относили огромную группу народов: эфталиты (или «белые гунны»), акациры, сабиры, оногуры, утигуры, кутигуры, болгары, авары, турки, угры (венгры), узы, половцы, сельджуки, османы и др. Д-р Моравчик отмечает при этом, что в качестве «собственно гуннов» в византийских источниках выступают авары, гепиды, готы, киммерийцы, массагеты, негры, сигинны и скифы⁵¹ и что сохранившиеся гуннские собственные имена могут лишь частично найти объяснение в германских и тюркских языках⁵².

Нас, однако, в связи с целями нашей статьи, интересует несколько иной аспект: не то, кем в этническом смысле гунны являлись в действительности, а то, что византийцы имели в виду под термином «гунны». И в данной связи, сравнивая содержание этого термина с термином «скифы», нельзя не отметить гораздо меньшую определенность термина «гунны», несмотря на то, что он появился в источниках тысячелетием позже термина «скифы». Точнее было бы сказать, что когда появился термин «гунны», понятие «скифы» употреблялось уже в каком-то ограничительном значении.

Видимо, в основе формирования понятия «гунны» у византийцев лежали не какой-то один или два главных принципа, а не-

сколько принципов, среди которых этнический имел второстепенное значение⁵³. В самом деле: вряд ли в этническом отношении имелось что-либо общее между такими «гуннскими» народами, как готы, с одной стороны, и болгары и турки, — с другой. В понятии «гунны», по нашему мнению, византийцы с самого начала подчеркивали два основных признака: принадлежность к огромному союзу племен и народов, неумолимо и быстро продвигавшемуся в глубь Европы, и необычайную свирепость воинов и вождей этого союза по отношению к побежденным (т. е. современное значение эпитетов «гунны» или «вандалы»).

Третьим по емкости термином, использовавшимся византийцами для обозначения народов Восточной и Юго-Восточной Европы, является термин «славяне» (Σκλάβοι, Σκλαβηνοί, Σκλαυνοί, Σθλάβοι, Σθλοβενοί). Однако емкость этого термина в известном смысле формальна: он указывает лишь на огромные пространства, занятые славянскими племенами. Анты, кривитины, лендзанины, северы, сербы, хорваты, сагудаты, драгуниты и т. д. — таковы названия славянских племен, но этнические отличия между ними отмечены в источниках крайне нечетко и слабо. Предположить недостаточное знание византийцами славян как причину этого невозможно: ромеи, по крайней мере с VI в., постоянно сталкивались со славянами, которые заселили значительные территории самой империи. Следовательно, отразившиеся в племенных названиях славян различия указывали, скорее, не на этнические особенности каждого из племен, а на обособленное длительное развитие социально-общественной организации в недрах каждого из племен. Именно поэтому созданная Кириллом и Мефодием славянская грамота оказалась доступной и мораванам, и русским, и славянам Болгарии и Сербии.

Хотя славяне, несомненно, входили в гуннский союз, византийцы никогда не причисляли их к гуннам или скифам. Объяснение этому следует, вероятно, искать в том, что славяне резко отличались и языком, и образом жизни (оседлые земледельцы) от доминировавших в гуннском союзе (и среди скифов вообще) тюркских кочевых народов. Правда, как мы упоминали, славян иногда идентифицировали с аварами, а аваров — с гуннами. Однако причина этого лишь в том, что часть славян в VII—IX вв. входила в состав Аварского каганата, т. е. причина эта — чисто политическая: как и в случае с гуннским союзом, на славян было перенесено название господствовавшего в каганате народа (аваров).

Показательна в этом отношении эволюция термина «болгары» (Βούλγαροι). Д-р Моравчик строго различает два периода в исто-

⁴⁸ Константин Багрянородный только однажды назвал русских, наряду с хазарами и турками, одним из «северных и скифских» народов (*Const. Porph. De adm. imp.*, p. 66.24—25), причисляемых им к «печестивым», «иноверным и некрещеным» (*ibid.*, p. 70. 106, 116).

⁴⁹ *Arriani Tactica et Mauricii artis militaris libri duodecem*, ed. J. Scheffer. Upsaliae, 1664, p. 137.

⁵⁰ *Zosimi comitis et exadvocati fisci historia nova*, ed. L. Mendelsohn. Lipsiae, 1887, p. 174.22—24.

⁵¹ *G. Moravcsik. Op. cit.*, II, S. 359.

⁵² *Ibid.*, I, S. 58.

⁵³ Иордан, основываясь на сочинении Приска Папийского (в том числе и на утраченных его фрагментах), представляет гуннов малорослым широкоплечим народом, мужчины которого безбороды (Иордан о происхождении и деяниях гетов. Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скрипчинской. М., 1960, с. 90, 91).

рии термина: до оседания болгар на Балканах и после поселения на Балканах⁵⁴. Их причисляли (мы полагаем, в основном благодаря тюркоязычию) к скифам и к гуннам (входили в их союз). Более того, само наименование этого народа — в некой мере случайно: согласно анонимным «Заметкам о народах» (VIII—IX вв.), оно образовано от личного имени племенного вождя (филарха) Булгара⁵⁵. Эту версию повторяют многие византийские авторы X—XIV вв. Николай Мистик считает болгар осколком аваров⁵⁶, Константин Багрянородный пишет, что раньше их называли оногундурами, а «имя их стало известным», когда они в конце правления Константина IV переправились через Истр⁵⁷. (Иначе говоря, лишь тогда византийцы узнали, как этот народ именовал себя сам.) Иосиф Генесий считал их аваро-хазарами⁵⁸.

После переселения болгар на Балканы и создания ими совместно со славянами Мисии государственной организации, в которой болгарам принадлежала господствующая роль, их имя было распространено на все население этого государства, в котором славянам принадлежало большинство (подобно тому, как обстояло дело в Аварском каганате). Феофилакт Охридский пишет в «Житии Климента»: «славянский народ стал затем народом болгарским»⁵⁹. Однако к X—XI вв. византийские авторы, отмечая, порой, недавний бизантизм этой страны в термине «славяно-болгары»,⁶⁰ называют болгар «славянами по природе» (Σλαβογενεῖς)⁶¹. В конце XII — начале XIII в. в силу особых политических причин (восстание болгар против византийского господства, сохранение провинции Болгария на западе Балкан, не затронутом восстанием, большая роль влахов в восстании) на болгар временно переносилось также наименование влахы⁶². В целях архаизации писатели империи с VIII в. называли болгар также мисянами (они заняли на Балканах территорию древней Мисии), пеонами, или паннонами⁶³. Кроме того, во время византийского господства болгарские воины в составе византийской армии «удостаивались» наименования «ромеев».

⁵⁴ Moravcsik G. Op. cit., S. 100, 101; см. также: Ангелов Д. Образоване..., с. 116, сл., 215 сл.

⁵⁵ Pseudo-Callisthenes nach der Leidener Handschrift, hrsg. v. H. Meusel. — «Jahrbücher für class. Philologie», Suppl. 5, 1864, 72, S. 792.

⁵⁶ Nikolaos Mystikos. — PG, t. 111. Paris, 1863, col. 81. C.

⁵⁷ Const. Porph., De themat., p. 85.29—32.

⁵⁸ Genesius, rec. C. Lachmann. Bonnæ, 1834, p. 85.22—86.

⁵⁹ Феофилакт. Климент Охридски. Перевод от гръцкия оригинал, увод и белажки на Ал. Милев. София, 1955, с. 34.23.

⁶⁰ Acta monasterii Iberon, hrsg. v. F. Dölger. — «Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften». Philosophisch-historische Classe, II. 1. 1952, N 1b, S. 7.13.

⁶¹ Theophanes Continuatus, Joannes Cameniata, Symeon Magister, Georgii Monachus. Bonnæ, 1838, p. 50.21.

⁶² См. об этом: Лутаев Г. Г. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., с. 431—437.

⁶³ Geographi Graeci Minores, ed. C. Müller, H. Parisiis, 1882, p. 269.28; Ioannis Tzetzae hiliades. Lipsiae, 1826, p. 369.85.

Таким образом, на примере этого этнонима можно проследить, сколь различным может быть содержание одного и того же византийского термина, употребляемого для обозначения хорошо известного византийцам народа.

Излюбленными у византийских авторов были также обобщающие термины, указывающие на конфессиональную принадлежность народов. Гораздо чаще, чем этнонимы «франки», «алеманы», «испаны», «инглишы», и т. п., они использовали по отношению к народам Западной Европы термин «латины», который означал их приверженность к католицизму и содержал, несомненно, отрицательную характеристику.

По отношению к мусульманам в подобном смысле уже с VIII—IX вв. широко употреблялись три термина: «агаряне» (т. е. потомки наложницы Агари, прогнанной Авраамом), «исмаилиты» (потомки сына Агари Исмаила) и «сарацины» (потомки жены Авраама Сарры). Прилагавшиеся первоначально к арабам эти термины в XI в. были перенесены также на принявших мусульманство турок-сельджуков, а впоследствии — на османов и татар. В последние века византийской истории к этим трем терминам прибавились с тем же значением еще два: «махуметианы» и «мусульмане».

Конфессиональный смысл при указании на языческие племена и народы вкладывали византийцы также в термин «эфники», образованный от слова «этнос». Подобное же значение (без всякого указания на этническую принадлежность) имели также термины, обозначавшие приверженцев различного рода ересей (манихеев, павликиан, массальян и др.). Нередко как синоним еретичества (монофиситства) употребляли византийцы и термин «армяне». Однако при этом ощущалось некоторое неудобство: немало армян были халкидонитами, т. е. приверженцами православия (символа веры, выработанного на Халкидонском соборе), немало их занимали крупные должности при самом дворе. Поэтому для указания на монофиситство («армянскую ересь») византийцы часто использовали термин «акефалы». Для понимания этно-политической ситуации в империи не лишено значения то обстоятельство, что среди негреческих народов чувство этнического единства иногда преобладало над религиозным: полководец Григорий Бакуриани испросил у императора хрисовул на право передавать свое имущество кому хочет, в том числе — своим родственникам и людям, «хотя бы они были армянского исповедания»⁶⁴.

Широко распространенными в византийских источниках для обозначения народов были термины, образованные от географических понятий и также не содержавшие этнической характеристики. Порой эти термины крайне неопределенны и свидетельствуют почти о полной неосведомленности византийцев о населявших

⁶⁴ Typicon Gregorii Pacuriani, p. 154.14—16. Впрочем, о происхождении Григория (грузин или армянин) в литературе ведутся нескончаемые споры.

данные места народах (например, термин «гипербореи»). Порой, напротив, чрезвычайно конкретны, указывая на точное в пределах очень небольшой территории место поселения народа (например, «вардариоты» или «вардарские турки», как византийцы называли венгерскую колонию на р. Вардаре в Южной и Средней Македонии)⁶⁵.

Специфической особенностью византийской этнической терминологии является чрезвычайно распространенная архаизация этнонимов. Она, несомненно, была связана с отмеченной нами выше аттицизирующей тенденцией в византийской литературе. Недаром особенно интенсивно эта особенность проявилась в последние столетия византийской истории — в прямом противоречии с углублением конкретных знаний византийцев о других народах.

О том, как сами византийцы объясняли свою приверженность к этой моде, хорошо сказано у Дь. Моравчика⁶⁶. Наиболее ярким на этот счет является высказывание Анны Комнины: она не хочет «осквернять» повествование приведением в их подлинном звучании «варварских имен и названий»⁶⁷. Подобное заявление делал и долго живший среди болгар архиепископ Охридский Феофилакт Ифест⁶⁸.

Конкретные причины выбора того или иного архаичного этнонима для обозначения современного и нередко хорошо известного византийцам народа были различны. Иногда такой причиной было неведение — искренняя убежденность, что данный народ действительно происходил от того древнего народа, название которого византийский автор употребляет наряду с современным или даже вместо современного. Примером в данном случае может служить наименование русских тавроскифами у Льва Диакона, убежденного в этногенетическом родстве русских со скифами древней Тавриды⁶⁹.

В большинстве случаев, однако, перенос древнего названия народа на современников византийские авторы осуществляли, отлично зная, что в этногенетическом отношении между обоими народами не было ничего общего, кроме тех же мест обитания. Так, турки-сельджуки оказываются «персами», «персармянами» и даже «парфиянами»⁷⁰, а африканские арабы — «карфагенянами»⁷¹.

Впрочем, иногда при архаизации византийские авторы пыта-

лись с известными основаниями обосновать перенос названия именно этногенетическими связями древнего народа с современным. Так, например, поступает Кекавмен, называя влахов даками и бессами⁷².

И, наконец, еще одна причина архаизации, о которой вскользь было упомянуто выше, — сознательное стремление унижить, оскорбить враждебный империи народ. Такова, например, природа наименования болгар скифами. Порой при этом под архаичное одиозное слово подгонялось, переосмысляясь и искажаясь само этническое название народа: вместо «татары» — «Τάρταροι (тартары, т.е. «исчадия Тартара»⁷³).

Таковы вкратце наиболее общие, типичные особенности этнической терминологии византийских письменных источников. Мы коснулись лишь нескольких вопросов, возникающих перед историком при наблюдениях над нею. Однако уже из сказанного ясно, что при исследовании проблем этногенеза народов Центральной и Юго-Восточной Европы византийские источники потребуют немало труда для раскрытия сложного и далеко не равнозначного на разных этапах содержания упоминаемых в этих письменных памятниках этнонимов.

⁶⁵ Laurent V. 'Ο Βαρδάριωτῶν ἢτοι Τούρκων. Perses. Turcs asiatiques ou Tures hongrois? В кн.: Сборник в память на проф. Петър Ников. София, 1940; *Oikonomides W. Vardariotes*. — W. l. nd. r. — V. n. nd. r: Hongrois installés dans la vallée du Vardar en 934. — «Südost. — Forschungen», 1973, 32, p. 1—8.

⁶⁶ Moravcsik G. Op. cit., II, S. 9—17.

⁶⁷ Анна Комнина. Алексиада..., с. 201.

⁶⁸ *Theophylacti archiepiscopi epistulae*. — PG, t. 126. Paris, 1864, col. 372. A—B etc.

⁶⁹ Leonis Diaconi historiae libri decem. Bonnae, 1828, p. 150.

⁷⁰ Cedr., II, p. 670.8, Nic. Chon., p. 25.20; Michel Psellos. Chronographie, ed E. Renauld, II. Paris, 1928, p. 114.7, 122.7.

⁷¹ Cedr., II, p. 520.6 sq.

⁷² Советы и рассказы..., с. 269, 519—521, 561.

⁷³ Moravcsik G. Op. cit., II, S. 301.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЛАВЯН И ВОСТОЧНЫХ РОМАНЦЕВ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

О ХАРАКТЕРЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БОЛГАРИИ В VII—IX ВВ.

(Краткий обзор трудов
болгарских и советских археологов 1948—1973 гг.)¹

Н. Л. Подвигина

Изучение этногенеза любого народа связано в первую очередь с разработкой важнейших вопросов истории тех этнических компонентов, из которых сложился тот или иной народ, и с выяснением характера его материальной культуры. В настоящее время считается установленным, что в создании болгарской народности приняло участие несколько этнических компонентов — местное фракийское и иллирийское население, славяне и праболгары (называемые также протоболгарами, булгарами, тюрко-болгарами). Для выяснения роли каждого из них в процессе этногенеза болгарского народа необходимо комплексное изучение всей совокупности исторических источников VII—IX вв., в том числе и данных археологии.

Как известно, археологические материалы позволяют исследователям определить характер материальной культуры и уровень развития производительных сил у того или иного этноса, а это в свою очередь помогает выяснить и характер господствовавших производственных отношений. Археологически можно проследить и некоторые явления, связанные с процессом этногенеза. Однако лишь немногие специалисты по раннесредневековой истории Болгарии (С. А. Никитин, Д. Ангелов) обращаются к данным археологии, хотя достижения этой отрасли исторической науки за последние два с половиной десятилетия весьма значительны. Археологи не всегда используют в своих исследованиях письменные источники, что мешает делать обоснованные исторические выводы.

¹ В статье рассматриваются основные труды обобщающего характера и работы, посвященные исследованию наиболее значительных раннесредневековых археологических памятников Болгарии, опубликованные за последние два с половиной десятилетия.

Одной из первых проблемных работ по археологии, появившихся после 9 сентября 1944 г., была книга К. Миятева «Славянская керамика в Болгарии и ее значение для славянской археологии на Балканах»², которая, по существу, положила начало серьезному изучению материальной культуры славян. Проанализировав огромный керамический материал из большинства археологических музеев Болгарии, автор пришел к выводу, что славянская керамика была широко распространена на территории к югу от Дуная, где на позднеантичной основе был заложен тот фундамент, который в дальнейшем определил культурную общность славян. Придавая большое значение античному наследию, К. Миятев в то же время недооценивал уровень развития культуры славян. До прихода на Дунай славяне, по его мнению, почти не знали металла и керамики и пользовались в основном деревом. Их культуру он называет «примитивной», «деревянной». Последующие археологические исследования опровергли его точку зрения и показали, что и до появления на Балканах славяне были знакомы и с керамикой, и с металлом.

В конце 40-х годов начались систематические раскопки археологических памятников, связанных с историей Первого болгарского царства. Перед археологами стояла важная задача — высказать свое мнение по поводу реакционной «теории превосходства» праболгар над славянами, основываясь на «вещественных доказательствах». А это невозможно было сделать, не выяснив характера и уровня развития славянской и праболгарской материальной культуры.

С самого начала массовых археологических исследований в стране большое внимание стало уделяться раскопкам обеих древних столиц болгарского государства — Плиски и Преслава. Их изучение началось еще в конце прошлого столетия и продолжается до сих пор.

Первая болгарская столица Плиска (681—893 гг.) была обнесена двойным поясом укреплений — земляным валом со рвом и мощной каменной стеной. Над крепостной стеной возвышались круглые и пятиугольные башни. Городские ворота были укреплены двойными квадратными башнями. Улицы «внутреннего города» вели к центру, где находились Большой и Малый дворцы, дворцовая крепость и другие монументальные здания на каменных фундаментах, остатки которых раскопаны археологами.

В Преславе, ставшем столицей Первого болгарского царства в 893 г., в период его культурного расцвета, также исследуются «внутренний» и «внешний» город. Во времена турецкого владычества Преслав был разрушен, а его раннесредневековый строительный материал использовался для возведения мечетей и других сооружений. Уцелел монументальный фундамент царского двор-

² Миятев К. Славянската керамика в България и нейното значение за славянската археология на Балкана. София, 1948.

да, сложенной из массивных каменных блоков, который удалось открыть археологам. Сохранились также часть ступ, мраморные колонны и капители храмов, пайдены детали мозаики, глазурованные сосуды, золотые, серебряные и медные украшения. Обнаружены развалины Круглой, или Золотой, церкви, а возле нее — две ремесленные мастерские по изготовлению расписной керамики. В двух километрах к югу от старого города, в местности Патлейна, исследованы остатки керамической мастерской и мастерской по производству стекла.

Монументальная архитектура Плиски и Преслава (наряду со всем комплексом археологического материала) уже не одно десятилетие изучается специалистами, которые понимают, что эти памятники больше, чем какие-либо другие, могут дать ответы на вопросы о формировании раннеболгарской культуры и о роли местного населения, славян и праболгар в этом процессе. Мнения археологов о том, кем были построены монументальные сооружения обеих столиц Первого болгарского царства, разделились (эта проблема является темой специального исследования и здесь подробно не рассматривается). Одни ученые, например С. Станчев (Ваклинов), считают, что крепостная и дворцовая архитектура отражают племенные традиции праболгар, другие (А. Милчев) полагают, что она создавалась на местной античной основе.

В настоящее время считается установленным, что Плиска была смешанным поселением. Несмотря на то, что она являлась резиденцией ханов праболгарского происхождения и праболгарский элемент в составе городского населения был значителен (о чем свидетельствует массовый бытовой археологический материал, прежде всего керамика праболгарского типа), там, особенно на окраинах города, жили и славяне. В пределах «внешнего города» обнаружены типичные славянские жилища — землянки и полуземлянки. С. Михайлов, А. Милчев, С. Георгиева полагают, что славяне могли здесь жить еще до образования болгарского государства³.

Преслав был основан ханом Омуртагом в 821 г., а в конце IX в. процесс формирования болгарского народа близился к завершению, так что говорить о Преславе конца IX в. как о городе со смешанным славяно-болгарским населением уже не приходится. В это время здесь жили не праболгары и славяне, а единое население, говорившее на славянском языке и называвшееся болгарами.

В последние годы в Северо-Восточной Болгарии, на основной территории Первого болгарского царства, открыто множество смешанных поселений. Кроме того, археологи ведут исследования

как раннеславянских, так и праболгарских памятников. Изучение таких археологических объектов имеет большое значение для выяснения характера той и другой культуры, отдельные элементы и взаимопроникновение которых можно проследить в смешанных памятниках эпохи Первого болгарского царства. А это в свою очередь дает возможность установить характер болгарской материальной культуры конца VII—IX вв.

В 1948 г. начались систематические раскопки некрополя у г. Новый Пазар, неподалеку от Плиски, материалы которого были опубликованы С. Станчевым и С. Ивановым в 1958 г.⁴ Исследования показали, что некрополь оставлен праболгарами, о чем свидетельствуют как погребальный обряд, так и могильный инвентарь, главным образом керамика.

Рядом с некрополем, на противоположном берегу Кривой реки, обнаружены остатки поселения, которое С. Станчев связывает с некрополем. Открытие новопазарского памятника имело большое значение для изучения праболгарской материальной культуры.

В начале 50-х годов в археологических исследованиях ранне-средневековых памятников Болгарии приняли участие и зарубежные специалисты. В 1954 г. в местности Калето у с. Попина Силистренского округа начала работы болгаро-советско-румынская экспедиция. Раскопками были открыты позднеантичная крепость IV—VI вв. и средневековое городище VIII—XII вв., а также его некрополь⁵.

Несмотря на интенсивное археологическое изучение Северо-Восточной Болгарии, которое велось с конца 40-х годов, среди болгарских археологов не было единого мнения о характере ранне-средневековой культуры Болгарии. Как и прежде, существовали две точки зрения: одни считали, что в ее формировании главную роль сыграли праболгары, другие отдавали предпочтение славянам, правда, роль античного наследия признавалась всеми.

В 1962 и 1964 гг. на страницах периодического журнала «Археология», органа Археологического института и музея Болгарской Академии наук, прошла оживленная дискуссия по указанному вопросу. Одна из ее участниц, С. Георгиева, в своей статье подвергла критике господствовавшую в буржуазной литературе концепцию, по ее мнению, до сих пор поддерживаемую некоторыми современными болгарскими археологами⁶. Особенно критиковала С. Георгиева работы С. Станчева, считая многие его положения противоречивыми и недостаточно аргументированными. Она подчеркивала роль античного и византийского наследия, оказавшего благотворное влияние на славянскую культуру, которая являлась

³ Михайлов С. Археологически материали от Плиска (1948—1951 гг.). — «Известия на Археологически институт», т. XX. София, 1955, с. 139; Милчев А. Разкопки в Плиска западно от Вътрешния град през 1959 г. — «Археология» [София], 1960, № 3, с. 38; Георгиева С. По въпроса за характера на раннесредновековната българска култура. — «Археология», 1962, № 3, с. 4.

⁴ Станчев С. и Иванов С. Некрополът до Нови пазар. София, 1958.

⁵ Въжарова Ж. Славянобългарското селище край село Попина, Силистренско. София, 1956.

⁶ Георгиева С. По въпроса за характера..., с. 1—5.

основой раннесредневековой культуры Болгарии. Но, критикуя С. Станчева, преувеличивающего, по ее мнению, роль праболгар, С. Георгиева впадала в другую крайность, отрицая их вклад в болгарскую культуру эпохи раннего средневековья, что тоже нельзя было признать верным.

Вскоре вышла в свет статья С. Станчева, посвященная выяснению той же проблемы⁷. Отметив антинаучность и реакционность построений Б. Филова и других буржуазных ученых, автор подчеркнул, что неправы и те современные исследователи, которые отрицают роль праболгар или объявляют праболгарскую культуру славянской.

С. Станчев рассматривает памятники Северо-Восточной Болгарии VIII — первой половины XI вв. (известно около 150 укрепленных поселений этой эпохи), жилища и бытовой археологический материал которых не отличаются от комплекса Плиски (за исключением монументальной архитектуры). Это позволяет говорить, подчеркивает он, о связи Плиски с археологическими памятниками Нижнего Дуная и о том, что население, жившее в этой части страны, было смешанным, состоявшим из славян и праболгар. В конце IX—XI вв. оно представляло собой часть той, уже славянской народности, которая называлась болгарской. Далее, на основании изучения изменений в погребальном обряде, конструкции жилищ и т. п. автор пытается проследить картину этнических перемен. Он отмечает, что чем дальше на юг, тем меньше заметны в быте населения праболгарские черты.

Культуру Северо-Восточной Болгарии С. Станчев считает результатом развития и взаимодействия славянской и праболгарской культур. В процессе формирования единой болгарской народности на Балканах и славянской по своему характеру древнеболгарской культуры сыграли свою роль как славяне, так и праболгары. Победа славянского элемента для С. Станчева несомненна, несмотря на то, что праболгары, по его мнению, обладали «относительно более высокой материально-бытовой культурой»⁸. Это последнее положение С. Станчева вызывает серьезные возражения со стороны других археологов.

В 1964 г. в дискуссию включился А. Милчев⁹, который выступил с критикой теории культурного превосходства праболгар над славянами, но в то же время отметил несостоятельность утверждений тех исследователей, которые отрицают существование праболгарской культуры на Балканах. Рассмотрев прежде всего вопрос об античном наследии и его роли в формировании раннесредневековой культуры Болгарии, автор специально остановился на славянских материалах, свидетельствующих о достаточно высоком

⁷ Станчев С. Славяни и прабългари в старобългарската култура. — «Археология», 1962, № 4, с. 1—6.

⁸ Там же, стр. 6.

⁹ Милчев А. По въпроса за култура на славяните и прабългарите в нашите земи през ранното средновековие. «Археология», 1964, № 1, с. 1—12.

уровне развития материальной культуры славян в первой половине I тысячелетия н.э. При этом он использует и письменные источники.

А. Милчев считает, что болгарская культура VIII—IX вв. создавалась на основе раннеславянской культуры в процессе взаимодействия ее с местной фракийской, позднеантичной и ранневизантийской культурами при участии праболгар, которые, хотя и имели в то время менее развитую, по его утверждению, материальную и духовную культуру, чем славяне, все-таки оказали некоторое влияние на формирование раннесредневековой болгарской культуры¹⁰. Мнение А. Милчева об уровне развития славянской и праболгарской культур противоположно точке зрения С. Станчева, которая в свою очередь вызывает возражения у других исследователей.

В 1964 г. вышла из печати новая статья С. Станчева, в которой подводились итоги двадцатилетнего изучения археологических памятников VIII—X вв. на территории Северной Болгарии¹¹. Автор выделил несколько типов поселений той эпохи: неукрепленные селища, характерные, по его мнению, для скотоводческого населения страны (автор считает их праболгарскими), и укрепленные городища, наиболее крупными из которых являются Плиска, Преслав и ряд аулов, возникших по инициативе государства (С. Станчев полагает, что они были характерны для земледельческих племен «эпохи великого переселения народов»).

Исследованы две группы некрополей VIII—X вв.: с трупосожжениями и с трупоположениями. Сравнивая их, автор делает вывод о взаимном влиянии этих двух погребальных обрядов, что свидетельствует о взаимопроникновении двух основных племенных культур на территории Северо-Восточной Болгарии — славянской и праболгарской. Таким образом, древнеболгарская культура представляет собой результат органического слияния славянской, праболгарской и местных культур и в IX—X вв. уже воспринимается, по мнению С. Станчева, как различные проявления единой славянской, болгарской культуры¹².

Большое внимание проблемам формирования раннесредневековой культуры Болгарии уделяет Ж. Выжарова. Ею опубликованы две монографии и ряд статей на болгарском и русском языках, посвященные этим вопросам¹³.

¹⁰ Там же, с. 9.

¹¹ Станчев С. Старобългарската култура през VIII—X век. Кратка археологическа характеристика. — «Трудове на Висшия педагогически институт «Братя Кирил и Методий», т. I. Велико-Търново, 1964, с. 21—51.

¹² Там же, с. 39.

¹³ Выжарова Ж. Славянобългарското селище край село Попина, Силистренско; она же. Славяните на юг от Дунава. — «Археология», 1964, № 2, с. 23—33; она же. Славянски и славянобългарски селища в българските земи от края на VI—XI век. София, 1965; она же. Средновековни обекти по долините на реките Цибрица и Огоста. — ИАИ, т. XXVIII. София, 1969, с. 231—245; она же. Средновековното селище в м. Стареца, с. Гарван, Силист-

В статье, изданной в 1964 г., раннеславянские памятники конца VI—VIII вв. на территории к югу от Дуная рассматриваются в сравнении с памятниками эпохи Первого болгарского царства¹⁴. Автор отмечает самобытный характер раннеславянской культуры этих районов, в которой преобладают общеславянские признаки. В памятниках же культуры VIII—IX вв. прослеживаются, по мнению Ж. Выжаровой, как славянские, так и неславянские признаки (Северо-Восточная Болгария); в Южной и Юго-Западной Болгарии встречаются только славянские памятники.

Год спустя вышла в свет монография Ж. Выжаровой, в которой освещались материалы археологических объектов конца VI—XI вв., и в первую очередь поселения в местности Джеджови лозя у с. Попина Силистренского округа, раскопанного автором. Поселение представляет собой прекрасный образец двухслойного памятника¹⁵. В работе даны подробные описания жилищ и типологические характеристики находок (керамики, камешных, костяных и металлических изделий, орудий, украшений и т.п.). Основываясь на классификации жилищ и керамики памятника, Ж. Выжарова выделила два этапа в жизни поселения и две археологические культуры. Одна из них характеризовалась печами-каменками и керамикой, лепной и сделанной на легком гончарном круге; вторая — полуземлянками с печами, врытыми в материк, и гончарной керамикой (горшками с линейным орнаментом, лощеными сосудами и котлами с внутренними ушками). Первую культуру (нижний слой Джеджови лозя) исследовательница определила как славянскую и датировала концом VI—VIII вв., а вторую (верхний слой Джеджови лозя) связала и со славянами, и с праболгарами, и отнесла ее к «славяно-болгарскому» времени VIII—XI вв.

Относительно этого интересного памятника советский археолог И. П. Русанова высказала мнение, что датировка первой культуры еще нуждается в уточнении. Керамика групп А и Б из нижнего слоя Джеджови лозя, аналогичная керамике из Луки Райковецкой, роменско-боршевских поселений и Глинчи I, относится, по мнению И. П. Русановой, ко времени не ранее конца VII в. и бытует до начала IX в.¹⁶ То же самое можно сказать и о датировке других раннеславянских объектов Болгарии, культура кото-

рых сходна с культурой I Джеджови лозя. Эта (безусловно, славянская) культура должна датироваться не VI—VIII, а концом VII — серединой IX вв.¹⁷

В двух других статьях Ж. Выжаровой, опубликованных в 1968 и 1971 гг.¹⁸, подведены итоги почти двадцатилетнего изучения раннесредневековых памятников (некрополей, селищ, городищ и городов), которые она, как и прежде, относит к концу VI—XI вв., и сделана попытка определения их этнической принадлежности. Автор отмечает, что в последние годы проводятся систематические раскопки поселений и могильников эпохи раннего средневековья не только в Северо-Восточной Болгарии, но и в северо-западных, юго-западных и южных районах страны. Эти исследования особенно важны и интересны, так как долгое время представление о раннесредневековой болгарской культуре можно было составить лишь по археологическим памятникам Северо-Восточной Болгарии.

Достоинством работ Ж. Выжаровой является использование ею письменных источников и этнографических данных. Пытаясь локализовать некоторые из славянских племен на основании материалов некрополей, автор обращается к эпиграфическим памятникам¹⁹. Однако ссылки на письменные источники иногда даются в отрыве от археологических материалов. Так, сообщения средневековых хронистов о массовом пропикновении славян на Балканский полуостров в VI—VII вв. не подтверждаются данными археологии. Но это не значит, что славян в VI в. на Балканах не было — ведь неизвестны и памятники праболгар, которые пришли на балканские земли во второй половине VII в. Возможно, что эти ранние памятники еще не открыты и ждут своего исследователя, и дальнейшие разведки и раскопки подтвердят сообщения средневековых авторов²⁰.

Интересные наблюдения при изучении раннесредневековых памятников Северо-Восточной Болгарии сделал Д. И. Димитров²¹. Он обратил внимание на то, что раннеславянские селища всегда возникали на незаселенных местах или на месте древних фракийских поселений и в большинстве случаев уже к VIII в. прекращали свое существование. Раннеславянский слой не засвидетельствован до сих пор ни в одном из ранневизантийских

¹⁷ Там же, с. 278.

¹⁸ Выжарова Ж. Н. Памятники Болгарии конца VI — XI вв., с. 148—159; Выжарова Ж. Славяни и прабългари (тюрко-българи)... с. 1—22.

¹⁹ Ж. Выжарова. Славяни и прабългари (тюрко-българи)... с. 19, 20.

²⁰ К праболгарским памятникам VI—VII в., возможно, относится селище у с. Боймир-Каолиново (см.: Ваклинов С. За характера на раннобългарската селищна мрежа в Североизточна България.— «Археология», 1972, № 1, с. 11).

²¹ Димитров Д. И. Някои въпроси на проучването на раннесредновековните селища в Североизточна България.— «Музеи и паметници на културата», 1967, № 4, с. 1—5.

ренско.— «Археология», 1966, № 2, с. 21—31; она же. Памятники Болгарии конца VI—XI вв. и их этническая принадлежность. «Советская археология» (далее — СА), 1968, № 3, с. 148—159; она же. Славяни и прабългари (тюрко-българи) в светлината на археологическите данни.— «Археология», 1971, № 1, с. 1—22.

¹⁴ Выжарова Ж. Славяни на юг от Дунава, с. 23—33.

¹⁵ Выжарова Ж. Славянски и славянобългарски селища...

¹⁶ Плетнева С. А., Русанова И. П. Рец. на кн.: Ж. Н. Выжарова. Славянски и славянобългарски селища в българските земи от края на VI—XI век. София, 1965.— СА, 1966, № 3, с. 277.

городов и крепостей как в Болгарии, так и в Румынии. Лишь над двумя из пяти раннеславянских поселений Силистренского округа обнаружены слои эпохи Первого болгарского царства. Следовательно, связь между обитателями раннеславянских и славяно-болгарских поселений также не была значительной. Зато на месте римских крепостей, расположенных в удобных для земледелия равнинных районах, которые продолжали свое существование и в ранневизантийское время, остатки поселений эпохи Первого болгарского царства встречаются довольно часто. Новые поселенцы не использовали прежние жилища и сооружения, а устраивали над ними и между ними свои жилища-землянки.

Общеизвестно, что изучение керамики играет важную роль в археологических исследованиях. Керамика является самым массовым материалом, позволяющим уточнить датировку, а иногда и этническую принадлежность памятника, что имеет большое значение для решения проблем этногенеза.

Л. Дончева-Петкова специально занимается болгарской керамикой. Весь керамический материал, открытый на территории Болгарии, она делит на четыре большие группы, каждую из которых подробно характеризует²². Автору удалось выяснить технологию производства керамической посуды²³, проследить время ее появления и продолжительность бытования, районы распространения и возможные производственные центры²⁴. Так, горшки, имеющие форму перевёрнутого усеченного конуса, Л. Дончева-Петкова, как и большинство болгарских археологов, считает славянскими, а лощеную керамику, сферические и яйцевидные сосуды с врезным орнаментом в виде параллельных линий связывает с праболгарами. В конце IX и особенно в X в. обе традиции в керамическом производстве сливаются, появляются сосуды-гибриды, сочетающие и те и другие признаки²⁵. Все это еще раз наглядно свидетельствует о глубоком взаимопроникновении и слиянии славянской и праболгарской культур в единую болгарскую культуру.

В разработке проблем, связанных с формированием раннесредневековой материальной культуры Болгарии и этногенезом болгарского народа, принимают участие и советские археологи. Особенно важны исследования, проводимые Прутско-Днестровской экспедицией Академии наук Молдавской ССР и Института археологии Академии наук СССР²⁶.

²² Дончева-Петкова Л. Българската битова керамика през ранното средновековие (края на VI—XI век). София, 1969. Автореф. канд. дисс.

²³ Дончева-Петкова Л. Технология на раннославянската и старобългарската битова керамика (края на VI—X век). — «Археология», 1969, № 2, с. 10—24.

²⁴ Дончева-Петкова Л. Трапезната керамика в България през VIII—XI век. — «Археология», 1970, № 1, с. 12—25.

²⁵ Дончева-Петкова Л. Българската битова керамика..., с. 29, 30.

²⁶ Для изучения раннесредневековой культуры Болгарии немаловаж-

За это время в южной, степной, части Прутско-Днестровского междуречья обнаружено несколько десятков поселений, культура которых аналогична культуре памятников эпохи Первого болгарского царства в Болгарии. Наиболее интересным из них является городище у с. Калфа Тираспольского района Молдавской ССР, исследованное отрядом Прутско-Днестровской экспедиции под руководством Г. Ф. Чеботаренко²⁷.

Основная масса находок на поселении представлена керамикой. Опираясь на стратиграфию культурного слоя памятника и керамический материал, Г. Ф. Чеботаренко выделяет два горизонта, соответствующих определенным хронологическим периодам жизни на городище. Первый период — славянский — характеризуется лепной керамикой типа Луки Райковецкой (горшками, мисками, сковородами) и датируется VIII — первой половиной IX в. Ко второму периоду — периоду Первого болгарского царства — относится верхний горизонт культурного слоя, содержащий гончарную керамику двух групп: кухонную и лощеную. Кухонная керамика частично продолжает традиции раннеславянской посуды (формы сосудов, орнаментация), но отличается более развитой техникой изготовления (она сделана на быстром ручном гончарном круге и содержит примесь кварцевого песка в тесте, а не шамота, как лепная керамика). Другую большую группу керамического материала этого периода составляет керамика салтовского типа: столовая (лощепая) и кухонная, которую по внешнему виду трудно отличить от одновременной раннеславянской посуды (шарообразные горшки с линейным и волнистым орнаментом, в отличие от славянских, содержат известняк и растительную примесь в тесте). Лощеная керамика, широко распространенная на территории Первого болгарского царства и Хазарского каганата, на городище Калфа датируется X в.

пное значение имеют работы советских археологов по исследованию памятников, имеющих большое сходство с праболгарскими древностями на Дунае и расположенных в Подолье, Приазовье, в Крыму, на Северном Кавказе (труды И. И. Ляпушкина, М. И. Артамонова, С. А. Плещинской, А. Л. Яковсона, А. В. Гадло, В. А. Кузнецова). Но в рамках одной статьи, в которой делается попытка проанализировать исследования, проводившиеся на территории Дунайской Болгарии, где происходило формирование болгарской народности, останавливаться на трудах упомянутых ученых не представляется возможным. В статье не рассматриваются также работы исследователей раннеславянских памятников на территории Молдавии (Г. Б. Федорова, И. А. Рафаловича, П. Н. Бырни, И. Г. Хынку), так как они также не имеют прямого отношения к теме.

²⁷ Чеботаренко Г. Ф. Калфа — городище VIII—X вв. на Днестре. Кишинев, 1973; он же. Жилища городища Калфа VIII—IX вв. — «Известия АН Молдавской ССР», (Кишинев), 1965, № 12, с. 63—67; он же. Городище Калфа. — В кн.: «Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР» (далее — МИАЭМ). Кишинев, 1964, с. 197—209; он же. Классификация керамики поселения Калфы. — «Труды III конференции молодых ученых Молдавии», (Кишинев), 1963, вып. III, с. 86.

Относящиеся к этому периоду жилища, так же как и раннеславянские, представляют собой прямоугольные в плане землянки с печами — каменками в одном из углов (иногда печи располагались и в центре). Стены жилищ обшиты деревянными плахами или сложены из бревен, образующих сруб. Ко второму горизонту относятся также два гончарных горна, несколько ручных мельниц и хозяйственных ям грушевидной и цилиндрической формы.

В конце IX в. раннеславянская культура на городище Калфа уступила место культуре Первого болгарского царства. Эту смену Г. Ф. Чеботаренко связывает с освоением степной части Прутско-Днестровского междуречья выходцами из Северо-Восточной Болгарии в результате роста могущества и расширения территории Первого болгарского царства. После победы болгарского царя Симеона над венграми в 896 г. этот район, по мнению автора, оказался, вероятно, в составе болгарского государства. Поэтому культура южной части междуречья Прута и Днестра подверглась сильному влиянию славяно-болгарской культуры, о чем свидетельствует керамический материал из поселений Калфа, Крипичное, Глубокое и других (всего в южной части Прутско-Днестровского междуречья обнаружено около 90 подобных памятников²⁸), совершенно аналогичный керамике из большинства памятников Северо-Восточной Болгарии. Этот период на городище Калфа Г. Ф. Чеботаренко датирует второй половиной IX — рубежом X и XI в.

В 1970 г. вышла из печати статья М. И. Артамонова, посвященная характеристике болгарских культур Северного и Западного Причерноморья²⁹. Автор отрицал существование в средневековой Болгарии так называемой славяно-болгарской культуры. По его мнению, славяне и тюрко-болгары с самого начала оседания последних на Нижнем Дунае и до исчезновения их под ударами Византии, с одной стороны, и других тюркских народов — печенегов и половцев — с другой, оставались особыми этническими общностями связанными только единой политической организацией, но в остальном сохранявшими свою территорию, свой язык и культуру. Случаи биологического смешивания, так называемые «династические браки», особенно частые у представителей правящих слоев соседствующих этносов, не меняли существа отношений между тюрко-болгарами и славянами в целом как между двумя народами. Вот почему ошибочно и в силу этого неприемлемо, по утверждению М. И. Артамонова, наименование «славяно-болгарская» культура, равно как и распространение названия «бол-

гарская культура» на средневековую культуру всей Болгарии. Термин «праболгарская культура», по мнению автора, также неверен, так как тюрко-болгары вовсе не были праболгарами, т. е. предками славяно-болгарского народа³⁰. (Соглашаясь с тем, что в подобной интерпретации употребление этого термина действительно неправильно, нельзя не отметить, что большинство исследователей-болгаристов называют праболгарами именно тюрко-болгар.)

М. И. Артамонов полагал, что тюрко-болгары переселяли славян не только при хане Аспарухе, но и значительно позже, в конце VIII — начале IX вв., чтобы освободить для себя годные к земледелию районы. Поэтому в Западной Болгарии преобладающим стало славянское население, а в Восточной — тюрко-болгарское. В 971 г., не оправившись после недавнего поражения от Святослава, Восточная Болгария пала под ударами армии Иоанна Цимисхия. Восстановленное Самуилом в прежних границах болгарское государство продержалось недолго, и в 1018 г. было покорено Византией. Начавшиеся набеги печенегов, а затем половцев, привели не только к сильному разорению страны, но и к уничтожению тюрко-болгар как особого народа. Они были истреблены или поглощены другими тюркскими народами³¹.

«Славяне средневековой и современной Болгарии, — утверждает в статье, — получили от тюрко-болгар только имя, как наследие созданного тюрко-болгарами государства, в состав которого они входили. Они ассимилировали какую-то часть тюрко-болгар, главным образом из числа болгарской аристократии, усвоили некоторые второстепенные элементы тюрко-болгарской культуры, но не стали от этого славяно-болгарами, а остались, как и были, славянами»³².

Эта точка зрения представляется по меньшей мере спорной. Как показывают исследования болгарских ученых, характер раннесредневековой культуры Болгарии исключает вытеснение славян праболгарами из Нижнего Подунавья. Это подтверждается всеми данными картографирования раннеславянских и праболгарских памятников, а также наличием смешанных элементов, явившихся результатом взаимных влияний, даже в таких показательных памятниках, как праболгарский некрополь у г. Новый Пазар, где обнаружены несвойственные праболгарам трупосожжения.

М. И. Артамонов не отрицал частичного смешения славян с тюрко-болгарами и взаимодействий их культур, о чем, в частности, свидетельствуют могильники с характерными славянскими трупосожжениями и с тюрко-болгарской керамикой. Но ведь подобных могильников в Северо-Восточной Болгарии известно не-

²⁸ Чеботаренко Г. Ф. Материалы к археологической карте памятников VIII—X вв. южной части Прутско-Днестровского междуречья. В кн.: «Дальнее прошлое Молдавии». Кишинев, 1969, с. 211—227.

²⁹ Артамонов М. И. Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья. — В кн.: Доклады Географического общества СССР, вып. 15. Этнография. Л., 1970, с. 3—37.

³⁰ Там же, с. 12.

³¹ Там же, с. 11—13.

³² Там же, с. 13.

мало ³³, и такое смешение выглядит скорее правилом, чем исключением.

Следует признать, что большая группа керамики из раннеболгарских памятников имеет салтово-маяцкое (праболгарское) происхождение. Однако смешанный характер культуры Дунайской Болгарии определяется не только керамикой, но и конструкцией жилищ (сочетание в поселениях славянских землянок и праболгарских юртообразных жилищ) ³⁴, смешанным погребальным обрядом и другими признаками, свидетельствующими о взаимодействии двух этносов и их культур.

Большой вклад в разработку проблем этногенеза болгарского народа вносят труды известного болгарского историка Д. Ангелова, в которых подводятся итоги многолетних исследований болгарских ученых в этом направлении ³⁵. На основании комплексного изучения письменных источников и данных топонимики, гидронимики, лингвистики, археологии, антропологии и этнографии автор прослеживает весь процесс образования болгарской народности. Процесс этот был сложным и продолжительным и сводился, с одной стороны, к постепенному преодолению племенной раздробленности у славян, а с другой — к постепенному слиянию двух этнических групп (славян и праболгар). Но еще до прихода на Балканы праболгар закончился процесс ассимиляции славянами фракийцев и иллирийцев. Д. Ангелов отмечает, что для ускорения процесса образования болгарской народности большое значение имело создание единого государства. У славян и праболгар в рамках общего государства была теперь общая государственная власть, общая внутренняя и внешняя политика, что создавало важную предпосылку для объединения двух этносов.

По мнению автора, уровень развития производительных сил у славян и праболгар, судя по археологическим данным, был примерно одинаков. Поэтому вряд ли возможно говорить о превосходстве праболгарской культуры над славянской или славянской культуры над болгарской и на этом основании оценивать вклад тех и других в создание болгарского государства и болгарской народности. Думается, прав историк П. Петров, считающий, что нельзя сравнивать две несоизмеримые величины, так как условия жизни двух народов были совершенно различными. Славяне были оседлыми земледельцами и долго жили в тесном контакте с Византийской империей, у них сложились такие общественные

отношения, которые соответствовали быту и условиям их жизни. Кочевники-праболгары имели сильную военную организацию, что было связано с постоянными набегами и войнами. Но степень общественного развития обоих народов была такова, что позволяла и тем и другим создать государственную организацию ³⁶. А это в свою очередь способствовало укреплению их связей и взаимного влияния друг на друга. Смешанные славяно-болгарские поселения — наглядное тому свидетельство.

В IX—XI вв. в Болгарии утверждается феодализм. В середине IX в. болгарское государство становится относительно централизованным. К концу IX в. происходит завершение процесса этногенеза.

Д. Ангелов приводит данные топонимики и гидронимики, показывающие, что даже в Северо-Восточной Болгарии, где праболгарское население было наиболее компактным и многочисленным, уже в IX в. большинство названий городов и рек были славянскими ³⁷. Победа славянского этноса логична и естественна хотя бы потому, что славянское население было гораздо многочисленнее, а уровень развития производительных сил у славян был не ниже, чем у праболгар. Принятие христианства и создание славянской письменности также сыграли немаловажную роль. В IX в. болгары назывались уже не праболгары, а подданные болгарского государства, говорившие на славянском языке. Это были, по существу, уже славяне, воспринявшие, однако, традиции и элементы культуры двух других этнических компонентов — фракийцев и праболгар, влившихся в состав болгарской народности.

³³ Могильники Разделна, Блысково, Аксаково, Шишкина, Кипра, Орешака, Девня (Варненский округ); Юпер, Разград, Синий вир (Шуменский округ).

³⁴ Поселения у с. Нова Черна Силестренского округа, Брестак Варненского округа и другие, открытые совсем недавно.

³⁵ Ангелов Д. Образование на българската народност. «Ново време», 1968, № 12, с. 42—55; *он же*. Възникване и утвърждаване на българската народност. — «Исторически преглед» (София), 1971, № 2, с. 35—63; *он же*. Образование на българската народност. София, 1971.

³⁶ Петров П. Към въпроса за образуването на първата българската държава. — В кн.: «Славянска филология», т. V. София, 1963, с. 104.

³⁷ Ангелов Д. Образование на българската народност. София, 1971, с. 251—256.

**ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА
В СОВРЕМЕННОЙ РУМЫНСКОЙ ЭТНОГРАФИИ
(О древних источниках румынской народной культуры)**

Э. А. Рикман

Изучение этногенеза румын ставит перед исследователями задачи, трудно поддающиеся решению, в чем сказывается в первую очередь состояние письменных источников, приуроченных к Карпато-Дунайским землям, касающихся предков румын. В этих источниках волохи — предки румын отчетливо выступают лишь с XII в. Изучение археологических памятников VI—XI вв. еще не дало удовлетворительного ответа на вопросы происхождения румын. Сомнительно мнение, что археологические данные свидетельствуют о сложении в VI—X столетиях румынской народности¹.

Упомянутые трудности вызывают необходимость использовать для решения проблем этногенеза весь доступный круг источников и методических приемов, в частности, тех, которыми располагает этнография.

В предлагаемой статье по данной проблеме анализируется румынская этнографическая литература, вышедшая в течение последних десяти лет (1964—1973 гг.), в особенности статьи основного журнала румынских этнографов², отражающие изученность проблемы на «переднем крае науки».

Методические основы изучения этногенеза в румынской этнографии. Румынские этнографы считают одной из своих задач изучение истории румын в связи преимущественно с археологией.

Г. Г. Шталь и И. Донат в статье «Этнография и история» коснулись ряда научных и методологических задач, которые этнографы ставят перед собой, исследуя происхождение румын. Одним из основных методов этнографии в этой области признается «ретроспекция», именуемая «социальной археологией». «Исследование настоящего может быть часто полезно для реконструкции прошлого», — замечают авторы статьи. Г. Г. Шталь и И. И. Донат считают принципиально необходимым, изучая прошлое, опираться на этнографические данные: «...реконструкция прошлого, которая не может быть связана с современной ситуацией, именно поэтому представляется ошибочной».

В число основных проблем этнографии Г. Г. Шталь и И. Донат включают: исследование древнего процесса опускания населения с гор на равнину; определение зон, которые в период великого

переселения народов были заняты иммигрантами, «не столь подвижными, как о них думали»; изучение «одной из основных проблем румынской истории» — культурно-этнографического ареала оседлого населения дунайской долины в отличие от культурно-этнографического ареала населения Карпат; исследование географической среды, в которой преимущественно сохранился местный элемент на территории к северу от Дуная в течение тысячелетий после того, как римляне оставили Дакию (271 г. н. э.) по приказу императора Аврелиана; исследование по языковым данным влияния на предков румын тюркских народов и анализ тюркской и славянской (X—XIII вв.) топонимики на территории между Карпатами и Дунаем, в частности для выделения зон последующих полевых этнографических изысканий³.

Из предшествующего изложения видно, что румынские этнографы придают важное значение проблемам заселения своей страны в древности, роли в этом процессе оседлого и кочевого, земледельческого и скотоводческого населения. Румынские этнографы считают необходимым изучать географическую и этническую среду, в которой происходило формирование румын и их традиционной культуры. Последняя понимается как единая, формирующаяся на территории Румынии в течение ряда столетий, причем единство преодолевает региональные отличия, влияния других народов⁴. Это единство прослеживается в народных архитектуре (П. Петреску), мебели (П. Петреску и Р. Майер), ткачестве (М. Фокша), вышивке (Н. Дунэре), скульптуре (Н. А. Миропеску)⁵.

Румынские этнографы считают принципиально возможным по явлениям материальной (ткачество, костюм и т. д.) и духовной культуры изучать этногенез и этническую историю. Например, костюм, являясь «историческим документом, отражает всю историю формирования древнего народа»⁶.

При решении вопросов этногенеза и этнической истории, как увидим ниже, основным методическим приемом, используемым румынскими этнографами, является сравнение явлений современной традиционной и древней культур. При этом румынские этнографы исходят из той методической предпосылки, что решение вопросов этнической истории и этногенеза не может быть отделено от изучения истории материальной культуры и идеологии на протяжении тысячелетий.

Такой же методический подход к изучению происхождения современных этнографических явлений проявился еще в известной работе В. А. Городцова «Дако-сарматские религиозные элементы

³ Stahl H. H. și Donat I. Etnografie și istorie. — REF, 1966, t. 11, N 1, p. 3—11.

⁴ Bănățeanu T., Focșă G., Ionescu E. Arta populară în RPR. Port. Țesături, Cusături, București, 1967, p. 8, 9.

⁵ Arta populară românească. București, 1969, p. 34, 205, 275, 460, 623.

⁶ Там же, с. 275, 414. Из главы Н. Дунэре о ткани и главы Ф. Б. Флореску, посвященной костюму.

¹ Nestor I. Les données archéologiques et le problème de la formation du peuple roumain. — «Revue roumaine d'histoire», 1964, t. III, N 3, p. 419.

² Revista de etnografie și folclor (далее — REF).

в русском народном творчестве»⁷, однако соответствующая румынская этнографическая методика сложилась, по-видимому, самостоятельно.

Б. А. Рыбаков, развивая методику В. А. Городцова, поставил вопрос о необходимости построения эволюционных рядов, отражающих развитие явлений народной культуры с древнего периода вплоть до современности⁸. Ниже будет показано, что эта методическая установка применяется и румынскими этнографами.

Выявление роли фрако-гето-дакийского субстрата в формировании современной народной румынской культуры. Румынская этнография, изучая происхождение своего народа и его культуры, выявляет сходство некоторых этнографических явлений в культурах фрако-гето-дакийской, с одной стороны, и современной традиционной румынской, духовной и материальной — с другой.

Так, изучая скотоводство, румынские этнографы констатировали сходство типов «пастушеских хижин» румын и даков, сделав вывод об «исторической непрерывности развития материальной культуры румын со времени даков до наших эпохи»⁹.

Г. Морару-Попа, анализируя методами этнографии архаический земледельческий румынский инвентарь, усматривает черты сходства между системой земледелия античной эпохи и современной. Она разделяет мнение тех исследователей, которые полагают, что у румын лесной перелог, связанный и с пастушескими формами хозяйства, является культурным наследием даков. В неизменной природной среде, замечает Г. Морару-Попа, с древних времен сохранялись, передаваясь от поколения к поколению, формы земледельческих орудий.

Румынские архаические земледельческие орудия формировались от эпохи неолита до первых веков н. э. под влиянием земледелия средиземноморских (греков и римлян) и центральноевропейских народов.

Однако Г. Морару-Попа — сторонница широкого подхода к изучению народных румынских земледельческих орудий, признавая существование на Балканах единого в культурном отношении фрако-иллирийского субстрата, культурные традиции которого унаследовали современные народы этого района, предлагает для изучения румынского народного инвентаря привлечь этнографический материал из соседних с Румынией стран Балканского полуострова¹⁰.

Г. Морару-Попа предприняла интересную попытку выявления и реконструкции трех типов гето-дакийских пахотных орудий,

⁷ «Труды Государственного исторического музея», вып. I. М., 1926.

⁸ Рыбаков Б. А. Древние элементы в русском народном творчестве. — «Советская этнография», 1948, № 1, с. 91.

⁹ Etnografia și folcloristica română în anii de după eliberare. — REF, 1964, т. 9, N 4—5, p. 326.

¹⁰ Moraru-Popa G. Puncte de vedere în cercetarea etnografică a inventarului agricol arhaic românesc. — REF, 1968, т. 13, N 3, p. 252, 258—262.

увязывая археологические данные с этнографическими и, таким образом, прослеживая древние типы этих орудий в традиционной румынской материальной культуре. Используя этнографические данные, исследователь обращается именно к зоне первоначального обитания гето-дакийских племен, т. е. соблюдая географический принцип отбора этнографического материала¹¹.

В гето-дакийской среде, по мнению Г. Морару-Попа, сложился тип рала с двумя отвалами («garița»), наиболее приспособленного для обработки почв Карпато-Дунайского района. С IV в. н. э. у гето-дакийских племен распространился тип провинциально-римского наконечника плуга. Оба орудия были синтезированы гето-дакийским населением, что явилось выражением синтеза обоих культурных фондов в целом — результата романизации Дакии и Нижней Мезии. Синтезированные явления культуры, в частности земледельческие орудия, эволюционировав в течение средневековья, дожили в народной культуре до наших дней¹².

Таким образом, Г. Морару-Попа стремится найти историческую связь земледелия гето-даков и современных румын, прослеживая происхождение румын от гето-даков. Интересны взгляды автора о едином фрако-иллирийском субстрате как базе происхождения ряда балканских народов, и о влиянии на среду, в которой происходило формирование прототипов румынских земледельческих орудий, культуры средиземноморских и центральноевропейских народов.

В работе И. Влэдуциу, посвященной земледелию Южной Молдовы, развивались те же идеи, которые обосновывались Г. Морару-Попа: сходство этнографически засвидетельствованных элементов традиционного земледелия в гето-дакийскую и современную эпохи говорит о непрерывном существовании на рассматриваемой территории и земледелия и румынского населения от гето-дакийского периода до наших дней. Особое значение, замечает И. Влэдуциу, имеет этнографическое изучение современных способов и орудий обработки проса, которое играло большую роль в питании населения на территории Румынии еще в гето-дакийскую эпоху¹³.

Р. Вулканеску рассматривает особый вид земледелия — горное — в относительно узкой зоне — западном районе Южных Карпат, на территории, частично занятой в древности ядром государства даков. Здесь в сельских общинах даков, а впоследствии дако-романцев, сложился особый тип земледелия — «горная агрикультура» с прогрессивным для упомянутого района земледельческо-пастушеским хозяйством, однако характеризующаяся рядом архаических черт системы земледелия, возникших в горах.

¹¹ Moraru-Popa G. Comentarii etnografice la arheologia plugului. — REF, 1967, т. 12, N 3, p. 213—220.

¹² Moraru-Popa G. Contribuții la tipologia plugului românesc. — REF, 1970, т. 15, N 2, p. 148, 149.

¹³ Vlăduțiu I. O veche mărturie materială privind agricultura în Moldova de sud. — REF, 1967, т. 12, N 5, p. 384, 388.

«Горная агрикультура» в этом районе сохранилась у румын впоследствии в предфеодалном и феодальном периодах и даже позднее.

Р. Вулканеску, констатируя неизменность экономической структуры хозяйства населения, исходит из устойчивости его обитания в изучаемом районе в течение ряда столетий, причем положительной чертой исследования является попытка проследить явление в сменяющих друг друга исторических этапах¹⁴.

Исследуя скотоводческую топонимику, на дофеодалном или феодальном этапах на территории Западной Олтенции, Р. Вулканеску заключает, что, начиная с периода первобытнообщинного и до эпохи капиталистического строя, скотоводство развивалось на территории Румынии преимущественно в его оседлой форме, будучи тесно связанным с земледелием. Отгонное же скотоводство, оторванное от земледелия, имело второстепенное значение. На этот характер скотоводства не повлияли демографические изменения, связанные с миграцией народов. Таким образом, профессиональная топонимика, по Р. Вулканеску, является дополнительным аргументом для обоснования «автохтонности и непрерывности развития румынского народа на территории его родины»¹⁵.

Исследование Р. Вулканеску предостерегает от увлечения ролью отгонного скотоводства, именуемого иногда хозяйством «пастушеского типа», для объяснения этнической истории восточных романцев¹⁶. Вместе с тем автор неправомерно переносит выводы, полученные при исследовании топонимики Западной Олтенции, на всю территорию Румынии.

К. Белчин рисует в своей работе широкую картину земледелия, скотоводства и ряда промыслов у гето-даков, которую именует палеоэтнографической. Она построена на основе данных древних авторов и археологии.

Наиболее интересны для темы настоящей статьи конкретные сопоставления между гето-дакийской и народной румынской культурой. Автор, например, замечает: «...современное этнографическое исследование привело к заключению, что аборигенный сортимент разновидностей (румынской лозы. — Э. Р.), особые системы подрезки и ухода за лозой, практика виноделия» представляет собой ценное сокровище, унаследованное от гето-даков. К. Белчин добавляет, что древняя материальная культура гето-даков может быть реконструирована сравнением с традиционной румынской народной культурой. К. Белчин разделяет мнение, что гето-

дакийские загонь для скота — стьпы дожили в рамках оседлого скотоводства в румынской народной культуре до нашего времени. Сведения античных авторов дают возможность определить, замечает Белчин, хозяйственно-культурный тип, характерный для населения Дакии: оседлые земледельцы и скотоводы.

К. Белчин решает даже утверждать, что сельская община оседлого гето-дакийского населения сохраняется в современных румынских селах¹⁷. И этот автор, следовательно, полагает, что гето-дакийская культура явилась той базой, на которой сформировалась современная народная культура румын. В аргументации этого автора большую роль играет утверждение об оседлом характере гето-дакийских земледельцев и скотоводов.

Г. Морару-Попа составила на основании античных источников этнографический обзор не только земледелия, но и металлургии гето-даков. Автор детально рассматривает, опираясь на сведения древних авторов и археологические данные, металлургический процесс у гето-даков, римлян, комплексно решая палеоэтнографическую задачу. Археологический материал рассматривается как этнографический источник. Для нас наиболее интересны попытки автора показать дальнейшее развитие металлургии дако-гетов в эпоху феодализма и далее в румынском народном хозяйстве до XIX—XX вв.

Г. Морару-Попа видит продолжение развития гето-дакийской металлургии особенно у населения культуры Дриду (X в.), которое некоторые историки СРР считают румынским.

Так, по мнению Г. Морару-Попа, методы добычи руды, описанные античными авторами и известные по археологическим данным, у населения на территории СРР в XVII в. отмечены Павлом Алеппским. Перекликаются методы обработки руды античные и середины XIX в. Наблюдается сходство между дако-римскими и современными орудиями труда и приспособлениями металлургов. Орудия и техника труда, инструменты древних золотоискателей прослеживаются до XX в.

В развитии производства гето-даков были и периоды упадка, в особенности с V в. н. э., когда под давлением завоевателей это население передвинулось в труднодоступные горы и развитие его замедлилось.

Несмотря на эти периоды упадка, металловыделка и металлообработка поступательно и непрерывно развивались, по Г. Морару-Попа, от гето-дакийской эпохи до современного периода. То же происходило везде в Европе.

Г. Морару-Попа правомерно признает факт влияния народов, с которыми контактировали фракийцы, на производство у гето-даков.

¹⁴ Vulcănescu R. Agricultura de munte în vestul Carpaților meridionali. — REF, 1967, t. 12, N 2, p. 89—91, 98.

¹⁵ Vulcănescu R. Toponimie profesională. REF, 1965, t. 10, N 3, p. 252, 253.

¹⁶ Бромлей Ю. В., Королюк В. Д. Славяне и волахи в великом переселении народов и феодализации Центральной и Юго-Восточной Европы. — В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973, с. 26, 31.

¹⁷ Belcin C. Ocupațiile daco-geților în lumina literaturii antice. — REF, 1968, t. 13, N 1, p. 63—72.

Автор правильно указывает, что сходство палеоэтнографических и современных этнографических данных, относящихся к металлургии и металлообработке, не означает их идентичности. Действительно, ведь техника и орудия труда в течение двух-трех тысячелетий развивались, передаваясь от поколения к поколению. Речь может идти только о сохранении некоторых типов орудий, приспособлений и техники производства, эффективность которых в течение ряда веков была апробирована и которые сохранились в современном народном традиционном производстве в более или менее сходных с древними формах.

Приведенные выше соображения позволили автору на основании признания непрерывности развития металлургии и металлообработки на территории Карпато-Дунайских земель прийти к основному для него выводу о «непрерывности жизни автохтонного дако-романского населения на территории Румынии»¹⁸.

К. Джуреску в капитальном исследовании, посвященном истории рыболовства в Румынии, показывает, что эта отрасль хозяйства развивалась непрерывно с древнейшего до новейшего времени, то же относится к отдельным приспособлениям и приемам рыболовства, а также обработки продукции. Таковы однодревки-моноксилы, существование которых автор прослеживает с IV в. до н. э., в эпоху средневековья (1148 г. и 1445 г.), в XVIII в. и в первой половине XX в.

Подледный лов рыбы неводом, описанный Страбоном, румынским рыбаком известен в течение ряда столетий. Способы лова и экспорта рыбы, известные по древним документам, нашли свое продолжение и развитие в средневековой Килие. Соляные копи Подунавья использовались рыбаками в дакийскую, дако-романскую, дако-романско-славянскую эпохи, с периода средневековья до современности¹⁹. Выводы К. Джуреску были восприняты К. Белчин при разработке истории хозяйства гето-даков.

Таким образом, и К. Джуреску, показывая непрерывность развития рыболовства в Румынии, пытаясь наметить его эволюцию, доказывает непрерывность развития практиковавшего фракийскогоromanized населения в Карпато-Дунайских землях. К сожалению, автор не выявил в подкрепление своих идей индивидуальных румынских форм рыболовства и именно их эволюции.

П. Петреску в духе идеи континуитета прослеживает стыки между современной румынской народной и древней архитектурой местного населения, выявляя в современном строительстве «древние традиции». Начало их усматривается в строительных конструкциях еще эпох неолита и бронзы. Древние местные корни П. Пет-

¹⁸ Moraru-Popa G. Date etnografice referitoare la prelucrarea metalelor în izvoare antice.— REF, 1965, t. 10, N 5, p. 454, 456, 458, 462, 463, 467, 469, 471, 474, 475.

¹⁹ Giurescu C. C. Istoria pescuitului și a pisciculturii în România, vol. I. București, 1964, p. 44, 45, 47, 48.

реску находит для современной строительной системы Blockbau, особое внимание обращая на сходство современных и дакийских, а также дако-романских сооружений: печей и загонов для скота, распространенных в Западных горах.

В отличие от большинства румынских этнографов, которые отмечают сходство различных явлений современной материальной культуры и тех, которые отражены на колонне Траяна, П. Петреску в жилищах не усматривает этого сходства²⁰.

Этнографы конкретно прослеживают сходство и преемственность между формами народной традиционной одежды, бытующими у румын в настоящее время, и теми, которые существовали у гето-дакийцев. Суманы (sumanele), юбки и рубахи усматривают среди одежды дакийцев, изображенных на монументе в Адамклинсе²¹. Полагают также, что сама этимология названий этой одежды — плащей (ghebă), кожухов (sarică) и т. д. — свидетельствуют об их древности, традиционности, автохтонном происхождении. Производство суманов зафиксировано в XV в.²², в чем проявляется попытка проследить их эволюцию.

Равным образом этнографы считают, что у румын сохранились женская кофта (ie) и постолы (orincă), использовавшиеся за много столетий до наших дней гето-даками²³.

Пожалуй, в наиболее общей форме вывод о сходстве гето-дакийской и народной румынской одежды высказан М. Кук на основе рассмотрения изображений на колонне Траяна: «...даки периода римского завоевания имели такую же одежду, какая была у крестьян горной зоны Трансильвании в первой половине XX в.»²⁴ — вывод столь же широкий, сколь в работе М. Кука необоснованный.

Одежда служит для Ф. Б. Флореску материалом для этногенетических выводов. Он устанавливает соответствие этапов ее развития и этапов развития народа, начиная с эпох неолита и бронзы. Костюм является, как можно заключить из изложения Ф. Б. Флореску, свидетельством родственности иллирийцев и фракийцев. Иллирийско-фракийский костюм, будучи запечатленным во II в. н. э. в барельефах монумента Адамклинсы и колонны Траяна, сохранился до настоящего времени у румын Молдовы и Мунтении даже «в мелких деталях формы и декора». Это наблюдалось и в румынском костюме феодального периода.

Народная одежда румын, аромун, албанцев и греков, по Ф. Б. Флореску, имеет отдельные общие элементы, что находит свое объяснение в истории этих народов, автохтонных в Карпато-

²⁰ Arta populară românească, p. 34, 35, 38, 39.

²¹ Florescu F. B. Monumentul de la Adamklissi, Tropaeum Traiani, ed. a II-a. București, 1961, p. 532.

²² Pavel E. Sumanele moldovenești.— REF, 1965, t. 10, N 4, p. 415, 416.

²³ Florescu F. B. Urme ale începuturilor artei ceramice în România: ceramica lucrată din suluri de lut.— REF, 1964, t. 9, N 6, p. 594.

²⁴ Cuc M. Cercetări asupra cojocăritului în depresiunea Beiușului.— REF, 1973, t. 18, N 3, p. 217.

Балканском регионе и сохранивших в настоящее время достояние своих предков, и некоторые формы культуры, общие в древности. «Народный румынский костюм, — заключает автор, — представляет собой исторически непрерывную хронику»...²⁵

Идеи об автохтонности румын, которые пронижают выводы Ф. Б. Флореску, касающиеся истории костюма, в равной мере представлены в работе Н. Дунэре, посвященной вышивке. Изучение ее привело автора к выводу, что многовековая эволюция от простого к сложному привела к отбору — репродукции в румынском народном искусстве древних декоративных форм и к творческому развитию орнамента, отражающих «художественную выскательность румынского народа в различные эпохи его истории»²⁶. Автор увязывает развитие художественного творчества румын с их историей. Ее этапы соответствуют определенным этапам истории народного искусства.

Особенно много данных для уяснения связей гето-дакийской и традиционной румынской культур устанавливают Ф. Б. Флореску и П. Петреску на основании сходства современной керамики, в особенности черной и серой, из Молдовы, Олтенции и Трансильвании, с гето-дакийской. «Этот факт, — замечают авторы, — является решающим аргументом для демонстрации непрерывности традиций до этой отдаленной эпохи»²⁷. Нетрудно заметить исторический подтекст этого вывода: непрерывность развития керамики — одно из свидетельств непрерывного существования на территории Румынии населения фракийского происхождения.

Ф. Б. Флореску делает этногенетические выводы из этнографического изучения современной керамики из Валя Мурец, сформированной с помощью валиковой техники, без помощи гончарного круга, но с применением вращающейся подставки. Автор полагает, что эта техника, судя по археологическим данным, зародилась у гето-даков еще в доиндоевропейский период. Впоследствии эта техника существовала непрерывно, дожив до наших дней у румын. Автор считает, что собранные им данные дают возможность заключить о непрерывном развитии румынского народа на территории его обитания, а также о культурной изоляции отдельных его групп. Ф. Б. Флореску, однако, полагает, что описанная им техника не является специфически дако-гетско-румынской. Ее наличие в других странах Европы, Азии и Америки (особенное внимание уделяется подобной керамике у индейцев Перу) свидетельствует о сходных путях развития культуры народов этих стран²⁸.

²⁵ *Arta populară românească*, p. 279, 284, 414. Это мнение разделяет Е. Павел. См.: *Florescu F. B.* (в сотрудничестве с *E. Pavel*). *Portul. In: Arta populară de pe valea Bistriței*. București, 1969, p. 155.

²⁶ *Arta populară românească*, p. 447, 460.

²⁷ *Ibid.*, p. 543, 544, 546, 549, 552—554, 563.

²⁸ *Florescu F. B.* *Urme ale începuturilor artei ceramice...*, p. 576, 578, 579, 594.

Кроме того, Ф. Б. Флореску и П. Петреску усматривают прямую преемственность современной традиционной керамики румын от римской и средневековой византийской посуды, пытаются даже наметить эволюцию последней в пределах Румынии²⁹. В этом видят проявление не только культурных, но и этнических связей предков румын с римлянами и византийцами.

К сожалению, Ф. Б. Флореску и П. Петреску, указывая на сходство техники производства, форм, характера и способа нанесения растительного и геометрического декора мисок, кувшинов, кружек двух упомянутых выше категорий, нигде не прибегают к сопоставлению конкретных образцов современной румынской и гето-дакийской посуды, тем более и попыток наметить эволюцию керамики в течение двух с половиной тысячелетий. А ведь такое сопоставление двух категорий посуды не выявляет того разительного сходства, о котором пишут румынские авторы. Существует сходство в орнаментации посуды валиками с вдавлениями. Но не является ли оно следствием имитации старинной посуды современными гончарами, а не ее эволюции?

Больше данных требуется и для рассмотрения связей дако-гетско-румынской культуры с культурой римлян, византийцев и еще более — народов отдаленных стран и континентов, имея в виду установление их роли в формировании румын.

Румынские этнографы полагают, что некоторые особенности современной традиционной духовной культуры их народа произошли из духовной культуры гето-дакийцев.

В статье О. Бырля «Фольклор и история» провозглашается: «... фольклор — искусство народных масс — творцов истории — сопутствует истории, фиксируя ее атмосферу и факты в своем жанре». «История разновидностей фольклора подчеркивает в какой-то мере политико-экономическую историю страны». Исходя из этих позиций анализируется происхождение современных румынских фольклорных явлений. Автор предполагает, что происхождение различных форм медвежьего культа, наблюдаемых у румын до наших дней («день», «суббота» и «тапек» медведя), следует искать в религии гето-даков, в медвежьем культе Залмокиса. У гето-даков, вероятно, существовал и тотемистический культ быка, что предполагает наличие у них тех религиозных концепций и мышления, каковые могли породить и культ медведя³⁰. Представления О. Бырля о происхождении этнографически зафиксированных элементов культа медведи и быка пронизывают идеи автохтонизма.

Р. Вулканеску усматривает у гето-дакийцев доримского, а затем римского периодов зачатки румынского народного театра. Обрядовые переодевания и маскарады с использованием ритуальных, церемониальных и развлекательных масок во многом

²⁹ *Arta populară românească*, p. 539, 547, 557, 562.

³⁰ *Birlea O.* *Folclor și istorie*. — REF, 1966, t. 11, N 1, p. 13, 15, 16, 18.

аналогичны соответствующим представлениям, происходящим в настоящее время ³¹.

О том же свидетельствует анализ погребального спектакля Gogiū, проведенный Р. Вулканеску. Автор обращает наше внимание на то, что термин «Gogiū» аналогичен албанскому слову «goge» — чудовище, пугало и т. д. Таким образом, уже этот термин относится к древнейшему фрако-иллирийскому пласту румынского языка.

В погребальном ритуале представлен ступ, именуемый лошадей, а восседающий на нем молчаливый персонаж символизирует покойного. Эти моменты погребального ритуала, отмечает Р. Вулканеску, перекликаются с погребальными обычаями древних народов историко-этнографического Балкано-Дунайского региона, где лошадь почиталась как покровительница покойного, будучи связанная с урапическими (небесными) и хтоническими (погребальными) культами.

Наибольшее внимание автор обращает на то, что перекликается с гето-дакийским культом «фракийского» или «дунайского» всадника, возникшим во II—III вв. н. э. из более древних культов Карпато-Балканского района. Примечательно то, что Р. Вулканеску выделяет в погребальном ритуале Gogiū элементы, наслонившиеся на него в эпоху феодализма и даже капитализма, устанавливая эволюцию описываемого архаического «спектакля», а также то, что почитание коня сохранилось до современного периода не только в Gogiū, но и в румынских причитаниях, будучи распространенным фольклорным мотивом. Таким образом, в основе истолкования погребального «спектакля» у Р. Вулканеску лежит идея автохтонного происхождения румын, аборигенного населения Карпато-Балканского района ³².

В бытующей в румынском фольклоре легенде о Лазар'е Н. Рăдulesку видит проявление рудиментов культа румынского варианта аграрного бога, олицетворяющего идею умирающих и возрождающихся растений. Автор полагает, что Лазар возник еще в неолите из растительных культов. Особенно примечательным он считает существование таких героев у фрако-гето-даков в качестве автохтонного культа. Автор, однако, отказываясь от крайнего автохтонизма, предполагает, что представление об аграрных богах и героях (Адонис, Аттис, Осирис, Думузиз, Таммуз), проникнув к фрако-гето-дакам от народов Средиземноморья или Ближнего Востока, «стимулировали жизнь и циркуляцию аграрных обычаев у автохтонов или даже вызывали их развитие» ³³.

Нетрудно убедиться в том, что проводимая автором аналогия между Лазар'ом и гето-дакийскими героями свидетельствует, по мысли автора, об автохтонности румын в Карпато-Дунайских землях.

³¹ Arta populară românească, p. 634, 640.

³² Vulcănescu R. «Gogiū», un spectacol funerar. — REF, 1965, t. 10, N 6, p. 620—624.

³³ Rădulescu N. Lazăr — o versiune românească a eroului vegetațional. — REF, 1966, t. 11, N 4, p. 321, 336, 337.

Р. Вулканеску использует для решения вопросов этногенеза румынский народный орнамент, в частности изображение руки. Это его исследование построено на взаимосвязанном этнографическом и археологическом материале, причем последний используется как источник этнографического характера.

Автор возражает против мнения, что мотив, воспроизводящий руку, — азиатского происхождения, полагая одновременно, что на формирование этого «румынского орнамента» оказало влияние искусство восточно- и южнославянское, а также других народов Юго-Восточной Европы. Однако Р. Вулканеску констатирует, что изображение руки в румынской орнаментации — «мотив подлинно автохтонный», возникший в неолите или даже палеолите.

Автор детально прослеживает развитие мотива вотивных рук, особенно распространенного у автохтонов Карпато-Балканского района с III в. до н. э., в периоде средневековья, говоря о «непрерывности тех, кто непрерывно развивал этот мотив в своем искусстве от форм дофеодалных к феодальным, отражая искусство «румынского народа в различные исторические периоды его развития».

Заключая свое исследование о мотиве руки в румынском народном орнаменте, Р. Вулканеску пишет: «художественная форма и особенности орнаментальных жанров, символов и техника их выполнения несомненно связаны и следуют один за другим от одного исторического периода к другому, и периоды, в которых кристаллизировалась народная румынская орнаментика, в основном являются периодами румынского этногенеза. Этот факт заставляет нас поддерживать мнение, что проблема непрерывного автохтонного элемента на территории нашей родины находит дополнительное доказательство в дополнительном материале, представленном изучением народного румынского орнамента» ³⁴.

Р. Вулканеску выразил идеи автохтонизма, пожалуй, ярче, чем остальные упомянутые в настоящей статье румынские этнографы.

Стыки между современной традиционной румынской и фрако-дако-гетской культурами этнографы пытаются наметить и по музыкальным инструментам. Так, отмечено, что свистки, аналогичные трубкам цикуты, бытующим у румын, изобретены еще фракийцами из племени мезов. Это свидетельствует, справедливо отмечает И. Герця, «о господстве этих музыкальных пастушеских инструментов у фрако-гетов» ³⁵.

Уяснение связей румынской народной культуры с гето-дакийской закономерно находится в центре внимания этнографов, ибо со времени выхода работ Б. П. Хашэду, а затем В. Пырвана исто-

³⁴ Vulcănescu R. Figurarea minii în ornamentica populară română. (I) și (II). — REF, 1964, t. 9, N 3 и N 4—5, p. 213—215, 236, 239, 241, 246, 248, 254, 255, 415, 417, 421, 422, 439, 446, 447.

³⁵ Herța J. Șuierașul de cucuta. — REF, 1964, t. 9, N 4—5, p. 505.

рики обоснованно считают гето-даков тем этническим субстратом, на основе которого сложились румыны³⁶. Поэтому этнографы стремятся выявить связи упомянутых народов в широком диапазоне явлений культуры, чтобы своими методами утвердить эту идею происхождения румын.

Освещение роли древних соседей гето-даков Карпато-Дунайского региона в формировании предков румын. Румынские этнографы уделяют внимание и другим компонентам, сыгравшим роль в этногенезе румын.

Этнографы в разной мере оценивают роль славян в румынском этногенезе. Часть исследователей основательно считает ее в этом процессе этапной. Так, Р. Флореску полагает, что хотя обработка дерева была распространена еще у гето-даков, но в эпоху феодализма ее роль стала еще более важной, ибо именно в эту эпоху формирования румынского народа путем «включения славянского элемента в предшествующий автохтонный дако-романский фонд» особенно распространилась обработка дерева, столь характерная для ремесла славян³⁷.

Влияние славян на этногенез румын признает А.-И. Драгомир, рассматривая его на материалах языка и мифологии. Автор присоединяется к тем ученым, которые считают славянское влияние на румынский язык результатом «длительного лингвистического (конечно, как следствие культурно-исторического. — Э. Р.) контакта» между предками румын и древними славянскими народами. А.-И. Драгомир полагает, что контакт имел место в VI—XII вв. н. э., когда часть славянских племен осела к северу от низовьев Дуная, заняв территорию, которая приблизительно совпадает с бывшей Дакией. В этот период был наиболее тесен и глубок контакт с болгарами. Южнославянские заимствования происходили из устной речи и возникли при прямом контакте народов. Глубина и интенсивность южнославянского влияния обусловила распространенность южнославянских лексических заимствований по всей лингвистической дакороманской территории и во всех древних румынских диалектах. Позднее, отмечает автор, контакты сначала с украинцами, а затем с русскими и поляками вызвали влияние их языка на румынский. Региональность этого влияния обусловила региональность распространения соответствующих слов в румынском языке.

Особое внимание А.-И. Драгомир уделяет рассмотрению в румынском языке славянских по происхождению обозначений женских мифологических существ. Большинство этих терминов произошло из болгарского и сербо-хорватского, меньше — из украинского языков. Первые и вторые относятся к древнейшему слою славянского влияния на обозначения мифологических существ

в румынском языке. Однако для обозначения женских мифологических существ имелись и латинские термины. Заимствование славянских слов было обусловлено тем, что соответствующие латинские термины были зачастую табуированы.

Славянские обозначения женских мифологических существ — явления мировоззренческого религиозного характера — проникли в дако-романский или волошский языки в результате длительного периода латино-славянского билингвизма, наблюдавшегося у предков румын³⁸. Такой билингвизм — добавим мы в рассуждения А.-И. Драгомир — возникал только вследствие длительного культурно-исторического контакта и этнического смешения предков румын и славян, прежде всего южных. Этого важного заключения мы у А.-И. Драгомир не находим, но оно неизбежно вытекает из фактов, приведенных ею.

В отличие от Р. Флореску и А.-И. Драгомир во взглядах других этнографов наблюдается известная недооценка влияния славян на этногенез румын. Так, Г. Морару-Попа указывает, что славяне мало повлияли на материальную культуру румын в процессе формирования последних. Сельскохозяйственные орудия не были заимствованы у славян. Именно об этом свидетельствует появление терминологического параллелизма (латинско-славянского), возникшего у дако-романцев после расселения на их землях славян и последующей ассимиляции последних³⁹.

Н. А. Демченко, специально исследовавший вопрос о происхождении земледельческих орудий у восточных романцев, полагает, что весь комплекс их земледельческих орудий воспринят из «славянской земледельческой культуры», что произошло после падения уровня земледелия у восточных романцев в период великого переселения народов⁴⁰. Автор видит в этом проявление этапной роли славян в этногенезе восточных романцев⁴¹.

Взгляды К. Джуреску на происхождение румын известны, в частности, из этнографического исследования по истории рыболовства⁴². Автор полагает, что римляне оказали большое влияние на культуру гето-даков. Поэтому в лексике румынского языка термины рыболовства латинского происхождения занимают основное место.

На романизованное гето-дакийское население, продолжавшее развиваться на территории бывшей Дакии и после ухода из нее римлян, в раннем средневековье, по мнению К. Джуреску, оказали наибольшее влияние осевшие на этих землях славяне. Мно-

³⁸ Dragomir A.-I. Numiri de origine slavă ale fiintelor mitologice feminine în limba română. — REF, 1973, t. 18, N 3, p. 205—209, 241.

³⁹ Moraru-Popa G. Puncte de vedere în cercetarea..., p. 260.

⁴⁰ Демченко Н. А. Земледельческие орудия молдаван XVIII — начала XX вв. Кишинев, 1967, с. 81.

⁴¹ Демченко Н. А. Земледельческие орудия как материал для изучения этногенеза и этнической истории молдавского народа. — Материалы и исследования по археологии, этнографии МССР. Кишинев, 1964.

⁴² Giurescu C. C. Istoria pescuitului..., p. 53, 54.

³⁶ Pârvan V. Getica. București, 1926.

³⁷ Florescu R. Lucrul lemnului în aşezarea feudală timpurie de la Capida-va. — REF, 1965, t. 10, N 5, p. 529, 530.

говековое взаимовлияние обеих этнических групп, ассимиляция славян дако-романцами обусловили проникновение в язык последних названий многих (в том числе наиболее важных в промысловом отношении) рыб и приспособлений их лова, сохранившихся в румынском.

Переселение славян создало на территории Дакии новую социальную и политическую ситуацию, которая способствовала восприятию славянской терминологии. Славяне познакомили дако-романцев с новыми формами орудий и сырьем для их производства. Сказалась у дако-романцев и тенденция к имитации терминов, обозначающих более усовершенствованные орудия и процессы.

Таким образом, анализ истории рыболовства приводит К. Джуреску к выводу об ограниченном влиянии славян на формирование предков румын — дако-романцев. Во взглядах исследователя есть противоречие: почему же дако-романцы, заимствуя славянские термины, не воспринимали у этого народа более совершенные орудия и приемы рыболовства?

Важная роль славян в процессе этногенеза румын некоторыми упомянутыми выше учеными оценена не в полную меру.

Исследуя явления современной традиционной румынской культуры, этнографы выявили в ней черты, восходящие к фактам влияния на предков румын древних, ныне исчезнувших народов.

Г. Чобану интересно осветил влияние ираноязычных народов на гето-дакийских и последующих предков румын, привлекая данные этномузыкаведения. Мелодии, — замечает он, — распространяются мигрирующими народами. В случае, если эти народы ассимилируются более многочисленными, в среде последних часть мелодий мигрантов осваивается и передается тысячелетиями вплоть до наших дней. Сходство музыкального фольклора разных народов в первую очередь объясняется их контактами. В фольклоре румын сосуществуют мелодии, созданные в новое время, с теми, которые возникли в его субстрате и хранят «тайны истории румынских народа и культуры».

Совпадение мелодий румынского и иранского фольклора проявляется в песнях, связанных с обрядами, практикующимися при рождении. Различные варианты этой мелодии отмечены в Мунтении и некоторых районах Македонии. Совпадение вызвано наследованием их у сарматского населения, проживавшего на территории Румынии и со временем ассимилированного. Возможность контактов между предками румын и сарматами подтверждается лингвистическими, историческими и археологическими данными ⁴³.

Рассмотрев хроматическую тональность народной румынской музыки, Г. Чобану приходит к заключению, что лишь некоторые такие явления перешли в эту музыку из гето-дакийского «суб-

⁴³ *Giobanu G. Folclorul muzical și migrația popoarelor.* — REF, 1967, t. 12, N 3, p. 196—199.

страта». Они в основном заимствованы у народов, с которыми предки румын вступали в контакт, главным образом у скифов и сарматов, с которыми гето-даки вступили в контакт соответственно с VII в. до н. э. и с I в. н. э. Но и сейчас хроматическая тональность занимает важное место в музыке иранцев, — замечает Г. Чобану. Контакт с болгарами привел к началу IX в. к проникновению в румынский фольклор еще одной группы аналогичных явлений, ибо в это время через посредство болгар предки румын (волохи. — Э. Р.) восприняли вместе с православием византийскую музыку, для которой, как и для народной иранской музыки, характерны хроматическая тональность ⁴⁴.

Исследование Г. Чобану заслуживает признания. Его выводы находят опору в историко-археологических исследованиях, которыми выявлены факты обитания сарматов (алан и роксолан) по соседству с гето-дакийцами, взаимовлияние этих племен ⁴⁵. В средневековом периоде обитание волохов и алан по соседству тоже вероятно ⁴⁶, но взаиморасположение и взаимовлияние этих народов не изучено.

Хорошо известны многовековые культурно-исторические связи волохов с болгарами и византийцами.

Румынские этнографы выявляют ту роль, которую, повливая на гето-дакийские племена, сыграли кельты в различных областях традиционной культуры румын.

Анализируя содержание сказки «Девушка с отрезанными руками», К. Бэрбулеску указывает на поразительное сходство его с содержанием произведений бретонского (кельтского) фольклора, что свидетельствует о прямой передаче мотивов и исключает передачу через посредство фольклора других народов. Автор правильно заключает, что это сходство возникало с III—II вв. до н. э., когда кельты — носители латенской культуры — вступили в контакт с населением северных областей Балканского полуострова, в частности с гето-даками ⁴⁷, причем при взаимовлиянии этих племен, стоявших на почти одинаковом уровне социально-экономического развития, у них вырабатывались общие элементы фольклора или в результате заимствования или как отражение одинакового художественного мышления. «То, что подобные повествования, — замечает К. Бэрбулеску, — дошли до наших дней, будучи созданными автохтонными обитателями Карпато-Дунайских пространств более, чем 10 веков тому назад, устно передаваясь годами из поколения в поколение и сохранившись как древнее традиционное культурное достояние нашего народа, демонстри-

⁴⁴ *Giobanu G. Modulile cromatice în muzică populară românească.* — REF, 1966, t. 11, N 4, p. 314, 316.

⁴⁵ *Рикман Э. А.* Поздние сарматы Днестровско-Дунайского междуречья. — «Советская этнография», 1966, № 1.

⁴⁶ *Кулаковский Ю.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899, с. 19, 23, 24, 54.

⁴⁷ *Istoria României*, I. București, 1960, p. 232—237.

рует древность и непрерывность автохтонной культуры на территории нашей родины»...⁴⁸

К. Бэрбулеску не делает того вывода, который вытекает из логики его рассуждений: непрерывность развития автохтонной культуры обеспечивается непрерывностью обитания румын и их предков на территории Румынии.

В отличие от К. Бэрбулеску, который привел убедительные доказательства кельтского влияния на фольклор гето-даков, Г. Морару-Попа, сообщая о влиянии кельтов на культуру этих племен, в частности на аграрный инвентарь и сельскохозяйственное производство, не приводит равноценных доводов⁴⁹.

Румынские этнографы интересуются проблемой происхождения национальных меньшинств своей страны. Г. Сулицяну, исследуя музыкальный фольклор татар Добруджи, ставит вопрос о «социальных условиях существования в прошлом»... этого населения. Показательно, что татары именуют в фольклорных произведениях румын «*molduwan*»⁵⁰. В этом факте отразился контакт обоих народов в период существования Молдавского княжества.

В итоге отметим, что этнография указала на наличие в традиционной румынской культуре ряда явлений, корни которых прослеживаются в культуре гето-даков. В области материальной культуры обнаружено особенно много совпадений. Убедительно прослежены признаки влияния славян, кельтов и иранцев. Выводы румынских этнографов неравноценны. Так, эволюция этих явлений от гето-дакийской эпохи до современности большинством румынских этнографов пока не изучена, сделаны только отдельные молчаливые попытки в этом направлении, и разрыв в развитии культуры между гето-даками и румынами еще не заполнен, а ведь только заполнив его, можно получить неоспоримые выводы о происхождении румын и непрерывном развитии их предков в Карпато-Дунайских землях. При этом мы должны убедиться в индивидуальной принадлежности развивающихся явлений только предкам румын, рассмотрев их под углом зрения автохтонности, исключив соображения об их заимствовании от соседних народов в ту или иную эпоху.

В этом отношении наиболее удачна попытка Н. Дунэре, не только определившего специфические для автохтонного населения Карпато-Дунайской территории типы мужских и женских рубах, но выявившего их развитие во времени, запечатленное графически и словесно в шести фазах. В основе эволюции, как полагает Н. Дунэре, находятся типы дакийских мужской и женской рубах (фаза А). Интересны попытки автора определить общерумынские типы рубах (фаза В) и последующее образование локальных раз-

личий этой одежды⁵¹, связанных с формированием этнографических групп румын. Такие построения действительно являются доказательствами теории континуитета.

Румынская этнография активно участвует в выполнении основной задачи, которую решает вся румынская историческая наука в области изучения этногенеза: выявить автохтонность и непрерывность развития румын и их предков на левобережье нижнего Дуная и в Карпато-Дунайских землях⁵².

Историко- и палеоэтнографические направления, исследующие проблемы этногенеза, занимают в румынской этнографии прочное место. Этнографические данные охотно сравниваются с археологическими и историческими, однако сопоставления трех групп материала редко основываются на проработке категорий массовых источников. Чаще анализируется ограниченный круг фактов или единичные факты и связь трех наук — не органическая. Изучение этногенеза и этнической истории восточных романцев — важная, интересная, но сложная научная проблема, и этнографы СРР уже много сделали для ее решения.

⁴⁸ Bărbulescu C. Analiza istorică a basmului românesc «Fata cu mâinile tăiate». — REF, t. 11, 1966, N 1, p. 27—40.

⁴⁹ Moraru-Popa G. Puncte de vedere în cercetarea..., p. 260; Moraru-Popa G. Contribuții la tipologia plugului românesc, p. 148.

⁵⁰ Suceanu G. Introducere în culegerea și studierea folclorului muzical al tătarilor dobrogene. — REF, 1964, t. 9, N 6, p. 547, 549.

⁵¹ Arta populară din valea Jiului. București, 1963, p. 350, 426, 427, 430, 434, 495, 497, fig. 269, 270.

⁵² Armbruster A. Romanitatea românilor (istoria unei idei). București, 1972.

Н. Н. Грацианская, В. Д. Королюк

Моравские валахи — региональная этнографическая группа чехов в горной части северо-востока Моравии, так называемой Моравской Валахии. Это — самая крайняя область западных Карпат. Основным занятием населения здесь до середины XIX в. было отгонное овцеводство в сочетании с земледелием.

Специфика хозяйственного типа определила и весь культурный облик Моравской Валахии. Характерные для ее населения черты традиционно-бытовой культуры, сложившиеся под влиянием особых условий жизни в том районе, сохранялись и тогда, когда пастушество уже перестало играть сколько-нибудь важную роль в ее экономике. Многие элементы материальной и духовной культуры моравских валахов (включая и их диалект) очень сходны с культурой населения соседних горных районов Словакии. Много общего в культуре моравских валахов с культурой жителей других карпатских областей — поляков, украинцев и т. д. Общей была и чуждая славянским языкам терминология, связанная с пастушеством и топонимикой.

Считая себя чехами, моравские валахи в то же время сохраняют четкое самосознание региональной этнографической группы, отличая себя от соседей. Большую роль за последнее столетие в сохранении и развитии культурной специфики и регионального самосознания моравских валахов, как и других этнографических групп внутри чешского народа, сыграла деятельность местной интеллигенции, стремившейся во время широкого чешского национального движения, по существу своему буржуазного, удержать, а иногда и реставрировать народную культуру и обычаи во всех локальных вариантах. Как научная проблема вопрос об этногенезе моравских валахов возник именно в этот период последней четверти XIX в. и до сих пор еще служит предметом научных споров как в самой Чехословакии, так и за ее пределами. Он связан с большой и еще далекой от окончательного разрешения проблемой колонизации на валахском праве, проходившей в течение XIV—XVIII вв. по всей дуге Карпат.

Отправной точкой для большой научной дискуссии по вопросам происхождения валахов в Моравии послужила работа известного слависта Ф. Миклошича, выступившего с теорией прямого румынского этнического инфильтрации в Западных Карпа-

тах и румынского происхождения моравских валахов: «Вопрос о том, являются ли валахские колонисты чисто румынским или смешанным румынско-славянским населением, до сих пор открыт, однако более вероятно последнее предположение», — писал Ф. Миклошич¹. Главным его доказательством была румынская, как он думал, овцеводческая терминология в Западных Карпатах, прежде всего слово «валах», которое он считал синонимом слова румын².

Развивая теорию Ф. Миклошича, румынский историк Б. П. Хашдэу сформулировал концепцию паннонского происхождения моравских валахов (румын по его терминологии). Согласно его точке зрения, моравские валахи явились потомками тех валахов — румын, которые были оттеснены из Паннонии венграми во время завоевания ими среднего Подунавья³.

В 20—30-х годах паннонская теория была энергично поддержана и развита в трудах многих видных румынских исследователей, занимавшихся проблемами происхождения румын и румынского языка и стремившихся доказать древность румынского этнического субстрата в Западных Карпатах (Н. Йорга, Н. Дрэгану и др.)⁴.

Именно эти настойчивые усилия румынских исследователей межвоенного двадцатилетия доказать древность румынского субстрата в Западных Карпатах не только возбудили в чехословацкой историографии интерес к проблеме этногенеза моравских валахов, но и вызвали довольно оживленную дискуссию, тем более, что и в чешской историографии вслед за Хашдэу прозвучали голоса, связывавшие происхождение моравских валахов с румынской пастушеской колонизацией.

Среди чешских ученых не было никого, кто бы разделял эту точку зрения. Специфические черты языка и культуры моравских валахов были свойственны и славянскому населению словацких, польских и украинских Карпат. Было явно, что черты эти позднего происхождения и об особом старом румынском субстрате именно в Моравской Валахии нельзя было и говорить.

Однако непосредственно с румынской пастушеской колонизацией связывал происхождение моравских валахов чешский ученый Й. Валек⁵. Он первым при изучении данной проблемы использовал как лингвистические, так и исторические данные, а кроме того, и данные этнографии. Й. Валек различал в Моравской Валахии две колонизационные волны. Первая — в XIII в.

¹ Miklosich F. Über die Wanderungen der Rumunen in den dalmatischen Alpen und den Karpaten. Wien, 1879, S. 6, 7.

² Ibid., S. 66.

³ Haşdeu B. P. Stat şi substrat, genealogia popoarelor balcanice. Bucureşti, 1892.

⁴ Drăganu N. Rumanii în veacurile IX—XIV pe baza toponimicii şi onomastice. Bucureşti, 1933.

⁵ Valek Y. Poznámky k mapě moravského Valašska. — Časopis moravského muzea zemského, 1907—1911, s. 7—10.

из восточнославянских (украинских) районов Закарпатья шла в южные районы Моравской Валахии, вторая колонизационная волна, т. е. собственно валашская колонизация, наступила в XVI в. Это и были, по мнению И. Валека, настоящие румыны, число которых, правда, никогда не было значительным.

Решительным противником концепций, развивавшихся в румынской историографии и И. Валеком, выступил Д. Кранджалов⁶. Он с самого начала занял самую крайнюю позицию, отрицая всяческие румынские влияния в Моравской Валахии. Он считал, что нет оснований связывать пастушеский тип хозяйства в славянской части Карпат с приходом валахов-колонистов. Этот тип возник здесь до валахов и был обусловлен появлением балканских пастухов у карпатских притоков р. Тисы. Отсюда карпатское пастушество распространилось в Северные и Западные Карпаты так же как и в Карпаты румынские.

Д. Кранджалов писал, что происхождение пастушеского быта на север и запад Карпат нет нужды объяснять этнической миграцией, он переходил от одних этнических групп населения к другим без этнической инфильтрации, но с передачей названия «валах», которое в Западных Карпатах не имело этнического смысла, а обозначало лишь пастуха-горца. Что касается пастушеской терминологии, то Д. Кранджалов во всех языках славянского населения Карпат нашел лишь 37 слов румынского происхождения (исключения составляют украинские Карпаты, где, по его мнению, гораздо больше румынских слов). В Моравской же Валахии он нашел только 26 румынских слов в пастушеской терминологии, встречающихся в то же время в словацком, польском и украинском языках: *bryzna*, *car*, *cárek*, *čutora*, *lujara*, *glaga* — *klóga*, *grapa* — *gropa*, *halbija*, *koliba*, *komarník*, *kulastra* — *kuřastva*, *kurnota*, *laja*, *merinda* — *merizaty*, *murgaňa*, *plekat'* — *plegat'*, *podišar*, *regigat'*, *rumigat'*, *sinty* — *suty* — *čuty*, *strunga*, *urdà*, *vakeša*, *vetula*⁷.

К сожалению, Д. Кранджалов, использовал этнографические данные не полностью. На самом деле применяемая в пастушестве овцеводческая терминология в Моравской Словакии более обильна и, по-видимому, содержит гораздо больше слов восточно-романского происхождения.

Термин Моравская Валахия Д. Кранджалов выводил непосредственно из немецкой краеведческой литературы, считая его прямым переводом немецкого названия (*Mährische Wallachei*), употреблявшегося для этой области в австрийской военной терминологии еще в XVIII в., наряду с тремя другими землями австрийской империи — княжества на Нижнем Дунае, Олtenии и пограничной со Славонией территории. Обособление Моравской Валахии как этнографической области он отнес к XIX в.,

⁶ *Krandžalov D.* Valaši na Moravě. Praha 1963 и др. (см. ниже).

⁷ *Krandžalov D.* O valaších na Moravě. — *Československý časopis historický*, 1962, N 2, s. 201.

связывая это с особенностями общественного развития Чехии и Моравии и деятельностью моравских пародоведов конца XIX в.⁸

Оставляя в стороне работы чехословацких ученых, лишь попутно касавшихся проблематики Моравской Валахии (Кавуляк, Халопецки⁹), следует подробнее остановиться на исследованиях И. Мацурека¹⁰, где содержатся конкретные исторические сведения о валахах на узком участке Западных Карпат в Моравии. И. Мацурек собрал огромный архивный материал, изучая политические, экономические, социальные и культурные условия карпатского пастушества в Моравской Валахии и Тешине на протяжении нескольких столетий.

Одними из самых значительных документов для изучения хода и характера валашской колонизации были свидетельства подданных при их спорах с феодалами о границах феодальных владений, пастбищ общины и т. д. В этих свидетельствах, а также в «валашских письмах», т. е. в жалобах пастухов на отдельных феодалов или жителей панств содержатся и многие исторические сведения.

На конкретном материале И. Мацурек показал время прихода первых валашских поселенцев в западные Карпаты (конец XV в.), их экономическое, правовое по отношению к феодалам положение в XV — XVIII вв. в отдельных панствах Моравии, изменение функций валашского воеводы. И. Мацурек пришел к выводу, что первые валахи в западных Карпатах были чуждый местному населению элемент, занимавшийся только пастушеством¹¹. Валахи-пастухи пришли в Моравию с востока (из словацких Карпат, а в Словакию из Карпат восточных, т. е. украинских). Конкретные источники, рассмотренные И. Мацуреком, говорят о том, что к переселенцам, двигавшимся с востока, присоединилось местное население. Поэтому необходимо считаться, особенно в поздний период колонизации (XVII в.), с присутствием в Западных Карпатах словацкого и польского этнического элемента, кроме указанного выше восточнославянского (украинского). Все это осложняет решение проблемы этнической принадлежности валашских колонистов, но Мацурек, в отличие от Кранджалова, все-таки признает в их среде наличие славянизированного румынского компонента¹².

О смешанном этническом составе валахов-колонистов Восточной Моравии свидетельствуют их имена в источниках XVI — XVIII вв., среди них встречаются имена украинского, словацкого

⁸ *Krandžalov D.* О современном состоянии изучения румынских влияний в Карпатах. — *«Ethnographica»*, [Brno] 1960, III—IV.

⁹ *Kavuljak A.* Valaši na Slovensku. — In: *Sborník na počest' Y. Skultetyho*. Martin, 1933, s. 336—374; *Chaloupecký V.* Valaši na Slovensku. Praha, 1947.

¹⁰ *Macúrek J.* Valaši v západních Karpatech v 15—18 století. Ostrava, 1959.

¹¹ *Ibid.*, s. 108.

¹² *Ibid.*, s. 55, 56.

го, польского и по-видимому, восточно-романского происхождения: Bača, Beno, Cigan, Czunta, Dorotčyn, Dalič, Fontana, Fagela, Halama, Chyrbjat, Ivan, Kotrdej, Kyčer, Kuběna, Maniak, Močko, Mazura, Olepka, Opiela, Polák, Pierga, Piatkaw, Plandor, Rozmčyn, Randušov, Roman, Rara, Rynoch, Schovag, Stacia, Skravan, Šeliga, Švaucar, Truchaučyn, Tichan, Trzaska, Uher и др.¹³

Продолжая работу Й. Мацурека по изучению происхождения и особенностей культуры моравских валахов как этнографической группы чехов, его ученик этнограф Ярослав Штика проследил процесс изменения значения термина «валах» в Моравии с XV до середины XIX в.¹⁴ Слово «валах», обозначавшее в начальный период колонизации пастуха, постепенно с процессом оседания пастушеского населения, во второй половине XVI—XVIII вв., стало и названием жителей горных хуторов и деревень, занимавшихся, кроме того, и земледелием. Термин валах определял в то время два социальных слоя — валахов горных пастухов и владельцев отары, живших в деревне. Он обозначал и колонистов из равнинных областей Моравии, обрабатывавших копапцы — горные земельные участки в горах, начиная с XVIII в. Валахами же в то время назывались люди, выполнявшие государственную службу по охране лесов и границы страны, и горцы-проводники, вербовавшиеся из местного населения.¹⁵

После 30-летней войны валахами стали называть повстанцев всей Восточной Моравии, руководимых протестантами — жителями валашских деревень. Область Валахии в то время расширилась и на панства Злинское и Луковское, где «валашская колонизация» никогда не приобретала сколько-нибудь значительно размера, а отгонное скотоводство не имело решающего значения.

В течение XVIII в. значение слова «валах» опять изменилось. Оно уже не относилось к особой категории пастушеского населения в Моравии, отгонное скотоводство постепенно перестало быть основным занятием горцев, потеряли прежнее значение общественные институты в валашских поселениях. Теперь валахами называлось земледельческое население горной области Восточной Моравии, в культуре и диалекте которого замечались общие со словаками черты. Ядром этой области были панства Рожнов, Валашке Мезиржичи, Всетин и Гуквальд, более всего когда-то подвергшиеся пастушеской колонизации. Своеобразие диалекта и культуры сохранило и земледельческое население области. Моравская Валахия, таким образом, вовсе не искусственно созданная культурная область — результат деятельности чешских интеллигентов — патриотов конца XIX в.,

¹³ Macurek J. Valašská kolonizace v západních Karpatech. — In: Slovenské historické studio, t. II. Bratislava, 1957, s. 245.

¹⁴ Štika J. Význam slova «valách» v západních Karpatech. — «Slovenský národopis», 1962, N 3.

¹⁵ Štika J. Badání o karpatském salašnictví a valašské kolonizaci na Moravě. — In: Slovenský národopis. Praha, 1961, s. 542, 543.

как думал Д. Крапидкалов, а реально существующий регион со специфическими особенностями, жители которого отличали себя от соседей.

Дискуссию по вопросам происхождения моравских валахов в чехословацкой историографии нельзя признать законченной. Однако некоторые выводы из нее в настоящее время сделать можно. Но прежде чем перейти к ним, следует оговориться, что применяемая в чехословацкой, польской и румынской литературе этническая терминология не представляется удачной. Речь идет о терминах «румын» и «румыны», определении «румынский» в применении к валашскому этническому элементу и валашской колонизации XV—XVII вв. Учитывая, что румынская народность сложилась позже и не вобрала в себя весь восточнороманский этнос, применительно к рассматриваемой здесь эпохе, более правильно пользоваться термином восточные романцы и этноопределением восточнороманский, когда речь идет о валахах — валахах — волохах, их социальной организации, хозяйственной жизни, миграционных движениях.

Подводя итоги дискуссии в чехословацкой историографии по проблемам этногенеза моравских валахов, следует, как кажется, подчеркнуть следующие положения:

а) Моравская Валахия и моравские валахи не являются искусственным этнографическим образованием XIX в. Как особая этно-культурная область Моравии, как особая этнографическая группа чешской нации она сформировалась в результате специфики своего социально-экономического и этнического развития в предшествующий период.

б) В этническом развитии Моравской Валахии на ранних этапах участвовал восточнороманский элемент (валахи), о чем свидетельствуют, в частности, и документальные источники конца XVI в., противопоставляющие валахов и украинцев словаков (Valachy et Rutheni — в письме владелицы Оравского панства, находившегося в горной Словакии по соседству с Моравской Валахией, Катерины Зрипской венгерскому королю).

в) Первые сведения в письменных источниках о валахах в Западных Карпатах относятся к XV в. В XV—XVII вв. развивается процесс так называемой валашской колонизации здесь, в которой наряду с восточнороманским элементом, принимали участие пастушеский восточнославянский (украинский), а затем словацкий и польский этнические элементы. Основное направление колонизационного потока: из восточных (украинских) Карпат в словацкие и польские, а затем в Западные Карпаты, на территорию Моравии. Этнически пестрый характер колонизационного потока свидетельствует в пользу того, что восточнороманский элемент еще до прихода в Моравию должен был подвергнуться славянизации.

г) Документально засвидетельствованная валашская колонизация XV—XVII вв. не исключает, однако, возможности более

ранних валашских колонизационных потоков на запад, не отмеченных источниками, особенно учитывая достаточно протяженные трассы отгона скота у отдельных групп валахов и социально-политическую ситуацию, сложившуюся в Карпато-Дунайских землях в связи с венгерским завоеванием и формированием венгерского феодализма. Вопрос этот следует признать открытым, требующим исследования.

д) Современные чехословацкие ученые, занимаясь вопросами этнической истории Моравской Валахии, совершенно справедливо обращаются к этнической истории соседней Словакии, которая еще требует глубокого изучения и представляет собой целый комплекс неразрешенных проблем. Одной из них остается степень участия восточнославянского населения в этногенезе словаков, которое дошло вместе с волной валашской колонизации до Моравской Валахии.

В венгерском тексте урбария Оравского панства от 1626 г. (на границе с Моравской Словакией) население деревень на валашском праве названо «Oroszok», т. е. русины¹⁶.

Пастухи в Карпатах были в XVI в. привилегированным элементом: они выполняли лишь воинскую повинность, не платили податей католической церкви, а только «валашскую дань» с овец. К пастухам в горы постепенно и в Словакии присоединились местные жители — словацкие безземельные и малоземельные крестьяне, а также крестьяне с польской стороны Карпат. По-видимому, с этнической точки зрения валашское население горных районов Словакии, особенно в северо-восточной ее части было очень пестрым. Причиной массового продвижения валашских колонистов из словацких Карпат в Моравию было гораздо более тяжкое положение подданных в Венгрии¹⁷.

Это становится ясным при простом сопоставлении урбариев (т. е. перечней крестьянских податей и барщины), например, в Поважской Быстрице 1550 г. с урбариями отдельных панств восточной Моравии (Визовицкого панства 1578 г., Гуквальдского панства 1581 г.)¹⁸. Валахи, ранее освобожденные от многих податей, постепенно закрепощались, ограничивалось и их право передвижения. Естественно, что целые группы населения передвигались в поисках лучших условий жизни, а одной из самых популярных областей, куда направлялись колонисты из Словакии, была Восточная Моравия. Притоку валашских колонистов всячески способствовали крупные землевладельцы Моравии.

е) Термин «валах», означавший первоначально горного пастуха восточнороманского происхождения, т. е. имевший как этническое, так и хозяйственное значение (род занятий), с те-

чением времени потерял в Моравии свое этническое значение, сохранившись как социально-хозяйственный, а затем только культурно-этнографический термин. В XIX в. он адекватен понятию чех — житель или уроженец горной области на северо-востоке Моравии.

ж) Углубление в проблематику этногенеза моравских валахов еще раз показало, что проблему развития пастушеского типа хозяйства нельзя отождествлять с проблемами этнического развития региона. Само собой разумеется, что восточнороманский этнос как этнос связан с пастушеским образом жизни в Карпатах. Об этом свидетельствует и пласт восточнороманской пастушеской терминологии в украинском, словацком и чешском (валашский диалект в Моравии) языках и хорошо засвидетельствованными источниками ископи характер древней славянской культуры. Однако заселение Карпат, географические условия, которые способствовали успешному развитию именно отгонного скотоводства, неизбежно вело в средние века по пути перехода к пастушеству.

Поэтому нет оснований делать вывод о том, что восточнороманский этнический элемент был древнейшим пастушеским элементом в Карпатах. Вопрос о карпатском пастушестве в древности требует особого исследования. Можно надеяться на то, что решение его будет существенно продвинуто с помощью Международной комиссии карпатской культуры, в которую входят ученые СССР, Чехословакии, Польши, Венгрии и Румынии и с которой сотрудничают этнографы Болгарии и Югославии. МГКК создала несколько подкомиссий, координирующих работу по отдельным темам материальной культуры населения Карпат и прилегающих к ним областей: высокогорному скотоводству и земледелию, народной архитектуре и поселениям, народному прикладному искусству и ремеслу, словесному и музыкальному фольклору и т. д.

Подавляющее большинство ученых, исследующих культуру карпатских горцев, в настоящее время согласилось с тем, что необходимо разграничивать проблему этнического происхождения и состава пастушеского населения валахов от проблемы происхождения карпатского типа отгонного овцеводства и путей его проникновения в Карпаты.

Изучение карпатского пастушества, естественно, было в тесной связи с изучением аналогичного хозяйственного типа на Балканах. Это не значит, конечно, что карпатское пастушество генетически связано с балканским, как думал Д. Кранджалов. В настоящее время можно только сказать, что и на Балканах, и в Карпатах с глубокой древности существовали в основном одинаковые условия, благоприятные для хозяйственного развития пастушеского типа. И это обстоятельство прежде всего вызывает необходимость исторических параллелей и сопоставления добытых этнографами, археологами, историками, лингвистами и т. д. результатов исследований.

¹⁶ Macárek J. Valáši..., s. 144.

¹⁷ В 1574 г. в Венгрии, по решению сейма, валахи должны были платить только половину государственной подати. В 1595—1598—1599—1600 и 1601 гг. Ruthenis et Valachis были лишены всех прежних привилегий.

¹⁸ Valašsko. Brno, 1965.

О РАБОТЕ СЕКТОРА ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ И СРЕДНИХ ВЕКОВ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР¹

На заседаниях сектора в конце 1973 г. были заслушаны и обсуждены научные доклады, статьи и сообщения по разным проблемам истории славянских и балканских народов эпохи средневековья. В частности, были заслушаны и обсуждены: сообщение о работе VII Международного съезда славистов в Варшаве в августе 1973 г. (А. И. Рогов), доклад по истории русско-византийских отношений середины XIV в. (Н. К. Голейзовский), статьи, подготовленные для сборника «Карпато-Дунайские земли в средние века» (Е. П. Наумов «Динамика сербского феодализма и проблема типологических сдвигов на Балканах», Б. Н. Флоря «Россия и походы запорожцев в Молдавию в 70-х годах XVI в.», доклад о эмблематике ранневизантийского искусства (С. С. Аверинцев), доклад о позиции государств Юго-Восточной Европы накануне и в начале русско-польской войны в 50-х годах XVII в. (Л. В. Заборовский), о социально-политических взглядах Кекавмепа (А. П. Каждан).

На заседаниях сектора в 1974 г. были обсуждены монографии Б. Н. Флоря «Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI в.», Л. В. Заборовского «Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине 50-х гг. XVII в.», главы для коллективного труда «Славяно-германские отношения в средние века» (авторы — А. И. Випоградова, Г. Э. Санчук, Ю. Ф. Иванов, А. И. Озолин). Были также заслушаны сообщения о III Международном конгрессе балканских исследований в Бухаресте, проходившем в сентябре 1974 г. (доклады А. И. Рогова и Г. Г. Литаврина), о работе над плановой

темой «Германская империя и западнославянские государства в X—XII вв.» (Г. Э. Санчук), о плане монографии «Формирование венгерской средневековой народности» (В. П. Шушарин), о подготовке каталога старопечатных славянских книг (Е. Л. Немировский), о конференции по книговедению, проведенной в Государственной Библиотеке им. В. И. Ленина (А. И. Рогов).

В 1974 г. сектором были обсуждены также доклады Г. Г. Литаврина («Культурные связи древней Руси и Византии в X—XII вв.», «Византийский провинциальный город на рубеже XII и XIII вв.», А. И. Рогова («Записки Япычара в историографии»), Н. К. Голейзовского («О литературном жанре толкования»), Б. Н. Флоря («Запорожское казачество и русское правительство в 80—90-е гг. XVI в.», Г. М. Даниловой («Труд и его роль в докапиталистических формациях»), статья Е. Н. Прижимовой «Некоторые вопросы истории Салопы». Сектор рассмотрел докторскую диссертацию Ю. Ф. Иванова (на тему «Проблемы гусизма в русской, советской и современной чехословацкой историографии»), доклад о работах А. И. Озолина по истории гуситского движения (для защиты в качестве докторской диссертации), автореферат кандидатской диссертации В. А. Артамонова на тему «Россия, Речь Посполитая и конфликт с Османской империей в 1709—1714 гг.», тему кандидатской диссертации аспиранта А. А. Турилова («Культурные связи России с южными славянами и проблемы развития местных школ русской письменности в XIV—XV вв.»).

В 1973—1974 гг. сотрудники сектора участвовали в работе различных научных сессий и конференций. Так, в сессии Археологической комиссии по составлению сводного каталога славяно-русских рукописей в СССР (Ленинград, 19—23 марта 1973 г.) принял участие А. И. Рогов. На пятой сессии Научного совета АН Молдавской ССР по изучению проблемы славяно-волошских связей и происхождения молдавской народности (28—30 ноября 1973 г., Кишинев) было прослушано два доклада: «Проблема этногенеза моравских владов в современной чехословацкой историографии» (В. Д. Корольюк, Н. Н. Грацианская), «Волошская проблема в современной югославской историографии» (Е. П. Наумов). На Львовской конференции историков-славистов (октябрь 1973 г.) выступили с докладами В. Д. Корольюк, Г. Г. Литаврин, А. И. Рогов, на ленинградской сессии советско-польской комиссии историков (сентябрь 1973 г.) — И. Б. Греков, А. И. Рогов, Б. Н. Флоря, на конференции Института истории искусств «Итоги и перспективы изучения древнерусского искусства» — О. С. Попова. На Международном съезде славистов (Варшава, август 1973 г.) был прочитан доклад А. И. Рогова «Россия в польских исторических и географических сочинениях XVII в.».

В 1974 г. в работе конференции по книговедению в Государственной Библиотеке им. В. И. Ленина участвовал А. И. Рогов, который также сделал доклад на конференции по истории

¹ О работе сектора в 1970—1973 гг. см. хронику в сборниках: Исследования по истории славянских и балканских народов (Эпоха средневековья) М., 1972; Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973.

белорусской литературы (Милск, 30—31 мая). Г. Г. Литаврин участвовал во втором симпозиуме по балканистике при кафедре истории и этнографии Философского факультета университета в г. Брно (Чехословакия, 28—29 мая). В программу III Международного съезда по изучению стран Юго-Восточной Европы (Бухарест, 4—10 сентября) были включены доклады «Культурные связи древней Руси и Византии в X—XII вв.» (Г. Г. Литаврин) и «Русско-византийские фрески в Польше в свете культурных связей восточных славян с балканскими народами» (А. И. Рогов).

В 1975 г. сектором были обсуждены: глава для коллективного труда «Славяно-германские отношения в средние века» (автор — Б. Н. Флора), текст первого тома «Истории лужицких сербов», подготовленного учеными ГДР, а также сообщения о ходе работы по плановым темам (Н. К. Голейзовского — о культурных связях Руси с Византией и южными славянами, Г. Г. Литаврина — о переводе сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей», Г. Э. Санчука — о переводе хроники Титмара Мерзебургского). Сектор заслушал и обсудил доклады: Ю. Ф. Иванова «Научная деятельность Н. Н. Любвича», С. П. Карпова «Связи Трапезунда с Русью», Г. Г. Литаврина «К вопросу о деятельности законодательства в Византии при Македонской династии», Е. П. Наумова «Из истории болгарского Причерноморья в конце XIV в.», «Свидетельства сербских летописей в составе Русского хронографа», «Сербия и византийские государства после 1204 г.», «Анонимная болгарская хроника и общественно-политическая мысль балканского средневековья времен османского завоевания», А. И. Рогова «Связи Руси с балканскими странами в области изобразительного искусства в XVI—XVII вв.», Г. Э. Санчука «Особенности славяно-германских отношений в первой половине X в.», А. А. Турилова «Памятники южнославянской письменности в русских книгохранилищах по данным древнерусской библиографии конца XV—XVII вв.», Б. Н. Флора «Греки-эмигранты в Русском государстве во второй половине XV — начале XVI в.», «О путях политической централизации Русского и Польского государств в период развитого феодализма», А. М. Членова «К вопросу о надежности сведений Эймундовой саги, относящихся к русской истории». Сектор обсудил также план кандидатской диссертации Е. В. Ерохиной (Харьков) по истории польско-молдавских отношений в 1606—1620 гг., тему кандидатской диссертации Е. Н. Прижимовой о внешнеполитических связях Болгарии в X—XI вв., заслушал сообщения Г. Г. Литаврина и А. И. Рогова о работе XIV Международного конгресса историков (Сан-Франциско, август 1975 г.), международных конференциях «Славянские культуры и Балканы» (Варна) и «Искусство балканских народов XVI—XVII вв. и его интеллектуальное окружение» (Сучава — Яссы).

В 1975 г. сотрудники сектора участвовали в ряде общесоюзных и международных научных конференций. На VII Всесоюзной

конференции историков-славистов (Черновцы, 24—27 июня) были сделаны доклады Г. Г. Литаврина, Л. В. Заборовского, Б. Н. Флора, сообщение О. В. Ивановой. В программу X Всесоюзной конференции византистов (Москва, 3—5 ноября) были включены доклады: «Государственные крестьяне в Византии» (Г. Г. Литаврин), «Сербия и византийские государства после 1204 г.» (Е. П. Наумов). На конференции советско-польской комиссии историков (Сухуми, 28 октября — 2 ноября) на тему «Политические взаимоотношения стран Восточной Европы и Причерноморья с конца XV до начала XVIII вв.» выступили с докладами И. Б. Греков, Л. В. Заборовский, Л. Е. Семенова, Б. Н. Флора, на всесоюзной конференции (в г. Тбилиси), посвященной античным и византийским традициям в Причерноморье, — Г. Г. Литаврин. В международном симпозиуме «Искусство балканских народов XVI—XVII вв. и его интеллектуальное окружение» (Сучава — Яссы, 9—17 июня) принял участие А. И. Рогов, прочитавший доклад «Связи Руси с балканскими странами в области изобразительного искусства в XVI—XVII вв.»; А. И. Рогов участвовал также в заседании советско-румынской комиссии историков Бухарест — Сучава, 22—30 сентября). В программу конференции «Славянские культуры и Балканы» (Варна, 15—20 сентября) был включен доклад А. И. Рогова «Культурные связи Киевской Руси с балканскими странами». Г. Г. Литаврин принял участие в работе XIV международного конгресса историков, выступив в секции «Средние века».

В первом полугодии 1976 г. сектор обсудил доклады Л. В. Заборовского (о деятельности польской и украинской дипломатии в 1633 и 1654 гг. в связи с позициями государств Восточной и Юго-Восточной Европы), Е. П. Наумова (о трактовке проблем докапиталистических формаций в югославской историографии), Б. Н. Флора (о балканских выходцах в России в конце XVI в.), статью М. М. Фрейденберга «Динамика городской структуры в Далмации XIV—XVI вв.» и другие вопросы. Сектор заслушал также доклады В. А. Артамонова «Венгрия и русско-польский союз в годы Северной войны (1707—1712 гг.)», Г. П. Мельникова «Современная чехословацкая историография о проблемах развития городов Чехии первой половины XVI в.», А. И. Рогова «Петка Тырповская в восточнославянской письменности и искусстве», Г. Г. Литаврина «Проблема симбиоза в латинских государствах, образовавшихся на территории Византии (Феномены социальные и экономические: 1204—1261 гг.)», подготовленный для XV международного конгресса византистов, обсудил перевод Великопольской хроники (Л. М. Попова).

В 1973—1975 гг. вышли в свет следующие монографии сотрудников сектора: «Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII вв.» Б. Н. Флора (1973), «Музыкальная эстетика России XI—XVIII вв.» А. И. Рогова (1973), «Как жили византийцы» Г. Г. Литаврина (1974), «Восточ-

ная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.)» И. Б. Грекова (1975), «Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв.» Е. П. Наумова (1975). В 1975 г. в серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы» выпущена хроника Видукинда Корвейского «Деяния саксов» (вступительная статья, перевод и комментарии Г. Э. Санчука). Кроме этих работ, были изданы следующие сборники: «Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений» (М., 1973); «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма» (Кишинев, 1973; подготовлен Институтом славяноведения и балканистики АН СССР совместно с Институтом истории АН Молдавской ССР), «Карпато-дунайские земли в средние века» (Кишинев, 1975, совместное издание Института славяноведения и балканистики АН СССР и Института истории АН Молдавской ССР). Статьи, доклады и сообщения сотрудников сектора были опубликованы также в журналах «Советское славяноведение», «Вопросы истории», «История СССР», в очередных томах «Византийского временника» и «Средних веков», в сборниках «Историографические аспекты славяно-волошских связей» (Кишинев, 1973), «Дантовские чтения» (1973), «Польша и Русь. Черты общности и своеобразие в историческом развитии Руси и Польши XII—XV вв.» (М., 1974; содержит материалы научной конференции Комиссии историков СССР и ПНР, проведенной в Москве осенью 1971 г.), «История, культура, этнография и фольклор славянских народов» (М., 1973; доклады советской делегации к VII Международному съезду славистов); «Аптическая древность и средние века» (вып. 10, Свердловск, 1973); «Летописи и хроники» (М., 1974), «Общество и государство феодальной России» (М., 1975), «Славяне и Запад» (1975) и др.

Е. П. Наумов

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии	3
------------------------------------	---

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ, ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В. Д. Корольюк. К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев	6
В. В. Иванов. Язык как источник при этногенетических исследованиях и проблематика славянских древностей	30
Л. А. Гиндин. Некоторые вопросы древнего балканского субстрата и адстрата	48

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКИХ И БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ

В. В. Седов. Ранний период славянского этногенеза	68
В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян	109
Л. В. Куркина. Изоглосные связи южнославянской лексики (Материалы к проблемам славянского этногенеза)	129
Любомир Гавлик. Моравская народность в эпоху раннего феодализма	156
А. В. Десницкая. Эволюция диалектной системы в условиях этнического смешения (Из истории славяно-албанских языковых контактов)	186
Г. Г. Литаврин. Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках	198

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЛАВЯН И ВОСТОЧНЫХ РОМАНЦЕВ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Н. Л. Подвизина. О характере материальной культуры Болгарии в VII—IX вв. (Краткий обзор трудов болгарских и советских археологов 1948—1973 гг.)	218
Э. А. Рикман. Проблема этногенеза в современной румынской этнографии (О древних источниках румынской народной культуры) . . .	232
Н. Н. Грацианская, В. Д. Корольюк. Проблемы этногенеза моравских валахов в современной чехословацкой историографии	250

ХРОНИКА

О работе сектора древней истории и средних веков Института славяноведения и балканистики АН СССР	258
--	-----

**ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА
И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
СЛАВЯН И ВОСТОЧНЫХ РОМАНЦЕВ
(методология и историография)**

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
АН СССР*

Редактор издательства *Г. Н. Садокова*
Художественный редактор *Ю. П. Трапакос*
Художник *И. П. Якубовская*
Технические редакторы *Ф. М. Хенох, Л. В. Иаскова*
Корректоры *М. М. Баранова, И. Р. Бурт-Яшина*

Сдано в набор 5/VII-1976 г. Подписано к печати 29/XI-1976 г.
Формат 63×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1
Усл. печ. л. 16,5. Уч.-изд. л. 18,9
Тираж 2100. Т-17788. Тип. зак. 1034.
Цена 1 р. 19 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

1 р. 19 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЛАВЯН И ВОСТОЧНЫХ РОМАНЦЕВ